

АКАДЕМИЯ НАУК СОЮЗА ССР

СОВЕТСКАЯ ЭТНОГРАФИЯ

б909 ж

ВОЛОГОДСКАЯ
ОБЛАСТНАЯ
БИБЛИОТЕКА

2

1 9 5 5

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

Москва

Р е д а к ц и о н н а я   к о л л е г и я :

Главный редактор член-корр. АН СССР С. П. Толстов,
заместитель главного редактора И. И. Потехин,
М. О. Косвен, П. И. Кушнер, М. Г. Левин, Л. П. Потапов,
С. А. Токарев, В. И. Чичеров

Журнал выходит четыре раза в год

Адрес редакции: Москва, ул. Фрунзе, 10

Подписано к печати 7.VII. 1955 г.   Формат бумаги $70 \times 108^{1/16}$.   Бум. л. $5^{7/8}$
Т-05908 Печ. л. 16,09 + 7 вклеек   Зак. № 1147   Уч.-изд. листов 21,8   Тираж 2575 экз.
2-я типография Издательства Академии наук СССР. Москва   Шубинский пер., 10

В. К. СОКОЛОВА

ПЕРВАЯ РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ В НАРОДНОМ ПЕСЕННОМ ТВОРЧЕСТВЕ *

Первая русская революция явилась важнейшим этапом в истории народов нашей Родины и оказала огромное влияние на все последующие события. В. И. Ленин называл революцию 1905 г. «генеральной репетицией» Октябрьской революции и указывал, что без нее победа трудящихся в России в Октябре 1917 г. была бы невозможной.

Революция 1905—1907 гг. была первой народной революцией эпохи империализма. Буржуазно-демократическая по своему характеру, она была в то же время и пролетарской, как потому, что возглавил ее пролетариат, так и по формам и методам борьбы. В этом ее своеобразие и мировое значение.

Революция оставила неизгладимый след в сознании народа. Она призвала к сознательному революционному творчеству широчайшие массы, сплотила их, обогатила их политическим опытом, закалила их волю. В ходе революционной борьбы, под воздействием разъяснительной работы, проводившейся большевиками, крепла боевая решимость масс, осознавались конечные цели борьбы, изживались многие предрассудки и иллюзии. Все более и более широкие слои трудящихся начинали понимать, что добиться свободы и лучшей жизни при существующем строе нельзя, что необходимо сплоченными усилиями тружеников города и деревни свергнуть самодержавие, уничтожить помещиков и капиталистов. «За каких-нибудь три года революции (1905—1907 гг.) рабочий класс и крестьянство получают такую богатую школу политического воспитания, какую они не могли бы получить за тридцать лет обычного мирного развития. Несколько лет революции сделали ясным то, чего нельзя было бы сделать ясным в продолжение десятков лет при мирных условиях развития», — говорится в «Кратком курсе» истории партии¹.

О коренных сдвигах, происшедших в сознании рабочих и других слоев трудящихся, убедительно свидетельствует народное поэтическое творчество революционных лет. Боевая песня сопутствовала революции. Она звучала в цехах, на митингах и демонстрациях, во время вооруженных боев с царскими войсками и жандармами, на похоронах жертв революции. Песни передавались из уст в уста по всей стране, печатались в революционных листовках, издававшихся большевиками. Передовые рабочие высоко ценили их, так как видели в них выражение своих заветных дум и стремлений.

Песни 1905—1907 гг. неоднократно издавались и служили предметом научного исследования². Настоящая статья не ставит перед собой иссле-

* Доклад, прочитанный на заседании Ученого совета Института этнографии АН СССР, посвященном 50-летию первой русской революции 1905—1907 гг.

¹ «История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Краткий курс», Госполитиздат, 1952, стр. 89.

² Не перечисляя всех сборников, содержащих песни 1905—1907 гг. и посвященные им статьи, укажем лишь наиболее значительные из последних работ: П. Г. Ширяева, Историческая тема в песенном рабочем творчестве 1905—1907 гг. сб. «Славянский фольклор», Труды Ин-та этнографии АН СССР, т. XIII, М., 1951; В. И. Чичеров,

довательских задач, ее цель, — опираясь на имеющиеся работы, сделать некоторые обобщения и выводы, показать значение песен первой русской революции и их место в истории русского народного поэтического творчества.

Значение народного поэтического творчества революционных лет определяется не только тем, что это правдивый, волнующий документ одной из самых славных страниц истории нашего народа, но и тем, что оно явилось новым, самым высшим этапом в развитии дооктябрьского русского поэтического творчества. Революционная рабочая песня стала с этого времени его органической и притом важнейшей, ведущей частью, определившей дальнейшие судьбы народной песни.

Очень важно и знаменательно было то, что песни, выражавшие пролетарское мирозерцание, пролетарское понимание задач и целей революционной борьбы, распространялись не только среди рабочих, но и среди других слоев трудящихся города и деревни, становились всенародными. Сила их воздействия на массы определялась тем, что они с большой художественной выразительностью отражали мысли и чувства самих масс, отвечали на волновавшие их вопросы. Нередко песни ясно и четко формулировали то, что еще неясно бродило в сознании трудящихся, помогали разобраться в происходившем, понять истинный смысл событий.

В годы революции вышли из подполья и со всей силой зазвучали, стали массовыми народными песнями революционные гимны — «Интернационал», «Марсельеза» — и песни, созданные революционерами-профессионалами: «Варшавянка» и «Беснуйтесь, тираны» Г. М. Кржижановского, «Смело, товарищи, в ногу» Л. П. Радина, «Похоронный марш» и др. Эти песни сыграли немалую роль в формировании пролетарского революционного сознания. Они несли в массы идеи классовой борьбы, звали на «последний решительный бой», «на бой кровавый, святой и правый» с самодержавием и капитализмом. Популярность этих песен была очень велика, и не случайно в ряде песен о событиях 1905—1907 гг. упоминается «Марсельеза» как гимн восставшего народа:

И красное знамя взвилось над землей,
Звучат «Марсельезы» напевы....

О впечатлении, производимом открыто зазвучавшими революционными песнями, и отношении к ним рабочих вдохновенно рассказал А. М. Горький, описывая в романе «Мать» первомайскую демонстрацию сормовских рабочих: «И народ бежал навстречу красному знамени, он что-то кричал, сливался с толпой и шел с нею обратно, и крики его гасли в звуках песни, — той песни, которую дома пели тише других, — на улице она текла ровно, прямо, со страшной силой. В ней звучало железное мужество, и, призывая людей в далекую дорогу к будущему, она честно говорила о тягестях пути. В ее большом спокойном пламени плавился темный шлак пережитого, тяжелый ком привычных чувств и сгорала в пепел проклятая боязнь нового...

....— Вставай, подымайся, рабочий народ!

Казалось, в воздухе поет огромная медная труба, поет и будит людей, вызывая в одной груди готовность к бою, в другой неясную радость, предчувствие чего-то нового, жгучее любопытство, там — возбуждая смутный трепет надежд, здесь — открывая выход едкому потоку веками накопленной злобы» И старый рабочий Сизов, сняв шапку, восторженно говорил Ниловне: «— Открыто пошли, мать, а? Песню придумали. Какая песня, мать, а?»

Песни и стихи пролетариата в период массового рабочего движения. «Русское народно-поэтическое творчество», Труды Ин-та этнографии АН СССР, т. XX, М., 1953. Песням 1905 г. уделено значительное место и в недавно вышедшем труде М. С. Друскина «Русская революционная песня», М., Музгиз, 1954.

В ходе революции самими рабочими создавались все новые и новые песни. Они запечатлели важнейшие моменты революции и связанный с нею рост политического сознания трудящихся. Не все эти песни вылились в совершенную поэтическую форму, многие были художественно слабы, они не получали, как правило, широкого распространения и скоро забывались. Но все они являются правдивым документом, вышедшим из среды самих рабочих и правдиво отразившим их мысли и переживания.

Песенное творчество периода первой русской революции непосредственно связано с предшествующими ему народными песнями о русско-японской войне. Эти песни коренным образом отличаются от старых солдатских песен и показывают, что в сознании одетых в серые шинели крестьян и рабочих уже происходили большие сдвиги. Старые военные песни говорили преимущественно о героических подвигах и победах, классовые противоречия в них не раскрывались. Не ставился вопрос о том, в чьих интересах ведется война, всякая война осмыслялась как патриотическая борьба за родину. Все это характерно для народного сознания до периода массового рабочего движения. Песни о русско-японской войне также говорят о преданности Родине, о самоотверженности и героизме русских солдат и матросов. До сих пор поются и любимы нашим народом песни, воспевающие бессмертный подвиг команды крейсера «Варяг» («Наверх вы, товарищи, все по местам» и «Плещут холодные волны»). Но солдаты начинают задавать вопрос: во имя чего ведется война, стоящая народу больших жертв и лишений, ради кого они страдают:

Знать бы только, что за дело,
Знать, что правая война....

Все чаще и отчетливее высказывается мысль, что война нужна царю, помещикам, фабрикантам, а не Родине и народу:

Мы с японкой желтолицей
Подрались за царя....

Коли барство все забрало,
Так японец ни при чем....

В песнях появляется образ жертвы войны: кочегар, умирающий во время тяжелого перехода русской эскадры через Красное море; калека-солдат, истомленный, возвращающийся домой «от павших твердынь Порт-Артура, с кровавых маньчжурских полей».

Очень широко распространены были во время русско-японской войны сатирические песни и куплеты. Война обнажила перед широкими массами гнилость царского режима, показала его слабость. С горькой и едкой иронией говорил народ о бездарных и продажных «вояках», наживавших на войне миллионы и не позаботившихся даже о том, чтобы снабдить армию оружием и боеприпасами. Объектами народной сатиры являлись Куропаткин, повезший на фронт вместо оружия иконы и растерявший их, «удирая от японки», генерал Алексеев, распродавший вырубленный на Ялу лес; Стессель, сдавший Порт-Артур; великий князь Кирилл и другие. Песни связывали все эти факты в одно целое, показывали, что это не случайные явления, а закономерное следствие господствующего в России порядка. Назревал революционный взрыв. Падение Порт-Артура, по словам Ленина, явилось началом падения русского самодержавия.

Мысль о связи русско-японской войны с дальнейшими революционными событиями хорошо выражена в стихотворении Т. Л. Щепкиной-Куперник, быстро ставшем любимейшей песней рабочих. Песня звала к восстанию, говорила о готовящейся мести народа.

Узнав, что вся его семья стала жертвой полицейского произвола,

Ни слова солдат не промолвил,
Лишь к небу он поднял глаза,
Была в них великая клятва
И будущей мести гроза.

Характерные особенности песен о русско-японской войне, отличающие их от прежних военных песен, — анализ событий с классовой пролетарской точки зрения, осмысление отдельных частных фактов как проявления общих закономерностей существующего строя, развитие острой политической сатиры, новая форма, связанная с классической поэзией и романсом, литературные реминисценции в сатирических песнях, быстрый переход отдельных наиболее удачных стихотворений поэтов в массовые песни. Все это — новые явления в русском народном творчестве, роднящие песни о русско-японской войне с революционными песнями 1905—1907 гг.

Началом революции явилось 9 января 1905 г., и первым народно-поэтическим откликом на революцию были песни, связанные с событиями «кровавого воскресения». Они показывают, что рабочие сделали правильные выводы из этих событий, что жестокий урок, полученный ими от царя, не прошел даром, заставил многое понять. Не с просьбами и молитвами, а с проклятиями обращаются теперь рабочие к царю, говорят о скором падении самодержавия:

Ты нас расстреливал — не жди-ж и ты пощады,
Достанем мы тебя, как ты себя не прячь,
Падут твои сатрапы-казнокрады,
А с ними ты — безжалостный палач.

Такие настроения — лейт-мотив, итог всех песен о 9 января. Особенно распространена была песня «Мы мирно стояли пред Зимним дворцом». Созданная непосредственно вслед за событием, она выразила гнев и возмущение народа расстрелом мирной демонстрации и призывала к революционной борьбе с самодержавием, к отмщению за пролитую кровь:

Пред пышным дворцом мы появимся вновь,
День близок кровавой расплаты
За кровь трудовую, невинную кровь,
Что брызнула в эти палаты.

Песня звучала повсюду, она записана от рабочих Ленинграда, Тулы, Сормова, Урала и в других местах. Есть варианты ее, записанные в деревне. В ходе развития революции песня изменялась, и эти изменения показывают, как росло сознание пролетариата и изживались сохранявшиеся до 9 января иллюзии. Песня была создана как стихотворение. В нем очень подробно рассказывалось о надеждах, какие питали рабочие, идя к царю; большая роль отводилась Гапону, образ которого идеализировался, — именно Гапон, подняв на руки труп заслонившей его от пули девушки, якобы грозил стрельвшим в рабочих войскам. Превратив стихотворение в песню, рабочие сильно сократили его, выбросили все, что не отвечало их возросшему сознанию. Песня стала более лаконичной, четкой и идейно весомой. О Гапоне в подавляющем большинстве вариантов совсем не упоминается, проклиная убийц один из идущих рабочих или же, еще чаще, все рабочие, причем проклятия и угрозы посылаются уже не солдатам, а действительным убийцам — царю и его приближенным. В песню вставлялись и новые куплеты, раскрывавшие смысл январских событий, показывавшие, что эти события явились началом народной революции:

И красное знамя взвилось над землей,
Звучат «Мерсельезы» напевы,
Студент бросил книги, рабочий — верстак,
А пахарь оставил посеvy.

По свидетельству П. Г. Ширяевой, сообщивший этот вариант тульский рабочий Селиванов говорил, что рабочие при пении особенно выделяли эти слова песни. Так подчеркивался размах и всенародный характер революции.

Несколько песен посвящено памяти жертв 9 января: «Погибшие братья, вам вечный покой», «На десятой версте от столицы» (автор П. К. Эдист) и другие. Освещена в рабочем поэтическом творчестве и обстановка, создавшаяся после 9 января. В песнях говорится о массовых стачках, охвативших всю страну, о митингах и демонстрациях, о столкновениях восставших рабочих с царскими войсками и полицией; «Вот Петербург забастовался», «Сошлись говорить мы о праве своем», «В город Николаев на французский завод три тысячи рабочих собрались на сход» и многие другие. О декабрьском вооруженном восстании в Москве сложены были песни: «Притаилась тревожно столица», «Шумел, горел пожар на Пресне», «Как у наших у ворот». Отмечены в песнях и восстания в армии и флоте. Особенно популярными стали песни о восстаниях матросов Черноморского и Балтийского флотов. Таковы песни о восстании на «Потемкине» («По бурным волнам Черноморья») и «Очакове» («Очаков — борец за свободу»), о казни лейтенанта Шмидта и восставших матросов («Свершился день ужасной казни») и др. О зверской расправе с восставшими моряками Кронштадта созданы были песни: «Грохочет Балтийское море», «Кронштадт, Кронштадт многострадальный», «Море в ярости стонало» (автор Ривкин), «Трупы блуждают в морской глубине».

Можно определенно утверждать, что в народном поэтическом творчестве запечатлен весь ход революции, все ее основные этапы. Здесь перечислено лишь несколько песен, получивших особенно широкое распространение, посвященных важнейшим событиям. Они не были единственными. В ходе революционных боев восставшие создавали множество песен, в которых рассказывали о событиях на своем заводе, в своем городе, в отдельной воинской части³. Но характерной чертой этих песен является то, что они во всех конкретных событиях, больших и малых, всегда подмечают общее, типичное, улавливают тенденцию развития. Поэтому песни, сложенные на одном заводе, подхватывались рабочими других заводов и нередко воспринимались ими как песни о событиях на их заводе. Так, например, приурочивалась к разным местам и событиям песня «Сошлись говорить мы о праве своем». В комментариях П. Г. Ширяевой к варианту, записанному от сормовского рабочего В. Я. Курышева, активного участника революции⁴, утверждается, что эта песня была создана в Сормове и продекламирована впервые на митинге 9 июля 1905 г., отметившем полгода со дня январских событий. Тот же текст, напечатанный в недавно вышедшем сборнике В. П. Бирюкова, комментируется как созданный рабочими Мотовилихи и посвященный погибшему во время демонстрации старому рабочему-революционеру Борчанинову⁵. Песня очень удачно, в ярких художественных образах показывает обстановку того периода и выражает настроения рабочих. Факты, описанные в ней, были типичны, они повторялись почти во всех городах, на всех

³ Подробнее об отражении событий революции 1905—1907 гг. в рабочих песнях см. в указанной работе П. Г. Ширяевой.

⁴ П. Г. Ширяева, Указ. раб., стр. 145.

⁵ «Урал в его живом слове. Дореволюционный фольклор». Собрал и составил В. П. Бирюков. Свердловск, 1953, стр. 272. Этот комментарий составлен на основании материалов сборника Пермского бюро Истпарта, где эта песня также связывается с Мотовилихинской демонстрацией и убийством Борчанинова-отца.

заводах и фабриках, и рабочие, естественно, вспоминали о них, когда пели эту песню. То же произошло и с песней «На десятой версте от столицы», которую златоустовские рабочие, изменив только первую строчку («На заросшем бурьяном кладбище»), связали с событием, предшествовавшим революции, — с «златоустовской бойней» 26 марта 1903 г. Подобные факты, а их немало, служат подтверждением того, что рабочие революционные песни действительно отражали типическое, самую суть событий.

Песни не просто фиксировали события, но всегда раскрывали их смысл, связывали их с общим состоянием страны и ходом революции. Из описываемых фактов делались выводы, намечалась программа дальнейших действий. Большинство песен 1905—1907 гг. оканчивается призывом к продолжению, к усилению борьбы. По мере развертывания революции эти призывы уточнялись, конкретизировались. Вначале это были общие призывы к борьбе за свободу и счастье народа, формы и методы борьбы еще не раскрывались. В дальнейшем рабочим все яснее становилось, что необходимо свергнуть самодержавие и уничтожить существующий строй, что добиться этого можно только вооруженной борьбой. И в песнях появляются призывы к вооруженному восстанию. К этой мысли приходят рабочие, столкнувшиеся с казацкой нагайкой:

А ружей у нас, братья, нет под рукой.
Покончили бы с дикой ордой.

Но близок уж час, и мы отомстим,
Оружье себе мы достанем.
Погибнет злодей, все опричники с ним,—
Свободны, счастливы мы станем.

Более ясными, определенными рисуются и цели восстания. Результатом революции должен явиться новый, социалистический строй, новый справедливый порядок, при котором хозяевами жизни будут сами трудящиеся. Песни призывали:

Свергнуть иго царское	Жить и процветать,
И дать России жить.	Труд свой одинаково
Жить ей жизнью новою,	Всем распределять.

С верой в свои силы и правоту революции рабочие заявляли, что скоро

Настанет час великий,	Забудем мы тогда,
И рухнет царский строй.	Пойдем вперед мы дружно
Нагайки свист позорный	Под знаменем труда.

Революция в народных песнях оценивается как святое и правое дело, как борьба за права и счастье народа. Появляется новое понятие Родины, отчизны как отчизны трудящихся, эксплуататорские же классы рассматриваются как враги родины и народа. О восставших рабочих и матросах, о погибших в схватке с самодержавием песни говорят как о лучших, самых преданных сынах Родины, отдавших за нее жизнь, самоотверженно боровшихся с ее врагами-эксплуататорами;

Погиб он за правое дело,
За правду святую и честь,
Снесите же, волны, народу,
Отчизне последнюю весть,—

говорится о расстрелянном молодом матросе «Очакова». Так же оценивался и подвиг восставших кронштадтцев:

Твой муж был убит за Отчизну,
В добычу достался волнам.

Песни показывают исключительный размах революции, силу и сплоченность восставших, их непреклонную решимость к борьбе. Как неприступная стена как грозная лавина, поднялись рабочие Пресни:

Поднялись неприступной стеною
И пошли на борьбу, как поток,
И звучит, и гремит над толпою:
«Ненавидим нам царский чертог».

Как священная и грозная клятва, звучали многочисленные песни, посвященные светлой памяти жертв революции. Их основной пафос — товарищи пали в борьбе, но революция не убита, она все больше разрастается, оставшиеся в живых должны продолжить и довести до конца дело павших:

Над вашей могилой мы клятву даем,
Святой вашей кровью клянемся,
Что будем бороться с убийцей-царем,
Свободы и счастья добьемся.

Глубокое и правильное, не доступное раньше народу понимание смысла исторических событий, новое идейное содержание, отличающее рабочие песни 1905—1907 гг., потребовали и новых образов. В этих песнях нет образа героя в старом понимании — героя, выделяющегося из массы и совершающего выдающиеся подвиги. Герой новой рабочей песни — весь рабочий коллектив, сама масса восставших — «мы». Это постоянно подчеркивается в песнях, которые и поются от имени всех рабочих, всех восставших: Мы мирно стояли пред Зимним дворцом... Сошлись говорить мы о праве своем... Нам вашей могилой мы клятву даем... Меж тем как за народ, за бедную Отчизну мы гибли там с проклятьем на устах...

Основные черты, характеризующие образ рабочего коллектива, — революционная решимость, готовность идти до конца по избранному пути, не взирая на трудности и опасности, тесная сплоченность, ясное понимание целей борьбы, вера в конечную победу трудящихся.

О погибших в борьбе обычно также говорится во множественном числе, как о представителях все того же революционного коллектива, о лучших сынах народа: «вы», «братья». И когда по ходу действия в песне выделяются одно или несколько лиц, они никогда не ставятся над массой. Герой песни неразрывно связан с трудящимися, думает и действует так, как думают и действуют все восставшие; его поведение служит примером для других. Показательно, что революционные песни часто даже не называют героя по имени, а говорят о рабочем, старике, матросе, характеризуя их как представителей целой группы, коллектива («Рабочий один шел, молчанье храня», «Отважный матрос молодой», «Калека-солдат истомленный», «Студент в поношенной тужурке» и т. п.).

Новые для народной песни образы революционного коллектива и отдельных революционеров, кровно связанных с массой, говорят о новом понимании роли народных масс и личности в истории.

Песни раскрывают массовый, всенародный характер революции. Большинство песен говорило о рабочих, пелось от имени рабочих, выражало сознание революционного пролетариата, утверждало пролетарские формы и методы борьбы. Это полностью соответствовало действительности, отражало руководящую роль пролетариата. И если многие из этих песен распространялись повсюду в городе и деревне, становились общенародными, то это свидетельствовало, что рабочий класс стал подлинным гегемоном революции, вел за собою массы.

Песни отмечали участие в революции и других слоев трудящихся. Как уже говорилось, в них очень широко и ярко показаны восстания во флоте, которые осмысливаются как часть общей революционной борьбы. Восстание на «Потемкине» поддерживают рабочие и трудящиеся Одессы:

От сна пробудилась Одесса,
Проснулся рабочий народ.

Песни и частушки, создававшиеся в деревне, говорили о росте революционных настроений крестьянства, об его участии в революции:

Ветер носится по полюшку
Да поет про волюшку,
Не пора ли нам восстать
Да свободу добывать.

Всей деревней мы пройдем,
«Марсельезу» пропоем,
Всю мы ноченьку петь будем,
Богачей ею разбудим.

Ай, туки, туки, туки,
Взбунтовались мужики,
Леса рубят, гумны жгут,
Все свободы себе ждут.

В деревне во время революции распевали песню: «Отпустили крестьян на свободу, только землю не дали народу»⁶.

Нередко песни упоминают об участии в революции демократической интеллигенции, особенно студенчества. «Студент бросил книгу», когда началась революция. На улицах Кронштадта, среди трупов расстрелянных матросов, лежит и «студент в поношенной тужурке».

Правильно показав размах и всенародный характер революции, песни столь же правдиво показали и разную степень участия в революции различных слоев трудящихся, разную степень их сознательности и революционной решимости. О рабочих в песнях всегда говорится как о монолитном, сплоченном коллективе, понимающем цель борьбы и готовом бороться до конца. В крестьянских же песнях и частушках не видно такой высокой сознательности, революция в них иногда выступает как стихийный мужицкий бунт, подобный прежним крестьянским восстаниям:

Подожгли мы сеновал
И стоим любимся.
Как лист, барин задрожал,
Староста осунулся.

Восставшие мужики «леса рубят, гумны жгут, все свободы себе ждут». Последнее очень характерно для психологии крестьян, ждавших свободы сверху. Рабочие же уже ясно осознали, что свободу не ждуть, а завоевывают ее, и призывали народ «с бою взять свободу». «Добьемся мы кровью свободы», — пелось в рабочих песнях.

Восстания во флоте и армии показаны в песнях как дело наиболее сознательной части солдат и матросов, которые расстреливались своими же братьями, остававшимися еще верными самодержавию:

⁶ О распространенности этой песни в деревне свидетельствуют и материалы экспедиции Ин-та этнографии АН СССР, собранные в 1954 г. в с. Вирятине Кирсановского района Тамбовской области.

Братья братьев привязали
Крепко накрепко к столбам,
Братья братьев расстреляли,
Ужас вейл по волнам.

Так изображается в народной песне казнь революционных моряков Кронштадта:

Замучен за дело святое	Не в чуждой далекой стране,
Был этот отважный матрос.	Убит он своим же собратом,
Не в грозном бою с супостатом,	Убит на родном корабле.

Свои же матросы расстреляли восставший за народ и свободу крейсер «Очаков»:

Уж в кубрике раненых много,
И стон раздается кругом.
Снаряды летят с «Ростислава»,
«Очакова» борт решечат.

Такие картины верно отражали действительное положение. Большая часть армии не поддержала революции и помогла правительству подавить ее. В этом одна из причин поражения первой русской революции. Поэтому очень важную роль играли широко распространявшиеся в то время агитационные песни, разъясняющие матросам и солдатам, что они стреляют в своих же братьев-трудящихся, борющихся за их же счастье, за счастье их семей. Такова, например, известная «Памятка солдата»: •

Стреляй, солдат,	Бей прикладом,
Кли штыком,	Но, убивая, не забудь,
Кусай зубами,	Что убиваешь родного брата.

О переживаниях солдат, избивавших по приказу начальства мирных демонстрантов, говорила распространенная солдатская песня:

Как четвертого числа	Эх, солдатская ты доля!
Нас нелегкая несла	Кабы наша была воля,
Смуту умирять...	Разве бы пошли?
Безоружных колотили,	Не зорно-ль для солдата
Как снопы мы молотили,	Колотить не супостата,
Словно на току.	А честной народ?
Полилася кровь ручьями,	. . . . .
Заливались слезами	Эх, «отцы» вы, командиры,
Многие тогда.	Опоганили мундиры,
	Чистые досель.

Подобные песни играли большую роль в пробуждении сознания армии, в освобождении солдат от «верноподданнических» чувств и иллюзий, содействовали распространению в армии и флоте революционных идей и настроений.

Помимо песен, отразивших боевой героический путь революции, и песен агитационных, в период революции исключительное развитие получила острая политическая сатира. Народные сатирические песенки метко и зло клеймили царских прислужников, палачей народа, разъясняли массам смысл отдельных мероприятий правительства, пытавшегося обмануть народ. Когда испуганный ростом революции царь сделал вид, что идет на уступки, и издал манифест 17 октября, народ тотчас же откликнулся на это сатирической песенкой, показавшей, что он хорошо понимал смысл царского манифеста:

Царь испугался, издал манифест:
Мертвым — свободу, живых — под арест.

Мы знаем цену манифеста,
Пока у власть царь — глава —

заявлял народ. Едкой насмешке подверглась созванная по царскому манифесту Государственная дума. Песни ясно давали понять, чьи интересы будет защищать Дума:

Эх, ты, дума, думушка,
Октябристам — кумушка,
Октябристам кумушка,

Правым всем голубушка.
С барами хорошими
Хлопает ладошами...

Деятельность виттевской думы и смысл «конституции» разъясняла песня «Ой, полна тюрьма пред Думою»:

Тюрьмы строим мы немалые,
В них сажаем без числа,
Знать, итоги небывалые
Конституция дала.

Революционные рабочие восприняли и на практике проводили выдвинутый большевиками лозунг о бойкоте первой Государственной думы, они старались раскрыть трудящимся смысл затеи правительства. Дума высмеивалась и в крестьянских частушках:

Дума в Питере сидит,
Важно заседает,
Про мужицкие дела
Ничего не знает.

С ненавистью и сарказмом говорили рабочие о палачах революции. Особенно часто упоминался в сатирических песенках палач Трепов:

Вздумал наш Трепов царя удивить,
Пулей, нагайкой народ усмирить.
Послал он казаков по всем городам —
Бейте, рубите, награду вам дам...

Главным же объектом народной революционной сатиры был последний «всероссийский император» Николай II. Образ его — резко отрицательный. Самые распространенные, прочно прикрепившиеся к нему после 9 января прозвища: «царь-убийца», «кровопийца», «Николай кровавый». Народ клеймил царя и другими подобными же эпитетами: безумный царь, вампир злой, царь жестокий, — и проклинал весь «гнусный царский род».

Очень широко, по всей России распространялись варианты таких песенок:

• На Руси много болванов,
Во главе стоит Романов.

Вся Россия голодует,
Николай вином торгует...

Особой же обличительной силой отличалась песня «Всероссийский император», дававшая обобщенный образ русского самодержавия и раскрывавшая его классовую сущность:

Всероссийский император,
Царь жандармов и шпииков,
Царь-убийца, провокатор,
Содержатель кабаков.
Всех народов угнетатель,

Покровитель для дворян,
Царь-убийца для рабочих,
Царь-убийца для крестьян.
Побежденный на востоке,
Победитель — на Руси....

Песня была исключительно популярна. Она записана не только от рабочих, но и от крестьян⁷. Это показывает, что не только рабочие, но и наиболее сознательные крестьяне под влиянием революционных событий и разъяснительной работы большевиков утрачивали веру в царя-батюшку и начинали понимать сущность самодержавия. Образ Николая II в сатирических песнях 1905—1907 гг. — это уже не образ «плохого» царя, которого надо заменить «хорошим» (такой образ встречался раньше в крестьянских песнях), а символ всего самодержавного строя, который необходимо свергнуть:

Чучело в короне,
Надо свергнуть с трона...

Но час пробьет народного отмщенья,
И полетит трон деспота во прах.

Оценка событий в большинстве революционных песен, выражаемые в них призывы показывают, какие огромные сдвиги в сознании пролетариата и всех трудящихся произошли за годы первой революции. Песни показывают, что идеи марксизма, идеи социалистической революции благодаря большой работе, проводимой партией, стали достоянием основной массы рабочих. Содержание, идейный смысл, образы, художественная форма и язык революционных песен коренным образом отличают их не только от традиционных крестьянских песен, но и от рабочего поэтического творчества более ранних этапов. В старых рабочих песнях не было и не могло быть такого ясного классового самосознания. Рабочие протестовали против каторжных условий труда на данном заводе, против отдельного фабриканта, управляющего, приказчика, но не против капиталистической системы, не против самодержавия. Формально песни рабочих были во многом еще связаны с традиционной деревенской песней, а частично — с мещанским романсом. Новое социал-демократическое сознание, развившееся у рабочих под воздействием революционеров-профессионалов, большевиков-ленинцев, обусловило новые качества революционной рабочей песни.

Основным источником ее формирования служили, как уже говорилось, песни революционного подполья. Способствуя складыванию революционного сознания, они оказали сильное воздействие и на песни, создававшиеся рабочими в период революции, отличавшиеся таким же боевым духом, ясным сознанием цели, верой в победу над самодержавием. Рабочие песни во многом использовали ритмику и лексику революционных песен, повторяли их призывы, развивали их образность. Отсюда популярный образ реющего красного знамени — символа революции, образы старого мира, который надо разрушить, цепей, которые надо порвать, образ нового мира — мира труда и свободы.

Рабские цепи мы дерзко сорвем,—
Месть кровопийцам народа!
Лучшую долю в борьбе мы возьмем,
Счастье для всех и свободу.

К свободе зовет наше красное знамя,
Зовет для последней борьбы.

Отчетливо ощущается в песнях 1905—1907 гг. преемственность с поэзией предшествующих этапов русского революционно-освободительного

⁷ См. например, ее вариант в статье М. Н. Орлова «Революционные песни в Юрьев-Польской деревне (Ивановская обл.)», журн. «Советское краеведение», 1935, № 9.

движения. Так, например, в разных вариантах пели песню А. А. Бестужева и К. Ф. Рылеева «Царь наш немец прусский», песни народовольцев, революционные студенческие песни. В новой обстановке эти песни получали новое звучание. Они не только подновлялись применительно к текущим событиям (имена и факты, уже забытые, заменялись современными, злободневными), но изменялось, обогащалось и их идейное содержание. Расплывчатые общие формулировки и лозунги старых песен заменялись четкими пролетарскими призывами, сатира становилась более едкой и разящей, была не по частностям, а по основам самодержавного строя.

Показательна история «Нагаечки», ставшей в период 1905—1907 гг. одной из самых любимых песен⁸. «Нагаечка» возникла в демократической студенческой среде как отклик на разгон студенческой демонстрации в Петербурге 8 февраля 1899 г. Об этом напоминал припев:

Нагаечка, нагаечка, нагаечка моя,
Вспомни, как гуляла ты восьмого февраля.

Отталкиваясь от образа стоящих над Невой двух сфинксов, песня использовала для обличения самодержавно-полицейского порядка образы древнеегипетской истории и мифологии. Рабочие, связав песню с событиями первой русской революции, в сущности сохранили от нее только припев, который звучал теперь как напоминание о Девятом января: «Вспомни-ка, нагаечка, девято января». Из песни выбросили чуждые и непонятные широкому массам мифологические образы, внесли в нее современное конкретное содержание, она зазвучала как обличение палачей народа и революции, как обличение всей системы произвола и насилия.

Вздумал наш Трепов царя удивить,
Шашкой, нагайкой народ усмирить....

На зверскую расправу народ ответил усилением революционной борьбы:

Народ поднялся на такой произвол:
В прах мы повергнем царский престол.

Самый образ «Нагаечки» осмыслился революционными рабочими как символ самодержавной формы правления:

Нагайка, нагайка,
Тобой лишь одной
Романовская шайка
Сильна в стране родной.

Заканчивалась же песня нередко призывом:

Россия, Россия, голодный народ,
Всех стран пролетарии, идите вперед!

Так же переработана была рабочими студенческая песня «Уж как в третьем отделении»; в новом варианте она говорила уже об обысках не у студентов, а в рабочих кварталах, где жандармы по приказу Трепова искали социалиста.

Создавая свои песни, восставшие массы опирались и на классическую русскую поэзию. Ряд песен о событиях 1905—1907 гг. использует ритм, а частично образность и выражения популярных стихотворений русских поэтов, ставших народными песнями. Так, образцом для песни «По бурным волнам Черноморья» (о броненосце «Потемкин») послужил «Воздушный корабль» М. Ю. Лермонтова; для песни «Ой, полна тюрьма пред

⁸ См. об этом в указанной работе В. И. Чичерова.

думую» — «Коробушка» Н. А. Некрасова; «Вздумал наш Трепов царя удивить» — «Ухарь-купец» И. С. Никитина; «Как у наших ворот» (о разгроме декабрьского вооруженного восстания в Москве) — «У приказных ворот» А. К. Толстого; «Как четвертого числа нас нелегкая несла смуту усмирять» — «Севастопольская песня» Л. Н. Толстого и др.

Очень важно отметить связи песен 1905—1907 гг. с революционной поэзией международного пролетариата (эти связи должны стать предметом специального исследования). Революционные песни и гимны рабочих разных стран попадали в Россию и усваивались русскими рабочими, оказывая влияние и на их собственное творчество. Иногда эти песни получали в России новый, отличный от первоначального текст (например, русская «Марсельеза»). Русские редакции в ряде случаев усиливали революционное звучание песен. Так было, например, с «Варшавянкой», текст которой был не переведен, а по существу заново создан Г. М. Кржижановским⁹. Изменилась и мелодия песен, подчиняясь русским песенным мелодическим интонациям. В новой русской редакции эти песни усваивались рабочими других стран, распространялись и на своей родине (например, «Варшавянка»).

Так, опираясь на русскую и международную революционную поэзию, творчески усваивая опыт классической русской поэзии и песни в России, создавалась новая рабочая революционная песня. Дальнейшее свое развитие она получила после Великой Октябрьской революции.

⁹ Сопоставление польского и русского текстов «Варшавянки» сделано В. И. Чичеровым в указанной статье.

ВОПРОСЫ ЭТНОГЕНЕЗА И ИСТОРИЧЕСКОЙ ЭТНОГРАФИИ

А. БЕРНШТАМ

К ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНИИ КИРГИЗСКОГО НАРОДА

Настоящая статья вызвана необходимостью не только подытожить накопившиеся за последние годы материалы, но и поставить на обсуждение научной общественности некоторые принципиальные вопросы этногенеза одного из народов Средней Азии — киргизов, запутанные под влиянием ошибочных положений Н. Я. Марра, якобы направленных против национальной ограниченности, а на деле способствовавших развитию ложных, буржуазно-националистических концепций.

Крайний автохтонизм Н. Я. Марра способствовал развитию взглядов, согласно которым предки той или иной народности оказывались только там, где эта народность обитает в настоящее время. Так, например, вне учета восточных инфильтраций в лице тюркоязычных племен и народностей Южной Сибири и Центральной Азии, некоторые авторы рассматривали носителей андроновской культуры казахстанских степей как прямых предков казахов. При этом не учитывалось, что, по археологическим и антропологическим данным, ближайшими «потомками» андроновских племен были на западе савроматы, на востоке сакские племена, и те и другие ираноязычные. Только в результате ассимиляции часть сакских племен стала тюркоязычной. Андроновская культура в какой-то части вошла в состав культуры казахов, но язык, расовый тип не могли возникнуть здесь в результате трансформации. Процесс был намного сложнее.

Последователи Н. Я. Марра решали эту проблему просто. Андроновские, а также более поздние племена — сакские, савроматские — объявлялись «яфетическими». Из «аморфно-яфетического» состояния в результате «взрыва» появились, с одной стороны, ираноязычные, с другой — тюркоязычные племена. Так поступал и автор настоящей статьи¹. Вслед за Н. Я. Марром я полагал, что общность экономической базы порождает обязательно общую этническую принадлежность, т. е. упрощал, обеднял конкретно-исторический процесс, что нашло свое наиболее яркое отражение в моей специальной работе, посвященной проблемам тюркского этногенеза². К сожалению, последняя работа оказала влияние и на некоторых других историков, которые либо прямо опирались на мои выводы, либо, выступая с критикой моих положений, видели источник ошибок не в том, в чем следовало.

¹ А. Н. Бернштам, Проблемы древней истории и этногенеза Южного Казахстана, «Изв. АН Каз. ССР, сер. археол.», вып. 2, 1950.

² А. Бернштам, Древнейшие тюркские элементы в этногенезе Средней Азии, Сб. «Советская этнография», VI—VII, М.—Л., 1947.

Ошибочные концепции нашли отражение в ряде статей и докладов, где под флагом борьбы с космополитизмом отрицались культурные связи казахов, киргизов и т. д. с другими народами Средней Азии. Некоторая часть научных работников Киргизии и Казахстана особенно протестовала против концепции о согдийской колонизации Семиречья и ее роли в развитии городской и земледельческой культуры этой страны. К сожалению, протесты не сопровождались аргументами, и голословная критика повисала в воздухе.

Теория автохтонизма сыграла заметную отрицательную роль в изучении истории народов Средней Азии. Многие из нас трактовали происхождение народов Средней Азии от «генеалогического древа», выросшего исключительно на той же почве, на которой сформировались современные народы, фактически отрицая культурные связи народов Средней Азии.

Преодоление ошибок, допущенных как автором настоящей статьи, так и другими исследователями, должно сопровождаться позитивным решением вопроса. Именно эту цель и преследует предлагаемая статья, в которой автор, учитывая критические замечания по поводу его прежних работ, пытается предложить характеристику некоторых основных этапов истории сложения киргизской народности. Автор опускает здесь общую характеристику проблем тюркского этногенеза, чему посвящена другая специальная работа.

Этнические и культурные общности в условиях Средней Азии в районах оседло-земледельческого хозяйства складывались скорее и прочнее, чем в районах скотоводческих. Другими словами, у оседлого населения Средней Азии, в частности у таджиков, элементы национальной культуры сложились раньше, чем у кочевников. Из этого отнюдь не следует, что кочевники развивались по каким-то особым законам истории. Речь может идти только о конкретных путях, темпах и времени сложения этнических особенностей.

Если для I тысячелетия до н. э. мы можем говорить об этнических именах предков современных народов, то мы еще не можем ничего с уверенностью сказать об этнической принадлежности этих народов. Сармат-аланы первых веков н. э. — это еще не туркмены, древние киргизы Енисея III в. до н. э. — это еще не тяньшанские киргизы, бактрийцы конца I тысячелетия до н. э. — это еще не таджики. Об этом С. П. Толстов говорил на сессии по этногенезу народов Средней Азии в 1943 г.: «При наличии очень давно сложившихся историко-территориальных общностей, на базе которых из разнородных, аборигенных и пришлых этнических элементов шел процесс консолидации современных среднеазиатских народов, ни один из этих народов не восходит непосредственно к какой бы то ни было из этнических групп древности. Наоборот, как правило, как древние местные, так и пришлые народы вошли в различных пропорциях в состав нескольких, а иногда и всех народов Средней Азии, а частью и народов за ее пределами»³.

На данном этапе наших исторических знаний мы еще не всегда можем точно установить, какое этническое ядро было основным при сложении той или иной народности Средней Азии. Несомненно, что в сложении таджикского народа сыграли большую роль прежде всего саки, бактрийцы, согдийцы и тохары, но до сих пор неясно, кто из этих племен и народностей был носителем древнетаджикского языка. Кроме бактрийцев, язык которых неизвестен, остальные этнические группы говорили на северно-иранских языках, между тем таджикский язык относится к западноиранской (по другой терминологии, южноиранской) ветви. Совершенно ясно, что культура Согда имела огромное значение в формировании культуры узбеков, но согдийцы были ираноязычны, следовательно, «трансформиро-

³ Сб. «Советская этнография», VI—VII, М.—Л., 1947, стр. 304.

ваться» в тюркоязычных узбеков они не могли и, очевидно, были «отюречены» по языку другими тюркоязычными племенами, вероятнее всего, из числа племен Западнотюркского каганата и особенно карлуками. Но поставить знак равенства между племенами Западнотюркского каганата или карлуками, с одной стороны, и узбеками, с другой — нельзя, так как известно, что значительная часть племен Западнотюркского каганата, например, конфедерация племен дулу, вошла в состав казахских дулатов. В деталях этот процесс еще не известен. Осмысление его только еще намечается, и то, что известно, заставляет отвергать попытки прямых отождествлений современных народностей с одной из древних. Не следует забывать различие путей сложения культуры и особый путь развития языка — главного показателя этнической принадлежности.

Различные тюркские племена, чаще всего южносибирского (алтайского), центральноазиатского и особенно семиреченского происхождения, смешавшиеся с кушанскими и согдийскими племенами среднеазиатского Междуречья, заложили основы узбекской народности еще в пору Западнотюркского каганата VI—VIII вв. Эти скрещивания еще более усилились в период караханидов, на территории государства которых сложились узбеки, вплоть до XVI в. не перестававшие впитывать другие племена.

Сходный с узбеками и почти одинаковый по времени процесс претерпели туркмены, в образовании которых решающую роль сыграли огузы, объединившие группу местных сармато-аланских и эфталитских (гуннских) племен.

Быть может, наиболее молодыми образованиями являются казахи и киргизы, у которых при наличии древних предков и ранних государственных образований процесс сложения народности был прерван монгольским завоеванием, а затем тормозился слабым развитием земледельческой культуры и рядом особых конкретно-исторических условий. Одним из таких тормозящих условий явилось расселение киргизов за пределы Енисея и Южной Сибири и долгое подчинение их различным другим народам.

Все народы Средней Азии, а особенно казахи и киргизы, исторически сложились из разных племен, народностей и рас. В отношении киргизов, например, письменные источники отмечают различие в антропологических особенностях на протяжении только одного тысячелетия. Я имею в виду описание гянгунь на рубеже н. э. китайцами и киргизов в XI в. в сочинении Гардизи. Именно у кочевых народов особенно разительны скрещивания, отмечаемые не только данными письменных источников, но прежде всего этнонимикой этих племен. Оставляя в стороне все возможные реконструкции племенных названий в китайской транскрипции, укажем, что этнонимика отражает многие общие племенные названия у киргизов, с одной стороны, и у казахов, узбеков, туркмен, с другой: например, толес, дулу, канглы, конграт, монгол, джалаир, кытай и другие. Это свидетельствует об известной общности этнического состава, о разделении ряда древних племен и вхождении их отдельных частей в различные этнические образования. Не случайно поэтому во многих проявлениях национальной культуры этих народов наблюдаются этнографическое родство, общность сюжетов в фольклоре и т. п. — прямой результат общности их исторического развития.

Особенность этногенеза киргизов заключается в том, что их формирование шло на двух территориях: по берегам Енисея и на Тянь-Шане. Более древней ветвью киргизов является енисейская. Процесс развития киргизских племен на Енисее привел их в эпоху возникновения классового общества к созданию собственного государства и к сложению специфических черт культуры, в частности, рунической киргизской письменности на так называемом литературном языке орхонских тюрков⁴. По-

⁴ См. С. Малов, Енисейская письменность тюрков, М.—Л., 1952.

литическая и экономическая изолированность енисейских киргизов и самостоятельный путь их исторического развития способствовали расширению экономической основы их хозяйства и возникновению своеобразных черт в их быту. Существенную роль в этом сыграло появление у них земледелия как подсобной отрасли хозяйства, а также городов-ставок и развитого ремесла, особенно металлургического.

Енисейские киргизы развивали экономические связи и с соседними областями, о чем достаточно ясно свидетельствуют данные письменных источников и памятники материальной культуры. Вспомним хотя бы известное указание китайской летописи Таншу для VII—VIII вв. о том, что киргизы были «всегда в дружественных связях с Даши (арабы, Средняя Азия.— А. Б.), Туфанью (Тибетом) и Гэлолу (карлуками Семиречья)»⁵. И далее: «Из Даши не более двадцати верблюдов приходило с узорчатыми шелковыми тканями; но когда невозможно было уместить всего, то раскладывали на двадцать четыре верблюда. Такой караван отправляли раз в каждые три года»⁶.

Экономические связи осуществлялись также в результате военных операций, которые нередко завершались военно-политическими союзами, о чем, например, прямо говорит руническая стела в честь Кюль-Тегина, повествуя о киргизском вожде Барсбеге. В ней сказано, что тюрки «даровали ему титул кагана и дали ему (в супружество) мою (Кюль-Тегина.— А. Б.) младшую сестру — княжну»⁷. Военные походы енисейских киргизов приводили их на юг, в степи Монголии и к границам Китая, и на запад — на Алтай и в Семиречье. Прямым следствием этих походов было, во-первых, включение в состав киргизов иноплеменных элементов, прежде всего племен Алтая, и в связи с этим появление некоторых культурно-бытовых черт некиргизского происхождения; во-вторых, это привело к заимствованию киргизами некоторых черт культуры из Китая и Средней Азии, что ясно прослеживается в памятниках искусства. К примерам первого порядка следует отнести «жекающий» киргизский язык, отличающийся от «йюкающего» языка письменности; наличие в киргизском фольклоре (эпос «Манас») упоминания о территории Алтая как родине отца Манаса — Жакыпа. Вспомним, наконец, указание летописи Таншу о том, что государство киргизов «на восток простиралось до Гулигани (курыкане Прибайкалья.— А. Б.), на юг до Тибета, на юго-запад до Гэлолу (т. е. Семиречья.— А. Б.)»⁸. Среди примеров второго порядка отметим такие выдающиеся памятники искусства, как бронзовые накладки на чепрак седла из Копенского Чаатаса, в которых археологам С. В. Киселеву и Л. А. Евтюховой удалось с достаточной убедительностью проследить и переднеазиатские и китайские мотивы⁹.

В процессе военных походов и приобщения к другим культурам совершенно неизбежно происходила утрата некоторых самобытных черт культуры. С точки зрения тюркских каганов это представляло большую опасность. Напомню в этой связи замечательные слова текста Кюль-Тегина и Бильге-хана, с которыми они обратились к своим дружинам: «У китайского народа, дающего (нам теперь) без стеснения (нас) столько золота, серебра, зерна и шелка, (всегда) была речь сладкая, а дары мягкие; прельщая сладкой речью и роскошными дарами, они столь сильно привлекали к себе далеко (жившие) народы; (те же) поселясь вплотную (с китайцами), усвоили себе там «образованность».

⁵ Н. Я. Бичурин, Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, т. I, М.—Л., 1950, стр. 355.

⁶ Там же.

⁷ Записки Восточного отд. Русского археологического общества (в дальнейшем цитировании ЗВО), XII, вып. 2—3, стр. 69. Ср. С. Малов, Памятники древнетюркской письменности, М.—Л., 1951, стр. 58.

⁸ См. Н. Я. Бичурин, Указ. соч., т. I, стр. 354.

⁹ См. С. В. Киселев, Древняя история Южной Сибири, М., 1951.

(Однако истинно) хороших, мудрых, людей, добрых витязей они не (могли) сдвинуть (с места): но уж если один кто-нибудь (из тюрок) со-блазнялся в этом отношении, то они (китайцы и их сторонники) не отпу-скали его (более) к его челядинцам, к его народу, к себе на родину. Дав себе прельстить их сладкой речью и роскошными дарами, ты, о тюркский народ (и на моей памяти) погиб в большом количестве. О, тюркский на-род, (такова была) твоя гибель; когда ты, о тюркский народ, желал селиться справа (на юге) не только в Чугайской черни, но и в Тунской равнине, это была твоя гибель, (ибо) там «образованные» люди так подстрекали тебя, говоря «Кто живет далеко, дает плохие дары, кто жи-вет близко, дает хорошие дары», этими словами они так (сильно) под-стрекали тебя (поселиться рядом с китайскими). И вот вы, люди, не об-ладавшие (истинной) мудростью, послушавшись этой речи и, подойдя вплотную (к китайским пределам), погибли (там) в большом количестве.

Итак, о тюркский народ, когда ты идешь в ту страну, ты становишься на краю гибели; когда же ты, находясь в Утукенской стране (Хангай), лишь посылаешь караваны (за подарками), а сам остаешься в Утукен-ской черни, где нет богатств, (но) нет и стеснения (со стороны китайцев), то ты можешь жить, поддерживая свой вечный племенной союз»¹⁰.

Эта тема не нова. Характерно, что еще при гуннах (II в. до н. э.) шаньюя Лаошан Цзюя его советник Чжунсинюе предостерегал от при-общения к китайской культуре следующими словами: «Численность гун-нов не может сравниться с населенностью одной китайской области, но они потому сильны, что имеют одеяние и пищу отличные, и не зависят в этом от Китая. Ныне, шаньюй, ты изменяешь обычаи, и любишь китай-ские вещи. Если Китай употребит только $\frac{1}{10}$ своих вещей, то до единого гунны будут на стороне дома Хань. Получив от Китая шелковые и бумаж-ные ткани, дерите одежды из них, бегая по колючим растениям, и тем показывайте, что такое одеяние прочностью не дойдет до шерстяного и кожаного одеянья. Получив от Китая съестное, не употребляйте его и тем показывайте, что вы сыр и молоко предпочитаете им»¹¹.

Как видно, еще во II в. до н. э. и в аналогичной киргизам среде стоял вопрос о сохранении своих этнических особенностей, обычаев и быта. Эти тексты раскрывают значение самобытности, цементирующей общ-ность народа.

Значение военных походов енисейских киргизов далеко не исчерпыва-лось указанными экономическими обстоятельствами. Их следствием было проникновение части киргизов на Тянь-Шань, особенно усилившееся в VIII—X вв., когда окончательно укрепляется тяньшанская ветвь киргизов. Напомню основные данные о переселении енисейских киргизов на Тянь-Шань¹². Появление енисейских киргизов на Тянь-Шане связано с движением Чжичжи шаньюя в 49—47 гг. до н. э., когда первые группы киргизов осели в Северном Притяньшанье (долина Таласа). В начале III в. н. э. китайский источник Вэйлио отмечает наличие западной ветви гяньгунь (киргизов) в районе Семиречья. Киргизский вождь Пицзе Туньге Гинь (VII в.) на Енисее находился в генеалогическом и брачном родстве с представителями тюркешской и карлукской знати Семиречья. Для того же времени характерно наличие в Семиречье рунического ени-сейско-киргизского письма и памятников материальной культуры (Коч-корский клад, украшения сбруи, одежды, оружия), в значительной степе-ни аналогичных енисейским. Имеются совершенно определенные указа-ния таких источников, как «Худуд-ал-Алам» и сочинение Истахри о пре-бывании киргизов на Тянь-Шане в X в., причем «Худуд-ал-Алам» упоми-

¹⁰ ЗВО, т. XII, вып. 2—3, стр. 61—62, Ср. С. Малов, Памятники древнетюркской письменности, стр. 34—35.

¹¹ Н. Я. Бичурин, Указ. соч., т. 1, стр. 57—58.

¹² См. А. Бернштам, Археологический очерк Северной Киргизии, Фрунзе, 1941

нает к северу от Тянь-Шаня «город киргизского хана»¹³. Однако эти свидетельства, отмечая постепенное накопление киргизских племен на Тянь-Шане, еще не дают нам оснований говорить об их преобладании здесь ни в этническом, ни в культурном, ни в политическом отношении, особенно в домонгольский период.

Анализ эпических сюжетов, языка, орнамента и памятников материальной культуры Тянь-Шаня этих периодов, а также современная этнография киргизов ярче всего отражают алтайские сюжеты и аналогии, свидетельствуя о движении киргизов через Алтай и степи Монголии. Кроме указанных выше археологических и письменных фактов, эти сюжеты ярче всего представлены в эпосе «Манас»; существенные данные в этом плане дает и киргизская этнонимика, на что обращал внимание Н. Аристов¹⁴. В VI—X вв. они просачивались на Тянь-Шань под водительством «князей-удачников», не создав, однако, на Тянь-Шане собственного государства. Переселившиеся на Тянь-Шань енисейские киргизы, скрещиваясь по пути с племенами Алтая и Центральной Азии, проникали в этнически чуждую среду, попадали в культурную и политическую зависимость от местных тяньшанских этнических и государственных образований. В древности это были усуни, позднее — западные тюрки, тюркеши, карлуки и в первую очередь согдийцы. Это были также уйгуры, ягма, каракаити и другие этнические массивы.

Именно в этой среде и в культурных связях с ней (прежде всего с племенами и народами Средней Азии и оазисов Восточного Туркестана) развивалась история киргизов Тянь-Шаня в домонгольский период. Киргизское племенное меньшинство, приходившее с Енисея, неизбежно попадало под воздействие большинства коренных племен и народов Тянь-Шаня, часть которых стояла на более высоком экономическом и культурном уровне. Естественно, что больше всего родства могло появиться у древних киргизов с кочевыми обитателями этой страны.

Археологические исследования в Семиречье и на Тянь-Шане¹⁵ позволяют раскрыть следующие основные этнические и культурные события на этой территории, начиная со II тысячелетия до н. э. и особенно с сакского периода. Во-первых, сложение местной этнической основы, которую мы именуем сако-усуньской, представленной погребениями в грунтовых ямах под перекрытием кромлехообразного типа. Во-вторых, систематические и непрекращающиеся взаимодействия племен Тянь-Шаня с южносибирской этнокультурной средой, что документируется, в частности, каменными могилами, погребениями под накатами из бревен и двукамерными могилами. Южносибирские связи прослежены со II тысячелетия до н. э. до X в. н. э. В-третьих, начиная с рубежа н. э., — появление центральноазиатского этнического компонента, представленного катакомбной культурой Тянь-Шаня, причем район распространения этих племен в основном совпадает с современным расселением киргизского народа. В катакомбной культуре мы видим очень много черт родства с культурой киргизов. Происхождение катакомбной культуры Средней Азии весьма сложно. Носители этой культуры, по всей вероятности, племена гуннского союза, подверглись сильному воздействию со стороны сармато-аланских и иных племен Средней Азии и Казахстана. Чем позднее катакомбы III—V вв. н. э., тем меньше в них удерживаются элементов культуры центральноазиатского происхождения, тем больше черт сармато-аланской культуры. С середины

¹³ В. Бартольд, Худуд-ал-Алем, Л., 1930; V. Minorsky, Hudud al Alam, London, 1937. Указатели.

¹⁴ Н. Аристов, Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности, «Живая старина», в. III—IV, 1896.

¹⁵ См. наши работы: Памятники старины Таласской долины», Алма-Ата, 1941; «Археологический очерк Северной Киргизии», Фрунзе, 1941; «Основные этапы истории культуры Семиречья и Тянь-Шаня», сб. «Советская археология», т. XI, Л., 1949; «Чуйская долина», МИА, 14, М.—Л., 1950.

I тысячелетия н. э. отмечается бурное развитие оседлой земледельческой культуры и ремесла, связанное с проникновением сюда прежде всего согдийцев из среднеазиатского Междуречья.

Кочевые племена, в связи с отсутствием у них многих отраслей производства (особенно земледелия), добывали недостающие им предметы потребления путем обмена или войн с оседлым населением и тем самым знакомились с культурными навыками последнего. Так, влияние согдийского мастерства ярче всего проявлялось в строительном деле и керамическом ремесле. Наряду с согдийским влиянием в западном Тянь-Шане столь же активно выступает влияние Ферганы, о чем говорят строительная техника и содержание культурных слоев в городищах Тянь-Шаня (Чалдывар на р. Манакельды, Токуз-Тароу, крепость Ширдакбек, Кошой-Курган и др.).

Вторым важным условием, определившим этногенез тяньшанских киргизов, — была политическая власть тяньшанских государств над киргизами: Западнотюркский каганат VI—VIII вв., карлукское государство VIII—X вв., караханидское XI—XII вв., каракитайское XII в. У нас нет никаких данных утверждать, что эти государства были киргизскими. Наоборот, есть все основания утверждать, что киргизы подчинялись этим государственным образованиям. Эти государства расчленили киргизские племена, в силу чего в состав древних киргизов (как и узбеков, казахов) вошли другие этнические компоненты, причем этот процесс в XIII в. еще не завершился. Напомню такие этнические названия домонгольского периода, как кущу-гэшу, нушиби-усунь, толес и другие; или же послемонгольского периода, как монгодор, монгуш, кипчак, найман, аргын и т. п.¹⁶

Это свидетельствует о том, что процесс складывания киргизской народности продолжался и в послемонгольский период, что в состав киргизских племен входили все новые и новые этнические массы, несшие и новые элементы будущей национальной культуры киргизов. Вот почему материальная культура, искусство и фольклор киргизов, наряду с древними киргизскими мотивами, хранят и те элементы культуры, которые только со временем стали киргизскими. Культура киргизов, взятая во всем ее многообразии, показывает, какие этнические пласты вошли в состав киргизского народа еще до того, как киргизы начали играть некоторую политическую роль на Тянь-Шане в XVI в.

В процессе формирования киргизского народа особенно большое значение имело массовое переселение енисейских киргизов на Тянь-Шань в IX—X вв. Именно в X в. западные авторы начинают выделять на Тянь-Шане киргизскую этническую группу, окончательно возобладавшую в послемонгольский период. Будучи кочевниками, обитателями горных долин Тянь-Шаня, они легче, чем оседлое население городов, перенесли удар монгольского завоевания. Они впитали в себя разнообразные тюркские племена на этой территории: ведь ираноязычное население этого района — согдийцы — были растворены в карлукском Семиречье уже в XI в., а Фергана начала «отюречиваться» с середины VII в., о чем говорят китайские письменные источники и эпиграфический материал. Этнический состав населения Тянь-Шаня становился более или менее однородным уже с VI—VIII вв. н. э. и особенно с XI—XII вв., поэтому в состав киргизов Тянь-Шаня входили уже «отюреченные» ираноязычные племена, например, согдийцы.

Таковы, на наш взгляд, основные этапы этнической истории киргизов Тянь-Шаня. Они резко отличаются от этнической истории киргизов Енисея. Иначе, чем на Енисее, протекала также и социально-экономическая и политическая история киргизов.

¹⁶ См. Н. Аристов, Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей... «Живая старина», 1896, вып. III—IV.

Переселение киргизов на Тянь-Шань происходило постепенно. Исторические источники позволяют ясно выделить два основных этапа: I в. до н. э. и VIII—X вв. н. э. Можно предположить, что третий этап переселения имел место при каракитаях и монголах, когда окончательно складывалась основная этническая масса киргизов на Тянь-Шане. Естественно, что такой постепенный процесс заселения киргизами Тянь-Шаня не мог привести к коренному изменению сложившихся на Тянь-Шане социально-экономических отношений. Так как археологические разыскания характеризуют киргизские племена главным образом в качестве сельской «кочевой округи», то мало вероятно, что их экономика и социальный строй являлись ведущим укладом в историческом развитии Тянь-Шаня. Мне представляется возможным дать периодизацию истории тяньшанских киргизов на основе общей периодизации исторического процесса на Тянь-Шане и в Семиречье. Эту периодизацию я пытался неоднократно формулировать в своих историко-археологических работах. В общих чертах она сводится к следующим основным этапам, имея в виду в основном период до XVIII в.

Первый этап — это киргизы Тянь-Шаня в составе сако-усуньских и гуннских племенных союзов Тянь-Шаня и Семиречья, быть может, также горной Ферганы и Алая, — как кочевая военно-демократическая периферия государственных центров Средней Азии, в первую очередь Ферганы, Ташкентского оазиса, отчасти Согда и средней Сыр-Дарьи. Только в этом аспекте следует рассматривать роль предков киргизов в «эллинистическом» и кушанском периоде среднеазиатской «античности».

Второй этап — V—VI вв. н. э. В Семиречье складываются свои оседло-земледельческие центры (Чу и Талас), по отношению к которым древнекиргизские племена среди других кочевых племен Тянь-Шаня сохраняют ту же роль кочевой периферии.

Третий этап — феодальный период; в Западнотюркском каганате, у тюркешей, а особенно в карлукском государстве VIII—X вв., происходит процесс втягивания киргизских племен в русло феодального развития. Этот процесс усиливается в результате проникновения новых групп киргизских племен с Енисея с несомненно более высокоразвитыми общественными отношениями, чем у киргизов Тянь-Шаня. Наличие указания на город киргизского хана («Кыргыз хан») ¹⁷, усиление территориально-общинных связей, складывание отдельных территориальных групп киргизов, южных и северных, дают основание предполагать стабилизацию на базе развивающихся феодальных отношений некоторых черт, свойственных новой этнической категории — народности. Недоразвитость этих отношений позволяет называть период IX—X вв. раннефеодальным периодом в истории тяньшанских киргизов и первым этапом сложения киргизской народности на Тянь-Шане. В этот период государственные образования соседних народов стали преградой на пути самостоятельного государственного развития киргизов и их территориального сближения. Оставались не связанными синьцзянская, ферганская и тяньшанская ветви киргизов, не говоря уже об енисейской. На их пути стояла феодальная раздробленность каракитайского и караханидского государств, где киргизы продолжали оставаться в подчиненном положении. Это составляет четвертый этап их истории ¹⁸.

Пятый этап. Если в XV—XVI вв. киргизы, активно борясь за свою независимость, заслужили у своих угнетателей прозвание «диких львов Мо-

¹⁷ В. Бартольд, Худуд-ал-Алем, л. 186.

¹⁸ Совершенно не изучена синьцзянская группа киргизов, а киргизы в Синьцзяне, в притибетских районах имелись уже до X в. См. публикации тибетских документов: F. W. Thomas в JRAS, январь 1927, стр. 55; октябрь 1927, 817; 1928, 96. Особенно важны эти данные для истории южных киргизов.

гулистана», о чем сообщает нам Мухаммед Хайдар, то власть Могулистана и калмыков над тяньшанскими и приферганскими киргизами была той препоной, которая не дала развиваться им в единую народность. Изоляция киргизов от оседло-земледельческих центров, экономическая обескровленность, политический гнет задерживали как распад патриархальных, так и развитие феодальных отношений, создав стабилизацию полупатриархальных-полуфеодальных отношений.

Шестой этап. Перекочевки киргизов с Тянь-Шаня в Синьцзян в XVI в., с Тянь-Шаня в Фергану в XVII в., нарушение их территориальной целостности, бесконечные расчленения племенных массивов киргизов и вхождение их различных частей в разные государства (Коканд, Китай, Казахские ханства) приводили к дополнительному смещению, разрыву нарастающего этнического единства, нарушению процесса создания экономической и культурной общности. Период, предшествовавший присоединению киргизов к Русскому государству в середине XIX в., особенно XVI—XVIII в., является периодом борьбы киргизов за независимость в условиях патриархально-феодальной раздробленности. Этот период достаточно ярко рисуют источники от Тарихи-Рашиди (XVI в.) до китайских Сиюй тучжи или Сиюй вэньцзянлю (XVIII в.).

Китайские источники XVIII в. показывают племенную раздробленность киргизов. Они не только отмечают их деление на западных и восточных (очевидно, соответствующее в основном разделению их на группы адыгене и тагай), но и показывают внутриплеменное деление со стойкими военно-демократическими традициями. Источник Сиюй вэньцзянлю сообщает, что «владельцы (цзюнь) их называются би. Иные би имеют от десяти до двадцати аманей (аулов), а другие — до тридцати аманей и людей (жэнь), которые называются их рабами (кулан). Хотя все называются бурутами, но би у них не один. Владелец (цзюнь) имеет свою землю и своих подданных (мин). Все равносильны и не зависят друг от друга (бусян). Когда би умирает, ставят на его место (другого) би, его сына или брата, и другие люди не могут занять его место»¹⁹. Очевидно, последняя фраза характеризует наследственность только в пределах племени или рода, так как в отношении больших объединений власть вождя не передавалась по наследству. Отмечу в связи с этим другое место из Сиюй тучжи. Текст гласит: «Все эти вожди (тоу) независимы друг от друга. Ежегодно они выбирают одного главу — старейшину (чжан), который занимается общим управлением и которому все подчинено. Тот вождь (тоу), который стал старейшиной (чжаном), называется Мамук Кули. Он только временно во главе племени (бу)»²⁰.

Приведенные факты наглядно показывают, особенно если учесть широко известные сообщения, извлеченные В. В. Бартольдом из ираноязычной и тюркоязычной литературы, что в XVIII в. киргизы еще не вышли из полупатриархальных-полуфеодальных отношений. Патриархально-феодальная раздробленность, законсервированная у киргизских племен в послемонгольский период, и была тем решающим условием, которое мешало окончательному сложению киргизской национальной культуры. Раздробленность, которую пытались преодолеть еще в XIX в. такие деятели, как Ормонхан, была также условием, определившим скрепление киргизов с другими племенами в течение двух тысяч лет, неустойчивость их этнического облика, возможность проникновения в их среду иных этнических и культурных элементов. Это и составляло своеобразие этнических особенностей тяньшанских киргизов, объясняемое своеобразием их исторического развития.

¹⁹ А. Бернштам, Источники по истории киргизов XVIII в., «Вопросы истории», 1946, 11—12, стр. 128.

²⁰ Там же.

* * *

Я попытался в самых общих чертах охарактеризовать основные моменты древней истории и этногенеза киргизского народа, которые, как мне представляется, объясняют особенности развития тяньшанской ветви киргизов.

Несомненно, что в образовании современных киргизов Тянь-Шаня основное ядро составляли племена енисейских киргизов. Численность тяньшанских киргизов увеличивалась не только за счет перекочевки енисейских киргизов, не только за счет естественного прироста населения, но в значительной степени и за счет ассимиляции киргизами кочевого, отчасти оседлого населения Тянь-Шаня. В истории киргизов Тянь-Шаня многое проясняется в свете марксистской концепции о складывании народов из различных племен, народностей и рас. Характерно, что современные наши знания о расовом составе населения Тянь-Шаня и Памиро-Алая, т. е. области расселения киргизов, позволяют отметить большое разнообразие расовых типов. Еще более разнообразны черты культурного развития Тянь-Шаня и Семиречья. Так, известно наличие в Семиречье различной письменности — согдийской, сирийской, арабской, рунической, тюркской, китайской, уйгурской, санскритской и т. д. В памятниках материальной культуры достаточно ясно выступают черты различного происхождения художественных традиций и ремесленных навыков, особенно в строительном деле, живописи, скульптуре, а также в металлургии и гончарстве.

Если кочевая культура аборигенов Тянь-Шаня и Семиречья складывалась из местных элементов, взаимодействовавших с центральноазиатскими и южносибирскими, то оседлая, особенно городская, культура складывалась в результате взаимодействия местной кочевой и оседлой среднеазиатской (согдийской и сырьдарьинской) культуры. Явления местной кочевой культуры особенно ярко прослеживаются с эпохи бронзы до X в. н. э., а оседлой среднеазиатской — с V до X в. н. э. После X в. это многообразие культурных скрещиваний резко сокращается, меньше выявляется различие в этнокультурных элементах Тянь-Шаня. Это дает право полагать, что с этой поры начинается, прежде всего среди кочевого населения, сложение типических черт культуры киргизов. Однако и X век еще не является веком окончательного сложения киргизской культуры и киргизских племен на Тянь-Шане.

Значит ли все это, что народы Тянь-Шаня и их культура должны рассматриваться как абсолютно чуждые киргизской культуре? По-моему, нет. Поскольку это была та среда, где кристаллизовались киргизские племена, поскольку этнические группы саков, усуней, племена гуннского союза, карлуков и т. д., с их культурой, языком, обычаями были той средой и теми компонентами, из которых складывалась киргизская народность, постольку их история явилась в известной мере историей тяньшанских киргизов. Вот почему историки имеют право, анализируя киргизский орнамент, киргизский фольклор, киргизскую этнонимистику, восстанавливать этилагаемые киргизской народности наряду с их древним основным этническим ядром. Но, называя те или иные памятники древнего Тянь-Шаня сакскими, усуньскими, гуннскими, согдийскими и т. п., мы не можем называть их киргизскими, так как в то время еще не сложилась собственно киргизская культура Тянь-Шаня, а саки, усунь, гунны, согдийцы вошли в состав не только киргизов, но и других народов. Не называя их культуру киргизской, мы вместе с тем с полным правом называем все эти явления культурным наследством киргизского народа. Собственно киргизской культурой Тянь-Шаня до сложения киргизской народности следует считать культуру енисейско-киргизских элементов на Тянь-Шане, выявляющуюся в немногочисленных пока еще памятниках раннего средневековья.

Невозможно познать историю сложения киргизскѣй народности, если изолировать ее от той общественной среды, в которой киргизские племена существовали, в контакте с которой они развивались. Учитывая особенно большие переселения киргизских племен, их частое раздробление и смешивание, нельзя не признать, что возможности для такого контакта у них были особенно велики.

Учет всего многообразия конкретных фактов, оказывавших влияние на сложение киргизскѣй народности,— обязательное условие восстановления исторической правды.

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ЭТНОГРАФИИ И АНТРОПОЛОГИИ С С С Р

М. В. ВИТОВ

ГНЕЗДОВОЙ ТИП РАССЕЛЕНИЯ НА РУССКОМ СЕВЕРЕ И ЕГО ПРОИСХОЖДЕНИЕ

1

В этнографических сочинениях нередко можно встретить описание планировки поселений, иногда описываются также особенности расположения их на местности, но один чрезвычайно важный аспект изучения поселений обычно выходит из поля внимания этнографов. Я имею в виду группировку поселений. В тех же редких случаях, когда исследователи обращали внимание на особенности группировки поселений, вопрос о происхождении этого явления ими не поднимался.

В настоящей статье предполагается рассмотреть один из видов группировки поселений, распространенный в северной части Восточной Европы, и выяснить его генезис.

Исследовательница русского Севера М. А. Островская писала: «Хуторское расселение надо признать типичным для древнейшей истории русского севера. С таким определением соглашался и сторонник «военно-артельной колонизации» Н. П. Павлов-Сильванский»¹. «Хуторское» расселение отмечают и другие авторы. Однако такое определение ошибочно.

Северные деревни, в том числе и однодворные деревни («дворы-деревни»), редко стоят в одиночку. Обычно по соседству с ними расположены еще несколько таких же деревень. Все вместе они образуют группу, гнездо.

Описание гнездового типа расселения на русском Севере встречаются в сообщениях этнографов и краеведов. В статье об этнографии Пинежского края² М. Б. Едемский касается и поселений этого района. Термин «деревня» употребляется в этом районе в отношении иногда отдельного поселка, иногда целой группы поселков — так называемых околотков³: каждый околоток имеет особое название и иногда является большим поселением. Автор приводит примеры больших деревень: деревня Кулогоры состоит из 7 околотков-деревень, деревни Цимола и Вонга состоят из десятка деревень каждая. М. Б. Едемский отмечает, что названия

¹ М. А. Островская, Земельный быт сельского населения русского Севера в XVII—XVIII вв., СПб., 1913, стр. 122.

² М. Б. Едемский, Этнологические наблюдения в Пинежском крае Архангельской губ. в 1921 г., «Север», Вологда, 1923, № 3—4, стр. 197—214.

³ Там же, стр. 203.

околотков согласованы со словом деревня, а не околоток; так, например, в деревне Кулогорах имеются околотки: Соколова, Шаньгина, Шаньгина Гора, Клишевская и т. д.

По сообщению К. К. Романова, поселения на Пинеге и Мезени расположены группами, которые находятся на большом расстоянии друг от друга (до 30—40 верст). Его описание своеобразной группировки поселений не совсем совпадает с приводившимся выше описанием Едемского, которое относится примерно к тому же району, но основная особенность — «гнездовость» расселения — зафиксирована вполне определенно: «...район то состоит из нескольких групп, объединяющих несколько деревень, или «околов», вместе, то состоит всего из одной группы (Нюхча). Группы, объединяющие собой околы, иногда стоят очень близко одна от другой, но все же имеют свое собирательное название. Например, в районе Карпогорской волости Ваймуши отстоят всего на $2\frac{1}{2}$ —3 версты от Карпогорья к югу, а Шотова Гора — на три версты к северу, но и Ваймуши и Шотова Гора состоят из нескольких «околов». Каждый «окол», или «околок» носит отдельное название; так, Ваймуши состоят из Нижнего конца, Ростова, Пестова и Верхнего конца, Карпова Гора — из Кобылина, Новинчины, Заполина, Кондратьицы и Верноконы. Околы то стоят вплотную друг к другу (как в Ваймушах, Карповой Горе), то в виде отдельной деревеньки, причем иногда околы одной группы разбросаны вдоль реки или дороги даже на протяжении верст 3-х, то на расстоянии не меньшем, чем группы селений в другом месте (Ваймуши и Карпогорье). Так, в Шотовой Горе околы Борова, Едома, Вохорянка, Перелог, Нова, Подгорье, Мезенцево и Заручье стоят тесно вместе, а Крапивница и Носовка отдельно. В Марьиной Горе все околы разбросаны вдоль реки, параллельно которой идет и дорога. В Покшеньге околы расположены даже по двум берегам реки Покшеньги, протекающей по большому оврагу. В объединении нескольких околов в одно собирательное название виден обычный северный тип селения и его определения. Этот общий северный признак деления селений на околы подтвержден, однако, значительным внутренним отличиям»⁴.

Интересно беглое замечание А. Соборнова по поводу группового расположения деревень в Карелии: «Если несколько корельских селений группируются вместе и если они идут в одну линию, то ряд деревень этих носит одно общее название, а каждая конечная деревня отдельно имеет название «конец» — южный или северный»⁵.

Эта же особенность описана С. Приклонским в местности, расположенной неподалеку от Выгозера. Автор рассказывает, как, выехав из небольшой деревни Шелтопорог, он через одну-две версты натолкнулся на маленькую деревушку, насчитывавшую 2—3 двора. Оказалось, что деревня носит то же название Шелтопорог. Еще через 3 версты автор попал в деревню, на этот раз однодворную. И она носила то же название. Название Шелтопорог оказалось общим для всех трех деревенок. Тот же автор рассказывает, что местность Ошта в его время (70—80-е годы) состояла из нескольких десятков небольших поселений, удаленных друг от друга. Каждое поселение имело свое официальное название и считалось деревней. Однако сами местные жители считали их одним поселением — Оштою. Точно так же местность Виницы, состоявшая из нескольких десятков мелких поселков, которые тянулись на 3 версты по течению р. Ояти, осознавалась жителями как одно поселение. Отдельные названия для каждой деревни, по словам крестьян, придумали чиновники для своих надобностей⁶.

⁴ К. К. Романов. Жилище в районе реки Пинег. В кн. «Искусство Севера», т. II, Л., 1928, стр. 9—10.

⁵ А. Соборнов, К истории культуры олонецкой корелы, «Олонецкий сборник», вып. 1, Петрозаводск, 1875—1876, стр. 133.

⁶ См. С. А. Приклонский, Народная жизнь на Севере, М., 1884, стр. 91—93.

В западной Карелии тип расселения сходен с только что описанным. В Ухтинском районе отмечается редкое население, к западу от Вокнаволока — сравнительно густое. Мелкие деревни-хутора разбросаны группами на полкилометра и более друг от друга. Впрочем, иногда встречаются и отдельно стоящие хутора⁷. Такой же характер имеют поселения, расположенные к западу от Кондоки⁸.

А. Ефименко оставила несколько замечаний относительно расселения в восточном Поморье. Пустозерск, например, отмечавшийся на картах как одно поселение, представлял собой 17 маленьких деревень, раскинутых на целую сотню верст. Сплошные ряды изб образуются лишь тогда, когда «лес совсем припер население к берегу реки, или по берегу моря. Но и там деление на околотки, на концы с особыми названиями отчетливо показывает, что это село образовалось из слияния отдельных деревень, сохранивших еще воспоминание своей обособленности»⁹.

Наконец, и наши полевые наблюдения¹⁰ свидетельствуют о расселении группами, гнездами.

Автор настоящей статьи в 1953 и 1954 гг. имел возможность посетить местности, описанные в приводимых работах Едемского, Приклонского, Капицы, Романова, а также многие другие районы Архангельской области и Карело-Финской ССР, и мог убедиться в том, что поселения образуют на севере гнезда, группы. Однако в настоящее время деревни, составляющие гнездо, в ряде случаев уже срослись в одно поселение и трудно различимы. Поэтому автору казалось более целесообразным дать не свои, а более ранние (приведенные выше) описания.

Гнездовой тип расселения отмечен на русском Севере повсюду. Однако в некоторых местностях он выступает недостаточно ясно: обычно там, где плотность сравнительно высокая и деревни близко расположены одна к другой, т. е. в местах старого заселения. Современные деревни, составляющие гнездо, объединены рекой или озером (если это небольшая речка, то поселения часто разбросаны по всему ее течению; если это большая река, то гнездо занимает часть ее побережья). Родственный состав населения современных гнезд установить, как правило, не удастся.

2

Для того чтобы установить, как возникли и что первоначально представляли собой гнезда поселений, необходимо обратиться к древним документам.

Гнездовой тип расселения замечен на картах Генерального межевания, которое проводилось во второй половине XVIII в. на территориях северных погостов. Сросшиеся мелкие гнезда образуют густозаселенные места, обычно в центральной части погостов, но в окраинных частях гнезда распознаются легче.

Распространение гнездового типа расселения в западной Карелии видно из планов поселений, снятых шведами в XVII в. и хранящихся в Сток-

⁷ См. Л. Л. Капица, Материалы для этнографической характеристики Кондожского и Вокнаволоцкого районов северо-западной Карелии, «Западнофинский сборник», Л., 1930, стр. 22.

⁸ Там же, стр. 23.

⁹ А. Ефименко, Крестьянское землевладение на Крайнем Севере. В кн. «Исследование народной жизни», вып. 1. Обычное право. М., 1884, стр. 203.

¹⁰ Материалы Северновеликорусской экспедиции Института этнографии АН СССР 1948 г. (под руководством Г. С. Масловой), в которой автор этой статьи занимался специально поселениями. Обследованы: часть южного побережья Белого моря, устье р. Нименьги, среднее течение Онеги — Устьмошь, район Кенозера и Корбозера. Материалы Северной экспедиции кафедры этнографии МГУ им. М. В. Ломоносова 1953 г. (под руководством автора настоящей статьи). Обследованы поселения Петровского, Заонежского (Сегозерского, Пудожского, Олонецкого, Ведлозерского, Шелтозерского районов Карело-Финской ССР, поселения Вытегорского, Белозерского и Оштинского районов Вологодской области, а также Винницкого района Ленинградской области.

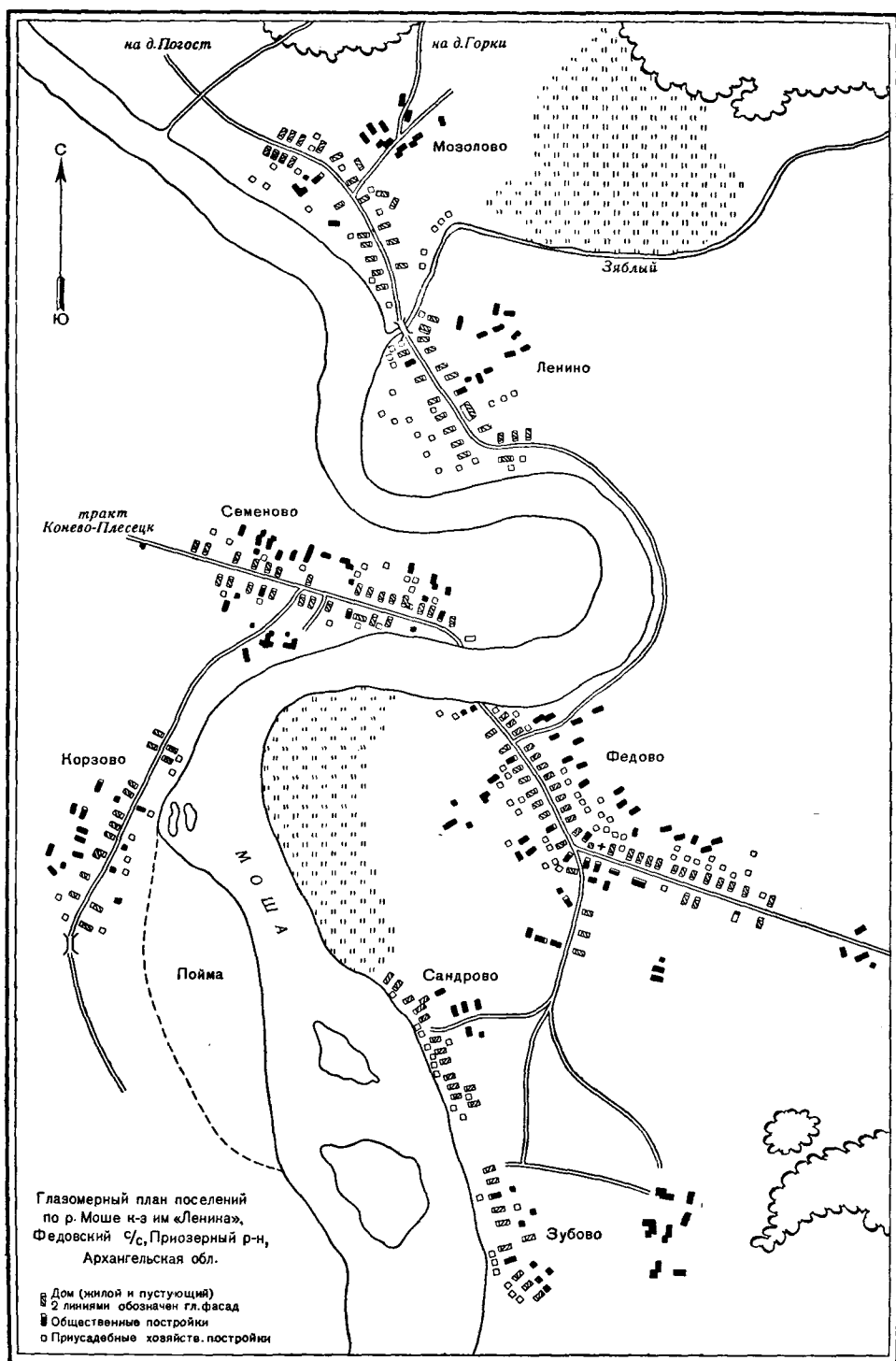

Рис. 1. Гнездо поселений по реке Моше (глазомерный план). 1948 г.

гольмском архиве. Несколько таких планов опубликовано в приложении к статье Г. Никандера о финских поселениях. Автор отмечает распространение в Карелии и Саволаксе типа расселения, при котором дома стоят в некотором отдалении друг от друга, окруженные полями. Тип этот автор считает восточноевропейским по происхождению¹¹. Приложенные планы изображают однодворные деревни, расположенные небольшими гнездами¹². Описанный тип расселения, по Никандеру, распространен в восточной Финляндии, т. е. в ближайшем соседстве с русским Севером.

Очевидно, что возникновение расселения гнездами восходит к отдаленной эпохе.

Происхождение этого типа расселения оказалось возможным выяснить, составив карты по данным писцовых и переписных книг XVI—XVII вв. Такая работа проделана нами по сравнительно небольшому району — древнему Шунгскому погосту, который входил в Заонежскую подовину Обонежской пятины. Весьма трудоемкий процесс восстановления карт поселений будет описан нами в одной из ближайших работ. Составлены карты поселений Шунгского погоста 1496¹³, 1563¹⁴, 1583¹⁵, 1620¹⁶, 1628¹⁷, 1647¹⁸, 1718¹⁹ и 1720²⁰ гг.

Обратимся к составленным картам²¹. Отметим, кстати, что Шунгский погост, как и соседние погосты Заонежского полуострова — Толвуйский и Кижский, занимает несколько особое положение. Если не считать почти совершенно незаселенной северной части, Шунгский погост заселен плотнее, чем большинство других. Это объясняется в основном тем, что почвы центральной части Шунгского погоста значительно плодороднее, чем в большинстве районов Севера²². А раз плотность заселения в этой местности выше, то гнездовая структура выявляется не так четко. Все же некоторые гнезда поселений отчетливо видны на составленных нами картах. Они разной величины: есть группы всего в две-три однодворные деревни, отделенные от остальных селений на десятки верст, например деревни по Верхнему озеру (Верхозеру), на Вигнаволоке; есть группы с большим количеством деревень — чаще всего в местах сравнительно старого обитания. Разрастаясь с течением времени, такие гнезда смыкаются друг с другом и образуют как бы составные гнезда заселений. Результатом этого иногда бывает обрастание деревнями погоста-места²³ и превращение по-

¹¹ Gabriel Nikander, Kulturskoden och bebyggelseformen i Finland en etnografisk översikt. Folke-liv, Acta etnologica et folkloristica Europae, 1950—1951, t. XIV—XV, Stockholm, 1951, стр. 126.

¹² Там же, планы: № 11a (сел. Липола, 1644 г.), № 11b (сел. Ютсельке, 1644 г.), № 12a (сел. Иделахс, 1645 г.), № 12b (сел. Юлекона, 1644 г.), № 13a (сел. Туукала, 1754—1755 гг.).

¹³ По писцовой книге Сабурова, Писцовые книги Обонежской пятины, Л., 1930.

¹⁴ По писцовой книге Лихачева, там же.

¹⁵ По писцовой книге Плещеева, ЦГАДА, Писц. кн. по Новгороду № 963.

¹⁶ По дозорной книге Лыкова, ЦГАДА, Писц. кн. по Новгороду № 979.

¹⁷ По писцовой книге Панина, ЦГАДА, Писц. кн. по Новгороду № 308.

¹⁸ По переписной книге Писемского, ЦГАДА, Писц. кн. по Новгороду № 980.

¹⁹ По отчету генерал-майора Михаила Матюшкина, ЦГАДА.

²⁰ По ревизским сказкам 1720 г., ЦГАДА, Рев. ск. 2542а.

²¹ Основу, на которую наносились населенные пункты, дала нам карта Генерального межевания. Формы озер и рек лишь в основном соответствуют современной крупномасштабной карте. Причины две: во-первых, за время, прошедшее с момента межевания, рельеф местности несколько изменился — высохли некоторые озера, реки отчасти изменили свое русло, во-вторых, — и это главное — картографическая точность работ Генерального межевания весьма неудовлетворительна.

²² Плодородие зависит от выходов на поверхность земли особого минерала, близкого ископаемому углю, так называемого шунгита, а также шунгитовых сланцев. Урожайность в местностях, богатых шунгитом, выше, чем в других (см. М. А. Тойкка и А. П. Кекконен, Шунгит как местное удобрение, Ученые записки Карело-Финского гос. университета, т. I, Петрозаводск, 1947, стр. 218).

²³ «Погостом-местом» исследователи писцовых и переписных книг называют церковь с кладбищем и домами причта в отличие от «погоста-округа» — административной, податной единицы. Сами документы этих понятий терминологически не различают.

следнего в центр крупного для Севера поселения. Примером такого сросшегося гнезда могут служить деревни, окружавшие со всех сторон Вытегорский погост-место в XVI—XVII вв. Шунгский погост не стал крупным поселением, но окружающая его местность довольно густо заселена.

Гнезда поселений носят обычно общее собирательное название. Можно предположить, что и другие гнезда носили общее название, но составители писцовых и переписных книг не интересовались этим, а, наоборот, старались зафиксировать название каждой отдельной деревни, так как деревни, а не группа деревень облагалась налогом и составляла хозяйственную единицу.

Интересно, что собирательные названия гнезд часто нерусского происхождения и, очевидно, древнее названий каждой отдельной деревни. Также чрезвычайно важно, что названия гнезд поселений имеют часто патронимические окончания на «ичи», «цы», или «не».

Перечислю некоторые гнезда поселений Шунгского погоста по составленным нами картам XV—XVI вв. На крайнем юге — группа из 2—3 деревень на Верхнем озере. В южном конце длинного Путко-озера весьма обособленное положение занимает группа деревень Фоймогуба. В средней части Пуко-озера, по восточному берегу, расположены два гнезда: Онежане и Паницы, которые постепенно срastaются, так как расположены неподалоку. Вокруг Хаш-озера расположено гнездо деревень, на Малом озере — также. В верховьях Кевтеня губы — небольшое гнездо, которое иногда называется Кевтеничами. На берегу Святой губы — гнездо Юрьевичи (или Верговичи, по древнейшей книге) и т. д. Гнезда поселений локализованы в одном месте и, если они не слишком разрослись, выделяются очень четко. В центральной части погоста, вокруг самого погоста-места, поселения срослись настолько, что отдельных гнезд не видно.

Интересно заметить, что некоторые деревни, удаленные от центральной части погоста, насчитывают по данным писцовых книг иногда большее число дворов, чем центральные поселения. Это связано, возможно, с тем, что писцы и переписчики посещали сами далеко не все деревни, а пользовались «сказками» местных жителей, которые, как уже было отмечено, считали иногда группу однодворных деревень за одно поселение.

Независимо от таких групп располагаются отдельные починки — новые поселения, возникшие на незанятой черной земле, еще не положенные в обжи²⁴. Появление починков тщательно отмечается писцами в книгах, так как это вызывает изменение обежного обложения.

Можно предполагать, что гнездовой тип расселения в прошлом был распространен шире, чем в настоящее время, и выходил за пределы Поморья. Ю. В. Готье отмечает гнезда в Замосковном крае XVII в. «В Ржевском уезде был, повидимому, распространен тип селений, разбросанных по частям, но составлявших почему-то одно целое и сохранявших связь между отдельными своими частями: деревня «стоит на двое», селцо старое «стоит на семеро», иначе, имеет 7 выставок или выселков...»²⁵ Правда, рассматривая рисунки деревень VII в. в альбоме Мейерберга²⁶ (мы не нашли убедительного подтверждения своих предположений о распространенности гнездового типа расселения в более южных местностях, через которые проехало знаменитое посольство. Лишь в изображении деревни при р. Шлине (№ 35, л. 11), села Пешки (№ 49,

²⁴ Т. е. свободные от налога. «Обжа» — распространенная единица налогового обложения, размеры которой различались в Новгородской и Московской землях.

²⁵ Ю. В. Готье, Замосковский край в XVII в., М., 1906, стр. 129—130.

²⁶ Августин Мейерберг, Виды и бытовые картины России XVII в. Рисунки Дрезденского альбома, воспроизведенные с подлинника в натуральную величину с приложением карты пути царского посольства 1661—62 гг., СПб., 1903.

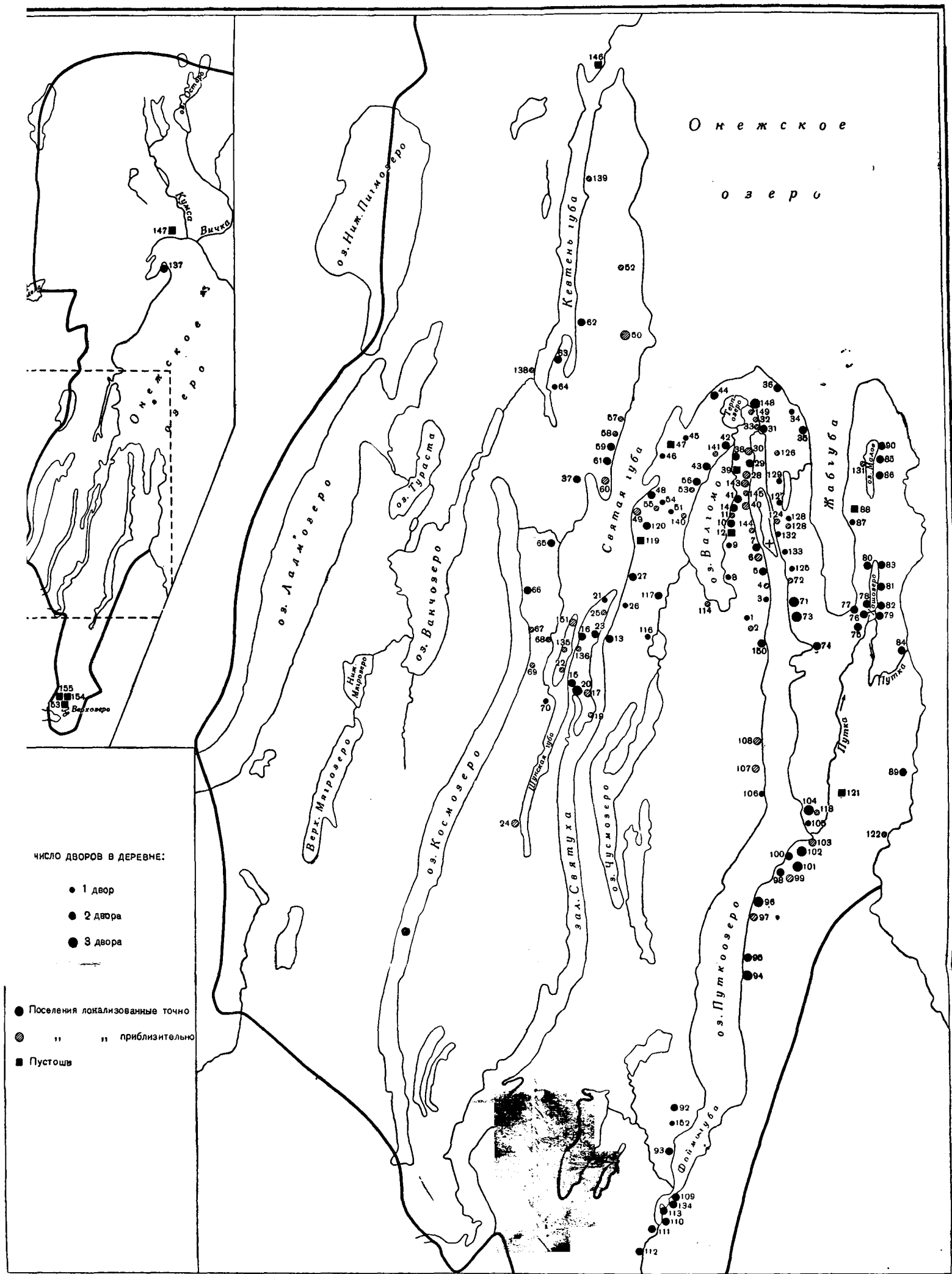

Рис. 3. Поселения Шунгского погоста по писцовой книге Лихачева 1563 г.

л. 16) да селения Черкизова (№ 51, л. 16) можно усмотреть гнездовое расселение. Впрочем, трудно было и ожидать, что альбом Мейерберга обнаружит особенности взаимного расположения деревень: художник изображает каждый раз какую-нибудь одну деревню, а не более или менее значительную панораму.

Суммируя все сказанное, заключаю, что как в XVI—XVII вв., так и позднее на русском Севере господствует специфический тип расселения, при котором селения располагаются не в одиночку, а гнездами.

3

Для объяснения сущности гнездового типа расселения вернусь к северным поселениям XVI—XVII вв. Уже отмечалось, что группы деревень иногда имели собирательные названия, часто с патронимическими окончаниями. Такие названия местностей, судя по писцовым книгам и актам, были широко распространены в Обонежской и других новгородских пятинах. Перечислю некоторые из них: Любиницы²⁷, Ковкиничи²⁸, Шеменичи, иначе Шаменичи (в Пиркинском погосте)²⁹, Люговичи³⁰, Гербеничи³¹, Койкиницы³², Герчичи³³, Раховичи, или Раховичи³⁴, Шеменичи³⁵ в Важенском погосте, Тененичи³⁶, Вабиници, иначе Варбиници³⁷, Гумборицы, Гамгарицы, или Гумбарицы, или Гугарицы³⁸, Иульевичи³⁹, Каковичи⁴⁰, Гоморовичи⁴¹, Мустеницы⁴², Кондуши⁴³ и т. д.

Я не уверен, что в этом перечне некоторые названия не повторяются (например, Гербеничи и Герчичи), и, наоборот, что не объединены разные названия (Гумборицы и Гамгарицы). Местность Шеменичи по одним документам находится в Пиркинском погосте, по другим — в Важенском. Поскольку эти погосты граничат друг с другом, очевидно, имеется в виду одна и та же местность: либо граница погостов рассекла более древнее объединение, либо новгородские власти не знали, куда отнести эту местность. Но в данном случае дело не в этом.

Характерно, что деревни обычно имеют русские названия, группы же деревень в целом — финские. Например, в Гоморовичах были деревни Даниловская, Сидоровская, Савинская, Кузминская и т. п.⁴⁴ В некоторых случаях первоначальное финское название со временем превращается в русское, когда население уже ассимилировалось. Например, местность Юрьевичи (2—3 деревни) в Шунгском погосте на северо-восточном побережье Святой губы в конце XV в. называлась Верговичи (см. на карте № 45, 46, 47):

²⁷ «Материалы по истории Карелии XII—XV вв.», Петрозаводск, 1941 (в дальнейшем МИК), № 144 (стр. 226).

²⁸ МИК, № 147 (стр. 227).

²⁹ МИК, № 150 (стр. 229), № 161 (стр. 236), № 178 (стр. 251).

³⁰ МИК, № 215 (стр. 278), № 221 (стр. 282), № 154 (стр. 231).

³¹ МИК, № 154 (стр. 231).

³² МИК, № 88 (стр. 195).

³³ МИК, № 161 (стр. 236).

³⁴ МИК, № 174 (стр. 246), № 166 (стр. 240), 171 (стр. 244).

³⁵ МИК, № 166 (стр. 241), № 171 (стр. 244), № 218 (стр. 280).

³⁶ МИК, № 172 (стр. 245), № 277 (стр. 347—349), № 281 (стр. 351—352).

³⁷ Там же, а также № 277 (стр. 347—349), № 289 (стр. 360—361).

³⁸ МИК, № 277 (стр. 347—349), № 285 (стр. 357), № 144 (стр. 226), № 172 (стр. 245).

³⁹ МИК, № 297, 298 (стр. 380—381).

⁴⁰ МИК, № 140 (стр. 224), № 218 (279).

⁴¹ МИК, № 218 (стр. 280).

⁴² МИК, № 228 (стр. 289).

⁴³ МИК, № 176 (стр. 249).

⁴⁴ Это сочетание в значительной степени относится и к современным поселениям. Так, например, в группе поселений, которая называется Майлахтой (на Кенбозере, Арханг. обл.), имеются деревни: Ряпусово, Зехнево, Спицыно, Медвежий остров и др., в Нименьге (Архангельская обл.) — деревни: Верховье, Выползово, Низ, Бокино и др.

Обычно местность с собирательным названием включает несколько или даже много деревень; местность Варбиничи названа «волосткой», даже некоторые названия погостов имеют указанные окончания (погосты в Ярославичах, Веницах, Годевичах, Пиркиничах и др.).

Само распространение названий гнезд поселений, часть которых имеет патронимические окончания, наводит на мысль о том, что перед нами поселения каких-то родственных коллективов. Но каких? Это не могли быть семейные общины, так как семейные общины населяли отдельные дворы, т. е. один, реже два дома. Кроме того, трудно допустить, чтобы население составлявших гнезда деревень, разбросанное порой на десятки верст, могло вести общее хозяйство. Трудно предположить также, чтобы гнезда деревень были поселениями соседской общины, так как для этого они (по крайней мере те из них, которые нанесены на карту Шунгского погоста) слишком малы. Можно предположить, что гнезда деревень населяли родственные группы, выделенные М. О. Косвенom под названием патронимий⁴⁵.

М. О. Косвен определяет патронимию, как «группу семей (больших или малых), происшедших от сегментации или разделения одной большой семьи, сохраняющей хозяйственное, общественное и идеологическое единство»⁴⁶. Патронимия представляет собой общественную форму, свойственную патриархату, нередко сохраняющуюся в качестве пережитка в классовом обществе. Оговорюсь, что сам М. О. Косвен, изучая социальный строй русского Севера, увидел патронимию в так называемой долевой деревне, ошибочно считая древнейшую северную деревню многодворной⁴⁷.

Обратимся к подробному рассмотрению состава населения одного из гнезд деревень на карте Шунгского погоста⁴⁸. Гнездо это представляет собой группу деревень в восточной части погоста, вокруг Хаш-озера. По сути дела это не одно, а два соседящих друг с другом гнезда поселений. Одно из них расположено по берегам Хаш-озера, другое — по берегам Малого озера. На полпути между озерами имеются еще 2 деревни.

Напомню, что фамилии у крестьян в это время отсутствовали, так что только отчества и изредка прозвища могли служить основанием для выявления родства.

Под № 79 на составленной нами карте, относящейся к 1496 г.⁴⁹, помещена «деревня на Хаш-озерке». В ней отмечены писцом в одном дворе Олиско, Микифорик, Игнашко и Сенко⁵⁰. В деревне «на бору» (№ 90) находим Ермолку Олисиева с сыном и «суседом». Учитывая малую распространенность имени Олиско, можно предположить, что вторая деревня стпочковалась от первой, когда сын Олиски (вероятно, один из сыновей) образовал собственное хозяйство и поселился отдельно.

В другой деревне на Хаш-озере (№ 83) живут, по письму Сабурова,

⁴⁵ См. М. О. Косвен, Семейная община. К истории вопроса, «Изв. АН СССР, серия истории и философии», т. III, 1946, № 4; его же, Семейная община. Опыт исторической характеристики, «Советская этнография», 1948, № 3; его же, Патронимия у древних германцев, «Изв. АН СССР, серия истории и философии», т. VI, 1949, № 4; его же, Северорусское печище, украинские сябры и белорусское двориче, «Советская этнография», 1950, № 2.

⁴⁶ Тезисы доклада М. О. Косвена «Патронимия и ее место в структуре рода», 1950, Институт этнографии АН СССР.

⁴⁷ М. О. Косвен, Северорусское печище, украинские сябры и белорусское двориче, стр. 75.

⁴⁸ Мы пользуемся здесь преимущественно тремя древнейшими писцовыми книгами — Сабурова, 1495—1496, Лихачева, 1563—1566 гг. (Писцовые книги Обонежской пятины, Л., 1930, и писцовой книгой Плещеева, 1583 г. (ЦГАДА, Писц. кн. по Новгороду, № 963).

⁴⁹ Я указываю здесь, как и в дальнейшем, общие порядковые номера на приложенных картах.

⁵⁰ Писцовые книги Обонежской пятины, стр. 6.

«Труфаник да зять его Лучка»⁵¹. Спустя 67 лет, по писцовой книге Лихачева, в этой деревне живут «Павелко Гридин да Олекса Лукин»⁵². Кроме того, в ближайшей соседней деревне (№ 80) писцом отмечены Клиш Нестеров да Мишук Лукин. Еще один Лукин живет, по книге Лихачева, в деревне на Хаш-озере (№ 81)⁵³, а вместе с ним Васюк Трифонов, может быть, сын уже упоминавшегося Труфанника.

Кроме Клиша Нестерова (в дер. № 80), в соседней деревне (№ 79) живет, по Лихачеву, Павелко Нестеров. Писцом Плещеевым⁵⁴ описаны, очевидно, дворы детей этих Нестеровых (Ляпун Нестеров, Гришка Нестеров в деревне № 79 и Климентий Нестеров в деревне № 80). Имена основателя фамилии Нестеровых и его сына Павелка сохраняются в названиях деревень вплоть до конца исследуемого периода, а судя по картам Генерального межевания, и еще позднее.

Имена и отчества в писцовой книге Сабурова говорят также о родственном населении в деревнях № 81 и 82; от одного из жителей деревни № 81 (Ивашки) происходит, повидимому, и Сергейко Иванов, упоминаемый в той же деревне, спустя 67 лет, Лихачевым.

Основываясь на приведенных фактах, можно заключить, что данные гнезда поселений во время составления первых писцовых книг были населены родственниками. Но из рассмотрения жителей гнезд поселений по первым писцовым книгам еще не выясняется с очевидностью происхождение этих родственных гнезд.

Не ограничиваясь писцовыми книгами, привлечем один из еще более ранних документов — относящуюся к XV в. данную жителей Шунгского погоста Вяжицкому монастырю⁵⁵. Из текста видно, что землю владеют все шунжане — жители Шунгского погоста, которых представляют главы каких-то родственных групп. Группы разные: одни лица упомянуты «з детми и племянем», другие «з братьею», «з братом», «з детми». Не означают ли эти различия в терминологии, что в акте участвовали, наряду с главами сравнительно немногочисленных больших семей, главы патронимий, так как с ближайшими родственниками упомянуты более отдаленные. Для расшифровки понятия «племяни» сопоставим этот документ с более поздними.

Вот документ, говорящий о практике родового выкупа. Один из крестьян, продающий Соловецкому монастырю двор, мельницу и землю, приписывает в конце купчей: «А до той моей продажи сыну моему Иеву и племянником моим Григорью, Ивану и брату моему Михайлу Жаркому и иному роду моему и племяни (разр. моя.— М. В.) дела нет ни в чем»⁵⁶. Совершенно очевидно, что под родом-племенем понимаются не только самые близкие родственники, так как последние оговорены особо, в первую очередь. Можно предполагать, что продавец перечислил именно лишь родственников мужского пола, с которыми он вместе жил и вел хозяйство. Были еще и «иные», очевидно, жители соседних однодворных деревень — более отдаленные родственники, которые тоже обладали какими-то традиционными правами на наследование имущества своего со-

⁵¹ Там же.

⁵² Там же, стр. 152.

⁵³ Там же.

⁵⁴ Писцовая книга Обонежской пятины, письма Плещеева, ЦГАДА, Писц. кн. по Новгороду № 963, л. 1107 об.

⁵⁵ «Се даша шунжане землю святому Николу Петре Адкине з детми и с племенем, Тоивод Идуеве з детми и с племянем, Якове Орине з детми и с племенем, Оншута Иванову з братом, Волосе Петрове з братьею, Иване Кондратове з братьею, Иване Ташне з братьею, Василие Тимошкине з детми и Кирке з детми и все шунжане даша землю святому Николу Анндиеву седенье на Шунги где Кивал Тоивод ратслад, а в Толвуи Гавшино седенье и Мустуево седенье, Харлово седенье и Цыбуруеву наволою. А лишая земля делать ис тех сел по старине и пожни косить и рыбу ловить по старине» и т. д. (МИК, № 44 стр. 120).

⁵⁶ 1612 г., «Карелия в XVII в», Сборник документов, Петрозаводск, 1948, № 11, стр. 25—26 (в дальнейшем цит. кар).

родича, на выкуп «родовой» земли и пр. Они-то и названы родом-племенем.

Такое понимание термина подтверждается документом совершенно иного порядка. В жалованной грамоте 1577 г. новгородского архиепископа Александра причту Успенской Сямозерской церкви, между прочим, говорится о недозволенных действиях священника; «А кого тот поп венчает в роду и в племени и в кумовстве и в сватовстве, или иное на него каково будет дело духовное...» и т. д.⁵⁷ Точно такого же рода фразы имеются в жалованных грамотах новгородского митрополита Варлаама прихожанам Водлозерской церкви⁵⁸, Соловецкому монастырю⁵⁹, Толвуйской приходской церкви и выставочным церквам⁶⁰ (все грамоты 1592 г.). Очевидно, что и здесь речь идет не о самых ближайших родственниках. Замечу попутно, что самый факт необходимости подобного предупреждения говорит о распадном состоянии родственных патронимических групп.

Четко противопоставлены близкие родственники и более отдаленные в одной купчей 1589 г.⁶¹, где говорится: «А нет до тое чети лука дела ни моему роду, ни племени, ни жене, ни детям». Точно такой же оборот встречается и в других актах⁶². Иногда он несколько видоизменяется в зависимости от конкретных условий, т. е. смотря по тому, кто из родственников может выступить претендентом на выкуп родовой земли. Так, закладывая ложню в Ялгубе, житель Вершева наволока Родион счел необходимым особо оговорить возможные претензии со стороны своего дяди; написав: «мне Родиону по сроце до той пожни дела нет, ни брату моему, ни дяде моему, ни роду моему, ни племени»⁶³. Иногда говорили вообще о всем «роде-племени», не выделяя близких родственников⁶⁴.

Наконец, еще одним доказательством того, что родом-племенем называли не только ту родню, с которой жили в одном дворе и вели хозяйство, служит складная запись 1656 г.⁶⁵ Тесть, принимая в дом зятя, договаривается с ним, что в случае смерти одного из них, их «животы», т. е. имущество, наследует оставшийся в живых, а «ни роду..., ни племени со стороны (разрядка моя.— М. В.)... дела нет». Этот поздний документ показывает, кроме прочего, как складничество разрушает патронимические отношения.

Приводившаяся на стр. 39 данная шунжан датируется началом — серединой XV в., т. е. тем временем, когда еще не было писцовых книг. Тем не менее можно попытаться сопоставить имена жертвователей-шунжан с названиями населенных мест и с именами жителей по древнейшей писцовой книге и проследить их по составленной нами карте этого времени. Большинству имен, перечисленных в данной, соответствуют производные от таких имен названия деревень или прозвища жителей, что позволяет «поместить» перечисленных шунжан на карту. Конечно, на бесспорной точности такого сопоставления трудно настаивать.

Якову Орине из данной соответствует деревня Оринская (№ 14), Волосу Петрову — деревня Волосово (№ 43), Василию Тимошкину — деревня Тимохово (№ 38), Тоиводу Идуеву — деревня Идино (№ 28), Ивану Таину — деревня Таинская (№ 99), Ивану Кондратову — деревня Кондратовская (№ 41) и, наконец, Кирке — жители Киркины, населяющие соседние деревни (№ 100, 101, 104).

⁵⁷ МИК, № 179 (стр. 252).

⁵⁸ МИК, № 263 (стр. 332).

⁵⁹ МИК, № 264, (стр. 333).

⁶⁰ МИК, № 267 (стр. 336).

⁶¹ МИК, № 251 (стр. 305).

⁶² МИК, № 252 (стр. 305).

⁶³ Кар., № 19 (стр. 34), 1627 г.

⁶⁴ Кар., № 12 (стр. 27), 1612 г.

⁶⁵ Кар., № 80 (стр. 120—121).

За исключением последних деревень, а также деревни Таинской, все поселения расположены в центральной части погоста, где, как говорилось, они стоят тесно друг к другу и выделить гнезда затруднительно.

Кирка с детьми жил на берегу Путко-озера, поодаль от основной массы селений. По первым писцовым книгам, местность эта называется «Паницы». В писцовой книге Сабурова имеется деревня в Пайницах на берегу. Там живут в одном дворе Першка да Якушка да Кондратко Керкины (№ 100). В деревне Стогове (№ 104) жил Ивашко Керкин да его дети Микитка да Якушко. В деревне «в Паницах же» живут Гаврилко Киркин да Ивашко и Оксенко Гавриловы (№ 101). Хотя в тексте книги Ивашко и Оксенко не названы детьми Гаврилки, вряд ли в этом можно сомневаться, имея в виду их отчество.

Проследим дальше судьбу последней деревни. В дальнейшем, судя по писцовой книге 1563 г. Лихачева, однодворная деревня превращается в двухдворную: дети Ивашки и Оксенки разделились. Лихачев описывает два двора: в одном живет Омелца Оксентьев, в другом — Кузьма да Давытко Ивонины. Та же деревня у Плещеева (1583) оказывается уже трехдворной. Во дворах живут: в одном Куземка Ионин да сын его Гришка, в другом — Омельянтко Оксентьев, в третьем — какой-то Ивашка Борисов. Сама деревня названа Киркиной горой, очевидно, по тому самому Кирке, который упомянут в данной шунжан.

Можно, мне кажется, не сомневаться, что гнездо деревень с названием Паницы — родственного происхождения и произошло от разделения семейной группы, которая фигурировала в акте как «Кирка с детьми».

Летом 1953 г. в Заонежье у нескольких информаторов (главным образом у Ивана Андреевича Костина из деревни на Хаш-озере) мы получили некоторые интересные для нас сведения. Имя Кирка, Кир, Кирик и в настоящее время встречается в этой части Заонежья. В недалеком прошлом даже целую семью в деревне Паницы называли «кирами». В нескольких деревнях северной части Заонежья в прошлом, по рассказам местных жителей, было распространено празднование Кирикова, иначе Киркина, дня (15 июля по ст. стилю). В этот день ходили в часовню, поставленную в честь св. Кирика, затем следовало угощение всех родственников. Не исключена возможность, что на местный культ этого святого православной церкви оказали влияние воспоминания о предке, который жил в XV в.

Таким образом, в данной шунжан Вяжицкому монастырю выступают несколько групп родственного происхождения. Термин «дети» в устах старейшего члена семьи, большака, означает его прямых потомков с их женами, а противопоставленное детям племя охватывает, по моему мнению, всю разошедшуюся родню, в том числе и дальнюю. Любопытно, что явно не русские имена (Петр Адкин, Тоивод Идуев) сопровождаются «детьми и племянем», а большинство русских — только «братъею» или «детми». Напрашивается довольно вероятное предположение о том, что коренное население жило большими коллективами, чем пришлое, русское, у которого в период колонизации семейные общины больших размеров распались, а вновь сложиться не успели. Однако вывод этот не слишком прочен: на основании одних только православных имен и отчеств рискованно заключать о принадлежности к русской народности.

Приходим к выводу, что на Севере группа родственных семей занимает не одно какое-то поселение, а целую группу их, первоначально, может быть, небольшую. Это не совпадает со взглядом на расселение патронимии М. О. Косвена. Этот ученый, впервые обративший внимание на патронимию и определивший ее социально-историческое значение, высказался очень решительно: «Патронимия архаически всегда локализована, иначе говоря, все члены данной патронимии живут в одном месте, все домадворы данной патронимии расположены смежно. Вся патронимия образует либо отдельный поселок, либо отдельную часть, квартал, улицу селения,

состоящего в таком случае из нескольких патронимий»⁶⁶. Применимо ли это определение к Поморью и Заонежью, в частности? Нет, уже по той причине, что многодворные поселения образовались очень поздно, а в одном дворе умещалась лишь семейная община. Являются ли обнаруженные нами родственные группы «патронимиями», т. е. сохраняют ли они, хотя бы частично, хозяйственные узы или они представляют собой еще более широкую группу родственников («фамилию»)? Наши документы не дают еще ясного ответа на этот вопрос. Все же более вероятным нам кажется первое предположение. В этом случае патронимическая группа занимает не одно поселение, а соседящие однодворные деревни, в силу специфических северных условий (оазисное расположение удобных земель, роль охоты и пр.).

На юге, в Закарпатье, например, патронимия действительно занимала одно поселение или даже часть его — улицу, квартал. Естественно, что южнорусская патронимия, расселенная скученно в одном поселке или на одной улице, очень долго сохраняла некоторое хозяйственное и идеологическое единство, частично выявляемое этнографами и в настоящее время⁶⁷. Напротив, патронимия на Севере, разбросанная иногда на десятки верст, очевидно, распалась очень быстро, оставив по себе память лишь в гнездовом типе расселения, да местами в патронимических названиях самих гнезд. И, может быть, не только скудость и специфичность источников по XVI—XVII вв. была причиной того, что пока не удастся обнаружить хозяйственной внутрпатронимической связи: это должно быть связано и с ранним разложением патронимии на Севере. Помимо указанной причины, на раннее исчезновение патронимий могли оказать влияние большая подвижность северного населения и сосуществование различных этнических групп на одной территории.

Исходной формой образования гнезда поселений в Заонежье, предположительно патронимий, является печище — локализованное поселение группы родственников. Впервые описанное А. Ефименко⁶⁸, оно, затем не раз привлекало внимание исследователей. Основное и древнейшее значение этого термина — большая семья задружного типа. Позднее он, этот термин, утратил первоначальный смысл; так стали обозначать обычную деревню. «Теперь печище в Архангельской губернии чаще всего обозначает деревню в нашем смысле слова, т. е. в смысле совокупности угодий, тянувшихся к населенному месту, иногда несколько деревень, имеющих общее землевладение»⁶⁹. Имели распространение и другие значения термина «печище». В XVII в. печище иногда обозначает заброшенное поселение и противопоставляется деревне — поселению «живущему»: «А у того дьячка есть под ним 3 печища и 3 деревни»⁷⁰. В некоторых актах этим термином называют старые русские и чудские поселения⁷¹.

Печище — термин, известный главным образом на Севере; однако есть указания на то, что в прошлом он был распространен и в средней полосе — в Замосковном крае, причем в основном своем значении. «...Пустошь Жарья Лука у озера у Сабра, стояла на трое на одном печище»⁷². Автор исследования Ю. В. Готье так комментирует этот отрывок: «...следовательно, между тремя частями этой не существовавшей в 20-х годах XVII века деревни была связь — они основались из одного целого,

⁶⁶ М. О. Косвен, Северорусское печище, украинские сябры и белорусское дворище, стр. 72.

⁶⁷ См. И. Ф. Симоненко, Пережитки патронимии и брачные отношения у украинцев Закарпатской области, «Советская этнография», 1947, № 1, стр. 75—83.

⁶⁸ А. Ефименко, Крестьянское землевладение на крайнем Севере, вып. 1, стр. 185—379.

⁶⁹ Там же, стр. 219.

⁷⁰ Кар., № 76 (стр. 116), 1651 г.

⁷¹ Например, Кар., № 107 (стр. 161 и 165).

⁷² Ю. В. Готье, Замосковский край в XVII в., стр. 129—130.

из одного «печища», которое, может быть, и в этой местности, столь отдаленной от северного поморья, имело значение, сходное с тем, какое ему придает г-жа Ефименко, основываясь на старинных документах русского Севера»⁷³.

Вполне правильно, на мой взгляд, характеризует историческое место печища М. О. Косвен в цитировавшейся работе. В связи со всем ранее сказанным можно добавить лишь то, что сегментация печищ и образование долевой деревни — явление позднее. Ефименко и Островская имели в своих руках материалы, относящиеся главным образом к XVII—XVIII вв. В более раннее время характерно распадение печищ на родственные гнезда. Процесс этот лишь частично отражен писцовыми книгами, в которых выработалась стандартная форма описания того, как расселились «от отцов — дети и от братьев — братья»⁷⁴. Лучше всего прослеживается он по областям восточного Поморья, колонизованным позднее⁷⁵.

Имеется этнографический материал, показывающий, что после выделения из деревни починка, а затем и других починков связь между вновь образовавшимися поселениями и печищем не прекращалась. Все же преобладала, очевидно, не хозяйственная, а идеологическая связь. Я уже говорил об описанных С. А. Приклонским группах деревень в Олонецкой губернии. Население таких групп деревень находилось в родственных отношениях, в «неразрывном вековечном союзе, составляя одно племя»⁷⁶. Гнездо деревень осознавалось как одно поселение с одним названием.

Родственный состав гнезд поселений не является, конечно, специфичным только для русского населения Севера. В конце 1920-х годов З. П. Малиновская отмечает, что деревни вепсов расположены небольшими группами, которые составляют «общества». «Помимо сельского совета, объединяющего общество в мелкую административную единицу, находящийся в обществе погост с церковью объединяет общество в приход, единицу обрядово-культового порядка»⁷⁷. Число деревень в обществе обычно варьирует в пределах от 5 до 20 (редко — больше 20 или меньше 5).

З. П. Малиновская показывает родственный состав соседних деревень, называя деревенских родственников даже «родом»: «...в значительной своей части деревни вепсов являются как бы родовыми деревнями, объединяющими тот или иной род. В таких случаях население деревни состоит из родных, двоюродных братьев, дядей и племянников»⁷⁸. Следует, конечно, иметь в виду, что в это время деревни были уже довольно большие, иногда по несколько десятков дворов. Они образовывались как путем разрастания отдельных мелких деревень, так и путем постепенного сращения деревень одного гнезда.

* * *

Все сказанное позволяет заключить, что гнезда поселений на русском Севере возникли при сегментации семейной общины в процессе заселения края. В Заонежье устойчивые гнезда поселений, населенные родственни-

⁷³ Там же.

⁷⁴ Например, ЦГАДА, Рев. ск. по Новгороду № 2541, л. 17 и др.

⁷⁵ «А по сказке земского судейки с товарищи те прибылые деревни и починки, и дворы, и во дворах люди — не пришлое иных городов и не беглые чьи люди и крестьяне; тое ж Зюздинской волости разделились от отцов дети, от братьев братья, от дядей племянники, от тестев зятья» (Богословский, Земское самоуправление на русском Севере в XVII в., М., 1909, т. I, стр. 33).

⁷⁶ С. А. Приклонский, Народная жизнь на Севере, стр. 91.

⁷⁷ З. П. Малиновская, Из материалов по этнографии вепсов, «Западнофинский сборник», Л., 1930, стр. 180.

⁷⁸ Там же, стр. 186.

ками — одним «племенем», имелись уже в конце XV в., судя по древнейшей дошедшей до нас писцовой книге Сабурова. Детальное сопоставление материалов древнейших писцовых книг с некоторыми актами, особенно с данной шунжан Вяжицкому монастырю (начало — середина XV в.), приводит к выводу о существовании в XV в. крупных родственных коллективов коренного и русского населения. Ранний распад этих коллективов задружного типа был связан с экономическими и природными особенностями Севера. Этими же особенностями объясняется и то, что населенные родственниками гнезда поселений мало сохранили экономическую и идеологическую связь.

И еще одно замечание. Гнездовой тип расселения, распространенный на Севере, резко отличается от скученного типа, отмеченного на значительной части Украины. Так называемая кучевая деревня на территории Украины признается весьма древней. Но, несмотря на сильное внешнее отличие современного украинского села от уже описанного типа расселения, в их истории можно подметить и некоторые черты сходства.

Во-первых, в цитированной работе И. Ф. Симоненко показано, что целые концы («кварталы») закарпатских украинских сел бывают заселены родственниками или людьми, помнящими свое отдаленное родство.

Во-вторых, некоторые авторы указывают нам, что украинские села XVII—XVIII вв. были значительно меньше современных и состояли из родственных, расположенных неподалеку друг от друга мелких поселений, в которых жили близкие родственники⁷⁹.

Возникает в связи с этим мысль: не является ли гнездовой тип расселения определенным этапом в истории поселений всей восточноевропейской равнины? На юге благоприятные природные и экономические условия, а также значительная плотность населения привели к тому, что гнезда там росли в крупные села; на Севере, в силу указанных выше причин, гнездовой тип расселения сохранился до наших дней.

---

⁷⁹ Иванишев, О древних сельских общинах в юго-западной России, Киев, 1863; А. Ефименко, Дворишное землевладение в южной Руси, «Русская мысль», 1892, № 4, 5.

А. А. РОСЛЯКОВ

АЛАМАНЫ

Вопрос о туркменских аламанах (набегах) давно уже поднят в исторической литературе, но вплоть до последнего времени по нему высказывались самые противоречивые суждения.

Иранские феодальные сановники и некоторые западноевропейские и русские авторы XIX в. рассматривали аламаты как основное занятие туркмен, клеветнически обвиняя весь туркменский народ в поголовном разбойничестве. При этом в одних случаях аламанство объявлялось результатом географических условий — бедности материальных ресурсов Туркмении¹, в других — объяснялось «разбойническими склонностями» туркмен, которые якобы вообще не привыкли работать².

Конечно, советские историки не могли не выступить против такого чудовищного обвинения. Составители сборника «Россия и Туркмения в XIX в.» А. Г. Соловьев и А. А. Сенников решительно возражали против стремления объявить аламаты основным занятием туркмен³. Но, к сожалению, названные авторы не смогли удержаться на правильных позициях и сделали попытку, хотя и весьма осторожную, оправдать аламаты, что вызвало справедливую критику на страницах журнала «Вопросы истории»⁴. Еще большую ошибку сделала А. И. Акатова, которая пыталась утверждать, что аламаты являлись справедливой освободительной войной туркменского народа, пыталась оправдать грабежи и даже работорговлю⁵.

Между тем источники позволяют достаточно подробно изучить вопрос о характере и социальной сущности аламанства и дать ему правильную оценку.

Многочисленные данные об аламанах содержат хивинские хроники Муниса и Агехи и иранские исторические сочинения XIX в. Об аламанах писали почти все европейские путешественники, посетившие в XIX в. Туркмению. Несомненно, все эти источники требуют сугубо критического подхода, но при сопоставлении дают достаточно убедительный материал. Кроме того, туркменские предания, собранные Г. И. Карповым⁶ и другими этнографами, позволяют внести некоторые коррективы в показания письменных источников.

В основу настоящей работы положен анализ почти двухсот набегов (аламанов и чапаулов), описанных с различной полнотой в доступных

¹ И. С. Васильев, Ахал-текинский оазис, СПб., 1888, стр. 6—8.

² Риза-кули-хан, Сафарат-намэ-и-Хорезм, «Материалы по истории туркмен и Туркмении», т. II, АН, 1938 (в дальнейшем МИТТ, II), стр. 291; Н. И. Гродеков, Война в Туркмении, СПб., т. I, 1883, стр. 87.

³ Сб. «Россия и Туркмения в XIX в.», Ашхабад, 1946, стр. 5—6.

⁴ Н. Халфин, Россия и Туркмения в XIX в., Сборник документов (рецензия), «Вопросы истории», 1948, № 10.

⁵ А. И. Акатова, Туркменские племена накануне присоединения к России, «Известия Туркменского филиала АН СССР», 1950, № 5. Впоследствии А. И. Акатова признала свою ошибку.

⁶ Г. И. Карпов, Аламаты, «Туркменоведение», 1931, № 5—6.

автору источниках и исследованиях. Использовались также общие высказывания об аламанах, сделанные наблюдателями и исследователями XIX в., работы Г. И. Карпова, туркменские предания, любезно сообщенные С. Н. Иомудским. Х. Хановым и рядом других лиц, произведения туркменских поэтов XV—XIX вв. и архивные материалы.

Прежде всего следует сказать, что аламаны не были специфически туркменским занятием: грабительские набеги — обычное явление для всех обществ, где господствуют полупатриархальные-полуфеодальные отношения, будь то кавказские горцы, туареги Сахары, бедуины Аравии и тангуты Центральной Азии в XVIII—XIX вв. или же скандинавы времен викингов. Сами туркмены часто подвергались набегам со стороны соседних феодалов, особенно иранских. Иранские исторические сочинения пестрят сообщениями о нападениях иранских войск на туркменские селения, об уничтожении аулов, угоне скота, истреблении и обращении в рабство людей.

В 1809 г. иранские войска Мухаммед-вели-мирзы разграбили и опустошили земли туркмен от Нисы до Теджена. «Много туркмен пало от его меча, множество он сделал пленниками. На долю воинов досталась приличная добыча, в общей сложности состоявшая из ста тысяч голов скота. Много (туркмен) было обезглавлено, а головы их были посланы ко двору шаха»⁷.

В 1813 г. иранский шахзадэ Мухаммед-кули-мирза послал войска, «...чтобы они убивали, забирали в плен и грабили племя теке, обитателей Бами и Беурма, самых знатных из этого племени. Назначенные устроили внезапное нападение в день праздника разговенья; с первым же ударом многочисленная группа мужчин стала жертвой меча, две тысячи юношей, мужчин и прекрасных женщин стали пленниками. Взяв в добычу более пятидесяти тысяч верблюдов, быков, овец, коней, кобылиц и имущество, они направились в обратный путь»⁸.

Очень часто такие походы официально объявлялись «карательными экспедициями», хотя в действительности в обстановке непрерывной пограничной войны невозможно было определить, кто «просто» нападал, а кто совершал «ответный» набег.

Аламан как вид войны имеет длинную историю. Корнями своими аламаны восходят к периоду разложения первобытно-общинного строя, когда основным видом войны стали грабительские набеги, служившие постоянным источником доходов для племенной знати. Знать всячески разжигала межплеменную вражду, стремясь втянуть в набеги трудящихся и этим увеличить численность своих отрядов.

Эту грабительскую сущность, как мы покажем ниже, аламаны сохранили и в XIX в., когда у туркмен господствовали полупатриархальные-полуфеодальные отношения. Феодалы использовали аламаны как одну из форм обычных феодальных междоусобных войн, а также как средство подавления «непокорных» туркменских племен и родов, пытавшихся сбросить ярмо угнетения.

Прежде чем перейти к рассмотрению вопроса о социальном характере аламанства, следует осветить методы организации и проведения аламанов, а также выяснить, на какие объекты они обычно направлялись.

Аламаном назывался набег, совершаемый отрядом различной величины — от нескольких человек до 2—3 тысяч всадников. Он мог совершаться как в мирное время, так и во время войны⁹. Аламаном назывался также отряд, совершавший набег, и воин — участник набега.

⁷ Тарих-и-каджарийе, МИТТ, II, стр. 208.

⁸ Ма'асир-и-султанийе, МИТТ, II, стр. 218.

⁹ В последнем случае иногда употреблялся термин «чапавул» (чапаул). Этот термин чаще употребляли узбеки, но он существовал и у туркмен.

Для каждого набега формировался специальный отряд, после возвращения распадавшийся. Большинство русских авторов XIX в. определяет обычную численность отрядов аламанщиков от 150 человек и выше¹⁰, но данные восточных хроник позволяют внести некоторые поправки к этому мнению и определить обычную численность подобных отрядов от 25 до 500 человек.

Всей организацией аламана ведал сердар, который выбирал объект нападения, обдумывал план набега и практически руководил последним. Во главе крупных отрядов иногда стояло несколько сердаров. Сердар, задумавший набег, объявлял о своем намерении по аулам, и в назначенный день к нему съезжались все, кто хотел принять участие в набеге. Как общее правило, все аламанщики были всадниками, хотя иногда в составе крупных отрядов была и пехота на верблюдах¹¹.

Большое внимание обращалось на вооружение и снаряжение. Участники аламанов были, как правило, хорошо вооружены — много лучше, чем туркменское войско в целом. Отряд аламанщиков, встреченный Бернсом в 1833 г., был поголовно вооружен саблями и копьями; многие туркменские всадники имели кавалерийские ружья¹². Позднее Быков также отмечал хорошее вооружение аламанщиков¹³. Обоза мелкие отряды не имели: всадники брали запас жареной баранины (очевидно, коурмы) и лепешек для себя¹⁴ и джугары для лошадей¹⁵. Большие отряды, особенно отправлявшиеся на значительное расстояние, как правило, имели обоз (жөң), состоявший из верблюдов, груженных фуражом и водой¹⁶. Особенно крупные отряды, насчитывавшие несколько тысяч всадников, иногда высылали вперед на место привала часть людей для рытья колодцев¹⁷. Из осадных средств аламанщики иногда брали с собой лестницы¹⁸.

Несомненный интерес представляет выяснение наиболее обычных объектов аламанов.

Даже тогда, когда аламань совершались во время войны и являлись одним из методов ее ведения, а тем более в мирное время, они очень редко направлялись на войска и крепости противника. Среди 142 аламанов XIX в., объекты которых можно установить, таких случаев было лишь 14. Во всех остальных случаях аламань направлялись на невоенные объекты — села, города, караваны, стада и т. п. — безразлично, происходило ли это в мирное время или в военное. Чаше всего аламань направлялись на неукрепленные или слабо укрепленные села, кочевья, стада на пастбищах, отдельные группы людей, удалившихся от селений (охотники, угольщики, сборщики топлива) — 107 набегов из 142. Весьма обычным видом аламанов были грабежи на больших дорогах из Бухары в Оренбург, из Бухары в Мерв (Репетекская дорога) и других. На дорогах аламань подстерегали торговые караваны и паломников. Гораздо реже происходили нападения на хорошо укрепленные селения и города — всего 6 случаев. Таким образом, больше всего страдало от аламанов сельское население, оседлое и кочевое (в том числе и туркменское).

¹⁰ «Россия и Туркмения в XIX в.», стр. 199; Быков, Теке Мерва, Ташкент, 1879;

Н. И. Гродеков. Война в Туркмении, т. I, стр. 56 и сл.

¹¹ «Россия и Туркмения в XIX в.», стр. 199.

¹² Бернс, Путешествие в Бухару, ч. III, М., 1849, стр. 70, 93.

¹³ Быков, Теке Мерва.

¹⁴ «Новое время», 1879, № 1326.

¹⁵ «Туркестанский сборник», т. 27, л. 305.

¹⁶ Мунис и Агехи, Фирдаус-уль-икбаль, МИТТ, II стр. 401, 502—503.

¹⁷ Там же, стр. 401, 502—503.

¹⁸ Там же, стр. 256—257, 273; Житков, Текинско-персидские укрепления, «Инженерный журнал», 1883, № 5, стр. 43; Н. И. Гродеков, Война в Туркмении, т. I, стр. 58.

Важнейшими объектами захвата в аламанах были пленники (особенно пленницы) и скот. Аламаты, совершаемые не только туркменами, но также курдами, афганцами и другими, были основным источником рабства, сохранившегося, как известно, в Средней Азии до ее присоединения к России, а в других странах Среднего Востока и в более позднее время. Захватывали в плен людей на полях, пастухов, купцов и просто одиночек-чужестранцев. Пленных обычно продавали на невольничьих рынках Хивы, Бухары и Ирана, но иногда оставляли в туркменских аулах (кулы, грнак) или отпускали за выкуп. Стремались также угнать скот; если предстояло гнать его через пустыню, то брали в первую очередь верблюдов и лошадей и лишь затем овец; если расстояние было невелико, забирали любой скот, в том числе ослов, коров и быков. Захватывалось также и всякое другое ценное имущество. При удачном аламате добыча (олджа) могла быть весьма значительной: золото, дорогие ткани, сотни пленников, десятки тысяч голов скота¹⁹. Даже и в тех более частых случаях, когда результаты были гораздо более скромными, аламаты причиняли страшное разорение населению, подвергнувшемуся грабежу. Аламаты редко обходились без убийства; иногда погибали сотни людей, опустошались целые районы.

Аламаты чаще всего совершались осенью, но бывали и в другие времена года. Из 114 аламанов, время проведения которых удалось установить, 40 было совершено осенью, 21 — зимой, 26 — весной и 27 — летом. Следует при этом отметить, что из 27 летних набегов 24 приходится на набеги, производившиеся во время войны; «обычные» грабительские набеги летом совершались сравнительно редко. Но в общем население могло ожидать нападения в любое время года, тем более, что военные действия часто начинались именно аламатами без всякого предупреждения.

Методы проведения набегов имели много общего с набегами у других кочевых народов. Эти методы были различны для небольшого отряда в 50—100 всадников и для войска в 2—3 тысячи человек.

Действия мелкого конного отряда строились на быстроте и скрытности марша, внезапном стремительном ударе и таком же быстром уходе с добычей. Значительный отряд мог действовать иначе — открытой силой. Конечно, и здесь была необходима скрытность действий, но уже для другого: чтобы заранее предупрежденный противник не укрылся от нападения.

Примером тактики небольшого отряда может служить набег йомутского сердара Сары-Карная на Ахал летом 1817 г. Привожу рассказ Агехи (в переводе П. П. Иванова): «В понедельник 28 числа того же месяца (28-го шабана 1232 г. х. = 13 июля 1817 г. — А. Р.) Сары-Карнай, вместе с сотней избранных джигитов из йомутов, получили разрешение хана на совершение набега. Войдя в пески к западу от (мазара) святого Йоми-Махмуд-ата и двигаясь окольными путями, отряд подошел к одному из колодезев, находящихся по ту сторону Ахала²⁰ на расстоянии дневного перехода. Напав стремительно (на теке), отряд убил четырнадцать человек, забрал большую добычу, в том числе шестьсот верблюдов, и пошел обратно. В середине месяца рамазана они (воины) были приняты ханом и удостоились его высоких милостей и наград. Весь этот поход продолжался 20 дней»²¹.

В этом лаконичном рассказе четко выступают все характерные черты набега, совершенного бандой профессиональных аламанщиков под руководством известного разбойничьего вожака первой половины XIX в. Здесь

¹⁹ МИТТ, II, стр. 268—269, 356, 531.

²⁰ В данном случае перевод неточен: слово «арка» здесь обозначает не «по ту сторону», а «севернее».

²¹ Мунис и Агехи, Фирдаус-уль-икбаль, стр. 400.

все типично — и величина отряда, и его состав («избранные джигиты»), и быстрый скрытный марш (40—50 км в сутки «окольными путями»), и внезапный налет на мирное кочевье, закончившийся убийством 14 человек (без потерь у нападавших) и угоном большого количества скота, т. е. разорением множества семейств, и даже получение «высоких милостей и наград» за убийство и разбой от организатора злодеяния — хивинского хана. Следует добавить, что поводом для этого и многих других набегов послужило упорное нежелание текинцев Ахала подчиниться хану Хивы.

Весьма близок к описанному другой набег, совершенный осенью 1879 г. аламанщиками Ахала на один из йомутских аулов в 20 верстах от Красноводска. 300—400 всадников, вооруженных саблями и ружьями и имевших заводных лошадей, скрытно преодолели пустыню между Кызыл-Арватом и Красноводском и 16 октября, перед зарей, с криком обрушились на не ожидавший нападения аул из 50 кибиток. Неорганизованное сопротивление было быстро сломлено (мужчин в этот момент в ауле почти не было), старики и старухи перебиты, около 100 женщин уведено в плен, прежде чем гарнизон Красноводска успел оказать помощь. Причиной набега послужило стремление реакционной феодально-клерикальной знати Ахала отомстить йомутам за добровольный переход в русское подданство²².

Крупные набеги, предпринимавшиеся сильными отрядами, проводились обычно несколько иначе. Такой отряд, прибывший в район, намеченный для ограбления, располагался там лагерем и высылал во все стороны мелкие банды, подвергавшие все окрестности погрому и разорению. Примером может служить набег, совершенный двухтысячным отрядом хорезмских туркмен, узбеков и каракалпаков под предводительством Алашбия на Ахал зимой 1818 г.²³ Интересно, что в этом набеге участвовал глава хивинского духовенства шейх-уль-ислам Кутбэддин-ходжа (Кути-ходжа), сам известный аламанщик.

Набеги распадалась на несколько этапов. Первым этапом был сбор отряда, во время которого сердар сообщал план набега, а остальные участники давали клятву хранить этот план в тайне и повиноваться сердару. Сбор назначался вдали от населенных мест. Вторым этапом было движение в район набега. Мелкие отряды шли скрытно, часто ночными переходами (особенно в горах Копет-дага), по малоизвестным пустынным и горным тропам. За сутки часто делали 50—60 км. На походе обычно охранялись парными дозорами, но вообще охранение было поставлено плохо.

Третьим этапом был подход к объекту набега. При этом крупные отряды, как правило, отсылали свой обоз назад, чтобы действовать налегке (это был старинный степной прием, которого строго придерживались туркмены). Вперед высылались конные разъезды, которые должны были произвести разведку и по возможности захватить «языка», показания которого использовались для окончательного выбора объекта и выработки плана нападения. К намеченному объекту часто подходили ночью.

Четвертым этапом было нападение и захват добычи. Здесь приемы были весьма разнообразны в зависимости от характера объекта и обстановки. Аламанщики всегда стремились избежать боя. Если вблизи от объекта нападения были войска (гарнизон, конвой), их старались отвлечь ложным нападением. На неукрепленные села и кочевья старались напасть внезапно, чаще всего на заре или ночью. Для захвата укрепленных селений пользовались другим приемом — ночью располагались в засаде у ворот и на рассвете, как только жители начинали выгонять скот, стреми-

²² «Новое время», 1879, № 1326.

²³ Мунис и Агехи, Фирдаус-уль-икбаль, стр. 412—413.

тельно врывались в селение²⁴. Города и крепости нередко захватывали и грабили, врываясь через ворота, открытые в базарный день.²⁵ Во всяком случае захват укрепленных пунктов был для аламанщиков, имевших самую примитивную осадную технику, делом нелегким и рискованным. Не имея времени и средств для правильной осады, аламанщики (если не представлялось возможности взять крепость внезапным нападением) предпочитали ограничиваться захватом крестьян на полях, пастухов, угольщиков, сборщиков топлива.

Нападения на караваны часто совершались из засад. В таких случаях караван обычно не успевал оказать серьезного сопротивления, но иногда разбойников встречала организованная оборона. Люди каравана выстраивали верблюдов в круг, клали их (всех или только внешний ряд) на землю и начинали отстреливаться, причем иной раз отбивали все нападения²⁶.

Пятым этапом было возвращение с добычей. Это был опасный момент. Отряд аламанщиков, обремененный добычей, часто подвергался энергичному преследованию и порой терял все награбленное и даже погибал. Поэтому во время отхода обязательно высылались охранение, на пути движения за собой засыпались колодцы, чтобы помешать преследованию, устраивались засады, не раз уничтожавшие неосмотрительных преследователей²⁷. Был распространен и другой прием — заманить преследователей поглубже в пески и там истребить, когда они ослабеют от жары и жажды²⁸. Существовал особый способ для того, чтобы раззадорить преследователей и увлечь их подальше в глубь пустыни — лили в песок растопленное масло, которое долго сохранялось в песке и создавало полную иллюзию свежей конской мочи²⁹. Преследователи, видя это, ускоряли темп движения, будучи уверены, что вот-вот наткнутся на отходящий отряд, и заходили слишком далеко от колодцев в безводные пески, где погибали от жажды или попадали в засаду. Но часто случалось и обратное: сотни аламанщиков складывали свои головы в неудачных набегах, подобно одному из самых «знаменитых» текинских сердаров — Мухамед-шейху³⁰. Пленных аламанщиков обычно убивали без всякой пощады — только иногда им удавалось выкупиться из плена за огромные деньги: так, например, Тыкма-сержар выкупился за 1000 туманов.

После возвращения или в последние дни похода наступал заключительный акт аламана — дележ добычи. Нам точно не известны правила роздачи добычи. Все наиболее осведомленные авторы утверждают, что доля сержара была значительно выше, чем доля рядового участника; кроме того, по некоторым сведениям, часть добычи отдавалась духовенству³¹. Хивинские аламанщики пятую часть добычи отдавали хану, как это полагалось по шариату. Эта доля называлась «ган»³².

Не подлежит сомнению, что непосредственной и важнейшей целью аламана с точки зрения его участников был грабеж. Захваченная добыча фигурирует постоянно при описаниях аламанов, даже если весь ход набега излагается кратко и в общих чертах. Невозможность захватить до-

²⁴ Н. И. Гродеков, *Война в Туркмении*, т. I, стр. 58.

²⁵ Мунис и Агехи, *Фирдаус-уль-икбаль*, стр. 418.

²⁶ О таком способе обороны пишет еще Дженкинсон (см. «Английские путешественники о Московском государстве в XVI веке», Л., 1937, стр. 180). Сохранился этот способ и в XIX в.

²⁷ См., например, Быхов, Теке Мерва.

²⁸ Ср. легенду о Кеймир-Кёре (И. А. Беляев, *Из истории туркмен Закаспийской области*, Протоколы Закаспийского кружка любителей археологии, вып. 2, Асхабад, 1916).

²⁹ Сообщено С. Н. Иомудским.

³⁰ Гулибеф де-Блоквиль, *Четырнадцатимесячный плен у текинцев*, «Всемирный путешественник», вып. 33.

³¹ «Новое время», 1879, № 1326.

³² Мунис Агехи, *Фирдаус-уль-икбаль*, стр. 400.

бычу расценивалась и участниками аламана, и авторами хроник как неудача аламана.

Кто же организовывал эти грабительские набеги и участвовал в них? Были ли они занятием всего народа или только определенной его части? На эти вопросы источники дают достаточно полный и определенный ответ.

Тенденциозные иранские сочинения, некритически воспринятые некоторыми европейскими историками, пытались, как сказано выше, изобразить туркмен народом аламанщиков, для которого разбой — основной источник существования. Риза-кули-хан, иранский сановник середины XIX в., писал о туркменах: «ни хлебопашеством, ни (вообще) земледелием, которые являются основой процветания страны (они не занимаются), — все время проводят в набегах, сплошь питаются от продажи пленных»³³. Приблизительно то же писал Вамбери, а с его слов повторяли многие «знатоки Туркмении», такие, как П. С. Васильев, Майер и т. п., дополняя эту клевету глубокомысленными рассуждениями о том, что же послужило причиной, сделавшей аламаны основным занятием туркмен: скудная природа Туркмении или же некая «врожденная склонность туркмен к разбоям». Эти общие рассуждения заменяли собой подлинное изучение фактов и не имели ничего общего с истиной.

Чтобы убедиться в нелепости представления об аламанах как основном источнике существования туркмен или хотя бы занятий, имевшем серьезное значение для их экономики, достаточно привести данные об итогах аламанов хивинских туркмен в 1818 г. по хронике Агехи³⁴. Этот год целесообразно выбрать по двум причинам: во-первых, в 1818 г. особенно усилились хивинские аламаны на Ахал; во-вторых, аламаны этого года описаны особенно подробно, вплоть до мелких набегов силами 30—40 человек. Поэтому можно не опасаться, что данные о размерах добычи аламанщиков в этом году, приведенные Агехи, будут меньше средней действительной «нормы» — скорее, наоборот.

Агехи сообщает о 9 набегах, имевших место в 1818 г., в том числе об одном крупном, с участием 2000 всадников, и 7 более мелких с числом участников от 30 до 700 человек. В одном случае численность отряда не сообщается, но по характеру действий и числу сердаров можно предположить, что в набеге участвовало несколько сотен всадников — скорее всего от 300 до 500. Общая численность аламанщиков, принимавших участие в набегах в 1818 г., составляет приблизительно 3700—3800 человек. При этом, судя по именам военачальников, участвовавших в наиболее крупном набеге 1818 г. — набеге Алаш-бия, — его двухтысячный отряд состоял в основном из узбеков, да и в некоторых других отрядах также был смешанный, узбекско-туркменский, состав. Таким образом, в аламанах 1818 г. приняло участие вряд ли более 2500 хивинских туркмен. Это, конечно, немалое число. Но следует учесть, что в то же самое время одних йомутов в Хиве было не менее 7—8 тысяч семейств³⁵, причем каждая семья выставляла двух вооруженных всадников, т. е. всего насчитывалось 14—15 тысяч всадников. Мы не имеем для этого времени данных о численности других туркменских племен — човдуrows, емрели, гокленов, карадашлы, ата и т. д., но, судя по числу нукеров, выставлявшихся ими в 1827 г.³⁶, и численности этих племен во второй половине XIX и начале XX в.³⁷, они были в общей сложности немногим малочисленнее йомутов. Получается, что из 12—15 тысяч семейств, способных выставить 25—30 тысяч воинов, в набегах участвовало лишь 2500 всад-

³³ Риза-кули-хан, Сафарат-нам-и-Хорезм, стр. 291.

³⁴ МИТТ, II, стр. 405—414.

³⁵ Там же, стр. 359.

³⁶ П. П. Иванов, Архив хивинских ханов, Л., 1940, стр. 168—170.

³⁷ В. Лобачевский, Военно-статистическое описание Туркестанского военного округа. Хивинский район, Ташкент, 1912, стр. 54—55.

ников, т. е. 1 всадник на 5—6 семей. И это в год наиболее напряженных набегов! Но фактически число участников аламанов было еще ниже, так как из хроники Агехи явствует, что многие сердары (Сунбад-сердар, Мурад-сердар, Сары-Карнай), а с ними, конечно, и их сподвижники, участвовали за год не в одном, а в двух-трех аламанах. Сопоставляя все эти данные, можно утверждать, что в аламанах 1818 г. участвовало лишь незначительное число туркмен, вероятно, не более 5—10% боеспособных мужчин. Данные по всем другим годам дают еще более низкие цифры.

Следует учесть также, что каждый аламан длился в общем недолго. Даже хивинские аламаны, вообще более затяжные в связи с необходимостью преодолевать Кара-Кумы, продолжались, как правило, не дольше 20—25 дней. Таким образом, аламаны не могли надолго отвлечь их участников от других занятий.

Посмотрим теперь на добычу аламанщиков в 1818 г. Почти все аламаны 1818 г. были «удачны», и данные о добыче и числе пленных приводятся весьма подробно (кроме сообщения о количестве скота, угнанного во время большого набега Алаш-бия на Ахал). Во время остальных восьми набегов было угнано в общей сложности 1450 верблюдов и около 5000 баранов, не считая прочего награбленного имущества (о нем подробно не говорится, так как оно, повидимому, особой ценности не представляло) и небольшого количества — не более десятка — отбитых лошадей. Пятая часть награбленной добычи выделялась хану Хивы. Учитывая, что в этих восьми набегах участвовало 1700—1800 человек, мы видим, что на каждого аламанщика в среднем приходится не многим более $\frac{1}{2}$ верблюда и около 2 баранов. Кроме этого, в 1818 г. аламанщики убили в общей сложности несколько более 200 человек³⁸, за что, исходя из обычной «таксы», установленной в Хиве, они должны были получить от хана 1000 тилля, т. е. 4000 рублей серебром³⁹. Наконец, от продажи 79 приведенных пленных они могли выручить до 4000 тилля (фактически меньше, так как пятая часть пленников также поступала хану). Всего хивинские аламанщики 1818 г. — туркмены, узбеки и другие — должны были получить около 4 тысяч тилля, что составляло в среднем менее 1,5 тилля на человека.

Итак, средняя добыча аламанщика в 1818 г. составляла около $\frac{1}{2}$ верблюда, 2 барана и от 1 до 1,5 тилля, не считая того, что доставалось ему при разделе скудного имущества ограбленных дайхан Ахала и Теджена. Это в общем немного. Действительно, результаты изучения других аламанов XVIII—XIX вв., описание которых сохранилось в источниках, говорят, что средняя доля их участника была невелика. Конечно, бывали и более «удачные» набеги, когда захваченное золото «мерили чашками»⁴⁰, когда аламанщики угоняли в один раз по 40 тысяч верблюдов и 80 тысяч овец⁴¹ или захватывали тысячи пленных⁴², но, во-первых, такие случаи насчитываются единицами, по 2—3 в 50 лет, а, во-вторых, подобные набеги предпринимались отрядами в 2—3 тысячи всадников, так что рядовые аламанщики получали при разделе опять-таки немного.

Кроме того, как выяснено выше, в аламанах 1818 г., как и в другие годы, участвовало лишь меньшинство туркмен, примерно один всадник на 5—6 семейств. «Валовой доход» от аламанов, если бы он распределялся равномерно между всеми туркменами, составлял, по хивинским

³⁸ Учитывается набег Алаш-бия (100 убитых и 77 пленных), но не учитывается набег Сары-Карная в октябре-ноябре 1818 г., когда «по ошибке» были разгромлены 50 семейств текинцев, подчинившихся хивинскому хану: очевидно, что в данном случае аламанщики за убитых и пленных награды получить не могли, продать пленных — также.

³⁹ Считая тилля за 4 руб. серебром, как было принято во время путешествия в Хиву Н. Н. Муравьева (1819—1821).

⁴⁰ Мунис и Агехи, Фирдаус-уль-икбаль, стр. 356.

⁴¹ МИТТ, стр. 531.

⁴² Там же, стр. 268—269.

ценам первой половины XIX в.⁴³, около 15 батманов пшеницы в год на семью; для того, чтобы правильнее оценить эти данные, следует сказать, что в Хиве первой половины XIX в. обычный рацион раба составлял 3 батмана пшеницы в месяц, т. е. 36 батманов в год⁴⁴.

Совершенно очевидна вздорность клеветнических утверждений о том, что аламань являлись «основным занятием» туркмен. В действительности в аламань участвовало не более 5—10% туркмен-мужчин и при этом лишь в течение 10—20 дней в году, а общая сумма «доходов» от аламань по отношению к численности туркмен была невелика. К тому же надо учесть, что большинство туркменских племен страдало от аламань не в меньшей степени, чем наживалось от них.

Кто же выступал в качестве организаторов и участников аламань? В источниках содержится достаточно данных, чтобы ответить и на этот вопрос. Из хроник Муниса и Агехи и архивов хивинских ханов видно, что туркмены — участники хивинских аламань — это «сипахи»⁴⁵, нукеры⁴⁶, «избранные джигиты»⁴⁷, одним словом, — представители военно-феодальной верхушки туркменских племен, тесно связанной с ханским двором. За плечами этих головорезов стоял сам хан Хивы, глава одного из самых архаических и реакционных политических режимов Средней Азии в XIX в. Удачливые предводители аламань высоко поднимались в хивинском государстве, становились крупными сановниками, племенными вождями. Говоря о сборе войск для похода в Хорасан в 1826 г., Агехи называет, между прочим, «...высоких особ йомутского племени: Давли-бахши, хан Мухаммед-векиль, Кока-сердар, Ораз Мухаммед-векиль, Баги-бек-бегахдыр, Берды-бек-бегахдыр, Берды-хан-татар и Сары-Карнай-сердар, из которых каждый преуспел в чинах и степенях через посредство искренней службы его величеству»⁴⁸. Почти все названные здесь предводители — крупнейшие аламанщики первой половины XIX в., руководившие не одним десятком братоубийственных набегов на теке, сарыков и эрсари. Эти профессиональные разбойники с такой же легкостью переходили на положение хивинских вельмож и военачальников, с какой английские пираты XVI в. — Дрейк, Ралей, Гаукинс и другие — превращались в адмиралов королевского флота, продолжая действовать своими привычными методами, но уже от имени королевы.

Выше говорилось, что покровителем, а часто даже инициатором аламань выступал сам хивинский хан, получавший значительный доход от работоторговли и пятую часть добычи; кроме того, он имел возможность направлять аламань в соответствии со своими политическими целями — то против Ирана, то против Бухары, то против восставших теке и сарыков, то, наконец, силами теке и сарыков против восставших йомутов. Нуждаясь в услугах аламанщиков, хан щедро награждал их золотыми и серебряными кинжалами, почетными халатами, конями в золотой сбруе. За каждую отсеченную голову «врагов», привезенную аламанщиками, хан платил 5 тилля (20 руб. серебром), за каждого живого пленника — 10 тилля⁴⁹. В некоторых случаях, во время подавления наиболее крупных и опасных для хивинского правительства восстаний туркменских племен, эта кровавая такса повышалась вдвое⁵⁰.

Активное участие в аламань принимало духовенство. Шейх-уль-ислам Кутбэддин-ходжа лично возглавлял многие аламань, в том числе большой набег на Мешхед в 1833 г. Даже свой сан шейх-уль-ислама он получил в

⁴³ См. П. П. Иванов, Архив хивинских ханов, стр. 99—100, 102.

⁴⁴ Там же, стр. 97 и сл.

⁴⁵ Мунис и Агехи, Фирдаус-уль-икбаль, стр. 412, 416.

⁴⁶ Там же, стр. 444 и др.

⁴⁷ Там же, стр. 400 и др.

⁴⁸ Там же, стр. 434.

⁴⁹ Там же, стр. 400.

⁵⁰ Там же, стр. 504.

награду за удачный аламан⁵¹. Часто ходили в аламань и суфийские ишаны⁵². Аламань, являясь обычным проявлением феодальных усобиц, устраивались и феодальными противниками хивинского хана, например, Мурадом Суфи и другими.

Йомуты устраивали аламань во время большого восстания в 1850—1860-х годах⁵³, носившего в общем народный, освободительный характер, хотя в нем участвовала и йомутская знать. Но в целом источники создают совершенно определенную картину: у хивинских туркмен XIX в. основную роль в аламане играла военно-феодальная знать — феодально-родовые вожди, нукеры и т. д.; большинство аламанов совершалось или с разрешения хивинского хана, или по его прямому приказанию.

Приблизительно так же дело обстояло и в Бухаре, хотя связь эмира с аламанщиками здесь не была такой тесной и постоянной, как в Хиве. И здесь туркмены использовались для проведения аламанов против врага, за что получали награды. Так, Шах-Мурад использовал приамударьинских туркмен для набегов на Мерв⁵⁴, эмир Хайдар — для набегов на Хорезм⁵⁵. Набеги организовывала и возглавляла эрсаринская феодально-родовая знать, тесно связанная с бухарским правительством и получавшая от него почетные титулы — дадха, караулбеги, бий, токсаба и другие. В основном аламань эрсаринских сердаров были направлены не на бухарских подданных — узбеков и таджиков, а за пределы Бухары, на теке, салоров, сарыков, на города и оседлые селения между Балхом и Гератом⁵⁶. Эрсаринский поэт Сеиди в стихотворении «Баралы, беглер» весьма реалистически рисует аламань на Хорасан⁵⁷.

Об аламане туркмен прикопетдагской полосы и Атрека также имеется немало свидетельств. Наиболее внимательные русские наблюдатели решительно выступали против огульного обвинения туркмен в аламанстве. Корреспондент газеты «Голос» еще в 1876 г. писал в статье «С берегов Каспийского моря»: «...не бедняки туркмены заправляют крупным грабежом, а их ханы, ведущие торговлю людьми. Обыкновенно бедные туркмены выходят на грабеж по найму от того или другого хана и за каждого доставленного в степь перса получают весьма небольшое вознаграждение»⁵⁸.

В иранской хронике «Насих-ут-таварих» содержится яркая характеристика подобных крупных предпринимателей-работоторговцев, принадлежавших к салорской аристократии: «Эти люди возводили свой род к Тулуй-хану, сыну Чингиз-хана, и зовут они его Салыр-ханом. Они считают себя принадлежащими к слишком высокому рангу для того, чтобы заниматься резней и захватом пленных. Поэтому туркмены (племен) теке, сарык, имрели и алиэли приходят к ним, одалживают у них коней и оружие, а как только им удастся победить и взять в плен (кого-либо из) проезжих и шиитов, то они привозят пленных и (захваченное) имущество к ним (салырам) с поздравлением и половину (добычи) отдают на их долю»⁵⁹. Таким образом, эти знатные салоры выступали как организаторы и вдохновители набегов, хотя сами не участвовали в них. Часто в роли организаторов аламанов и работоторговли выступали также иранские феодалы, превращавшиеся в сподвижников и союзников туркменских сердаров⁶⁰.

⁵¹ Мунис и Агехи, Фирдаус-уль-икбаль, стр. 400.

⁵² «Россия и Туркмения в XIX в.», стр. 193—194.

⁵³ Агехи, Джами-уль-вакыат-и-султани, МИТТ, II, стр. 552 и др.

⁵⁴ Мир-Абдуль-Керим бухарский, История Средней Азии, МИТТ, II, стр. 197; ср. Ефремов, Десятилетнее странствование, М., 1952, стр. 23.

⁵⁵ Мунис и Агехи, Фирдаус-уль-икбаль, стр. 424.

⁵⁶ Н. Маев, Степные пути от Карши к Аму-дарье, «Известия Русского географ. об-ва», вып. III, 1881.

⁵⁷ Сейди, Сайланан эсерлер, Ашгабад, 1948, стр. 37—38.

⁵⁸ «С берегов Каспийского моря», «Голос», 1876, № 193.

⁵⁹ «Иранские источники по истории туркмен XIX в.», МИТТ, II, стр. 227.

⁶⁰ См., например, Риза-Кули-хан, Сафарат-намэ-и-Хорезм, стр. 290—291.

Наиболее известные сердары Ахала и Мерва — Мурад-сердар, Хани-Кор-сердар, Мухаммед-шейх, Ак-Мухаммед-хан, Софи-хан, Курбан-Мурад-ишан, Тымка-сердар и другие — были одновременно руководителями политической жизни Ахала и Мерва, феодально-родовыми вождями, видными представителями суфийского духовенства, крупными землевладельцами. Таким образом, и здесь руководящее ядро аламанщиков состояло из феодальной знати, привлекавшей к участию в аламанах бедноту на кабальных условиях: «подрядчики» или брали половину добычи в уплату за пользование конем и оружием, или платили беднякам «сдельно» за каждого приведенного пленного.

Можно сказать с уверенностью, что аламаны были постоянным занятием не туркменского народа, а сравнительно небольших «аристократических шаек». В бюджете главарей и членов этих шаек грабеж и работорговля, несомненно, играли крупную роль. «Ата-векиль и Назар-векиль, — пишет Агехи, — принадлежавшие к знати йомут, долгое время вместе с аламанщиками этого племени занимались грабежом имущества и уводом детей и населения богохранимого государства (Хивы)... Продавая похищенных, они содержали этим свои семейства»⁶¹. На грабеже, крови и страданиях создавались богатство и политический вес.

Более широкие слои туркменского общества привлекались к аламанству лишь эпизодически, отчасти путем найма бедняков, отчасти в порядке выполнения «долга», налагаемого архаическими родо-племенными традициями и исламской религией. Для оправдания грабительских набегов и вовлечения трудящихся в свои кровавые дела туркменская феодально-родовая знать использовала весь арсенал средств идеологического воздействия, начиная с пережиточных патриархально-родовых представлений и религии и кончая художественной литературой.

Феодально-родовая знать всячески поддерживала и культивировала архаические представления об аламани как о законном и справедливом способе коллективной самозащиты, справедливой мести; при этом участники аламаны объявлялись героическими исполнителями воли племени, его защитниками от покушений «чужих», соседей-врагов, мстителями за обиды родного племени, хотя в действительности аламаны лишь давали соседним феодалам удобный повод для ответных грабительских набегов и несли народу страдания и разорение. Распространение подобных взглядов, искажавших подлинную грабительскую природу аламанства, облегчалось и обуславливалось сохранением у туркмен ряда архаических патриархальных пережитков и институтов.

Той же знатю искусственно культивировалась и разжигалась межплеменная вражда, поднимались всевозможные старые «счеты», позволявшие найти «законный» повод для организации грабительского нападения на соседей⁶². Эти «счеты» в обстановке непрерывных войн и столкновений были так перепутаны, что жадные до грабежа аристократические шайки всегда могли найти подходящий предлог, «оправдывавший» организацию очередного разбойничьего нападения.

Для оправдания аламанов необычайно широко использовались мусульманская религия и нормы шариата. Участие в аламанах против «неверных» шиитов-иранцев, русских или народных повстанцев, которых, согласно шариату, считали «еретиками», «отступниками от ислама» и т. п., объявлялось выполнением религиозного долга; мусульманские богословы учили, что смерть в таком аламани делает «шехидом», мучеником за веру, открывает дорогу в рай. «Поскольку священная война является одним из предписаний корана, — пишет Агехи, — мусульмане должны ежегодно обнажать свой меч против неверных. В соответствии с этим

⁶¹ Агехи, Шахид-и-икбаль, МИТТ, II, стр. 615.

⁶² Как это сделала, например, йомутская знать в 1885 г. (см. Агехи. Джами-уль-вакыат-и-султани, стр. 547).

постановлением и для выполнения указанной религиозной обязанности, хан... назначил одного из йомутских предводителей Кока-сердара, из племени ошак, с сотней лучших йомутских воинов для набега на хорасанских кызылбашей»⁶³. Изуверская проповедь «священной войны», грабежей и убийств под маской религиозного фанатизма велась в первую очередь представителями суфийского духовенства — пирами, ишанами, которые, как уже говорилось, часто лично участвовали в аламанах и во всяком случае их инспирировали⁶⁴. Отправляясь в набег, аламанщики всегда старались заручиться «помощью свыше» — благословением ишана, талисманами⁶⁵, а по возвращении отдавали ему часть добычи⁶⁶. Многие к тому же были мюридами этих ишанов.

Для оправдания аламанов и вовлечения в них трудящихся, зная, пыталась использовать возникшее в период разложения первобытно-общинного строя известное представление, что делом, достойным свободного мужчины, является война, грабеж, а не труд. Представления о «благородном» характере грабительских войн и «позоре» труда были очень живучи и в рабовладельческом, и в феодальном обществе (средневековое рыцарство, особенно во Франции, Германии и Испании, японские самураи). Конечно, эти взгляды вырабатывались не в народной, а в военно-рабовладельческой и военно-феодальной среде, но следует иметь в виду, что «в каждую эпоху мысли господствующего класса суть господствующие мысли, т. е. тот класс, который представляет собой господствующую *материальную* силу общества, есть в то же время и его господствующая *духовная* сила»⁶⁷. Туркменская знать усиленно старалась внушить массам, что сложившийся в представлении этой знати «идеальный» образ удалого хищного наездника, живущего за счет награбленной добычи, продажи и труда рабов, окруженного рабынями-наложницами, есть истинный идеал мужчины, а тот, кто отказывается от аламанов во имя мирного труда, — трус, достойный презрения и осмеяния.

Пропаганде этих взглядов способствовали феодальные правители, награждавшие и возвышавшие аламанщиков. Пропаганду этих взглядов вели суфийские пиры и ишаны, проповедывавшие священную войну с «неверными»; ее вели туркменские поэты и певцы феодально-байского направления, воспевавшие грабительские походы, их участников и руководителей. Таковы, например, «Ходжамберды-хан» Шабенде, «Юсуп и Ахмет» Магрупи. Некоторые стихотворения Сеиди («Эрсаринин йигитлери», «Баралы, беглер», «Йигитлер») также пронизаны этими представлениями. Конечно, туркменскому народу в целом, основная масса которого состояла из тружеников — крестьян и ремесленников, ведущих мелкое самостоятельное хозяйство, не могла быть свойственна подобная военно-феодальная идеология, но ее усиленная пропаганда заражала известную часть крестьянства. Это и требовалось знати, так как, с одной стороны, повышался ее авторитет, а с другой, — обеспечивало пополнение отрядов аламанщиков.

Итак, аламаны не являлись основным или хотя бы одним из основных занятий туркменского народа, как это клеветнически утверждали иранские феодальные писатели и некоторые ориенталисты XIX в. В действительности в аламанах участвовала незначительная часть туркмен, а общая сумма «доходов» от аламанов была очень невелика в сравнении с численностью туркменского населения.

Аламаны не являлись также справедливой народно-освободительной войной, как это ошибочно пытались утверждать некоторые советские

⁶³ Мунис и Агехи, Фирдаус-уль-икбаль, стр. 380.

⁶⁴ «Россия и Туркмения в XIX в.», стр. 193—194.

⁶⁵ П. С. Васильев, Ахал-текинский оазис, стр. 50.

⁶⁶ «Новое время», 1879, № 1326.

⁶⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс Соч., т. IV, стр. 36.

историки, недостаточно овладевшие фактическим материалом, хотя мотив мести персидским захватчикам-феодалам за их грабежи и бесчинства во время походов в Туркмению мог быть одним из вербовочных лозунгов организаторов аламанов—сердаров. Аламаны организовывались, как правило, не трудящимися, а феодально-родовой знатью и суфийским духовенством, часто по прямому заданию феодальных правителей стран Среднего Востока (Ирана, Афганистана, Хивы, Бухары). Основной целью аламанов был грабеж, сочетавшийся с убийствами, опустошениями и уводом людей в рабство. Аламаны почти всегда направлялись не на феодальные крепости и другие военные объекты, а на мирное крестьянское население, пастухов, торговые караваны и т. п. Аламаны способствовали разжиганию вражды между народами Средней Азии и затрудняли объединение трудящихся разных племен и народов в борьбе против угнетателей-феодалов. Аламаны, взаимно совершавшиеся туркменскими сердарами и феодалами соседних стран, разоряли туркменский народ, препятствовали мирному созидательному труду, способствовали хозяйственному и общественному застою, укрепляли господство феодальной знати над туркменской беднотой.

Всякая попытка идеализировать и оправдать аламаны является ошибочной. Эта ошибка объективно приводит к оправданию разбоев, убийства и работорговли, к оправданию варварского истребления мирных жителей, т. е. к оправданию всего того, что ныне является тягчайшим военным преступлением в глазах всего прогрессивного человечества.

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ЭТНОГРАФИИ И АНТРОПОЛОГИИ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

В. ШТЕЙНИЦ

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ НЕМЕЦКОЙ ЭТНОГРАФИИ *

Для правильного понимания современного состояния этнографической работы в Германской Демократической Республике необходимо хотя бы коротко остановиться на истории этой науки в Германии.

Начало немецкой этнографии восходит к эпохе реформации и Великой крестьянской войны в Германии, когда немецкие гуманисты начали заниматься изучением народной жизни. Выдающимся представителем немецкой этнографии того времени является Иоганнес Богемус (Бем), автор вышедшей в 1520 г. работы «О нравах всех народов». Для научной деятельности Богемуса и его последователей особенно характерны три момента. Во-первых, ясно выраженная демократическая установка, защита интересов крестьян против жестоко угнетавшего их дворянства. Во-вторых, патриотизм, любовь к немецкому народу, которой и был продиктован интерес к его жизни и обычаям. В-третьих, отсутствие националистического зазнайства, уважение ко всем, в том числе неевропейским и нехристианским, народам. Эти гуманисты являются основоположниками немецкой этнографии. Мы вправе гордиться их демократической идеологией, влияние которой распространилось далеко за пределы Германии, так как книга Богемуса свыше 40 раз была переиздана в Париже, Лондоне, Венеции и других городах.

Второй важный период в истории немецкой этнографии и фольклористики, непосредственно приведший к развитию этнографии как науки в современном значении этого слова, также связан с крупным общественным движением. Рост самосознания молодой немецкой буржуазии в эпоху «бури и натиска» выразился, в частности, в интересе к народной песне. Это ярко сказалось в «Голосах народов в песнях» Гердера. Рядом с ним следует назвать имена Шубарта, проводшего десять лет в Гогенбергской тюрьме, и Бюргера, который еще до опубликования сборника Гердера призывал к собиранию немецких народных песен. Гете в страсбургский период его жизни именно по настоянию Гердера собирает в Эльзасе народные песни и благодаря этому находит свой лирический и глубоко-народный стиль. Интерес к народной песне Гете сохраняет до конца жизни.

В 1806—1808 гг., как раз в годы глубочайшего национального унижения Германии наполеоновской Францией, появился «Волшебный рог мальчика» романтиков Арнима и Брентано. «Волшебный рог» гораздо

* Из доклада проф. В. Штейница, прочитанного на сессии Отделения всеобщей и немецкой этнографии Германской академии наук, состоявшейся 4—6 сентября 1953 г. в Берлине; доклад опубликован в серии «Sonderreihe zur Volkskunsthforschung», Н. I, Berlin, 1953.

шире и глубже, чем «Голоса народов в песнях», раскрыл национальную сокровищницу народных песен. Вместе с тем он послужил толчком к дальнейшей работе в области изучения народной поэзии.

«Волшебный рог» Арнима и Брентано вызвал живые отклики передовых деятелей культуры и искусства. На этот сборник написал восторженную рецензию Гете. Она открыла серию заметок Гете о сборниках испанских, новогреческих и других собраний народных песен. Эти заметки и рецензии подвели Гете к написанию в 1826 г. большой статьи о сербской народной песне. Гете, как видно из его работ, интересовала не только народная песня, но и трудовая жизнь и обычаи народа. В лице Гете соединяется интерес гердеровской эпохи к народной песне с вновь пробудившимся интересом к народной поэзии вообще, получившим особенно широкий резонанс во время наполеоновского нашествия.

Арним и Брентано не ограничились изданием «Волшебного рога мальчика». Они предполагали также издать собрание немецких сказок, пользуясь помощью молодых братьев Гримм, которые внесли значительный вклад в издание «Волшебного рога».

Но Арним не смог в дальнейшем работать над сказками и передал свой материал Якову Гримму. В 1812 г., непосредственно накануне свержения наполеоновского ига, появился первый том знаменитого сборника сказок братьев Гримм — «Детские и семейные сказки».

Говоря о деятельности романтиков в период национального угнетения и национального раздробленности, следует особенно подчеркнуть их глубокую веру в творческие силы народа. Их теория создания народных сказок и песен имеет идеалистический и даже мистический характер, но признание ими творческих сил народа имело для того времени немалое значение. Вообще, реакционные стороны немецкой романтической школы — учение о неизменном народном духе, понимание народа как единого целого и полное игнорирование глубоких классовых противоречий, идеализация феодального средневековья, католицизма и мистицизма, ретроградство и враждебное отношение к французской буржуазной революции — не должны вести к отрицанию того, что в ее деятельности были и некоторые положительные черты. Мы не можем забыть, что романтики, стремясь укрепить национальное самосознание, публиковали сокровища народной поэзии, говорили о народе как источнике художественного творчества.

Освободительные войны привели к изгнанию иноземных захватчиков, но задачи национального объединения и демократизации Германии остались неразрешенными. Три прогрессивных немецких этнографа периода до 1848 г. приложили немало усилий для достижения этих целей. Яков Гримм, не только замечательный языковед, но и неутомимый собиратель и исследователь немецких сказок и саг, древних верований, обычаев и правовых взглядов, в 1837 г. отказался от профессуры в Геттингенском университете в знак протеста против произвола ганноверского герцога. Позднее, возмущенный наступившей после 1848 г. реакцией, Яков Гримм писал: «Только беспощадное применение насилия может еще помочь. Чем старше я становлюсь, тем демократичнее делаются мои убеждения».

Гофман фон Фаллерслебен, занимавшийся исследованием главным образом народных песен, в связи с его оппозиционными убеждениями был в 1842 г. уволен от профессуры в Бреславльском университете. Людвиг Уланд, также исследователь народных песен и профессор Тюбингенского университета, являлся в качестве оппозиционного депутата Вюртембергского ландтага «ревностным представителем народных прав и смелым глашатаем равенства граждан и свободы духа», как характеризовал его Генрих Гейне.

Прогрессивные буржуазные демократы и ученые пробудили глубокий интерес к народной поэзии у представителей передовых сил Германии. Этот интерес ярко проявился у молодых Маркса и Энгельса.

Энгельс в 1839 г. написал статью «Немецкие народные книги», где отмечал, что наиболее значительной народной книгой является «История о неуязвимом Зигфриде». «Эта книга мне нравится,— писал Энгельс,— это — рассказ, оставляющий желать немногого; он полон роскошной поэзии, соединенной то с величайшей наивностью, то с прекраснейшим юмористическим пафосом; книга брызжет остроумием...»¹. Энгельса и впоследствии занимал образ Зигфрида, которого он называл «представителем германской молодежи». Хотя статья Энгельса и была перепечатана в Германской Демократической Республике, она еще не использована немецкими учеными при исследовании саг. Следует отметить, что Энгельс обстоятельно изучил не только сборники немецких народных песен, сказаний и сказок, но и народную поэзию почти всех европейских народов, в ряде случаев в подлинниках.

Не так широко известен интерес к народной поэзии, проявленный Марксом. Выдающийся знаток греческого эпоса, Маркс в бытность свою берлинским студентом обстоятельно ознакомился с древнегерманской мифологией. В этот же период он составил рукописный сборник из 46 народных песен для своей невесты Жени Вестфален. Этот сборник будет издан Этнографическим институтом Германской Академии наук.

Таким образом, период с 1770 по 1848 г. отмечен усиленной работой над изучением немецкого народного творчества. Для работ этого периода характерно утверждение творческой мощи народа и полное отсутствие националистических идей превосходства и исключительности немецкой нации. Следует особенно подчеркнуть тесную связь немецких ученых этого периода со славянским миром, их уважение к славянским народам. Я напому здесь об известных словах Гердера, предсказывавшего великое будущее славянских народов, и о переписке Якова Гримма со славянскими учеными, часть которой опубликована в «Трудах Германской Академии наук». Характерной чертой этого периода является также сочетание научности содержания с мастерским популярным изложением. Крупный ученый Яков Гримм издавал сказки и саги не только как научные сборники, но и как любовно обработанные книги для чтения.

Выше говорилось о реакционных сторонах немецкого романтизма. Реакционные черты имеются и в творчестве Якова Гримма, связанного с романтиками, видевшего временами возможность выхода в политическом компромиссе с монархией Гогенцоллернов. Значительно резче эти черты выражены в деятельности его брата Вильгельма, который, подготавливая к печати более поздние издания «детских и семейных сказок», нередко искажал их демократические тенденции. В качестве примера приведем сказку о «куме-Смерти», в которой бедняк после рождения тринадцатого ребенка отправляется на поиски кума. В первом издании сказки (1812) читаем: «Тут встретил его господь бог и сказал ему: «Мне жаль тебя, бедный человек, я хочу быть восприемником твоего ребенка и заботиться о нем, тогда счастлив будет он на земле». Бедняк ответил: «Я не хочу иметь тебя кумом, ты оделяешь богатых и обрекаешь бедняков на голод». С этими словами он расстался с богом и пошел дальше». В третьем же издании (1857), которым пользуются еще и в настоящее время, ответ бедняка сопровождается следующей ремаркой: «Бедняк сказал это, так как он не знал, как мудро распределяет бог богатство и бедность. И он отвернулся от господ бога и пошел дальше...».

При помощи такого рода ханжеских вставок, не вяжущихся с общим смыслом сказок, последние были искажены и в ряде случаев превратились в идеологическое оружие господствующих классов. Вот яркий пример того, как критически следует подходить к оценке сборников народной поэзии.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч. т. II, стр. 28.

После поражения революции 1848 г. демократические тенденции в немецкой этнографии все больше и больше ослабевают.

Риль, имевший бесспорные заслуги перед этнографией, в своем докладе «Народоведение как наука» призывает к сотрудничеству с реакционным правительством. «Этнография, — говорит Риль, — имеет чрезвычайно важное назначение: внести систему в анархию полицейского права и в не меньшей мере логику в административную практику. Наибольшее торжество искусства внутреннего управления заключалось бы в том, чтобы так верно соразмерить каждый административный акт с природой народа, чтобы последний даже при самых тягостных событиях полагал, что административная власть, собственно говоря, распорядилась и действовала в его пользу». Эти слова были написаны Рилем в 1858 г., девять лет спустя после возобновления жестоких преследований в отношении немецких демократов — Гофмана фон Фаллерслебена, Уланда и других, и являли собой открытый разрыв с прогрессивными традициями немецкой этнографии.

Это не могло остаться без последствий. Логикой вещей признание и поддержка реакционного полицейского государства вели к замалчиванию демократических элементов культуры, влекли за собой презрение к народу и его творческим силам. Эта тенденция получила логическое завершение в 1920-х годах в теории Ганса Наумана, провозгласившего: «Народное достояние создается только в верхушечном слое... Народ всегда является отсталым, он питается крохами, которые падают со стола духовно богатых»². Отсюда и наумановская трактовка этнографии. «Этнография, рассматриваемая таким образом, уводит от демократии» и «приводит к признанию аристократии мысли и творческой личности, в руках которых сосредоточены руководство и культурное развитие»³. Опасность этой антинародной теории, проникнутой идеей мнимого превосходства людей-господ, была тем более значительной, что она исходила от образованного этнографа, на трудах которого зиждилось этнографическое образование немецкого учительства.

Не следует, однако, думать, что вся немецкая этнография в рассматриваемый период скатилась на реакционные позиции и прониклась нацистским духом. За истекшие полвека двое ученых в весьма положительном смысле повлияли на развитие немецкой этнографии: это недавно скончавшиеся Адольф Шпамер и Джон Мейер.

Адольф Шпамер (1883—1953) известен не только как ученый, но и как прогрессивный общественный деятель. В этом отношении особое значение имеет участие Шпамера в Мюнхенской Советской республике, разгромленной в мае 1919 г. силами контрреволюции. Шпамер был предан военно-полевому суду и только благодаря вмешательству видных мюнхенских ученых отделался изгнанием из Мюнхена. Не будучи марксистом и сознательным революционером, Шпамер с расколом и ослаблением немецкого рабочего движения отошел от политики, но продолжал оставаться «подозрительным» и только в 1926 г. впервые получил должность профессора (в Дрезденской Высшей технической школе). Шпамер не капитулировал перед нацизмом и его расистской лже-этнографией и в связи с этим подвергся преследованиям со стороны молодчиков из ведомства Розенберга. Нацистское правительство не утвердило его избрание в Прусскую Академию наук; только после разгрома гитлеровцев, в 1946 г., Шпамер смог принять участие в работе Германской Академии наук в Берлине. Шпамер развернул активную прогрессивную культурную деятельность и в то же время положил начало этнографической работе в Германской Демократической Республике, учредив Комиссию по немецкой этнографии. Академия только сейчас приобрела его большое науч-

² H. Naumann, Grundzüge der deutschen Volkskunde, 1922, стр. 5.

³ H. Naumann, Primitive Gemeinschaftskultur, 1921, стр. 17.

ное наследство; Этнографическому институту предстоит сделать его доступным для научного исследования и опубликовать законченные работы.

Научные интересы Адольфа Шпамера были очень широки. Они охватывали народное изобразительное и устное творчество, нравы и обычаи, методические и общие вопросы немецкой этнографии. Только в самом конце жизни Шпамер ограничил свою работу, а тем самым и работу Комиссии по немецкой этнографии узко специальной областью, в которой он располагал исключительными познаниями: исследованием заговоров по Мерзебургским заклинаниям IX в., дающим богатый материал для изучения древних, средневековых и современных суеверий. Вследствие болезни, с 1950 г. приковавшей его к постели, Шпамер не смог принять участия в общем подъеме этнографической работы в Германской Демократической Республике, но он всячески приветствовал этот подъем.

Как бы высоко мы ни ценили научную работу Шпамера, не следует забывать о ее слабых сторонах и прежде всего о его идеалистической методологии. Но, говоря о Шпамере, я хотел бы отметить два существенных момента: во-первых, при решении идеологических вопросов немецкой этнографии в период Веймарской республики и в дискуссиях по теории Наумана Шпамер неизменно выступал против расистских концепций в этнографии; во-вторых, этнография не была для Шпамера кабинетной наукой о пережитках — в его представлениях она была тесно связана с современной жизнью.

Шпамер был крупным немецким прогрессивным ученым, память которого мы будем всегда чтить.

Второй выдающийся представитель немецкой этнографии первой половины XX в., Джон Мейер, также был тесно связан с работой нашего Этнографического института. В 1952 г. правительство Германской Демократической Республики за исследования в области немецких народных песен наградило Джона Мейера Национальной премией. Джон Мейер скоропостижно скончался в мае 1953 г. на исходе 89-го года жизни во время работы над новым томом своих исследований по немецкой народной песне.

В противоположность Шпамеру, Мейер в своей исследовательской работе ограничивался одной областью: немецкой народной песней, но в этой области он владел редким мастерством. Мейер рано отказался от педагогической деятельности и с 1913 г. посвятил себя целиком созданию Архива немецких народных песен и подготовке большого научного труда о немецкой поэзии. При создании Архива народных песен выявились его громадные организаторские способности: ему удалось собрать материал в количестве чуть ли не 300 000 народных песен, почерпнув его из прежних и вновь организованных им местных (областных) коллекций, старинных листовок, рукописей и т. п. Венцом деятельности Мейера явился труд «Немецкие песни и их мелодии». Три вышедших в свет тома этого труда содержат 59 немецких народных баллад с тщательно подобранными текстами и мелодиями и обстоятельным исследованием истории каждой отдельной песни.

У Джона Мейера имеются заслуги специально в области изучения демократической народной песни: песен Людвиг Занда, Фридриха Гекера и других демократических деятелей периода до 1848 г. Изданные им «Народные песни Мозеля и Саара» до сих пор являются единственным сборником немецких народных песен, содержащим в качестве приложения песни о классовой борьбе рабочих — три песни, посвященные крупной стачке саарских горнорабочих в 1889 г.

Как и Шпамер, Мейер еще в 1920-х годах отмежевывался от теории Наумана и открыто отверг попытку последнего ссылаться для обоснования своей теории на работы Мейера. В работах Мейера можно отчетливо увидеть постоянно усиливающееся признание высокой ценности народного творчества и все возрастающую демократизацию его взглядов.

Несмотря на то, что первые тома большого труда Мейера о народной песне вышли в свет уже при гитлеровском режиме, среди более чем ста институтов и лиц, которым в предисловии выражена благодарность за содействие в работе, не имеется ни одного нацистского института или должностного лица, так же, как в труде Мейера нет ни одного высказывания хотя бы с малейшей нацистской окраской. Мейер не делал никаких уступок гитлеризму и даже в труднейшее время сохранил свой Архив народных песен свободным от нацистского влияния.

С 1945 г. и до самой смерти Мейер оставался сторонником единства немецкой науки и сотрудничества востока и запада нашей родины. Он полностью доказал это и выпуском своей книги в серии трудов нашей Комиссии по немецкой этнографии, и широкой поддержкой наших работ по исследованию демократических крестьянских, рабочих и солдатских народных песен, и предоставлением в наше распоряжение свыше 10 000 фотоснимков и копий.

Если Мейеру, происходившему из консервативной аристократической семьи, и недоставало прогрессивных установок, столь ярко выраженных у Шпамера, его поведение в тяжелое для немецкого народа время показало, что он был патриотом и честным демократом.

* * *

В возобновленной нами этнографической работе в Германской Демократической Республике мы бережно храним прогрессивные традиции немецкого народоведения периода до 1848 г. и используем то ценное, что дала позднейшая этнографическая наука в Германии.

В связи с этим мне хотелось бы высказаться по некоторым принципиальным вопросам, в отношении которых еще не достигнуто ясности. К рассмотрению этих вопросов я подхожу с точки зрения этнограф-марксиста. Означает ли это, что в нашей работе может быть представлена только марксистская точка зрения? Всем известно, что это не так.

Мы никогда не требовали от сотрудников Этнографического института, чтобы они обязательно были марксистами. Новая ориентировка работы в Германской Демократической Республике, направленная на разработку демократических традиций в народном творчестве, признается всеми правильной и необходимой, особенно после того, как стало ясно, что эта ориентировка ведет за собой не сужение программы работ, но ее существенное обогащение. Сотрудники-немарксисты вносят значительный вклад в нашу работу. На нас, этнографов-марксистов, лежит обязанность в порядке выполнения наших конкретных научных заданий показать нашим коллегам всю плодотворность историко-материалистического метода в применении его к данной специальной области. Только таким путем, а не общими декларациями о превосходстве марксизма-ленинизма над буржуазной наукой мы сможем убедить своих коллег, которые уже сейчас являются полезными и деятельными нашими сотрудниками.

Большую помощь в этом оказывают нам работы этнографов Советского Союза и стран народной демократии, журналы и книги которых поступают к нам все в большем количестве.

В каком соотношении между собой находятся всеобщая этнография (Völkerkunde) и отечественная этнография (Volkskunde)? Важно внести ясность в этот вопрос, уже подвергавшийся обсуждению. И. Вебер-Келлерман изложила свою точку зрения на страницах издаваемого Академией журнала⁴, таким образом, дискуссия может вестись на конкретной почве.

Я считаю, что термины «Volkskunde» и «Völkerkunde» являются синонимами. Между всеобщей и отечественной этнографией нет принципи-

⁴ «Forschungen und Fortschritte», 1953, No. 1.

ального различия. Однако за отечественной этнографией исторически утвердился термин «*Volkskunde*» и нет никаких серьезных причин для его отмены.

Фон-Герамб, А. Габерланд, Р. Вейсс, И. Вебер-Келлерман и другие признают «близость и тесное соприкосновение обеих наук», но вместе с тем утверждают, что между этими науками имеются «абсолютные, принципиальные различия». В качестве одного из аргументов приводится утверждение, что исследования в области отечественной этнографии вследствие знания языка и «более сердечного отношения» к предмету исследования могут производиться углубленнее, чем исследования в области всеобщей этнографии. Однако проведение различия между двумя науками с субъективной точки зрения исследователя неправильно как в научно-методологическом, так и в практическом отношении. По тем же основаниям (знание языка и «более сердечное отношение» к предмету) нужно было бы разделить на две науки литературоведение, языкознание и многие другие науки. Только что опубликованную работу Гаупта и Смольера «Народные песни сербов» из-за серба Смольера пришлось бы отнести к отечественной, а из-за немца Гаупта к всеобщей этнографии. Можно привести десятки примеров, когда превосходные работы об обычаях, поэтическом творчестве или материальной культуре какого-либо европейского народа были написаны представителями и той же и других национальностей.

Таким образом, в данном случае на место объективных, поддающихся проверке научных данных ставятся субъективные признаки вроде «более сердечного отношения» или «рассмотрения по существу». Бесспорно, что обычно легче найти доступ к традициям собственного народа, однако все-таки нельзя разделять науки в зависимости от их большей или меньшей доступности.

Другим аргументом является утверждение о том, что в этнографии необходимо различать исследование «культурных» и «некультурных» народов, что исследование «культурных» народов с их двумя слоями — «нижним», или «материнским» («народ», «чернь»), с одной стороны, и «верхушечным», или «дочерним», с другой стороны, — принципиально отличается от исследования «первобытных» народов, лишенных «верхушечного» слоя. *Volkskunde*, говорит Герамб, отличается «не только относительно но и абсолютно от *Völkerkunde* именно вследствие наличия материнско-дочерних отношений».

Я не буду здесь останавливаться на неправильности употребления неясного термина «слой» вместо строго определенного в марксистской науке термина «класс». В действительности в истории человечества существуют лишь бесклассовые и классовые общества⁵. Чтобы показать методологическую ошибку, которая заключается в проведении принципиального, абсолютного различия между исследованием народов с бесклассовым и народов с классовым обществом, я приведу сравнение из области языкознания. Имеется несколько десятков языков, обладающих древней, порой в несколько тысячелетий, традицией письменности. Это языки так называемых культурных народов, так как буквенная письменность появляется только с возникновением государства. Существуют также многие сотни языков, которые в настоящее время или еще недавно принадлежали бесписьменным народам, в своем большинстве в недалеком прошлом жившим в бесклассовом обществе. Исследование языков с традицией письменности по своей методике и проблематике во многом отличается от исследования бесписьменных языков. Изучение древних текстов выработало определенные, нередко весьма сложные методы критического анализа. Из письменных документов, насчитывающих многовековую или

⁵ Я имею в виду антагонистическое классовое общество.

даже тысячелетнюю давность, мы можем почерпнуть данные об изменениях, которым подвергся язык. При изучении диалектов таких языков громадное значение имеет вопрос о влиянии письменного языка на диалекты и, наоборот, о внедрении элементов местных диалектов в сферу письменного языка. Все эти моменты полностью отсутствуют при изучении бесписьменных языков, и все-таки языкознание существует как единая наука. Еще никто не предпринимал попыток разделения его на «письменное» и «бесписьменное» языкознание. Исследование многих письменных языков, как, например, египетского, греческого, немецкого, русского, ввиду огромного объема исследуемых памятников, а также материала живых языков, ввиду огромного культурного значения этих языков, развилось в самостоятельные специальные дисциплины, которые, однако, никогда не претендовали на какое-то принципиальное, качественное отличие от языкознания вообще.

Я полагаю, что такое же положение существует в области этнографии. Исследование народов, издавна живущих в классовом обществе, народов, у которых культура господствующих классов находилась во взаимодействии с культурой угнетенных классов, требует, конечно, особых методов. Так, например, исследование немецкой народной песни требует глубокого знания художественной литературы, изучения средневековых источников и т. п. При исследовании же, например, народной поэзии остяков (хантов.— *Ред.*), народа, изучением которого я занимался, обе эти большие области в прошлом отпадали, так как письменность у них возникла только в советское время. Поэтому как в области языкознания, так и в области этнографии изучение народов со сложившимся классовым обществом и традицией письменности неизбежно должно было развиваться в специальные дисциплины, что и произошло в действительности.

Специализация идет еще больше: подобно тому, как в немецкой филологии мы встречаем специалистов по диалектам, древне-верхненемецкому языку, этимологии или грамматике, в области немецкой этнографии имеются специалисты по народной песне, народным сказкам и т. п.

Вся эта необходимая специализация не должна и не может служить основанием для отрицания принципиального единства этнографической науки.

Следует принять во внимание, что, во-первых, предлагаемое проведение принципиального различия между отечественной этнографией и этнографией вообще относится только к науке германоязычных стран, хотя нельзя сказать, что такое различие признается всеми немецкими этнографами; во-вторых, даже в науке германоязычных стран это требование принципиального разделения представляет собой явление, возникшее только после 1890-х годов, повидимому, в связи с переходом к империализму.

Как для Иоганнеса Богемуса, так и для Гердера не существовало различия между исследованием немецкого и других народов или между изучением народов европейских и неевропейских. Риль в 1858 г. в своем докладе, в котором он как раз провозглашал самостоятельность этнографии как науки, совершенно определенно применял термин «*Volkskunde*» в качестве синонима этнографии вообще. К. Вейнгольд в своей программной статье, напечатанной в 1891 г. в первом номере первого журнала, посвященного немецкой этнографии,— «*Zeitschrift für Volkskunde*»,— не проводил никакого различия между «*Volkskunde*» и «*Völkerkunde*». Джон Мейер в своей, также носящей программный характер, статье о задачах немецкой этнографии писал: «В области *Volkskunde* и *Völkerkunde* возникают одинаковые проблемы, но историческое развитие последней науки, а также своеобразие ее деятельности обусловили различие в наименованиях, что неудачно приводит к затуманиванию общности их целей... Этнограф нередко уделяет особенное внимание другим областям науки, как, например, антропологии, географии, истории культуры и т. п.

Но это только отклонения, не затрагивающие сущности той области работы, которая, по моему мнению, является тождественной с областью работы *Volkskunde* и которая отличается только объектом, лежащим в основе исследования. Для *Völkerkunde* этим объектом является народ, в большинстве случаев находящийся на примитивной ступени развития, тогда как *Volkskunde* ведет работу в области изучения своего собственного или родственного ему культурного народа»⁶.

В других странах такого различия не проводилось и не проводится. В Советском Союзе, в царской России, во Франции, Швеции или Финляндии, т. е. во всех тех странах, в которых научное исследование культуры своего собственного народа достигло высокого уровня, применяется единый термин «этнография» или другие термины описательного характера, которые одинаково пригодны для применения в отношении всех народов земного шара. Ни одному русскому исследователю не приходила в голову мысль о том, чтобы проводить принципиальное различие между исследованием традиций русского народа и исследованием традиций эвенков. Ни один шведский ученый не указывал на то, что изучение шведов и саами является делом двух различных наук. Финским исследователям, издающим известную серию «Сообщения общества фольклористов» («Folklore Fellows Communications»), показалось бы нелепым, если бы между исследованием саами, остяков, мордвы и других недавно еще бесписьменных народов и исследованием финского народа проводилось принципиальное различие.

О том, в какой опасной близости к идее о превосходстве «белых господ» над так называемыми «первобытными» народами стоит требование принципиального разделения этнографии на *Volkskunde* и *Völkerkunde*, свидетельствуют выводы австрийского исследователя Артура Хаберланда, который уже задолго до так называемого «аншлюса» сделался выразителем великогерманских империалистических интересов. В 1935 г. Хаберландт писал: «По условиям пространства и времени мы ограничиваем *Volkskunde* исследованием сущности культурных наций, и так как *Volkskunde* стремится к своеобразному выявлению душевных свойств, она должна ограничиться только кругом белой расы». Расистский характер этих выводов очевиден.

Таким образом, обсуждение вопроса о соотношении терминов «*Volkskunde*» и «*Völkerkunde*» имеет для нас особое значение. Мы должны избегать, как чумы, расистской идеи о превосходстве одних народов над другими. Мы обязаны признать роковые ошибки, допущенные немецкой этнографической наукой за последние десятилетия, начиная с концепции Наумана в 1920-х годах и кончая нацистской этнографией 1930—1940-х годов. К этому нас, в частности, обязывают прогрессивные традиции немецкой этнографии, традиции Гердера, Якова Гримма, Уланда и других наших исследователей.

Итак, этнография является единой наукой. Никакого принципиального различия между этнографическим исследованием, например, какого-либо европейского и африканского народа не существует. Этнографическое исследование народов с письменной традицией требует особых приемов и ставит перед собой особые цели. Этнографическое исследование немецкого народа является отраслью этнографии, требующей наличия различных специальных познаний. По традиции, в отношении отечественной этнографии мы пользуемся не термином «*Deutsche Völkerkunde*» (немецкая этнография), а термином «*Volkskunde*». Однако этот последний термин может употребляться также и применительно к этнографическому изучению других народов — русского, французского и т. д.

Что же следует понимать под народом, что является объектом изучения немецкой этнографии?

⁶ «*Deutsche Forschung. Aus der Arbeit der Notgemeinschaft der Deutschen Wissenschaft*». Heft 6, «*Deutsche Volkskunde*», 1928, стр. 22.

Термин «народ» имеет два значения: во-первых, он охватывает всех членов какого-либо этнического общества, независимо от их классовой принадлежности, например, «немецкий народ» (лат. *populus*); во-вторых, он может относиться только к трудящимся классам того или иного народа, например, «он вышел из народа» (лат. *vulgus*).

В немецкой этнографии много писали по поводу понятия «народ» как объекта этнографического изучения, на что указывает Герамб в своей большой, недавно опубликованной статье⁷. Наиболее распространено определение Гофмана-Крейера⁸: сфера деятельности этнографии — это *vulgus in populo*, «простой народ» во всем народе как целом. Однако относительно того, что должно быть отнесено к «простому народу», не было и нет единого мнения. С марксистской точки зрения следует говорить о трудящихся классах; к началу XIX в. это были главным образом крестьяне и ремесленники (на вопросе об этнографическом изучении рабочих мы остановимся дальше). Следует подчеркнуть, что различное отношение марксистской и немарксистской этнографии к предмету исследования, к носителям народной культуры отражено уже в самой терминологии. В терминах «низший слой» или «*vulgus*», которыми пользуется немарксистская этнография, имеется презрительный оттенок; «низший слой» противопоставляется «верхушке общества». Гофман-Крейер в упомянутой выше работе характеризует «*vulgus*» как простой, примитивно-мыслящий народ, в котором встречаются только немногие выдающиеся личности. Науман формулировал еще яснее: верхушечный социальный слой охватывает людей творчества, низший социальный слой — примитивных людей, способных лишь к восприятию и всегда упрощающих и искажающих воспринятое ими. Отсюда, например, издевательское противопоставление крепостных и дворовых восточного берега Эльбы их помещикам-юнкерам, как якобы творческому верхушечному слою.

Марксистская наука знает, с одной стороны, трудящихся, с другой, господствующие классы. Термином «трудящиеся» подчеркивается, что речь идет о решающей для существования всего народа и самой ценной его части. Термины «трудящиеся» и «господствующие классы» являются объективными; термины «низший слой» и «верхушечный слой» — субъективно-оценочными.

В прошлом главным объектом этнографического исследования было крестьянство, более всего связанное традициями и поэтому более покорное властям и церкви. Однако в крестьянине следует видеть и другое. Мы помним о борьбе крестьянства против произвола юнкеров и попов в течение всего средневековья вплоть до Великой крестьянской войны в Германии; мы помним, что и после ужасного поражения крестьянской войны восстания крестьян вспыхивали снова и снова: во время тридцатилетней войны, на рубеже XIX в., во время революции 1848 г., когда в Вюртемберге, Гессене, Силезии, Саксонии и других землях крестьяне боролись против остатков крепостничества и сжигали поземельные книги. К сожалению, наша историческая наука мало еще занималась исследованием крестьянских движений, а этнография забывала о крестьянине-борце, подлинном человеке, подобном Гансу Карсту, каким он выступает в подметных письмах первой четверти XVI в., о крестьянине, поднявшемся против навязываемых ему господами традиций.

То же можно сказать и в отношении других слоев трудящихся. Ввиду того, что мы, этнографы-марксисты, ощущаем свою тесную связь с трудящимся, борющимся за свои права и свободы народом, мы придаем особое значение исследованию его прогрессивных традиций, отразившихся в песнях, сказках и т. п. Мы противопоставляем реакционным взглядам Наумана ленинскую теорию национальной культуры. «В каждой нацио-

⁷ См. «Zeitschrift für Volkskunde», 50, 1953, стр. 7—34.

⁸ E. Hoffman-Krayer, Die Volkskunde als Wissenschaft, Zürich, 1902, стр. 6.

нальной культуре, — писал В. И. Ленин, — есть, хотя бы не развитые, элементы демократической и социалистической культуры, ибо в каждой нации есть трудящаяся и эксплуатируемая масса, условия жизни которой неизбежно порождают идеологию демократическую и социалистическую. Но в каждой нации есть также культура буржуазная (а в большинстве еще черносотенная и клерикальная) — притом не в виде только «элементов», а в виде господствующей культуры»⁹.

Здесь ярко подчеркиваются творческие силы трудящихся масс, а вместе с тем показывается то влияние, которое оказывает на угнетенные массы господствующая буржуазная культура. Новая постановка задач этнографии в Германской Демократической Республике заключается в том, чтобы создать все условия для развития творческих сил трудящихся, с одной стороны, и исследовать конкретные формы взаимодействия между демократической и буржуазной культурой, с другой стороны.

В последние десятилетия в немецкой этнографии возникло психологическое направление, в качестве представителей которого я могу назвать Адольфа Шпамера и Рихарда Вейсса. Это направление видит в *vulgus'e* не столько класс или сословие, сколько состояние, мансру поведения, нечто народное в каждом человеке. Вейсс в своей вышедшей в 1946 г. работе «Швейцарская этнография» дает схему человеческого сознания, которое он делит на сферу народного сознания «низшего слоя» и сферу индивидуального сознания «верхушечного слоя». По мнению Вейсса, предметом этнографии является область народного сознания. Такой психологизм приводит к совершенно субъективным оценкам и не может служить основой науки. Этнография должна дать общественное определение предмета своего исследования, а не психологическое, которое стирает как социальные, так и национальные различия.

Таким образом, немецкая этнография должна заниматься изучением трудящегося немецкого народа с его материальной и духовной культурой, причем разнообразные проявления этой культуры должны рассматриваться во всесторонней взаимной связи, взаимной обусловленности и в их историческом развитии. Особому исследованию следует подвергнуть вклад трудящихся в немецкую национальную культуру.

Как же обстоит сейчас дело с исследованием рабочего класса, который в настоящее время является сильнейшим и наиболее значительным классом трудящихся в Германии? Является ли этот класс предметом этнографического изучения?

Имеются только весьма немногие опыты этнографического изучения рабочего класса. Изданная в 1930 г. работа Пейкерта «Этнография пролетариата»¹⁰ остановилась, собственно говоря, на предистории вопроса, а другие работы в данной области рассматривают только пережитки, остаточные явления из жизни мелкой крестьянской буржуазии, быт современных ремесленников и их прадедов. Авторы этих работ даже не пытались показать типичные для современного рабочего класса формы быта. Явно неудовлетворительно обстоит дело в этих работах с качеством фактического материала, не говоря уже о неправильности применяемой методологии. Систематические исследования жизни горняков в Рудных горах, которые проводятся Дрезденским этнографическим институтом, больше касаются старинного быта горняков и его пережитков, нежели быта современных горнопромышленных рабочих.

Приходится открыто сознаться в том, что и для меня самого этот вопрос недостаточно ясен. В этнографической литературе Советского Союза и стран народной демократии, где уже сравнительно давно занимаются этим вопросом, я не знаю ни одной работы, в которой давались бы не программные декларации, а конкретное изображение жизни рабочих большой новой фабрики.

⁹ В. И. Ленин, Соч., т. 20, стр. 8.

¹⁰ Peukert, Volkskunde des Proletariats, 1930.

В Советском Союзе глубоко разрабатывается рабочий фольклор, ведется изучение дореволюционных рабочих песен и песен советской эпохи. В Германии до сих пор собрано только очень немного таких песен, хотя от рабочих старшего поколения можно было бы записать немало песен, говорящих о стачечной борьбе (их опубликовано только три — в собрании Джона Мейера), о революционных боях 1918—1923 гг. Необходимо организовать соби́рание рабочих песен в самом широком масштабе, при содействии участников кружков художественной самодельности, культработников на производстве, в профсоюзах и т. п.; только таким путем в сравнительно короткое время может быть собран большой и ценный материал по рабочему фольклору.

Но этого, конечно, мало. Следует принципиально решить вопрос, в какой мере предметом этнографии может быть исследование форм быта современного индустриального рабочего класса, а не того рабочего класса раннего периода индустриализации, который был тысячами нитей связан с деревней.

С. И. БРУК

ЭТНИЧЕСКИЙ СОСТАВ СТРАН ПЕРЕДНЕЙ АЗИИ

Страны Передней Азии¹ расположены в юго-западной части Азии на стыке трех материков — Европы, Азии и Африки. Их общая площадь составляет 6,2 млн. кв. км., население — 77,6 млн. чел. Отдельные страны Передней Азии резко различаются между собой в природном и экономическом отношении. Значительная пестрота наблюдается и в национальном составе. Многочисленные народы и этнографические группы, проживающие на территории этих стран, находятся на различных ступенях социально-экономического развития и на разных стадиях образования этнических общностей. Значительные изменения произошли за последние десятилетия: все большее число кочевых и полукочевых племен переходит на оседлость; при этом у них исчезает родоплеменная организация и стираются племенные различия. Одни группы племен консолидируются в народности, другие ассимилируются окружающими их народами.

Наиболее сложными по этническому составу странами являются Иран и Афганистан, где основные народы (персы и афганцы) составляют менее 50% населения. Пестрота этнического состава этих стран объясняется в значительной мере их центральным положением на перекрестке путей, соединявших в прошлом страны Средиземноморья и Средней Азии с Индией и Китаем. Следует учесть и то обстоятельство, что государственные границы этих стран не совпадают с этническими. Более половины афганцев (пуштунов) проживает за пределами Афганистана — в Пакистане, в то время как вся северная половина Афганистана заселена неафганскими народами. Государственная граница Ирана шире этнической границы персов, и все окраинные районы страны заселены другими народами.

Изучение этнического состава Передней Азии, в связи с отсутствием для большинства стран статистических материалов, необходимых для характеристики национального состава и размещения населения, связано с большими трудностями. Даже цифры общей численности населения таких стран, как Афганистан, Саудовская Аравия, Йемен, по различным источникам, колеблются в очень значительных пределах. Данные переписей населения по мелким административным единицам с указанием национального состава имеются лишь для Турции. Материалы переписей населения Ирака, Сирии, Ливана, Израиля, Иордании и колонии Аден содержат данные по религиозному составу, и только в отдельных случаях в них имеются сведения о численности некоторых национальных меньшинств по стране в целом. Учет населения в других странах характеризуется неполнотой и приближенностью данных, стремлением представить основную массу населения страны однородной в этническом отношении.

¹ В настоящей статье рассматриваются следующие страны: Турция, Иран, Афганистан, Сирия, Ливан, Ирак, Иордания (Трансиордания), Израиль, Саудовская Аравия, Йемен, колония и протекторат Аден, Маскат и Оман, Договорный Оман, Катар, Бахрейнские острова, Кувейт, о-в Кипр, а также часть Палестины (город Газа с прилегающей территорией), не вошедшая в состав Израиля и Иордании и находящаяся в ведении Египта. Публикуемые ниже карты составлены автором статьи.

По всем странам Передней Азии отсутствуют также этнические и лингвистические карты. Поэтому здесь для характеристики этнического состава и расселения в основном использованы многочисленные литературные данные².

Данные об общей численности населения и его плотности по странам приводятся в табл. 1³.

Большая часть населения стран Передней Азии живет в сельских местностях и занимается земледелием и скотоводством. Городское население составляет значительный процент лишь в пяти странах: Израиле — 78,0, Ливане — 45,0, Сирии — 30,0, Турции — 25,0 и Иране — 22,0. Средняя плотность населения равна 13 чел. на 1 кв. км, причем в Ливане она достигает 127 чел., а в английских владениях и в Саудовской Аравии падает до 3—4 чел. В размещении населения повсеместно наблюдаются резкие контрасты при переходе из пустынь в оазисы, из долин рек в горные районы.

В странах Передней Азии насчитывается около 50 народов. Самой многонациональной страной является Иран, где встречается большая часть народов Передней Азии; в значительном числе там живут азербайджанцы, курды, луры, бахтиары, арабы, белуджи, туркмены. В Афганистане таджики, хезарейцы, узбеки, туркмены, джемшиды, фирюзкухи,

² Важнейшие источники, на основании которых был определен этнический состав стран Передней Азии, могут быть сгруппированы следующим образом:

1) Для северных частей Афганистана, Ирана и Турции использованы описания и маршруты русских исследователей, сведения которых относятся большей частью к 1885—1914 гг. Их труды (см. №№ 4, 5, 6, 7, 12, 13, 19, 24, 32, 33 и другие в прилагаемом списке литературы) содержат подробную характеристику народов и племен с указанием их расселения по населенным пунктам или мелким административным единицам.

2) По Турции в основу положены данные переписей населения (№№ 52, 53, 54). Для локализации народов в районах со смешанным этническим составом использованы работы, посвященные характеристике расселения отдельных народов: Казбека (№ 16) — по лазам, Карцева (№ 17) — по курдам, Новичева (№ 29) — по юрюкам, Завриева (№ 14) — по грузинам и лазам.

3) По Ирану подробные этностатистические данные имеются в трудах английских офицеров-разведчиков — Керзона и Мак-Грегора (№№ 37, 23). Ряд сведений по национальному составу отдельных районов содержится в сборниках консульских докладов (№№ 27, 28) и в работах Иванова (№ 45), Деморни (№ 38), Минорского (№№ 26, 49), Колпакова (№ 18). Вопросам классификации народов и племен посвящены три сводные работы: Смирнова (№ 31), Кейхана (№ 48) и Вострова (№ 10).

4) По Афганистану, который является наименее изученной страной Передней Азии, почти исчерпывающий материал для характеристики расселения и этнического состава двух северных провинций — Бадахшанской и Каттаганской — дает книга афганского ученого Бурхан-уд-Дина (№ 8). Подробная характеристика расселения афганских племен дается в работах Игнатьева и Белью (№№ 15, 35) а также в «Географии Афганистана» (№ 11). Сводной работой, объединяющей все имеющиеся сведения по расселению тюркских народов Афганистана — узбеков, туркмен, киргизов, каракалпаков, — является книга Ярринга (№ 47). Изменения в расселении народов в Афганском Туркестане в связи с проникновением туда афганцев даются в работе Алексеенкова (№ 2). В капитальном труде Вавилова и Букинича (№ 9) содержится значительный этнографический материал и целый ряд карт и картосхем, позволяющих выявить характер размещения населения; в нем дается также подробная характеристика расселения нуристанцев (кафиров).

5) По арабским странам использованы в основном работы, освещающие расселение национальных меньшинств — курдов (№№ 22, 40), туркмен (№№ 22, 40, 43), айсоров (№ 36), армян (№ 43), «черкесов» (№ 43), индийцев (№ 42), африканцев (№ 42).

6) Для уточнения границ расселения некоторых народов использованы отдельные специальные карты и картосхемы, приложенные к работам: Новичева (№ 29) — по юрюкам, Корсуна и Карцева (№№ 22, 17) — по курдам, Колпакова (№ 18) — по лурам, Корсуна (№ 22) — по туркменам Ирака, Оппенгейма, Расвана, Диксона (№№ 50, 51, 39) — по арабам. Границы расселения различных народов в северо-восточном углу Турции уточнены по этнографической карте Кавказа (№ 20), включающей части территории Грузии и Армении, отошедшие к Турции по Карсскому договору 1921 г.

³ Таблица составлена по данным бюллетеня ООН (№ 55) на середину 1952 г. Численность населения Афганистана, указанная в бюллетене ООН ориентировочно, принята по данным БСЭ.

Таблица 1

№ п/п	Наименование страны	Население в тыс. чел.	Площадь в тыс. кв. км	Плотность чел/кв км	№ п/п	Наименование страны	Население в тыс. чел.	Площадь в тыс. кв. км.	Плотность в чел/кв км.
1	Турция	21 983	767,1	29	11	Йемен	4 500	195,0	23
2	Иран	19 798	1 630,0	12	12	Колония Аден	100	0,2	500
3	Афганистан	10 000	650,0	15	13	Протекторат Аден	800	316,0	3
4	Сирия	3 381	181,3	18	14	Маскат и Оман	550	212,4	3
5	Ливан	1 320	10,4	127	15	Договорной Оман	80	15,0	5
6	Ирак	5 100	435,4	12	16	Катар	20	22,0	1
7	Иордания ⁴	1 330	96,5	14	17	Бахрейнские острова	112	0,6	187
8	Израиль ⁴	1 607	21,0	77	18	Кувейт	150	20,7	7
9	Газа с прил. территория	291	0,6	485	19	Кипр	498	9,3	53
10	Саудовская Аравия	6 000	1 600,0	4		Итого	77 620	6 183,5	13

таймены составляют около 50 % населения страны. Более однородной в национальном отношении является Турция, где турки составляют 86 %, курды — 10,5 % и арабы — 1,3 % всего населения. В небольшом числе в Турции проживают «черкесы», лазы, грузины, армяне и другие. Арабские страны, за исключением Ирака и Сирии, в этническом отношении также сравнительно однородны. Кроме арабских народов, там имеется лишь небольшой процент персов, белуджей, индийцев и африканцев. В Ираке живут также курды и туркмены, а в Сирии — курды и армяне (см. прилагаемые карты).

В ряде случаев имеющиеся материалы не дают возможности решить вопрос, являются ли те или иные группы населения самостоятельными народами или же они входят в качестве этнографических групп в состав других народов. Это относится к гилянцам, мазандеранцам и галешам (близким к персам), кухгелу и мамасени (близким к лурам), к афшарам, карадагцам и шахсевенам (близким к азербайджанцам). Также недостаточно выяснен вопрос, можно ли в настоящее время выделять, как особые народы, туркмен и татар в Турции или же они полностью ассимилированы турками. Некоторые группы родственных племен, повидимому, еще не сложились в народности, но говорят на близких друг другу племенных языках или диалектах и занимают сплошную территорию. Такими группами являются кашкайцы, луры, бахтиары, каджары.

По языковой принадлежности подавляющее большинство народов Передней Азии относится к трем группам — иранской, тюркской и семитской. Вне этих групп остаются сравнительно немногочисленные народы, составляющие лишь 2,5 % всего населения Передней Азии. Народы иранской языковой группы заселяют большую часть Афганистана и Ирана (за исключением их северных областей), юго-восточную часть Турции и северную часть Ирака. Народы тюркской языковой группы занимают в основном северные части Афганистана и Ирана и большую часть Турции. К семитской языковой группе, наряду с айсорами и евреями⁵, принад-

⁴ Границы Израиля и Иордании приняты в соответствии с заключенным между этими двумя странами в 1950 г. соглашением.

⁵ Евреи могут быть отнесены к семитской группе лишь весьма условно, так как семитический древнееврейский язык практически неизвестен основной массе еврейского населения.

лежат арабские народы Сирии, Ливана, Ирака, Саудовской Аравии, Йемена и других стран Передней Азии. Численность отдельных народов приводится в табл. 2⁶.

Таблица 2

№№ п/п	Наименование народа	Население в тыс. чел.	№№ п/п	Наименование народа	Население в тыс. чел.
1. Иранская группа			28	Карадагцы	75
1	Афганцы	4 850	29	Шахсевены	180
2	Таджики	2 125	30	Каджары	25
3	Припамирские таджики	40	31	Кашкайцы	600
4	Персы (иранцы) . . .	8 430	32	Карапапахы	60
5	Гилянцы	280	33	Тюркские группы вост. и южн. Ирана . .	350
6	Мазандеранцы	350	34	Турки	18 620
7	Галешы	25	35	Юрюки	300
8	Талыши	25	36	Татары	10
9	Курды	5 300	3. Семитская группа		
10	Луры	525	37	Арабы	22 715
11	Кухгелу	100	38	Айсоры	125
12	Мамасени	25	39	Евреи	1 520
13	Бахтиары	600	4. Народы других языковых групп		
14	Белуджи	525	40	Армяне	420
15	Хезарейцы — берберы	1 150	41	Грузины	50
16	Хезарейцы — дех-и-зей- нат	50	42	Лазы	55
17	Джемшиды	90	43	„Черкесы“	100
18	Фирюзкухи	90	44	Греки	500
19	Таймены	90	45	Албанцы	15
20	Теймуры	150	46	Болгары	10
21	Нуристанцы (кафиры)	60	47	Помаки	15
2. Тюркская группа			48	Босняки	15
22	Узбеки	1 000	49	Индийцы	150
23	Туркмены	765	50	Африканцы	200
24	Киргизы	15		Прочие	435
25	Каракалпаки	15	Итого		
26	Азербайджанцы	4 000			
27	Афшары	400			

⁶ В связи с отсутствием достоверных статистических материалов определение численности народов Передней Азии очень затруднено. Нами сделана попытка на основании сравнения имеющихся материалов хотя бы ориентировочно определить численность народов на середину 1952 г.

1) По Турции для определения численности большинства народов использованы данные переписи 1945 г. (№ 54), пересчитанные на середину 1952 г.; при этом численность евреев уменьшена до 20 тыс. в связи с их эмиграцией в Израиль (№ 44). В материалах переписи преуменьшены данные о численности курдов; многие из них (особенно в городах) причислены к туркам. Принятая нами по Турции численность курдов — 2,3 млн. чел. (вместо 1,75 млн. по переписи с пересчетом на 1952 г.) учитывает курдское население в городах. Численность народов, которые переписью не учитываются, принята по различным источникам — юрюков по Новичеву (№ 29), карапапахов по Аболтину (№ 1).

2) По Ирану в основу положены данные сводной работы Вострова (№ 10). Однако в этой работе преуменьшена численность некоторых малоизученных (главным образом, кочевых) народов — арабов, кашкайцев, туркмен, курдов, а также азербайджанцев. По этим народам приняты данные работы Милова (№ 25). Численность бахтиаров по различным источникам колеблется в очень широких пределах — от 335 тыс. (№ 10) до 820 тыс. чел. (№ 25); нами принята наиболее вероятная средняя цифра — 600 тыс. чел.

По религиозной принадлежности большая часть населения Передней Азии является мусульманами суннитского и шиитского толков. Шииты составляют большинство в Иране, где лишь курды и белуджи являются суннитами. В Ираке шиитов около $\frac{2}{3}$, расселены они к югу от Багдада. В Ливане шиитов в два раза меньше, чем суннитов. В Афганистане шиитами являются хезарейцы-берберы. В Йемене основная часть населения исповедует зейдитский толк шиизма. Во всех остальных странах подавляющее большинство мусульман является суннитами. В странах Передней Азии имеется некоторое число последователей различных христианских религий. Особенно много их в Ливане. К христианам принадлежит часть арабов (марониты и представители других более мелких сект), армяне, греки, айсоры. Последователи иудейской религии почти полностью сосредоточены в Израиле. В вероучении некоторых сект отразилось смешение христианства и мусульманства (друзы — в Сирии и Ливане, алавиты — на северо-западе Сирии), а также доисламские зороастрийские верования (йезиды — на северо-западе Ирака, гебры — в Иране).

Ниже даются краткие сведения о народах Передней Азии.

1. Иранская группа

Афганцы — 4800 тыс. чел. в Афганистане и 50 тыс. чел. в Иране (кроме того около 5,5 млн. афганцев имеется в Пакистане).

В Афганистане они занимают около 50% территории и живут главным образом к югу от хребта Гиндукуш. Проникновение афганцев на север от Гиндукуша и вытеснение коренных жителей (таджиков и узбеков) началось в 30-х гг. XIX в. и приобрело особый размах в начале XX в. Этот процесс продолжается и в настоящее время. Афганцы составляют большинство в 5 провинциях и областях Афганистана из 10 — в Южной, Фарахской, Кандагарской, Восточной и Кабульской. Однако и в этих провинциях, в долинах рек и в городах, имеется значительный процент таджиков, в горных частях — хезарейцев, в пустынных районах — белуджей. Во всех остальных провинциях и областях процент афганцев не превышает 25, и они по своей численности уступают таджикам, узбекам, а в некоторых местах — хезарейцам и туркменам. К северу от Гиндукуша афганцы заняли наиболее плодородные земли в долинах рек Таликан, Кундуз, Сарипуль и Кокча.

В Иране афганцы размещены вдоль ирано-афганской границы, к югу от р. Руде-Джам, а также в Сеистане.

Среди части афганцев, главным образом, сельских жителей, сохранилось деление на племена и роды. Крупнейшие племенные группы — дуррани и гильзаи (каждая насчитывает свыше, чем по 1,5 млн. чел.); первые расселены в Кандагарской и Гератской провинциях и Фарахской области, вторые населяют местности к северо-востоку от Кандагара и долины и плато, окаймленные с юго-востока Сулеймановыми горами. Другие крупные племена расселены: вардаки — к востоку от Кабула, мангаль — в районе Хоста, вазирьы — по южным склонам Сулеймановых гор, моманды — к северу от Хайберского прохода, шинвари — по северным склонам Сефид-Куха, какары — к югу от вазиров. Основой хозяйства

3) По Афганистану численность основных народов принята в соответствии с данными БСЭ.

4) По арабским странам численная характеристика национальных меньшинств дается по Хоурани (№ 43) для Северной Аравии и Handbook of Arabia (№ 42) для Аравийского полуострова. Численность евреев и арабов в Израиле определена по бюллетеню ООН (№ 44).

5) Имеются народы, о численности которых прямых указаний нет. Это индийцы, африканцы, а также туркмены в Турции, карапахи в Иране, арабы, каракалпаки, киргизы — в Афганистане. Их численность определена ориентировочно — в соответствии с занимаемой территорией, возможной плотностью расселения и т. д.

большинства афганских племен является земледелие, однако некоторые племена остаются в основном кочевниками-скотоводами. Кочевников насчитывается около 1 млн. чел.

Афганцы говорят на языке пушту, принадлежащем к восточной ветви иранских языков. По религии они мусульмане-сунниты.

Таджики — 2100 тыс. чел. в Афганистане и 25 тыс. в Иране. Они являются древнейшим земледельческим населением Афганистана. В Афганистане имеются три области с компактным таджикским населением — оазис на р. Герируд, почти вся Бадахшанская область и долины рек Панджшера, Гурбенда и Солянга, по южным склонам Гиндукуша. Районы со значительным таджикским населением, живущим попеременно с представителями других народностей, имеются почти во всех провинциях Афганистана⁷. Таджики составляют значительную часть населения городов Афганистана, в том числе и Кабула.

В Иране таджики живут попеременно с персами и афшарами между Себеваром и Нишапуром.

Таджикский язык принадлежит к юго-западной ветви иранских языков. По религии таджики мусульмане-сунниты, но среди них много исмаилитов.

Припамирские таджики. В северо-восточном Афганистане проживают небольшие группы (40 тыс. чел.) припамирских таджиков: ваханцы, ишканимцы, шугнанцы, расселенные по левому берегу Пянджа, мунджанцы, саргулямцы, сангличцы, сарикольцы, энджуменцы и другие, расселенные юго-западнее, в излучине Гиндукуша. Основное их занятие — скотоводство.

Припамирские языки резко отличаются от других языков иранской группы. В отдаленные времена они, повидимому, были распространены на более широкой территории, в настоящее время занятой таджикоязычным населением. По религии припамирские таджики — исмаилиты.

Персы, гилянцы, мазандеранцы, галешы. Основная часть персов расселена в Иране — 8200 тыс. чел. Небольшими группами представлены они почти во всех странах Передней Азии.

В Иране персы заселяют центральные области страны. Повсеместно, за исключением Иранского Азербайджана, они составляют основную часть населения городов. В сельских местностях персы являются оседлыми земледельцами. В районах, мало пригодных для земледелия, сплошное персидское население прерывается кочевыми и полукочевыми племенами — тюркскими, арабскими и другими. В пустынях Деште-Кевир и Деште-Лут персы занимают окраинные части; ближе к центру живут арабы. На побережье Персидского залива персы живут смешанно с арабами.

В Афганистане персы (40 тыс. чел.) живут в городах Гератской провинции. В Ираке (90 тыс. чел.) они составляют значительный процент населения шиитских центров — Неджефа, Кербелы и других, а также Басры. В Саудовской Аравии (50 тыс. чел.) персы имеются в Медине, оазисе Хаиль, на побережье Асира в Эль-Катифе, Дахране и Окайре. Много персов имеется в селениях к северо-западу от Маската и на Бахрейнских островах.

Персидский язык, как и таджикский, относится к юго-западной ветви иранских языков. По религии персы — мусульмане-шииты. Среди персов сохранились религиозные общины гебров — последователей зороастризма, древней домусульманской религии Ирана (города Йезд и Керман).

⁷ Особый интерес представляют таджикские оазисы в центре расселения афганцев — в долине р. Гильменд в районе г. Кала-и-Бист, к югу от г. Кандагара, к северо-востоку от г. Газни, в Лагмане и Гандамане вблизи восточной границы Афганистана. В этих районах таджики, будучи оторваны от своей основной массы, в значительной степени ассимилированы афганцами.

Гилянцы (280 тыс. чел.) составляют около 80% населения Гилянской провинции Ирана. Повидимому, это потомки древнего населения Гиляна. Они говорят на языке, довольно сильно отличающемся от персидского, и сохраняя в быту много специфических особенностей. Близки к гилянкам по языку и обычаям галешы (25 тыс. чел.), живущие в горных районах Гиляна.

Мазандеранцы (350 тыс. чел.) также отличаются от персов по языку и быту. Они заселяют Мазандеранскую и Горганскую провинции, к северу от Эльбурского хребта.

Т а л ы ш и (25 тыс. чел.) живут в северных частях Гилянской и Ардебильской провинций Ирана. Ведут полукочевой образ жизни, удаляясь на жаркий период года в горы. Талышский язык относится к северо-западной ветви иранских языков, в нем прослеживаются азербайджанские влияния.

К у р д ы. В Турции их 2,3 млн. чел., в Иране — 1,8 млн., в Ираке — 900 тыс., в Сирии — 300 тыс.

Основная часть курдов сплошным массивом заселяет территорию на стыке четырех государств — Турции, Ирана, Ирака и Сирии — так называемый Курдистан. В этой огромной горной стране площадью свыше 300 тыс. кв. км лишь отдельные островки заняты некурдским населением; в Турции, в городах Урфа, Диарбекир, Элязиз, Мардин, Битлис, Ван живут турки; в Сирии и Ираке на самом юге Курдистана живут арабы; в Иране в курдские районы вклиниваются поселения луров на юге, персов — на востоке, азербайджанцев — на севере. В целом, в пределах Курдистана процент курдов превышает 80.

Курды живут также за пределами Курдистана. В Иране свыше 300 тыс. чел. размещено в Северном Хорасане, в районе Кучана и Боджнурда. Более мелкие группы расселены к северу от Казвина, вблизи Ши-раза, в западном Луристане и на северо-востоке Иранского Белуджистана. В Турции значительные группы курдских поселений разбросаны в центральной части страны — к востоку от Сиваса, к югу от Амасьи, вблизи Мараша и Кыршехира. Большой район занимают курды к югу от Анкары. Они были переселены сюда в период первой мировой войны, а затем после подавления курдских восстаний 1925, 1927 и 1930 гг. В Сирии курды живут в провинции Джебел-Джезире и к северо-востоку от Халеба.

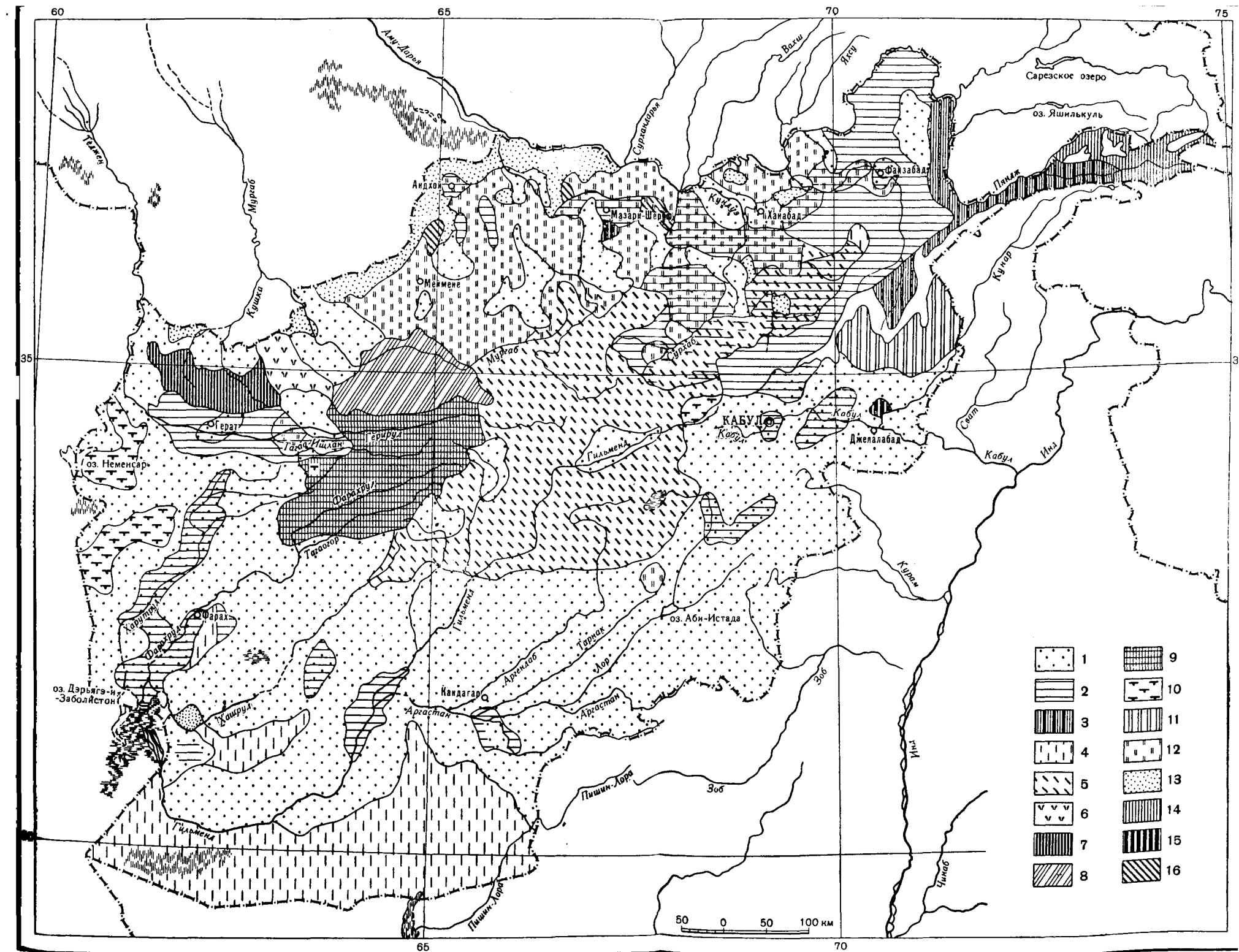
Значительная часть курдов сохраняет родоплеменное деление. Основными занятиями курдов являются полукочевое скотоводство и земледелие.

Курдский язык принадлежит к северо-западной группе иранских языков и разделяется на два основных диалекта — курманджи и курди. В религиозном отношении большинство курдов — мусульмане-сунниты и лишь племена, живущие в Хорасане, — шииты. В горном районе Синд-жар, к западу от Мосула, проживают курды-йезиды.

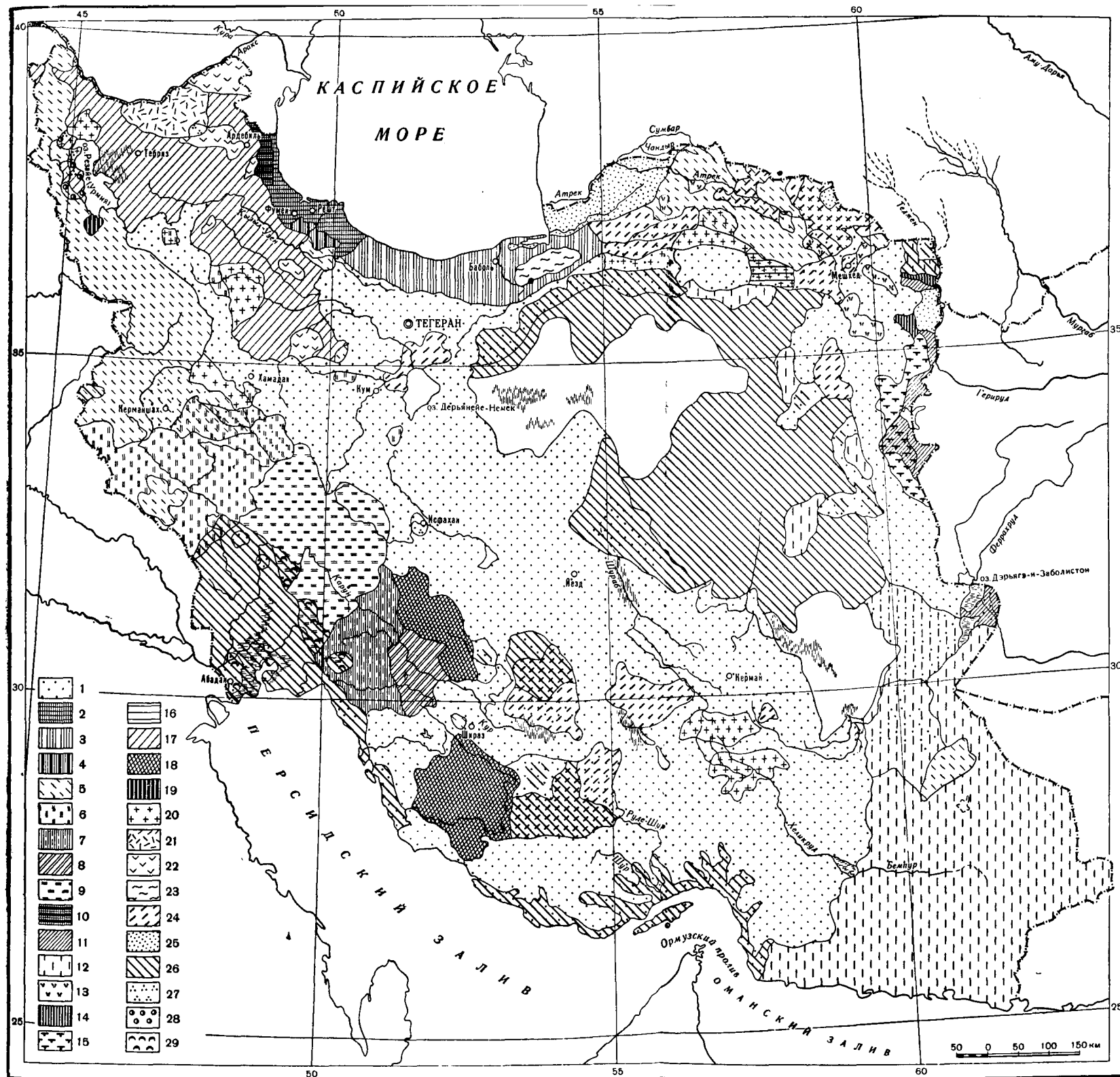
Л у р ы, к у х г е л у, м а м а с е н и. Луров насчитывается 525 тыс. чел. Живут они в Иране, к югу от курдов. Лурские племена делятся на две главные группы: а) луров Пуште-куха, в основном кочевников-скотоводов, располагающих свои зимовья в долине р. Керхе, а летовки — в горном районе к юго-западу от этой реки, и б) луров Пеш-куха, оседлых земледельцев, расселенных между реками Керхе и Абе-Диз. Отдельные группы луров, в значительной степени слившиеся с окружающим их персидским населением, имеются близ Хамадана, Сеин-Кала, в районе Герруса, в Рудбаре, около Казвина. В 1925—1941 гг. правительство Реза-шаха проводило насильственное переведение луров на оседлость. В центре лурских поселений было построено два новых города — Эйлам и Шахабад.

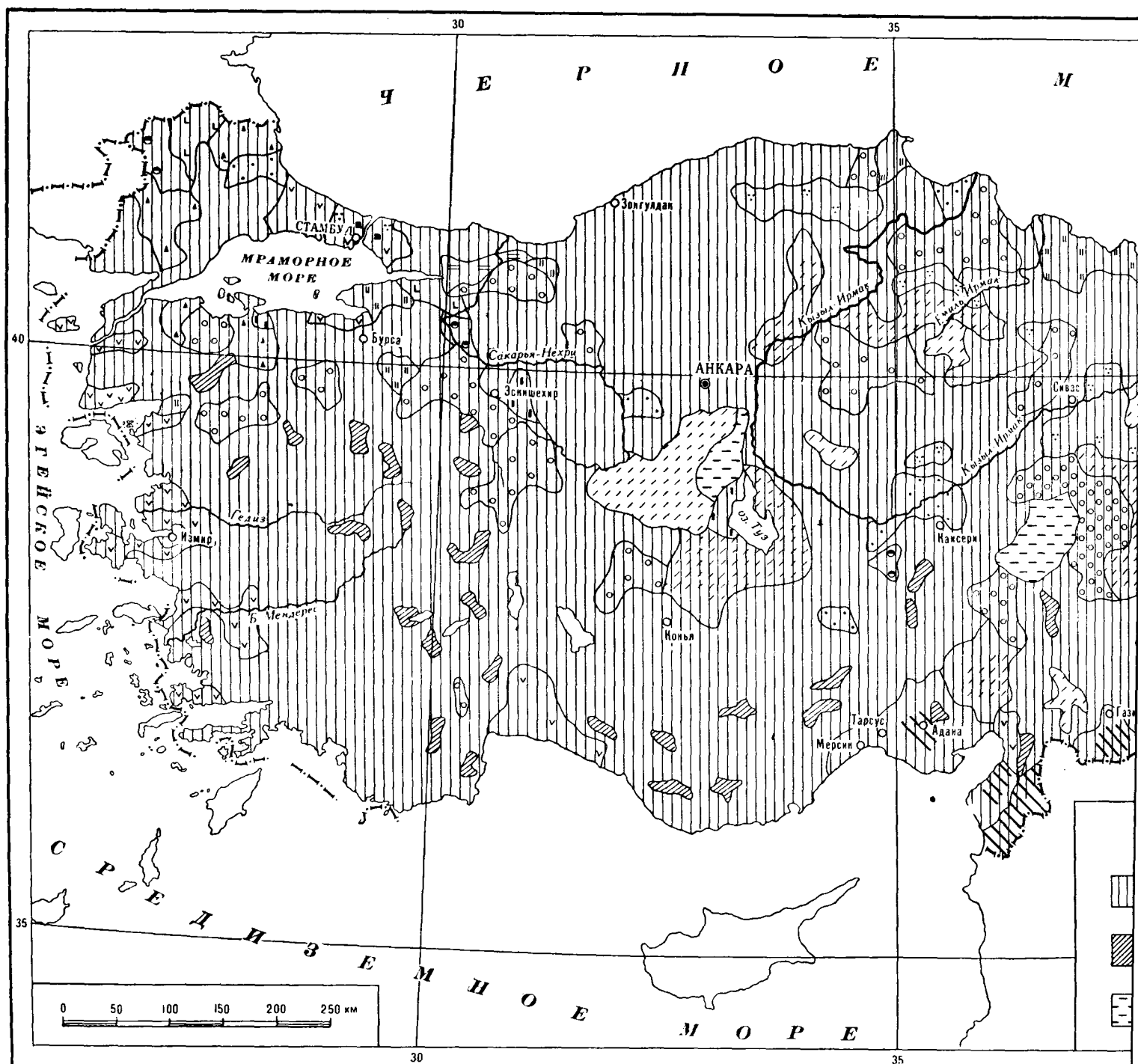
В этническом отношении лурь близки к своим северным соседям — курдам; язык луров также мало отличается от курдского. По религии лурь — мусульмане-шииты.

Кухгелу и мамасени (100 тыс. и 25 тыс. чел.) — близкие к лурам группы кочевых племен, населяющие западную часть провинции Фарс.

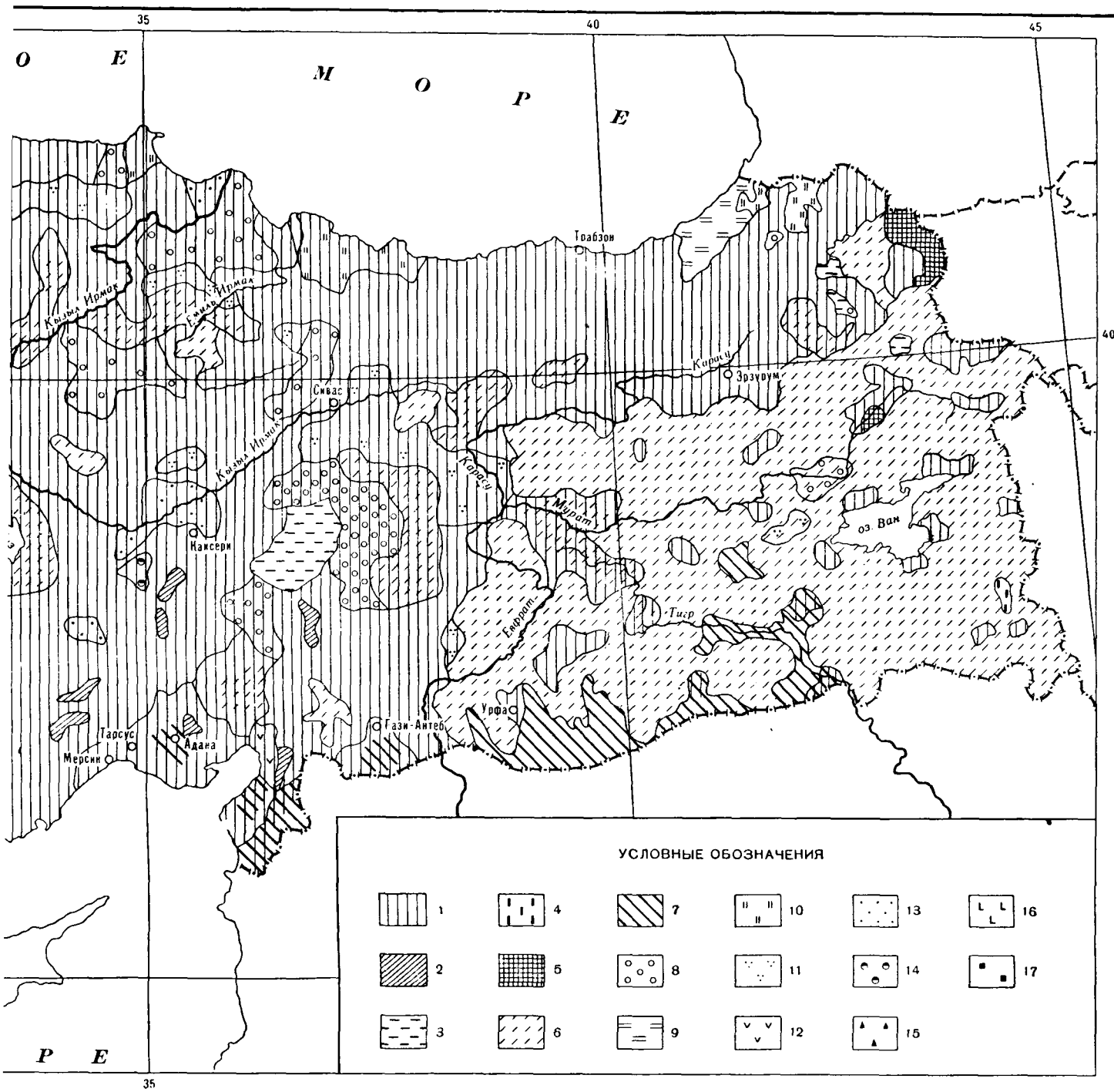

Карта 1. Народы и этнографические группы Афганистана: 1 — афганцы; 2 — таджики; 3 — припамирские таджики; 4 — белуджи; 5 — хезарейцы-берберы; 6 — хазарейцы-таджики; 7 — хазарейцы-берберы; 8 — таджики-хазарейцы; 9 — таджики-хазарейцы; 10 — таджики-хазарейцы; 11 — таджики-хазарейцы; 12 — таджики-хазарейцы; 13 — таджики-хазарейцы; 14 — таджики-хазарейцы; 15 — таджики-хазарейцы; 16 — арабы

Карта 3. Народы и этнографические группы Турции: 1—турки; 2—юрюки; 3—туркмены; 4—татары; 5—карапахи; 6—курды; 7—армяне; 8—аравиты; 9—аравиты; 10—аравиты; 11—аравиты; 12—аравиты; 13—албанцы; 14—болгары; 15—помаки; 16—босняки; 17—

1 — уркмены; 4 — татары; 5 — карапахи; 6 — курды; 7 — арабы; 8 — «черкесы»; 9 — лазы; 10 — грузины; 11 — армяне; 12 — греки; 14 — болгары; 15 — помаки; 16 — босняки; 17 — евреи

Бахтиары (600 тыс. чел.) населяют область Ирана, лежащую к югу от р. Абе-Диз, между Шуштером на западе и Исфаханом на востоке. Зимой они кочуют на равнинах Дизфуля и Шуштера, летом — в высокогорных районах между Боруджердом и Исфаханом. Оседлые бахтиары живут в округах Феридун, Керванд и Чехар-Мехал. Значительный процент бахтиаров имеется в районах нефтяных промыслов юго-западного Ирана (в Мейдане-Нефтуне, Хефткеле, Агаджари и Бехбехане), где они живут смешанно с арабами и индийцами.

Бахтиарские племена делятся на две основные группы: хафтленг — на севере Бахтиарии и чехорленг — в южной ее части, в Боруджерском округе. Эти группы в свою очередь распадаются на многочисленные племена и роды. Чехорленги в основном оседлы, хафтленги — большей частью кочевники.

Язык бахтиаров близок к лурскому и курдскому. По религии они — мусульмане-шииты.

Белуджи насчитывают 525 тыс. чел. в пределах описываемого района и около 1 млн. в западном Пакистане.

В Афганистане (80 тыс. чел.) белуджи занимают пустынные области Регистан и Дашти-Маркох. Некоторое число белуджских поселений имеется вблизи Фараха и к юго-западу от Мешеда. В Иране белуджей 420 тыс. чел. Сплошное белуджское население имеется на самом юго-востоке Ирана, в Иранском Белуджистане. В Сеистане они живут смешанно с афганцами и персами, в Хорасане — расселены между Джумейном и Торбете-Хейдери, в районе Каина, Боджнурда и на Себзеvaro-Нишапурской равнине. Около 20 тыс. белуджей проживает в Маскате и Омане, около 5 тыс. имеется в Договорном Омане (в районе Шарджа).

Белуджи — в основном кочевники-скотоводы, часть их занимается земледелием и ремеслами. Сохраняется племенное деление. Белуджский язык (балучи) относится к западной группе иранских языков. По религии они мусульмане-сунниты.

Хезарейцы - берберы — 1 млн. чел. в Афганистане и 150 тыс. в Иране. Они являются потомками населения, входившего в состав монгольских полчищ, вторгшихся в Афганистан в XVI в. К концу XVII в. монгольский язык у хезарейцев почти полностью уступил место таджикскому; монгольский язык сохранился лишь в нескольких селениях вблизи гор. Газни.

В Афганистане хезарейцы компактной массой населяют* горную область Хезареджат в центре страны. Значительное число хезарейских поселений разбросано и к северу от Хезареджата — в горных районах Афганского Туркестана и на юге Бадахшанской области. В Хезареджате хезарейцы сохранили племенное деление. Крупнейшие племена: дайзинги, дайкунди, бесуд, джагури, уразгани. Подавляющее большинство их — горные земледельцы.

В Иран хезарейцы начали переселяться в конце XIX в. Они разместились в Хорасане — вокруг гор. Мешхеда, в долине р. Кешифруд, в районе Чинарана и Самальгана.

В религиозном отношении хезарейцы — мусульмане-шииты.

Джемшиды, фирюзкухи, таймены, хезарейцы-дех-и-зейнат. В пределах Гератской провинции Афганистана и на северо-востоке Ирана расселены небольшие группы тюркского, монгольского, иранского и отчасти арабского происхождения, часто объединяемые под общим названием чор-аймаков. Это джемшиды, таймены, фирюзкухи и хезарейцы-дех-и-зейнат.

Джемшидов насчитывается в Афганистане 60 тыс. чел. и в Иране 30 тыс. чел. Они принадлежат к иранской группе народов и говорят на таджикском языке с примесью туркменских слов. Джемшиды ведут полукочевой образ жизни, занимаясь богарным земледелием и скотоводством. Порелигии они мусульмане-шииты. В Афганистане джемшиды

расселены по склонам Паропамизского хребта, между реками Герируд и Кушка и далее к северо-востоку. В Иран джемшиды переселились в конце XIX в. Здесь они поселились в северо-восточной части Хорасана — в низовьях Кешифруда и к северу от Торбете-шейхе-Джам.

Фирюзкухов в Афганистане 90 тыс. чел. Они расселены главным образом в бассейне Мургаба и Герируда, на северо-восток и восток от Калайи-Ноу. В Афганистан они были переселены в начале XV в. Тимуром из Ирана (район Фирюзкуха). Занимаются скотоводством и земледелием. Говорят на таджикском языке. По религии — мусульмане-сунниты.

Тайменов насчитывается в Афганистане около 90 тыс. чел. Район их расселения — бассейн верхнего течения р. Фарах-руд, между верховьями Адрескенд и Хашруд, а также вокруг г. Обе. Часть тайменов — кочевники и полукочевники, часть — оседлые земледельцы. Язык тайменов — таджикский. По религии они мусульмане-сунниты.

Дех-и-зейнат насчитывается в Афганистане около 50 тыс. чел. Как и хезарейцы-берберы, они являются потомками монгольских завоевателей, ассимилированных таджикским населением. От хезарейцев-берберы они отличаются в этническом отношении: в их этногенезе тюркские элементы приняли значительно большее участие, нежели это имело место у берберы. Те и другие, встречаясь в ряде районов Афганистана (например, у Калайи-Ноу), живут обособленно и считают себя разными народами. В отличие от шиитов-берберы они являются суннитами.

Дех-и-зейнат населяют район Калайи-Ноу, в восточной части Бадгизского нагорья. Большая часть их — кочевники-овцеводы.

Теймуры. В Афганистане их насчитывается 80 тыс. и в Иране 70 тыс. Теймуры — народность иранского происхождения. До монгольского нашествия они занимали значительную часть Бадгизского нагорья и ряд районов долины р. Герируд. Вытесненные отсюда монголо-тюркскими завоевателями, теймуры заняли горный район по обе стороны афгано-иранской границы.

В Афганистане теймуры живут в Гератской провинции, в районе оз. Неменсар, в окрестностях Гуриана и к востоку от Сабзавара. К югу от р. Тагао-Ишлан они живут вместе с тайменами. Небольшая группа теймуrow перекочевала на южные склоны хребта Кух-и-Баба, в верховья р. Гильменд. В Иране они живут вблизи оз. Неменсар. Почти все теймуры кочевники-скотоводы.

Нуристанцы (кафиры). Нуристанцами называют группу родственных племен, населяющих труднодоступные долины трех горных рек в северо-восточном Афганистане — Башгуль, Презунгуль и Алингар. Их численность около 60 тыс. чел. Главное занятие — скотоводство; земледелие носит подсобный характер. Каждое племя говорит на особом языке. Нуристанские языки объединяются в дардскую группу, являющуюся промежуточным звеном между иранскими и индийскими языками. Нуристанцы в XIX в. были насильно обращены афганскими завоевателями в мусульманство, но большинство попрежнему придерживается древних домусульманских верований, в которых большую роль играет культ огня.

2. Тюркская группа

Туркмены разбросаны на большой территории от северо-восточных частей Афганистана до западных окраин Сирийской пустыни. Почти всюду сохранили племенное деление и ведут кочевой и полукочевой образ жизни.

В Афганистане (380 тыс. чел.) туркмены занимают северные, пограничные с СССР районы Афганского Туркестана. В последние годы часть туркмен переселена отсюда в район Чахансура на юго-западе Афганистана. Туркмены Афганистана в основном принадлежат к племенам

зрсари и али-эли, а также сарыков, салоров и теке. Иранские туркмены (200 тыс. чел.) населяют, главным образом, пограничную с СССР, так называемую «Туркменскую степь» на северо-востоке Ирана. Кроме того, они живут к северо-западу от Боджнурда и в районе Дерегеза и Серахса. Основная масса их относится к племенам иомудов, гокленов, салоров и сарыков. В Турции туркмены (70 тыс. чел.) в сильной степени ассимилированы турками. Они живут преимущественно в Анкарском вилайете, к северо-западу от оз. Туз-Гель и в горах Антитавра, к востоку от Кайсери. В северо-восточной части Турции туркмены расселены небольшими группами в пределах вилайетов Эрзерум, Чорох, Карс. В Ираке (80 тыс. чел.) туркмены живут в холмистой местности к юго-востоку от Мосула, на границе расселения курдов и арабов. Основные пункты размещения туркмен — Тель-Афар, Арбил, Киркук и Кифри. В Сирии туркмены (30 тыс. чел.) расселены к северо-востоку от Халеба и Хомса и в области Джебзире.

Основное занятие туркмен — скотоводство (особенно разведение каракулевых овец), в меньшей степени — земледелие. По распространенной религии туркмены — мусульмане-сунниты.

Узбеки — около 1 млн. чел. в пределах Афганистана. Подавляющее большинство расселено к югу от туркмен в пределах Афганского Туркестана, где они сплошной массой заселяют долины рек Ширин-Тагао, Аби-Койсор, Сарыпуль, Балх, Хульм. Восточнее, в Каттаганской провинции, узбекские поселения начинаются непосредственно у Аму-Дарьи и протягиваются широкой полосой на юг до городов Кундуз, Таликан и Рустак. Немногочисленное узбекское население имеется в районе г. Янги-Кала Бадахшанской области, г. Обе Гератской и г. Мукур Кабульской провинций. В городах узбеки селятся редко и только в Меймене, Андхое, Ахчи и Шибиргане они составляют большинство населения.

Узбеки ведут оседлый образ жизни; лишь в горах имеется небольшое число полукочевников. Язык — узбекский; многие говорят также на таджикском языке. По религии — мусульмане-сунниты.

Киргизы (15 тыс. чел.) составляют население Большого и Малого Памиров в Бадахшанской области Афганистана. Кроме того, они живут среди других народов в различных частях той же области. Все они ведут кочевой образ жизни, занимаясь скотоводством.

Каракалпаки (15 тыс. чел.) живут отдельными селениями в различных частях Афганского Туркестана, главным образом вблизи Мазар-и-Шерифа. Несколько тысяч каракалпаков было переселено в начале 1940-х годов в окрестности Джелалабада.

Азербайджанцы, шахсевены, карадагцы, афшары. Азербайджанцев насчитывается в Иране около 4 млн. чел. Они населяют крайний северо-запад Ирана, так называемый Иранский Азербайджан, где составляют около 80% населения. На юг их поселения доходят до Хамадана, на восток — до Казвина. Основные занятия азербайджанцев — земледелие и скотоводство. Значителен процент городского населения.

Наряду с собственно азербайджанцами, рядом с ними живут родственные азербайджанцам тюркские группы, которые вследствие особых исторических условий сохранили свою обособленность. Если мелкие тюркские группы Иранского Азербайджана, упоминаемые в литературе еще в начале XX в. — мукадемы, думбалли, кара-чорлу, муганлу, байеты, джеванширы, шекаки, — в настоящее время уже полностью ассимилировались с азербайджанцами, то более крупные группы — шахсевены, карадагцы и афшары — до сих пор сохраняют обособленность и могут, по видимому, рассматриваться как этнографические группы азербайджанского народа.

Шахсевены (180 тыс. чел.) населяют северо-восточную часть Иран-

ского Азербайджана. Они ведут кочевой образ жизни. Зимовья большинства шахсевен находятся в Муганской степи; летом они поднимаются со своими стадами на склоны гор Савелан, Талыш, Карадаг и Богровдаг. Отдельные группы шахсевен расселены в районах Зенджана и Саве.

Карадагцы (75 тыс. чел.) населяют горное плато Карадаг на северо-западе Ирана. Они кочевники; летом живут высоко в горах и на плато, зимой спускаются в ущелья. В отношении культуры у них много общего с соседними шахсевенами.

Афшары (400 тыс. чел.) рассеяны по всему Ирану. Основные места их расселения: северо-западное побережье оз. Резайе, южная часть провинции Хамсе, горный район на границе Хамаданской и Керманшахской провинций, районы к югу от Боджнурда и Кучана, между Себзеваром и Нишапуром, к северу от Джумейна, к югу от Кермана. Афшары в основном полукочевники.

Язык у всех этих народов общий — азербайджанский. По религии они — мусульмане-шииты.

Каджары насчитывают 25 тыс. чел. в Иране. Расселены в районах Совар-Шаку Горганской и Хезар-Джериб Мазандеранской провинций. Несмотря на свою малочисленность, они играли значительную роль в политической жизни страны: каджарская династия правила в Иране с 1794 по 1925 г. Значительная прослойка иранской знати, чиновничества, купечества и помещиков происходит из среды каджаров.

Каджары, живущие в горном районе Совар-Шаку, — кочевники-скотоводы; живущие в долине Хезар-Джериб — оседлые земледельцы. Большая часть каджаров говорит на персидском языке, меньшая — на каджарском (тюркской группы). По религии они — мусульмане-шииты.

Кашкайцы — наиболее многочисленная (600 тыс. чел.) группа тюркских племен южного Ирана. Ведут кочевой образ жизни; зимние кочевья расположены к югу от Шираза, в горном районе близ Персидского залива, в бассейне р. Кара-Агач (Монд), летние — к западу от дороги Исфахан — Шираз, в верховьях рек Мельбур и Шикан-руд. Основные занятия кашкайцев — скотоводство, перевозка грузов (на верблюдах и ослух), ковроткачество. Язык близок к азербайджанскому. По религии кашкайцы — мусульмане-шииты.

Карапахи — 40 тыс. чел. в Турции и 20 тыс. чел. в Иране. В Иране они живут на южном берегу оз. Резайе, в Турции — в северо-восточной части страны, вокруг оз. Чилдыр и в районе Тутаха. Карапахи переселились в Турцию и Иран во время русско-персидской войны 1826—1828 гг. из Ереванской губернии, где они жили в окрестностях оз. Гокча. Прежде они составляли главную силу конницы шаха Ирана.

Карапахи занимаются скотоводством. По религии они в большинстве — мусульмане-шииты.

Тюркские группы восточного и южного Ирана. В восточном и южном Иране разбросаны небольшие кочевые и полукочевые тюркоязычные группы, носящие свои родовые и племенные названия. Их общая численность достигает 350 тыс. чел.

В Тегеранской провинции, в районе Верамина и Кума, расселено до 30 тыс. тюрков кенгерлу. В восточной части провинции Фарс, к востоку от кашкайцев, кочуют племена эйнанлу, бахарлу и нафар, входящие в объединение племен хамсе; их численность — около 85 тыс. чел. В Керманской провинции (районы Сирджана, Рефсинджана и Бердсира) проживают кочевые племена хорасани и бочагчи (55 тыс. чел.). В Хорасане, к югу от Торбете-Хейдери, живет племя карайи (30 тыс. чел.); севернее, смешанно с курдами, живет еще около 120 тыс. тюрков, принадлежащих к племенам байетов (около Нишапура), кара-чорлу (Джувейн и Исфахаин) и другим. В Горганской провинции расселены племена темирташ (Финдерикский район) и гоудари (Нардинский и Серхедский районы). Их общая численность — 30 тыс. чел. В своем большинстве все эти тюрк-

ские племена расселены в горных или полупустынных районах, мало пригодных для земледелия.

Турки, юрюки. Общая численность турок достигает 18,9 млн. чел. Живут они в основном в пределах Турции, составляя абсолютное большинство в 55 вилайетах из 64.

В составе турецкого населения сохранилась этнографическая группа юрюков, численностью до 300 тыс. чел. Полукочевники-юрюки сохранили родоплеменное деление, многочисленные патриархально-родовые пережитки. Главным районом сосредоточения юрюков является южная и западная Анатолия. На юге они живут в горах Главного Тавра и Антитавра (летовки) и в приморских районах (зимовки). Племена, живущие на западе, расселены на большом пространстве в горных и полупустынных районах Анатолии.

Турецкий язык относится к юго-западной группе тюркских языков. По религии турки — мусульмане-сунниты.

Татары. В Турции проживает около 10 тыс. татар, выходцев из Крыма. Они размещены в районе Челемерик, на западном берегу оз. Туз-Гель и к востоку от Эскишехира.

3. Семитская группа

Арабы расселены почти по всей территории юго-западной Азии. По странам они распределяются следующим образом (табл. 3):

Таблица 3

№ п/п	Наименование страны	Численность арабов в тыс. чел.	% к общей численности населения	№ п/п	Наименование страны	Численность арабов в тыс. чел.	% к общей численности населения
1	Сирия	2 850	84,3	8	Израиль	175	10,9
2	Ливан	1 200	91,0	9	Газа с прилег. террит.	290	99,7
3	Ирак	3 900	76,5	10	Иран	820	4,1
4	Иордания	1 320	99,3	11	Турция	290	1,4
5	Саудовская Аравия . .	5 800	96,7	12	Афганистан	25	0,2
6	Йемен	4 400	97,8				
7	Княжества южной и восточной Аравии .	1 645	90,8		Итого	22 715	29,3

Арабы практически занимают всю территорию арабских стран, за исключением северной части Ирака, населенной курдами. В Израиле арабы сохранились лишь на севере страны и в пустыне Негев. В Турции они живут на юго-востоке страны, в областях Ичель, Сейхан, Урфа, Мардин, Диарбекир, Сирт и особенно Хаттай (бывш. санджак Александретта), в котором их около 50%. В Иране основным арабским районом является Хузистан. Вместе с персами арабы населяют низменные районы побережья Персидского залива. В Фарсе они в составе федерации племен хамсе кочуют вблизи оз. Нейриз. В Хорасане арабы занимают огромную территорию пустыни Деште-Кевир. Их много в районе Каина, Бурдж-нурда, Сербише, Кашмера, Бехарза. Вместе с белдужами они живут вблизи Серахса. В Афганистане арабы живут на севере страны. Ими заселены районы к югу от Даулятабада и Мимлика; в Таш-Курганском районе они живут попеременно с узбеками.

Территория расселения арабов захватывает наиболее пустынные районы Передней Азии. Поэтому плотность населения здесь очень низка. Занимая территорию, превышающую половину всей площади Передней

Азии, арабы по своей численности составляют лишь 29,3% общего числа населения. На территории, занятой арабами, около 500 тыс. кв. км (15%) являются совершенно необитаемыми и около 2000 тыс. кв. км (60%) имеют плотность населения менее 1 человека на 1 кв. км.

Арабы сохраняют деление на кочевых, полукочевых и оседлых. Для кочевых и в значительной части полукочевых арабов характерно родоплеменное деление. В последние десятилетия число кочевников резко сократилось. Сейчас кочевники и полукочевники составляют значительную часть населения лишь в странах Аравийского полуострова.

Арабы говорят на различных диалектах арабского языка, входящего в семитскую группу языков. По религии они в основном мусульмане-сунниты; шиитами являются главным образом арабы северного и восточного Ирака и зейдиты Йемена. Две очень устойчивые религиозные группы — друзы и алавиты занимают обособленные территории и мало смешиваются с окружающим арабским населением. Друзы живут в горной области Джебель-Друз (Сирия) и в южной части Ливанских гор (Ливан). Алавиты населяют северо-западную часть Сирии (Латакию) и южную часть области Хаттай в Турции. Среди арабов Ливана и Сирии много христиан. Наиболее крупная христианская секта — марониты (365 тыс. чел.), которые расселены в районе Ливанских гор.

Айсоры (ассирийцы) — в Иране 75 тыс. чел., Ираке — 35 тыс. и Сирии — 15 тыс. чел. До первой мировой войны жили в Турции и Иране; в годы войны и после нее турецкие айсоры были вынуждены бежать в соседние страны — Советскую Россию, Ирак, Иран.

В Иране айсоры расселены на западном берегу оз. Резайе, где они живут вместе с армянами и азербайджанцами. В Ираке они разместились к северу от Мосула, вблизи Дохука и Агра. В Сирию айсоры переселились в 1928—1930 годах из Ирака, заняв долину р. Хабур, к югу от Нусайбина.

Айсоры говорят на так называемом новосирийском языке. Основная часть их является последователями несторианского и яковитского толков христианства; много среди них и православных.

Евреи — 1420 тыс. чел. в Израиле, 65 тыс. в Иране, 20 тыс. в Турции, 5 тыс. в Афганистане, 10 тыс. в Йемене.

До образования государства Израиль (1948) в каждой из стран Передней Азии имелись значительные еврейские колонии, главным образом в городах (а в Палестине и Йемене — и в сельских районах). В 1948—1952 гг. почти все еврейское население этих стран выселилось или было выселено в Израиль. Значительная эмиграция в Израиль имела место и из европейских стран, Америки и Северной Африки. В результате за четыре года еврейское население Израиля удвоилось.

Официальным языком является иврит — древнееврейский язык, которым, однако, владеет лишь небольшой процент евреев. Евреи-эмигранты говорят в большинстве на языке той страны, из которой они прибыли. Религия евреев — иудаизм.

4. Народы других языковых групп

Армяне — 130 тыс. чел. в Иране, 65 тыс. — в Турции, 30 тыс. — в Ираке, 120 тыс. — в Сирии, 70 тыс. — в Ливане и 5 тыс. — на о-ве Кипр.

До первой мировой войны переднеазиатские армяне населяли обширную территорию Западной Армении, входящей в состав Турции. Проводившаяся правящими кругами Турции политика преследования армян привела в 1915—1922 гг. к чудовищному истреблению их и изгнанию остатков армянского населения в соседние страны. В настоящее время небольшое число армян в Турции проживает в Стамбуле и в ряде пунктов, разбросанных на большом пространстве между Анкарой и оз. Ван — в Кастамону, Амасье, Токате, Сивасе, Элязисе, Адыамане. Особую группу

составляют хемшины, отуреченные армяне, живущие в долине рек Карадере и Фуртуни, а также в горах вблизи г. Хоп.

В Иране основная масса армян живет вместе с айсорами к западу от оз. Резайе, между городами Дильман и Резайе. Около трех десятков армянских селений расположено на Карадагском плато. Большая армянская колония имеется в пригороде Исфахана — Джульфе. Кроме того, значительное число армян проживает в крупных городах Ирана, особенно в Тебризе, Тегеране и Абадане.

В остальных странах Передней Азии армяне живут только в городах. Они составляют значительный процент населения таких крупных городов, как Бейрут, Дамаск, Халеб, Латакия, Багдад и другие.

Грузины и лазы. В Турции имеется около 55 тыс. лазов и 50 тыс. грузин. Раньше их было значительно больше, но политика отуречивания привела к тому, что многие из них были ассимилированы турками и утратили родной язык.

Лазы (чаны) — народ, близко родственный грузинам, говорящий на языке, близком к мегрельскому. Живут они в пределах так называемого Турецкого Лазистана, в вилайетах Чорох и Ризе, в полосе, простирающейся от границ СССР до г. Ризе и отгороженной на юге Понтийскими горами. Часть лазов была переселена перед второй мировой войной вглубь страны. Значительное количество их имеется в районе Адапазары.

Собственно грузины жили в основном в бассейнах рек Чорох и Верхняя Кура. Однако в результате систематического выселения их во внутренние районы страны образовались значительные грузинские колонии в районах Бурсы, Синопа, к востоку от Самсуна и в других местах. По религии турецкие грузины и лазы — мусульмане-сунниты.

Так называемые «черкесы» насчитывают 80 тыс. чел. в Турции, 10 тыс. в Иордании; живут они также в Сирии и Ираке. Под этим названием здесь объединяются адыгейцы, убыхи, осетины, лезгины и другие, переселившиеся из царской России в различное время (главным образом в 1864—1865 гг.). Всего эмигрировало от 300 до 500 тыс. чел., однако в результате жестокой ассимиляторской политики турецких властей их численность к настоящему времени значительно сократилась.

В Турции ни в одном районе «черкесы» не занимают значительной территории. Поселения их возникли в обжитых районах и поэтому разбросаны между турецкими селениями. Главная масса «черкесов» расселена между Токатом и Сивасом и между Сивасом и Малатьей. Несколько групп «черкесских» поселений расположено в районах Измида, Болу, Бандырмы и Балыкесыра. Отдельные селения «черкесов» разбросаны по всей центральной Анатолии. В Сирии «черкесы» расселены вблизи Дамаска. В Иордании основная часть их размещена в районе Аммана, а также вблизи Вадии Сир и Джераш. В Ираке они живут вблизи г. Захо и на р. Малый Заб, вблизи г. Антун-Кепрю.

Греки составляют основное население (80%) о-ва Кипр. В Турции их насчитывается около 100 тыс. чел. Число греков в Турции все время уменьшается. Особенно сильно сократилась их численность после греко-турецкой войны 1920 г., когда было принято решение о взаимной репатриации населения. В настоящее время основная часть греческого населения в Турции живет в Стамбуле, а также на островах и побережье Эгейского моря. В двух районах (на о-ве Имроз и в Бозкааде) они составляют большинство населения.

Индийцы проживают в Афганистане (25 тыс. чел.), в Иране — (50 тыс.) и на юге Аравийского полуострова. Среди них преобладают тамилы и гуджератцы. В отдельных странах Передней Азии индийцы представлены различными социальными группами населения. В Афганистане это преимущественно купцы и ростовщики, проживающие главным образом в четырех крупных городах — Кабуле, Герате, Кандагаре и

Джелалабаде. В Иране большая часть индийцев работает на нефтяных промыслах и нефтеперерабатывающих заводах (Абадан, Бехбехан, Агаджари, Хефткель). В Южной Аравии индийцы живут в приморских городах, где занимаются торговлей и ремеслами. Значительная прослойка индийцев имеется в Ходейде, Адене, Мукалле, Маскате, на о-ве Сокотра, а также в Мекке.

Африканцы — выходцы из Восточной и Южной Африки, попадавшие в Аравию в качестве рабов, а в последнее время — в качестве торговцев, ремесленников, рабочих на нефтяных промыслах. Большей частью это суданцы, сомалийцы, эфиопы, суахили. Их общая численность достигает 200 тыс. человек.

В результате длительного проникновения африканцев в Аравию и смешения их с арабами население прибрежных частей имеет заметно выраженные негроидные черты. Имеется здесь и несмешанное африканское население: отдельные вкрапления встречаются по всему западному и южному побережью. На северо-восточном побережье африканцы более значительными группами расселены в трех местах — в районе нефтяных промыслов Кувейта, на Бахрейнских островах и в районе г. Доха на полуострове Катар. Они встречаются также в ряде оазисов Центральной Аравии (Хайбар, Тайма, Джоф) и на о-ве Сокотра.

В Европейской Турции и на побережье Мраморного моря Азиатской Турции имеются албанцы, болгары, помаки и босняки. Небольшое число албанцев проживает также в районе Кайсери.

В Иране, Турции и арабских странах имеется несколько десятков тысяч цыган, носящих различные местные наименования.

Своеобразную группу в Сирии и Ливане составляют так называемые левантинцы — потомки европейских колонистов, главным образом итальянских и французских, переселившихся сюда со времени крестовых походов. В последние годы в странах Передней Азии увеличилась численность американцев и англичан (особенно на нефтяных промыслах Ирана, Ирака и Саудовской Аравии), что связано со стремлением закабалить экономику этих стран. Эта группа населения, являющаяся непостоянным, текучим элементом, не может, естественно, рассматриваться как органическая часть этнического состава стран Передней Азии.

ЛИТЕРАТУРА

1. В. Аболтин, Национальный состав Турции, Журн. «Новый Восток», 1925, № 7.
2. П. Алексеенков, Аграрный вопрос в Афганском Туркестане, М., 1933.
3. Н. А. Аристов, Афганистан и его население, СПб., 1898.
4. Л. К. Артамонов, Северный Азербайджан. Военно-географический очерк, Тифлис, ч. I и II, 1890.
5. Л. К. Артамонов, Поездка в Персию, Астрабад-Шахрудский район и северный Хорасан, Тифлис, 1894.
6. Баумгартен, Поездка по Восточной Персии в 1894 г. Сборник материалов по Азии, вып. 63, 1896.
7. Бендерев, Астрабад-Бастамский район Персии, СПб, 1904.
8. Бурхан-уд-Дин Хан-и Кушнеки, Каттаган и Бадахшан. Данные по географии страны, Ташкент, 1926.
9. Н. И. Вавилов и Д. Д. Букин, Земледельческий Афганистан, Л., 1929.
10. А. Востров, Племена Ирана и племенная политика иранского правительства, В кн. «Материалы по национально-колониальным проблемам», № 34, М., 1936.
11. География Афганистана. Афг. изд. 1922—1923 гг. «Бюлл. прессы Среднего Востока», Ташкент, Спец. вып., январь 1929 г. Приложение.
12. А. И. Гиппиус, Сборник маршрутов в Турецкой Армении, Курдистане и Сирии, Тифлис, 1892.
13. Ф. Грязнов, Военный обзор передового театра в Азиатской Турции, ч. I, 1895; ч. II, СПб, 1897.
14. Д. С. Завриев, К новейшей истории северо-восточных вилайетов Турции, Тбилиси, 1947.
15. В. И. Игнатьев, Краткий очерк племен, населяющих Афганистан, Ашхабад, 1895.
16. Г. Н. Казбек, Три месяца в Турецкой Грузии, Записки Кавказского отд. РГО, кн. X, вып. 1, 1876.

17. Карцев, Заметки о курдах, Записки Кавказского отд. РГО, кн. XIX, 1897.
18. А. Н. Колпаков, Очерки по этнографии луров, Канд. диссертация, М., 1950.
19. А. Колюбакин, Материалы для военно-статистического обозрения Турции, т. 1—8, СПб., 1888—1890.
20. Комиссия по изучению племенного состава СССР и сопредельных стран. АН СССР. Этнографическая карта Кавказа, м. 1 : 840 000. Л. 1922.
21. Н. Г. Корсун, Военный обзор персидского передового театра, Тифлис, 1909.
22. Н. Г. Корсун, Арабский Восток, т. 1, Иран, М., 1928.
23. Мак-Грегор, Хорасан. Путешествие по северо-восточным провинциям Персии, ч. I—II, СПб., 1882.
24. Максимович-Васильковский, Отчет о поездке по губернаторствам Западной Персии, ч. I и II, Тифлис, 1903.
25. В. П. Милов, Иран, М., 1953.
26. В. Ф. Минорский, Курды (заметки, впечатления), СПб., 1915.
27. НКВД, Сборник консульских докладов (южная Персия), М., 1932.
28. НКВД, Северная Персия (консульские доклады), М., 1933.
29. А. Новичев, Турецкие кочевники и полукочевники, «Советская этнография», 1951, № 3.
30. А. А. Поляк, Физическая география Афганистана, М., 1944.
31. К. Смирнов, Персы. Этнографический очерк, Тифлис, 1917.
32. Томилов, Отчет о поездке по Персии в 1900 г., ч. I и II, Тифлис, 1902.
33. Томилов, Отчет о поездке по Азиатской Турции, ч. I и II, Тифлис, 1907.
34. Annuaire statistique, 91-me publication de l'Office central de statistique. Перед загл.: République Turque, Présidence du conseil, Office central de statistique, 1952.
35. N. W. Bellew, The Races of Afghanistan, Calcutta, 1880.
36. E. D. Beunon, Assyrians and Druses and their Antecedents, «Geogr. Review», 1944, No. 2.
37. G. Curzon, Persia and the Persian question, vol. I—II, London, 1892.
38. Demorgny, Les tribus du Fars, «Revue du Monde Musulmane», vol. XXII, mars, 1913.
39. H. R. Dickson, The Arab of the Desert, London, 1949.
40. H. Field, The Anthropology of Iraq, Chicago, 1940.
41. G. Haddad, Fifty years of Modern Syria and Lebanon, Beirut, 1950.
42. Handbook of Arabia, London, 1923.
43. A. H. Hourani, Minorities in the Arab World, London, 1947.
44. International Population statistics Reports, Series P-90, No. 2. Israel: Jewish Population and Immigration, 1952.
45. W. Ivanow, Notes on the Ethnology of Khurasan, «Geogr. Journal», 1926, No. 2.
46. Jamal-ud-Din and Muhammed Abdul, Afghanistan, Kabul, 1934.
47. G. Jarring, On the Distribution of Turk Tribes in Afghanistan, Lund, 1939.
48. Кейхан, География Ирана, т. I—III, Тегеран, 1931 (на персидском языке).
49. V. Minorsky, The Tribes of Western Iran, «Journ. Royal Anthropological Soc. of Great Britain and Ireland», vol. 75, London, 1945.
50. M. F. Oppenheim, Die Beduinen, Bd. I—II, Leipzig, 1939—1943.
51. C. R. Rasvan, Tribal Areas and Migration Lines of the North Arabian Bedouins, «Geogr. Review», 1930, No. 3.
52. Recensement général de la population au 28 oct. 1927. Перед заглав.: République Turque, Présidence du conseil, 7-me publication l'Office central de statistique, Fasc. I, II.
53. Recensement général de la population au 20 oct. 1935, Population de la Turquie, Résultats définitifs, т. I, 60. Перед загл.: République Turque, Présidence du conseil, Office central de statistique.
54. Recensement général de la population au 21 oct. 1945. Перед загл.: Turquie, Office central de statistique, т. I, 1948.
55. United Nations, Population and Vital Statistics Reports, Series A, vol. V, No. 4, Oct. 1953.

Л. ФАЙНБЕРГ

К ВОПРОСУ О РОДОВОМ СТРОЕ У ЭСКИМОСОВ

Вопрос о существовании у эскимосов рода, и в особенности материнского рода, очень спорен. Многие исследователи полагают, что рода у эскимосов не было. Так, известный эскимосовед Дженнисс считает, что эскимосы построили свое общество на основе малой семьи¹. Другой зарубежный этнограф — Биркет-Смит утверждает, что рода у эскимосов нет². Глава венской католической школы патер Шмидт относит эскимосов к кругу народов, для которых типична патриархальная большая семья, хотя он и признает существование в их культуре некоторых матриархальных черт. В то же время отдельные исследователи признают существование у эскимосов в прошлом материнского рода. Нельсон, например, сообщает, что эскимосы Аляски в конце XIX в. делились на тотемные роды, сохранявшие, видимо, территориальное единство³. Однако он ничего не пишет о других признаках этих родов, и остается неясным, существовал ли у исследованных им эскимосов в конце XIX в. род или сохранились только его пережитки.

Тальбицер, основываясь на материалах Нельсона, пишет, что у эскимосов в прошлом существовал материнский род⁴. Однако его аргументация в пользу существования именно материнского рода опирается исключительно на данные лингвистики. К тому же он считает, что род был заимствован эскимосами у индейцев. Наконец, Тан-Богораз, основываясь главным образом на сохранении эскимосами многих первобытно-общинных форм собственности и на данных религии, делает вывод, что у эскимосов существовал материнский род⁵. Однако ни один из названных исследователей не пытается реконструировать родовой строй эскимосов на основе сохранившихся пережитков.

Именно эту цель и преследует настоящая статья. Автор ее пытался по литературным материалам реконструировать материнский род у эскимосов, разложившийся в основном еще до прихода европейцев в силу некоторых конкретно-исторических причин.

Большинство литературных источников, использованных в данной статье, относится к концу XIX — началу XX в. В этот период для общественного строя эскимосов было типично сочетание норм первобытно-общинного строя с элементами, отражающими разложение этих норм. Основное и почти единственное занятие эскимосов — охота (главным образом морская), а также рыбная ловля. Некоторые виды охоты и рыбной ловли в прошлом вели совместно все охотники стойбища. Например, совместно всем стойбищем охотились на карибу или ловили лосося во время

¹ D. Jenness, *The life of the Copper Eskimos*, Report of the Canadian Arctic Expedition, vol. XII, Ottawa, 1922, стр. 83, 96.

² K. Birket-Smith, *The Eskimos*, London, 1936, стр. 146—147.

³ E. W. Nelson, *The Eskimo about Bering Strait*, 18-th Annual. Report of the Bureau of Am. Ethnology, Wash., 1899, стр. 322.

⁴ W. Thalbitzer, *The Ammassalik Eskimo*, 2-d part, 2-d half-vol., Copenhagen 1941, стр. 629—631.

⁵ В. Богораз, Социальный строй американских эскимосов, Труды Института антропологии, археологии и этнографии, т. IV, М.—Л., 1936, стр. 248 и др.

весеннего нереста. Добыча от других видов охоты, которые охотники вели в одиночку, все же поступала в общее распределение по определенным нормам. Эти нормы неодинаковы для различных эскимосских групп, однако в этом отношении можно проследить некоторые закономерности⁶. Так, при добыче тюленя убивший его охотник получал в большинстве случаев очень мало, большая часть этого тюленя распределялась между остальными охотниками данной охотничьей партии. Кроме того, получали свою долю члены стойбища, не участвовавшие в охоте из-за неотложной работы или болезни, а также старики и сироты. К концу XIX в. этот порядок распределения добычи в значительной степени выродился. Однако обычай взаимопомощи еще сохранялся, в особенности в случае голода, когда имевшиеся запасы пищи, как бы они ни были малы, делились между всеми членами стойбища⁷.

Первобытно-общинные нормы в конце XIX — начале XX в. продолжали сохраняться в отношении распределения китового мяса: каждый мог брать его себе в любом количестве.

В эскимосском обществе конца XIX — начала XX в. личной собственностью считались оружие, каяк, сани, охотничьи ловушки, одежда, предметы домашнего обихода, игрушки и т. п. У эскимосов Берингова пролива каждая семья все принадлежавшие ей вещи помечала своим знаком — тамгой⁸. Наличие таких знаков собственности свидетельствовало о разложении первобытно-общинного строя. Личной собственностью считались и площадки льда с отверстиями, через которые дышат тюлени. В Гренландии охотник, нашедший такую продушину, ставил около нее отметку, указывающую ее владельца.

Собственностью всей семьи были запасы пищи. Собственностью всей группы в целом считались каменные изгороди, строившиеся всеми членами группы и использовавшиеся для ловли оленей; запруды, делавшиеся для ловли рыбы; мужские дома — кажимы и т. д.

На охотничьи земли и районы лова морского зверя, по мнению Биркет-Смита, собственность не устанавливалась. Этому, правда, противоречит указание Дженнисса о том, что у Медных эскимосов охотничьи земли и рыбные угодья были собственностью отдельных локальных групп.

Предметы личной собственности можно было одалживать⁹. В случае утери или поломки взятого взаймы предмета его можно было совсем не возвращать или возвращать в испорченном виде, и владелец не имел права требовать компенсации за нанесенный убыток. Более того, как указывает Нельсон, на Аляске владелец обычно считал неудобным просить обратно предмет, данный взаймы, так как, по мнению эскимосов, человек, который может дать другому часть своей собственности, имеет больше, чем ему необходимо. А владелец ловушки, если он ею не пользовался, обязан был дать ее тому, кто в ней нуждался.

Когда умирал глава семьи, часть имущества умершего клали вместе с ним в могилу. Оставшуюся часть наследовали его родственники, главным образом дети. По другим данным, наследовали только сыновья. Согласно Биркет-Смиту и Дженниссу, наследство распределялось между всеми детьми. По Нельсону, сыновья наследовали орудия охоты, а доче-

⁶ K. Birket-Smith, Указ. соч., стр. 148—149; K. Rasmussen, *The Netsilik Eskimos: Social life and spiritual culture. Report of the Fifth Thule Expedition*, vol. VIII, Copenhagen, 1931, стр. 163; его же, *Intellectual culture of the Copper Eskimos*, vol. IX, Copenhagen, 1932, стр. 105—107; W. Thalbitzer, Указ. соч., стр. 645—646.

⁷ Th. Mathiassen, *Material culture of the Iglulik Eskimos, Report of the Fifth Thule Expedition*, vol. VI, Copenhagen, 1928, стр. 233; T. Brevig, *Apaurak in Alaska*, Philadelphia, 1944, стр. 58; V. Stefansson, *My life with the Eskimo*, London a. New York, 1929, стр. 176—177.

⁸ K. Birket-Smith, Указ. соч., стр. 148, 149; D. Jenness, Указ. соч., стр. 88—92; E. W. Nelson, Указ. соч., стр. 325—326; W. Thalbitzer, Указ. соч., стр. 625, 638, 639.

⁹ K. Birket-Smith, Указ. соч., стр. 249; E. W. Nelson, Указ. соч., стр. 294, W. Thalbitzer, Указ. соч., стр. 641—642.

ри — предметы домашнего обихода. Вдова ничего не наследовала, но получала обратно свое приданое. В Гренландии человек, имевший одну палатку, не мог наследовать другую, как и имевший один умиак не получал другого, и т. п. На Аляске таких ограничений в наследовании в описываемое время уже не соблюдалось, что и было одной из причин, обусловивших большее имущественное расслоение среди аляскинских эскимосов, чем среди эскимосов других районов. Доли наследства, получаемые старшими и младшими детьми в разных местах, были различны. Так, в Гренландии большую часть имущества отца получал старший сын. Среди Медных эскимосов не устанавливалось какого-либо различия в порядке наследования старшими и младшими сыновьями. На Аляске же старший сын получал меньше младших. Все самые ценные вещи шли самому младшему из сыновей¹⁰. Распределяла наследство у аляскинских эскимосов жена умершего.

Во второй половине XIX в. между различными эскимосскими группами существовали прочные торговые взаимосвязи, осуществлявшиеся из года в год по одним и тем же путям¹¹. Торговые ярмарки, особенно на Аляске, проводились в форме празднеств с танцами и различными ритуальными церемониями. Такие ярмарки обычно устраивались в одних и тех же местах, а именно на границе между различными эскимосскими группами. Торговля проводилась путем обмена одних продуктов на другие. За единицу стоимости принималась одна шкурка взрослой выдры, а позднее — бобровая шкурка.

По сообщению Нельсона, на Аляске в каждом селении можно было найти в 90-х годах XIX в. богача, собравшего путем торговли значительную по эскимосским понятиям собственность (ценностью в несколько сот долларов). Такие богатые люди обязаны были время от времени устраивать празднества для своих односельчан и раздавать им пищу и подарки¹². Этим они как бы убеждали своих сородичей, что богатство собирается для их же пользы. Если богатый эскимос уклонялся от организации празднеств, односельчане или убивали его и забирали все, что у него было, или же насильственно заставляли устроить празднество и раздать на нем все свое имущество. В последнем случае он должен был под страхом смерти оставить всякую мысль о том, чтобы снова разбогатеть. Это свидетельствует о том, что для эскимосов во второй половине XIX в. имущественное неравенство еще являлось чем-то непривычным, от чего они пытались как-то избавиться. Но уже в этот период решающий годос в селении обычно принадлежал самому богатому односельчанину, так как все остальные в той или иной мере зависели от него¹³.

Еще несколько десятилетий назад собственность в каждой родственной группе носила общественный характер. Так, на острове Нунивак все предметы метились знаками собственности, имевшими вид прямых или ломаных линий, но число таких знаков было очень ограничено. Все лица, имевшие общего мужского предка, метили свою собственность одним знаком. Для выделения отдельных ветвей генеалогического древа или отдельных семей внутри родственной группы знак на предметы ставили несколько раз (но не свыше пяти)¹⁴.

Все сказанное дает основание заключить, что отношения собственности, зафиксированные у эскимосов в XIX — начале XX в., в основном сохраняли общинно-родовой характер.

¹⁰ K. Birket-Smith, Указ. соч., стр. 149; N. M. Giffen, *The role of man and woman in Eskimo culture*, Chicago, 1930, стр. 41—42; D. Jenness, Указ. соч., стр. 92; E. W. Nelson, Указ. соч., стр. 307; W. Thalbitzer, Указ. соч., стр. 605.

¹¹ K. Birket-Smith, Указ. соч., стр. 150; E. W. Nelson, Указ. соч., стр. 228, 229, 230, 231, 232, 236, 309; V. Stefansson, Указ. соч., стр. 87—88.

¹² E. W. Nelson, Указ. соч., стр. 305.

¹³ T. Brevig, Указ. соч., стр. 58.

¹⁴ M. Lantis. *The social culture of the Nunivak Eskimo*. Transactions of the American Philosophical Society, vol. 35, part 3, Philadelphia, 1946, стр. 242—243.

Всех эскимосов по признаку общности территории, диалекта и культуры можно разделить на несколько групп. Каждая такая группа носит свое название, образованное из наименования района, в котором она проживает, и суффикса «мют». Выходцы из той или иной группы, переселившиеся в другой район, принимали новое название¹⁵.

Но еще в сороковых годах XIX в. эскимосы низовьев Юкона и Кускоквики и побережья Бристольского залива имели какие-то самоназвания, сохранявшиеся при расселении членов одной группы. Л. А. Загоскин отмечал, что «туземцы этого края подразделяют себя независимо от названия по селениям, в которых они проживают, на названия местные или прозвищные, характеризующие или междоусобные несогласия, понудившие слабых или побежденных к переселению, или расселение размножившегося племени, или, наконец, явственно принадлежащие различным поколениям»¹⁶.

Повидимому, в данном случае речь идет о родовых и племенных самоназваниях.

Состав группы не был постоянным, так как отдельные эскимосские семьи часто переселялись из одного района в другой¹⁷. Есть основания полагать, что текучесть состава таких групп значительно увеличилась за последнее столетие. Но еще в восьмидесятых годах XIX в. почти все эскимосы, родившиеся в районе Гудзонова залива и переселившиеся затем в другие районы, строго соблюдали обычай возвращаться в старости на свою родину, и потому почти все старики жили в той группе, членами которой были их родители¹⁸. Следовательно, сравнительно недавно отдельные группы были значительно четче разграничены между собой, чем теперь.

До XVIII в. включительно, а возможно, и до более позднего времени, эскимосские группы часто враждовали между собой. Причиной войн почти всегда была кровная месть¹⁹. За убитого обязаны были мстить все члены его группы, причем месть распространялась на всех членов группы убийцы, что и вело к войне. (Если убийца и убитый принадлежали к одной группе, мстить обязаны были лишь отец, сын, брат и дядя убитого). Есть указания на существование у эскимосов в прошлом вождей, предводительствовавших на войне²⁰.

В XVIII в. эскимосское «племя» было общественно-организованным целым. Об этом свидетельствуют сообщения Нельсона о межплеменных войнах среди аляскинских эскимосов, обычай посылать в соседние дружественные стойбища (населенные, повидимому, соплеменниками) гонцов с приглашением участвовать в военном набеге, организуемом жителями какого-либо стойбища, и, наконец, обычай созывать на постройку нового кажима для стойбища соплеменников из близлежащих селений.

Повидимому, деление эскимосов на группы в какой-то степени отражает их прежнее деление на роды и племена и эти группы являются остатками родов и племен, сохранявшими до недавнего времени, а местами и до сих пор, родовое или племенное самоназвание, общность территории, культуры и языка, обычай кровной мести за сородича (соплеменника). Такое предположение подтверждается многими фактами.

¹⁵ K. Birket-Smith, Указ. соч., стр. 147; J. Gabus, Iglous. Vie des Eskimaux-Caribou, Neuchâtel, стр. 213; Th. Mathiassen, Указ. соч., стр. 209; D. Jenness, Указ. соч., стр. 32—33.

¹⁶ Л. А. Загоскин, Пешеходная опись части русских владений в Америке, произведенная Л. А. Загоскиным в 1842, 1843, 1844 годах, СПб., ч. II, 1847, стр. 16.

¹⁷ D. Jenness, Указ. соч., стр. 32—33.

¹⁸ F. Boas, The Central Eskimo, 6-th Annual Report of the Bureau of American Ethnology, Wash., 1888, стр. 466.

¹⁹ E. W. Nelson, Указ. соч., стр. 285, 327.

²⁰ W. Thalbitzer, Указ. соч., стр. 628—629.

В стойбище обычно жили члены одной группы. Почти все они были связаны между собой родством или свойством. На западе Аляски уроженец чужого стойбища «а-um-ta» противопоставлялся человеку «моего клана» (стойбища), считавшемуся родственником и называвшемуся «и-jo-huk» (дословно — ребенок сестры). Соблюдался обычай взаимопомощи. Члены одного стойбища обязаны были заботиться о больных, калеках, стариках, вдовах и сиротах. Как правило, каждая семья получала кусок мяса, хотя бы и маленький, от каждого тюленя, убитого кем-либо из данного стойбища. На Аляске в случае голода старейшина стойбища брал под контроль все имеющиеся запасы пищи и перераспределял их, если находил нужным. Нарушение каких-либо табу грозило несчастьем не только самому нарушителю, но и всему стойбищу²¹.

Нельсон указывает, что эскимосы Аляски обозначали род термином «и-jo-huk» (соответствует гренландскому «и-jo-huk» — ребенок сестры). Тальбицер делает отсюда вывод, что эскимосский род был материнским. Во главе такого рода, повидимому, стоял старший дядя со стороны матери. Это можно заключить из того, что основа слова «angakok», обозначающего в Гренландии шамана, на западном побережье Аляски означала одновременно «вождь» и «дядя со стороны матери»²².

На Аляске до начала XX в., а на острове Нунивак еще позже, до сороковых годов XX в., сохранялось деление эскимосов на тотемные группы. Пережитки тотемизма отмечают Нельсон и Лантис²³.

Нельсон сообщает, что у эскимосов, живших между р. Кускоквим и заливом Коцебу, существовала четкая система тотемов, с которой совпадало деление эскимосов на роды. К сожалению, этот автор не разъясняет, что он понимает под терминами «тотем» и «род». Это, конечно, значительно снижает ценность его информации. Нельсон описывает тотемы волка, сокола и ворона, как наиболее распространенные среди обследованных им эскимосов. Все люди, имевшие один тотем, считались родственниками. Эскимосы Юналит называли таких людей «и-jo-huk». Тальбицер исторически связывает этот термин с материнской филиацией. Однако в XIX в. тотем среди эскимосов описываемого района наследовался по мужской линии от отца к сыну. Группа людей (по Нельсону «род»), имевшая общий тотем, носила название тотема, которое в свою очередь было производным от названия тотемного животного. Например, волк назывался «kig-u-lun-uk», тотем — «kig-u-lun-u-go-uk», а «род» волка — «kig-u-lun-u-go-ulh-i-git».

Нельсон не сообщает, были ли такие тотемные группы экзогамны и считали ли они тотемное животное своим предком. Нет у Нельсона указаний и на то, можно ли было убивать или употреблять в пищу тотемное животное.

Все члены группы носили на себе части тотемного животного и рисовали его стилизованное изображение на своем оружии и на других принадлежавших им предметах. Оружие с тотемным знаком считалось наделенным качествами животного-тотема. На могилах также очень часто изображался тотем. В описываемое Нельсоном время тотемные знаки, нарисованные с теми или иными вариациями, иногда указывали, повидимому, на владельца вещи, что свидетельствует о трансформации тотемизма у эскимосов Берингоморья на рубеже XIX и XX вв.

По сообщению Лантиса, эскимосы острова Нунивак почитали «животных-помощников» («иногов»). Члены каждой большой семейной груп-

²¹ D. Jenness, Указ. соч., стр. 86; J. Gabus, Указ. соч., стр. 157—158; Th. Mathiasen, Указ. соч., стр. 209; E. W. Nelson, Указ. соч., стр. 306; W. Thalbitzer, Указ. соч., стр. 626, 631, 645, 646.

²² W. Thalbitzer, Указ. соч., стр. 630, 631.

²³ E. W. Nelson, Указ. соч., стр. 311, 312, 320—326; M. Lantis, Указ. соч., стр. 239—244.

пы носили амулеты из частей животного-помощника данной семьи или изображали его на каяках, гарпунах и т. д. Животные-помощники были общими не только для семьи, пусть даже большой, но и для параллельных кузенов всех степеней родства, имевших одного мужского предка (допуская правильность такого утверждения, можно говорить о родовом тотеме). «Иного» наследовались детьми обоого пола от отца. Человек не мог отказаться от своего животного-помощника или продать амулеты. Он не имел права есть мясо своего животного-помощника. Некоторые эскимосы считали допустимым убить своего «иного», чтобы сделать из него амулеты. Но другие эскимосы полагали, что нельзя охотиться на своего «иного». Песни-заклинания, так же как «иного», наследовались. Есть сведения, что одними и теми же заклинаниями пользовались параллельные кузены всех степеней. Песни-заклинания также нельзя было продать, обменять или отказаться от них.

Вместе с тем Лангис отмечает, что у эскимосов острова не было представления о происхождении родственных групп или семей от их «иного». Это обстоятельство не позволяет расценивать веру в животных-помощников как типичный тотемизм. Но, бесспорно, культ «иного» развился из тотемизма и является формой его разложения, сопровождавшегося утерей некоторых связанных с ним ранее представлений.

Брак между членами групп с общим «иного» не практиковался, хотя и не был запрещен. Отсутствие такого запрещения, возможно, объясняется тем, что параллельные кузены и кузины всех степеней — а ведь именно они имели общего «иного» — по нунавкской системе родства классифицировались как братья и сестры и поэтому особого запрета брака между лицами с общим «иного» не требовалось. В случае неизвестности родства между лицами с общим «иного» браку между ними не препятствовали.

При усыновлении маленького ребенка последний наследовал «иного» своего приемного отца.

Возможно, что одним из пережитков рода у эскимосов Аляски являлось сохранение ими института старейшин²⁴. В каждом селении был свой старейшина. Он перераспределял запасы продовольствия в случае голода, представлял своих односельчан при приеме гостей, распределял полученные от них подарки, определял время и направление летних кочевков, открытие охотничьего сезона на тот или иной вид дичи и т. п. Старейшиной становился человек, лучше других знавший традиции, предания и обычаи своей группы и уважаемый односельчанами за знания и ум. Между Нижним Юконом и Кускоквимом таких старейшин называли «näskok» (голова), а среди эскимосов Юналит их именовали «ān-ai-yukok» (тот, кого все слушают). Эти же термины применялись и к членам общины, завоевавшим главенствующее положение благодаря своему богатству.

Как остаток совета рода можно рассматривать практиковавшиеся в некоторых местах совещания стариков, на которых обсуждались важнейшие вопросы, волновавшие односельчан. У эскимосов Лабрадора решение, принятое на таком собрании стариков и старух, считалось окончательным²⁵. На северо-западе Аляски все важные вопросы решались на общем собрании односельчан (мужчин и женщин)²⁶. Приведенные факты указывают на равноправие мужчин и женщин в общественных делах. Но на Аляске на таких общих собраниях односельчан обычно принималось решение, угодное самому богатому человеку стойбища, каковым обычно являлся владелец умиака и от которого многие из его соседей так или иначе зависели.

²⁴ Л. А. Загоскин, Указ. соч., ч. I, 1847, стр. 44.

²⁵ N. M. Giffen, Указ. соч., стр. 58, 59.

²⁶ T. Brevig, Указ. соч., стр. 58.

У эскимосов Аляски и Гудзонова залива до середины XIX в. были повсеместно распространены мужские дома — кажимы, существование которых обычно связывается с матриархатом²⁷. В каждом эскимосском стойбище имелось особое здание, где мужчины проводили все время, свободное от охоты. Там они работали, ели и спали. Там же организовывались все совещания и проводились праздники.

Внутри кажима обитатели его размещались, с одной стороны, по признаку родства, с другой — по своему общественному положению. Женщины и дети жили отдельно. Иногда мужчины ходили ночевать к своим семьям.

По сообщению Загоскина, пищу в кажим приносили женщины. Нельсон отмечает, что женщины допускались в кажим только на время и при некоторых обрядах, свободный же вход им был воспрещен. На острове Нунивак мальчики по достижении пяти лет переходили на житье в кажим. В кажике старики знакомили молодежь с преданиями, обычаями и традициями группы.

У Центральных эскимосов в течение последних 100 лет уже не было мужских домов. Мужчины у них жили вместе со своими семьями. Общественное здание использовалось только для проведения праздников. В Гренландии мужские дома, вероятно, в прошлом существовали, но рано исчезли. Общественные же здания, служившие местом встречи для всех жителей поселения, возможно, исчезли с появлением «больших домов», в каждом из которых жило до 10 семейств.

Праздники у гренландских эскимосов устраивались только зимой, когда все жили в своих постоянных селениях. Летом же эскимосы собирались в местах, наиболее богатых дичью и рыбой, причем члены различных групп жили вперемежку в общих летних стойбищах, достигавших иногда значительных размеров. Надо полагать, что именно в связи с этим смешением различных групп летом не устраивались ритуальные религиозные праздники и прекращалась официальная деятельность шаманов²⁸. Иными словами, как праздники, так и шаманы были связаны с определенными группами (в прошлом родами или племенами). Анализ осеннего праздника, проводившегося в честь «морской владычицы» Седны эскимосами Баффиновой земли²⁹, подтверждает такое предположение. При проведении этого праздника эскимосы разделялись на две партии: «белых куропаток» и «уток». «Куропатки» представляли «детей лета», «утки» — «детей зимы». Можно предположить, что деление эскимосов на «детей лета» и «детей зимы» при проведении праздника в честь «владычицы моря» является таким же пережитком их деления на две экзогамные секции — рода, как и деление ульчей на «людей воды» и «людей земли» на медвежьем празднике³⁰.

Эскимосы низовьев Юкона и Кускоквима, кроме больших религиозных праздников, на которые собирались жители всех соседних стойбищ (в прошлом, вероятно, бывшие членами одного племени), устраивали еще «местные» праздники, отдельные для каждого стойбища, которые проводились, чтобы скоротать долгие вечера поздней осени и начала зимы. В организации таких праздников принимали участие или все жители стойбища, или только мужчины, или только женщины. Если праздник устраивали женщины, они приглашали на него мужчин и угощали их из своих продовольственных запасов. Такие «женские праздники» часто сопровождались переодеваниями. Женщины приходили оде-

²⁷ W. Thalbitzer, Указ. соч., стр. 627; K. Birket-Smith, Указ. соч., стр. 147; M. Lantis, Указ. соч., стр. 251—252; E. W. Nelson, Указ. соч., стр. 285—286; Л. А. Загоскин, Указ. соч., ч. I, стр. 56—59; ч. II, стр. 23, 30, 34—35.

²⁸ W. Thalbitzer, Указ. соч., стр. 625.

²⁹ F. Boas, Указ. соч., стр. 630.

³⁰ А. М. Золотарев, Родовой строй и религия ульчей, Хабаровск, 1939, стр. 135—139.

тими как мужчины и в танцах исполняли роль мужчин. Когда праздник устраивали мужчины, все бывало наоборот. Повидимому, такой праздник восходит своими корнями к матриархату и связанным с ним обычаям раздельной жизни мужского и женского населения. Широкое распространение у эскимосов мужских домов подтверждает подобную мысль.

Следует отметить, что обычай переодевания женщин в мужское платье и, наоборот, мужчин в женское, как и перемена их ролей в танцах, распространен среди всех эскимосов. Дженнисс связывает его с равноправием мужчин и женщин у эскимосов³¹. Обычно мужчины и женщины танцуют отдельно, но женщины при желании могут свободно принимать участие в танцах мужчин, никаких ограничений в этом отношении не существует. В некоторых районах мужчины исполняют танцы, типичные для женщин. У Медных эскимосов мужчины и женщины танцуют одинаково.

Переодевания типичны не для импровизаций, а для церемониальных танцев, унаследованных от предков. В связи с этим интересно отметить, что на Аляске при проведении одного из таких празднеств каждый танцор одевается соответственно полу его последнего умершего родственника³².

В Гренландии женщины наравне с мужчинами исполняют песнявызовы (nith, attack and retort songs) и на таких представлениях присутствуют мужчины и женщины. Женщины вместе с мужчинами играют в различные игры (game of chance и т. д.).

Порядок заключения брака примерно одинаков у всех эскимосов, за исключением аляскинских³³. В брак вступали 15—16-ти лет. Брак часто предшествовало обручение, совершавшееся родителями сразу после рождения детей, а нередко даже и до него. Брак устраивали старухи из семей жениха и невесты. Есть указания, что в некоторых эскимосских группах родители жениха или он сам платили калым родителям невесты. Если обрученные жили в разных стойбищах, они обычно не виделись до брака. Если жених не приехал во-время за своей невестой (в том случае, когда обрученные жили в разных селениях), она могла выйти замуж за своего односельчанина. В таком случае приехавший потом юноша, с которым она была помолвлена, боролся за нее с ее мужем.

У Медных эскимосов предварительного обручения родителями вступающих в брак не совершалось. Юноша и девушка сами договаривались о браке, правда, часто под влиянием родителей. Если жених увозил невесту от ее родителей, он платил им калым. Этого не делали, если молодая чета оставалась в группе родителей жены. Как справедливо полагает Золотарев³⁴, калым появился после смены матрилокального брака патрилокальным. Он являлся компенсацией роду (а позднее семье) за женщину и приданое, которое она уносила с собой в другой род (семью). Поэтому у Медных эскимосов муж, поселявшийся с женой в ее стойбище, освобождался от уплаты калыма. Этот обычай, по нашему мнению, является пережитком родового строя и матрилокального брака.

Брак у эскимосов мог быть в равной мере матри- и патрилокален³⁵. Особо интересен порядок заключения брака у эскимосов Аляски. В районе между Нижним Юконом и Кускоквимом бытовала своеобразная форма обручения детей³⁶, являвшаяся, по нашему мнению, пережитком матрилокального брака. Согласно обычаю, семья, в которой была

³¹ См. N. M. Giffen, Указ. соч., стр. 67—69.

³² N. M. Giffen, Указ. соч., стр. 67—69.

³³ K. Rasmussen, The Netsilik Eskimos, стр. 194, 489; его же; Intellectual culture of the Copper Eskimos, стр. 44; его же, Intellectual culture of the Iglulik Eskimos, Report of the Fifth Thule Expedition, vol. VII, Copenhagen, 1929, стр. 177—178; W. Thalbitzer, Указ. соч., стр. 649; N. M. Giffen, Указ. соч., стр. 74, 92; Th. Mathiasen, Указ. соч., стр. 210; D. Jenness, Указ. соч., стр. 158—159.

³⁴ А. М. Золотарев, Указ. соч., стр. 55—56.

³⁵ N. M. Giffen, Указ. соч., стр. 74.

³⁶ E. W. Nelson, Указ. соч., стр. 291—292.

девочка, но не было сыновей, договаривалась с семьей, в которой было несколько сыновей, что один из мальчиков будет жить у них и в будущем станет мужем их дочери. Иногда подобные договоры заключались заранее и выполнялись после того, как родится дочь. Нередко юноша сам выбирал себе семью, имевшую девочку. В таких случаях он забирал свою одежду, оружие и инструменты и навсегда покидал своих родителей, переходя в семью своей избранницы, родители которой его усыновляли (девочке в подобных случаях нередко было всего лишь четыре-пять лет). По отношению к своим приемным родителям усыновленный нес те же обязанности, какие он выполнял ранее по отношению к отцу и матери.

При обручениях в детском возрасте, когда девушка достигала половой зрелости, она и ее жених считались нечистыми, и в течение месяца им запрещалось работать. По истечении этого периода юноша отправлялся с подарками в кажим и распределял их между присутствующими, после чего он считался полноправным мужем.

У эскимосов острова Нунивак предложение о заключении брака делали бабушка, старший брат или другой родственник юноши³⁷. Ни отработки, ни калыма не было. Брак был матрилокален. Вскоре после брака молодожены наносили визит родителям мужа. Они давали своей снохе новое уменьшительное имя (*nick-name*), и с этого момента вступали в силу все табу, обязательные для замужней женщины. Существовал обычай избегания родителей жены и родителей мужа. На острове Нунивак братья и сестры, достигшие половой зрелости, также избегали друг друга. Обычай избегания зятем родителей жены и братьями и сестрами друг друга часто встречается в родовом обществе.

На северо-западе Аляски брак еще в конце XIX — начале XX в. заключался следующим образом. Юноша, решив жениться на какой-либо девушке, посылал ей с любым из общих друзей кожаные штаны. Как только девушка получала такой подарок, вся ее семья собиралась на своеобразный совет. Если все члены семьи считали, что юноша, приславший подарок, достаточно опытный охотник и рыболов, чтобы обеспечить семью пищей, они разрешали девушке носить подарок. Как только юноша видел девушку в этом костюме, он немедленно перебирался в ее дом и становился ее мужем и членом ее семьи³⁸.

Относительно эскимосов Юкона и Кукоквима Л. А. Загоскин сообщает, что родители никогда не выдавали девушку замуж, «не узнав об ее склонности»³⁹. Обычай считаться с желанием девушки при вступлении в брак также, конечно, более характерен для матриархата, чем для патриархата.

У всех эскимосских групп категорически запрещался брак между тезками. По представлению эскимосов, все носящие одно имя происходят от одного фамильного ствола, т. е., иными словами, тезки происходят от одних прапредков. У эскимосов существовал обычай давать новорожденному имя одного из его умерших родственников, что способствовало сохранению имен предков. Среди эскимосов Иглулик все тезки считались «кузенами по имени» (*name-cousins*) и при встрече обязаны были обмениваться подарками. Считалось, что это доставит удовольствие всем их умершим «кузенам по имени». У эскимосов Юкона и Кукоквима на поминки приглашали тезок умершего, как бы далеко они ни жили, и делали им ценные подарки. Иногда в результате таких поминок большая часть наследства умершего доставалась именно его тезкам⁴⁰.

³⁷ M. Lantis, Указ. соч., стр. 234—235.

³⁸ T. Brevig, Указ. соч., стр. 309—310.

³⁹ Л. А. Загоскин, Указ. соч., ч. I, стр. 47—48.

⁴⁰ K. Birket-Smith, Указ. соч., стр. 143; V. Stefansson, *The Friendly Arctic*, New York, 1939, стр. 466—467; K. Rasmussen, *Intellectual culture of the Iglulik Eskimos*, стр. 183; Л. А. Загоскин, Указ. соч., ч. I, стр. 69.

Повидимому, запрещение брака между тезками связано с представлением о принадлежности их к одному роду.

На Аляске был запрещен брак между носящими одинаковые амулеты⁴¹. Как отмечалось выше, амулет часто указывал на тотем его владельца. Запрещение брака между имевшими общий тотем типично для норм родового права, поскольку тотем мог являться, как, например, у североамериканских индейцев, одним из признаков рода. Иными словами, мы видим источник описываемого запрета в экзогамно-родовой организации эскимосского общества в прошлом.

Необходимо отметить отсутствие общего для всех эскимосов критерия, определявшего, в каких отношениях родства могли находиться вступающие в брак. Биркет-Смит указывает, что, по сведениям ранних русских путешественников, у эскимосов Тихоокеанского побережья существовал кросс-кузенный брак. Сам Биркет-Смит, правда, предполагает, что русские авторы ошибочно считали такой брак обязательным и что речь идет лишь о брачных правах (*custom of matrimonial rights*) между кросс-кузенами⁴². Учитывая, что почти у всех эскимосов бытовал обычай обручения детей, который М. О. Косвен связывает с кросс-кузенным браком, можно предположить, что в прошлом эта форма брака была широко распространена среди эскимосов. Такое предположение, если оно верно, подтверждает существование в прошлом родовой организации у всех или по крайней мере у большинства эскимосов, так как без экзогамно-родового строя не было бы никаких оснований для деления кузенов на параллельных и перекрестных, а следовательно, не было бы и кросс-кузенного брака. Более того, кросс-кузенный брак, как указывает М. О. Косвен⁴³, следует связывать с определенной стадией родового строя, а именно, с дуальной экзогамией, предполагавшей взаимобращение двух материнских родов. В эпоху распада материнского рода кросс-кузенный брак, являвшийся средством восстановления рода, приобретал исключительную устойчивость. Этим, возможно, и объясняется пережиточное сохранение такого брака у эскимосов уже после утери ими родового строя.

Многие факты свидетельствуют об ортодоксальности кросс-кузенного брака в прошлом. Хотя на острове Нунивак в конце тридцатых годов XX в. можно было вступать в брак не только с кросс-, но и с параллельными кузенами, однако последнее считалось новой формой. Это подтверждается тем, что нунивакская система родства классифицирует параллельных кузенов, как братьев и сестер⁴⁴.

В районе Нортонова залива и на острове св. Лаврентия все кросс-кузены были связаны отношениями, называемыми «шуточным товариществом» (*joking partnership*). На Нуниваке «шуточные товарищи» (*joking partners*) часто обозначались тем же термином, что и кросс-кузены. Правда, в XX в. указанными отношениями на Нуниваке связывались уже не кросс-кузены, а «половинные» кросс-кузены (*half-cross-cousins*), т. е. дети брата и сестры, имевших одну мать, но разных отцов (вследствие отцовской филиации такие брат и сестра принадлежали к различным генеалогическим стволам). Отношения «шуточного товарищества» наследовались детьми таких «половинных» кросс-кузенов, затем их внуками и т. д. «Шуточные товарищи» могли вступать в брак между собой⁴⁵.

Дружба и шутливый тон в отношениях между кросс-кузенами нередко наблюдаются в родовых обществах, практикующих кросс-кузенный брак. Среди эскимосов Юналит (Западная Аляска) был широко распро-

⁴¹ К. Birket-Smith, Указ. соч., стр. 143.

⁴² Там же.

⁴³ М. О. Косвен, Авукулат, «Советская этнография», 1948, № 1, стр. 24—25.

⁴⁴ M. Lantis, Указ. соч., стр. 234, 236.

⁴⁵ Там же, стр. 244.

странен брак между кузенами первой степени и вообще между кровными родственниками⁴⁶. Приняв во внимание приведенные выше сведения о бытовании в прошлом на Тихоокеанском побережье кросс-кузенного брака, можно предположить, что и здесь речь идет о браке кросс-кузенов первой степени, хотя Нельсон и не оговаривает, каких кузенов он имеет в виду. Такое предположение подтверждается и тем, что брак кросс-кузенов первой степени является типичной формой поддержания брачных связей между двумя большими материнскими семьями в эпоху разложения материнского рода⁴⁷ (а ведь эскимосский род, вероятнее всего, разложился именно на этой стадии).

Наконец, в диалектах эскимосов Гренландии и мыса Принца Уэльского есть термины «иглорэт» и «иглошарэт», оба происшедшие от «иглок» — «кузен» (безразлично, какой). Дословный перевод первого термина: «те, кто имеют друг друга как кузены» (those who have each other as cousins), и второго: «те, кто имеют друг друга как кузены второй степени» (those who have each other as second cousins)⁴⁸.

Повсюду, кроме Западной Гренландии, в XIX—XX вв. допускался брак между кузенами как первой, так и второй степени. Но неизвестно, был ли это попрежнему брак кросс-кузенов или же различие между детьми брата и сестры уже утерялось.

Развод совершался без всяких затруднений и церемоний, по желанию любой из сторон. Разводы в семьях, имеющих детей, были крайне редки. В случае таких разводов дети всегда оставались с матерью, а мужчина терял на них все права⁴⁹.

При вступлении в брак вдовы, имеющей детей, последние переставали считаться детьми ее умершего мужа и становились в такие же отношения родства к родственникам своего отчима и к нему самому, как если бы он был их отцом⁵⁰.

Отсюда можно сделать два важных вывода: 1) у эскимосов был парный брак, как известно, типичный для матриархата; женщина имела такое же право расторгнуть брак, как и мужчина; 2) материнское родство считалось сильнее отцовского.

Парному браку сопутствовал групповой брак. У всех эскимосских групп была распространена полиандрия и, в особенности, полигамия⁵¹. В XIX в. у различных групп эскимосов еще сохранялись следы левирата и сорората. Младшие братья были обязаны заботиться о женах старших, когда последние отправлялись в какую-либо поездку. У эскимосов Иглулик мужчина мог жениться на двух сестрах. Надо полагать, что в период существования у эскимосов родовой организации полигамия и полиандрия выступали в виде брака мужчины с группой сестер, с одной стороны, и женщины с группой братьев, — с другой, в результате чего все члены двух взаимнобрачных родов были обеспечены соответственно мужьями и женами⁵². Позднее, в связи с распадом родового строя стало безразлично, являются ли жены сестрами (по роду), а мужья — братьями, соответственно трансформировался и характер самих этих институтов. Такой взгляд на прошлое полигамии и полиандрии у эскимосов может

⁴⁶ E. W. Nelson, Указ. соч., стр. 291.

⁴⁷ М. О. Косвен, Указ. соч., стр. 24—25.

⁴⁸ K. Rasmussen, *Alaskan Eskimo words*, Copenhagen, 1941, стр. 60.

⁴⁹ T. Brevig, Указ. соч., стр. 309—310; K. Birket-Smith, Указ. соч., стр. 145, 146; W. Thalbitzer, Указ. соч., стр. 649, 653; Л. А. Загоскин, Указ. соч., ч. I, стр. 47—48; Th. Mathiasen, Указ. соч., стр. 210—211.

⁵⁰ V. Stefansson, *The Friendly Arctic*, стр. 466.

⁵¹ Th. Mathiasen, Указ. соч., стр. 210—211; Л. А. Загоскин, Указ. соч., ч. I, стр. 47—48; W. Thalbitzer, Указ. соч., стр. 649—650; K. Rasmussen, *The Netsilik Eskimos*, стр. 195; K. Birket-Smith, Указ. соч., стр. 144.

⁵² Именно в такой форме левират и сорорат наблюдались М. Лантисом у нунивакцев в XX в. (M. Lantis, Указ. соч., стр. 236).

быть подтвержден на материале различных этнографических обществ и, в частности, алеутов⁵³.

Всеми эскимосами широко практиковался обмен женами на больший или меньший отрезок времени⁵⁴. Особенно был распространен этот обычай среди так называемых «товарищей по песне» (song-fellows). Каждый мужчина Нетсилик имел постоянного партнера, который во время праздников в кажиме пел в ответ ему и пользовался его барабаном. Такие партнеры назывались товарищами по песне. Они считались очень тесно связанными друг с другом, постоянно менялись женами и имели определенные взаимные обязанности. Так, если один из них должен был ехать в дальнюю поездку, а жена его была больна, он имел право оставить ее у своего «товарища по песне» и взять с собой жену последнего. И, что очень интересно, они называли друг друга кузенами (igloq). Отношения, связывавшие «товарищей по песне», напоминают отношения параллельных кузенов в эпоху родового строя. У эскимосов Тихоокеанского побережья еще в тридцатых годах XX в. сохранялись теоретические брачные права братьев, женатых на группе сестер, на каждую из них, а также права группы кросс-кузенов на группу кросс-кузин⁵⁵.

Таким образом, эскимосский групповой брак в виде обмена женами следует выводить из норм родового строя, а именно, из взаимных брачных прав всех братьев-сородичей (т. е. родных братьев и параллельных кузенов всех степеней) на своих жен, являвшихся в случае дуальной экзогамии сестрами по роду.

Женщина, как правило, никогда не протестовала против группового брака. Всякое сопротивление с ее стороны рассматривалось как нарушение существовавших норм.

По обычаю гренландских эскимосов, если в результате обмена женами рождался ребенок, оба мужчины в равной мере считались его отцами. Хотя ребенок жил в доме одного из них, наследовал он обоим. Такие мужчины называли друг друга «сводными кузенами» (awiliareen, half-cousins). Этот термин также можно перевести: «партнеры, товарищи, делящие что-то пополам». Ребенка они считали общим (half and half child). Такой порядок также характерен для родовых норм, по которым отцом ребенка могли одновременно считаться все лица, имевшие право на его мать, т. е. все родные и коллатеральные братья (параллельные кузены) действительного отца ребенка. (В Западной Гренландии две жены одного мужа также называли друг друга сводными кузинами). Юноща и девушка, рожденные одной матерью, но от разных мужчин, считались братом и сестрой и не могли сочетаться браком⁵⁶.

У Медных эскимосов все дети двух семей, главы которых хоть раз обменялись женами, считались братьями и сестрами и не могли сочетаться браком⁵⁷. Этот обычай следует, вероятно, рассматривать как пережиток родового строя, когда подобный групповой брак указывал бы на принадлежность к одному брачному классу или мужей (отцовский род), или жен (материнский род). И в том и в другом случае дети являлись бы братьями и сестрами по роду и, следовательно, не могли вступать в брак между собой.

От обмена жен, основанного на договоренности, следует отличать широкое половое общение, которым сопровождалась некоторые из эскимосских праздников. Нельсон, описывая один из религиозных праздников

⁵³ G. Quimby, Aleutian Islanders, Eskimos of the North Pacific, Chicago, 1944, стр. 28—29; W. Jochelson, History, ethnology and anthropology of the Aleut, Wash., 1933, стр. 72—73.

⁵⁴ Th. Mathiassen, Указ. соч., стр. 210—211; D. Jenness, Указ. соч., стр. 86; K. Rasmussen, The Netsilik Eskimos, стр. 195, 489.

⁵⁵ K. Birket-Smith, Указ. соч., стр. 144.

⁵⁶ W. Thalbitzer, Указ. соч., стр. 653—655.

⁵⁷ D. Jenness, Указ. соч., стр. 86.

аляскинских эскимосов, сообщает, что во время этого праздника тезки всех умерших мужчин сходились с тезками умерших жен этих мужчин⁵⁸. Благодаря обыкновению давать детям имя умерших родственников, тезками умерших мужей и жен оказывались в первую очередь дети и внуки как собственные, так и их братьев, сестер и других родичей. Таким образом, этот обычай, воспринимаемый как ритуальная форма поддержания и сохранения брачной связи двух родственных групп, можно рассматривать как одно из подтверждений высказанного нами выше положения о том, что все отношения, связывавшие тезок, унаследованы от родового строя.

У эскимосов Баффиновой земли на празднике в честь Седны два персонажа в масках (мужчина и женщина) по очереди вступали в близкие отношения с присутствующими. Возможно, этот своеобразный обряд также носил символический характер восстановления древних брачных отношений между сорабавшимися.

У эскимосов чаще всего встречалась семья, состоящая из родителей и детей⁵⁹. Но во многих случаях с родителями жили их взрослые сыновья со своими женами или дочери со своими мужьями, а также их дети. Часто семья включала также братьев и сестер с детьми. Большая семья особенно типична была, повидимому, для Гренландии. На это, по крайней мере, указывают нормы раздела добычи в семье, зафиксированные в районе Аммассалика (Восточная Гренландия). По этим нормам части от каждого пойманного тюленя получали: сам охотник и его родственники (его отец, мать, братья и сестры, жены братьев, отец отца, брат отца, брат матери, кузены); жена охотника и ее родственники (родители, братья, отец отца, дети братьев и сестер). Доли родственников мужа и жены были различны: первые получали переднюю часть тюленя, а вторые — заднюю⁶⁰. Вероятно, обычай отдавать часть (половину) добычи родственникам жены является пережитком матрилокальности, сохранившейся в XX в. лишь в некоторых местах расселения эскимосов, но, видимо, значительно шире распространенной в прошлом. Муж и жена имели раздельное имущество. Все предметы домашнего обихода являлись собственностью женщины; она приносила их в семью при вступлении в брак и забирала обратно в случае развода. Женщина владела и частью собак⁶¹.

У эскимосов Юкона и Кукоквима в ведении жены находились все запасы продовольствия. Муж в большинстве случаев не решался ничего продать без согласия жены. Жилище могло находиться в совместном владении супругов. Основным занятием мужчины являлась охота, а женщины — домашнее хозяйство. Рыбная ловля на Юконе и Кукоквима и в Западной Гренландии была делом только женщин, ведших летом сетевой лов нельм и сегов. У эскимосов Иглулик женщины также часто ловили рыбу (особенно лососей), но только крючками, сетями ловили лишь мужчины. Во многих районах женщины нередко бывали искусными охотниками на лисиц, птиц и другую мелкую дичь. Женщины — охотники на тюленей встречались редко, но не было никаких табу, запрещавших женщинам участвовать в тюленьей охоте. Женщины часто участвовали в охоте на карибу как загонщики. Большое значение придавалось магическим заклинаниям женщин для обеспечения мужчине успеха на охоте⁶².

⁵⁸ E. W. Nelson, Указ. соч., стр. 74, 292, 360.

⁵⁹ K. Birket-Smith, Указ. соч., стр. 146—147; D. Jenness, Указ. соч., стр. 83; J. G. A. Bus, Указ. соч., стр. 157—158; W. Thalbitzer, Указ. соч., стр. 619.

⁶⁰ W. Thalbitzer, Указ. соч., стр. 645—647.

⁶¹ N. M. Giffen, Указ. соч., стр. 39—40; D. Jenness, Указ. соч., стр. 158—159; K. Rasmussen, The Netsilik Eskimos, стр. 193, 489; W. Thalbitzer, Указ. соч., стр. 625.

⁶² N. M. Giffen, Указ. соч., стр. 6.

Отношения между мужчинами и женщинами в семье характеризовались товарищеским уважением и равноправием⁶³. При решении семейных дел женщины имели равный голос с мужчинами. В семье женщины, особенно старые, пользовались значительным авторитетом. При приеме гостей женщины обычно активно участвовали в разговоре и часто направляли беседу. У эскимосов Баффинова пролива при встрече с чужеземцами было безразлично, кто кого представит — муж жену или жена мужа. По свидетельству Тальбицера, в Гренландии независимость и права женщины значительно увеличивались после рождения детей. Полноправное, независимое положение женщины, ее участие в добыче пищи характеризуют обычно матриархат, поэтому указанные явления у эскимосов следует рассматривать как пережиток материнско-родового строя.

Когда в семье рождался ребенок, он получал имя одного из его умерших родственников⁶⁴. Имя ребенку давала мать (у Медных эскимосов — отец или бабушка). У эскимосов Иглулик ребенок чаще всего получал имя одного из своих материнских родственников. Отдельные факты, которыми мы располагаем, дают основание предполагать, что не только эскимосы Иглулик при выборе имен предпочитали материнскую линию родства⁶⁵, но, пока не собран дополнительный материал, это предположение может рассматриваться лишь как догадка.

Одновременно с именем ребенок наследовал личные песни умершего⁶⁶. Каждый эскимос знал несколько песен, которые он исполнял на празднествах в кажимах и которые никто, кроме него, не имел права петь. В пределах каждой группы родственников в течение очень продолжительного времени, возможно, многих веков, сохранялись неизменными какая-то серия имен и определенные песни, которыми не могли пользоваться не-члены этой группы. По представлениям эскимосов, душа человека, чье имя получал ребенок, становилась его духом-охранителем (атка). Считалось, что атка руководил всеми действиями ребенка, пока тот не подрастал до 11—13 лет. Ребенок становился ко всем окружающим в те же отношения родства, в каких находился тот, чье имя он носил. Например, ребенок, названный по брату матери, называл свою мать сестрой, отец мог называть своего сына племянником и т. д.⁶⁷

Дети и молодые люди, разговаривая со старшими, должны были называть их не по имени, а терминами родства⁶⁸. Обычай употреблять при обращении не имена, а термины родства, повидимому, вообще преобладал у эскимосов независимо от возрастных отношений.

Действительное родство ребенка выступало обычно лишь тогда, когда он становился взрослым. Но твердых правил в этом отношении не было. Так, например, отец мог называть своего взрослого сына попеременно то сыном, то племянником. Иногда человек в течение всей своей жизни сохранял отношения родства, приобретенные вместе с именем, но это не было типичным⁶⁹.

Следовательно, полученное ребенком имя выражало его принадлежность к определенной родственной группе. Так, ребенок, получивший имя

⁶³ N. M. Giffen, Указ. соч., стр. 75; Th. Mathiassen, Указ. соч., стр. 210—211; K. Rasmussen, The Netsilik Eskimos, стр. 193, 489; V. Stefansson, My life with the Eskimo, стр. 172; W. Thalbitzer, Указ. соч., стр. 650.

⁶⁴ K. Birket-Smith, Указ. соч., стр. 154; V. Stefansson, My life with the Eskimo, стр. 398; W. Thalbitzer, Указ. соч., стр. 619; E. W. Nelson, Указ. соч., стр. 289; K. Rasmussen, Intellectual culture of the Copper Eskimos, стр. 42.

⁶⁵ Th. Mathiassen, Указ. соч., стр. 212; K. Rasmussen, The Netsilik Eskimos, стр. 191—192.

⁶⁶ J. Gabus, Touctou. Chez les hommes qui vivent loin du sel, Paris, 1943, стр. 167.

⁶⁷ J. Gabus, Touctou., стр. 167; V. Stefansson, My life with the Eskimo, стр. 397—402; W. Thalbitzer, Указ. соч., стр. 206.

⁶⁸ T. Brevig, Указ. соч., стр. 67; V. Stefansson, My life with the Eskimo, стр. 400—401; K. Rasmussen, Intellectual culture of the Iglulik Eskimos, стр. 178.

⁶⁹ V. Stefansson, My life with the Eskimo, стр. 400—401.

материнского родственника, подчинял, по меньшей мере временно, свое родство по отцовской линии тесным отношениям двойного родства (кровного и по имени) со своей материнской группой. Такой ребенок считался происшедшим от одного фамильного ствола (*from one stock of names*) с тем, чье имя он получил, т. е. в описываемом случае от предков одного из материнских родственников ребенка и самой матери и, в конечном счете, от прародителей своей материнской группы. Став взрослым, он исполнял на празднествах в кажиме песни своего умершего тезки, т. е. наследственные песни своей материнской группы, и не мог вступать в брак с лицами, названными в честь того же человека, что и он. Если все, кто получал имя одного общего материнского родственника, считались принадлежащими к одной материнской группе, то запрет брака между тезками можно рассматривать как пережиток экзогамного запрета браков между членами одного рода.

Обычай наследования имени по отцовской или материнской линии свидетельствует о существовании у эскимосов в недавнем прошлом отцовской и материнской филиации как пережитка родового строя. Исходя из этого, можно предположить, что у всех эскимосов, предпочитавших давать ребенку имя родственника матери, преобладала материнская филиация и род в период распада оставался еще материнским.

Среди всех эскимосов было широко распространено «усыновление» детей. Например, Матиассен указывает, что из 18 детей, живших у залива Рипалс в 1921—1922 гг., восемь, т. е. почти половина, были приемными⁷⁰. Дети большей частью усыновлялись вскоре после рождения. Усыновление не вызывалось бедностью родителей ребенка и невозможностью прокормить многочисленную семью, а являлось своего рода сделкой. Усыновивший платил за ребенка его родителям. Но, по мнению того же Матиассена, родители часто отдавали своего ребенка в усыновление в знак дружбы или родства. Плата за ребенка в таких случаях была очень мала. Эскимосы Карибу платили за ребенка только в том случае, если он был старше пяти лет, дети меньшего возраста отдавались в усыновление бесплатно⁷¹.

В Гренландии приемный сын становился единственным наследником приемных родителей, если те не имели своих сыновей. Порядок наследования приемными детьми в других районах не известен. У Центральные эскимосов, как, по всей вероятности, и у большинства групп эскимосов, приемные родители обращались с усыновленными детьми совершенно так же, как с собственными. В Западной Гренландии и у Центральные эскимосов приемные дети считались близкими родственниками усыновивших и не могли вступать в брак с их детьми⁷².

В Восточной Гренландии по отношению к приемным детям применялись термины «*ittersia*» — «его приемный кузен» и «*awiardsia*» — «его приемный кузен второй степени». Многие факты, приводимые Тальбитцером, свидетельствуют в пользу того, что усыновляемые большей частью были родственниками усыновивших. Однако для решения этого вопроса необходимо привлечь дополнительные материалы.

Вследствие скудости имеющихся данных трудно сделать вывод о происхождении обычая усыновления среди эскимосов. Можно лишь предполагать, что усыновление возникло из обычая возвращения детей в свой род, связанного, как известно с авункулатом. Такое предположение подтверждается, во-первых, тем, что усыновление очень часто выступает как пережиточная форма возвращения детей в их материнский род. Во-вторых, у соседей эскимосов, этнически родственных им алеутов, существо-

⁷⁰ Th. Mathiassen, Указ. соч., стр. 212—213.

⁷¹ J. Gabus, Iglous..., стр. 223.

⁷² W. Thalbitzer, Указ. соч., стр. 604—605; Th. Mathiassen, Указ. соч., стр. 212—213; D. Jenness, Указ. соч., стр. 84.

вали как типичное «возвращение детей» к материнскому дяде, так и усыновление в форме, переходной от настоящего возвращения детей в материнский род к тому порядку усыновления, какой применялся у эскимосов⁷³. В-третьих, у эскимосов Иглулик в начале XIX в. отдавались в усыновление почти исключительно мальчики, хотя родителям всегда было экономически выгоднее отдавать девочек. В XX в. те же эскимосы Иглулик чаще отдавали в усыновление девочек, чем мальчиков⁷⁴. Пользуясь указанием М. О. Косвена на то, что обычай «возвращения детей» применялся преимущественно к мальчикам⁷⁵, можно заключить, что предпочтение мальчиков при усыновлении сохранялось как пережиток родового строя.

В религиозных верованиях эскимосов преобладали женские божества⁷⁶. Главной из них была морская владычица Седна, известная в различных районах расселения эскимосов также и под другими именами, означавшими «она там внизу», «старая женщина», «мать моря» и т. п. Образ ее везде был одинаков (хотя на западе и востоке эскимосского мира с ней соперничал «человек на луне»). Эскимосы представляли ее в виде старой женщины, живущей на дне моря и повелевающей морскими животными, которых она время от времени дает людям. Седна, так же как и другие женские божества, враждебна мужчинам. Мужа у нее, по одним мифам, совсем нет, по другим — это кобель, по третьим — мужчина, занимающий в ее доме подчиненное положение. На суше Седне соответствовали «лесная хозяйка» у эскимосов Тихоокеанского побережья и «мать-карибу» у эскимосов Гудзонова залива. Женскими же божествами были Хила — дух воздуха и Пинга — дух земли. Надо полагать, что религиозные верования эскимосов, в которых господствовало женское начало, сформировались при матриархате.

С матриархатом связан и распространенный во всех районах обитания эскимосов миф о происхождении их от женщины и собаки. Отражение матриархата содержится и в охотничьей молитве эскимоса, ищущего дичи в чужой стране. В этой молитве говорится: «Я смущен, я чувствую страх и смятение, но моя прабабушка и бабушка послали меня на поиски»⁷⁷.

В некоторых эскимосских группах были женщины-шаманы⁷⁸. Правда, в районе Гудзонова залива и многих других местах шаманка могла применять свое искусство только к женщинам. Считалось также, что женщины очень редко становятся великими шаманами. По сообщению некоторых исследователей, шаманское звание отца могла наследовать дочь.

Традиции и предания группы обычно могут храниться и передаваться потомству как мужчинами, так и женщинами⁷⁹. У эскимосов Гудзонова залива мужчины рассказывают то, что они сами видели и слышали, женщины же хранят и передают потомкам традиции, исторические рассказы и предания своей группы. Бабушки передают мифы и легенды внукам.

Почти все эскимосы различают отцовскую и материнскую линии родства. Большинство эскимосов отличает детей брата от детей сестры, что является пережитком родового строя. С родовым же строем связано раз-

⁷³ И. Вениаминов, Записки об островах Уналашкинского отдела, СПб., 1840; ч. II, стр. 71—72; ч. III, стр. 10—11.

⁷⁴ Th. Mathiasen, Указ. соч., стр. 212—213.

⁷⁵ М. О. Косвен, Указ. соч., стр. 16.

⁷⁶ В. Богораз, Указ. соч., стр. 244—248; K. Birket-Smith, Указ. соч., стр. 165; J. Gabus, Touctou..., стр. 27, 156—157, 176; K. Rasmussen, Intellectual culture of the Iglulik Eskimos, стр. 67.

⁷⁷ K. Rasmussen, The Netsilik Eskimos, стр. 14.

⁷⁸ N. M. Giffen, Указ. соч., стр. 42, 59—61; D. Jenness, Указ. соч., стр. 162; J. Stefansson, My life with the Eskimo, стр. 290—291.

⁷⁹ N. M. Giffen, Указ. соч., стр. 65—66.

личение братьев мужа от братьев жены и сестер мужа от сестер жены⁸⁰. В отношении младших братьев этот принцип проводится менее последовательно, чем в отношении старших, что, на наш взгляд, связано с большой ролью старших братьев жены в период начавшегося перехода к патриархату.

По мнению Лантиса, нунивакская система родства в своей основе сходна с ирокезской и западнокалифорнийской системами. Параллельные кузены объединяются с братьями и сестрами, кросс-кузены считаются кузенами, старшие братья и сестры отличаются от младших братьев и сестер и т. д.⁸¹. Такое сходство свидетельствует о существовании в прошлом рода у нунивакцев.

В некоторых эскимосских группах (Медных, Нетсилик, полуострова Мелвилл и р. Казан) мужчина обозначал одним термином жену своего брата и сестру своей жены. У эскимосов полуострова Мелвилл наблюдалось и обратное явление, а именно, женщина одинаково называла мужа своей сестры и брата своего мужа. У эскимосов полуострова Мелвилл и у Медных эскимосов мужчина одинаково именовал мужа своей сестры и брата своей жены, а женщина — жену своего брата и сестру своего мужа⁸².

Общеизвестно, что подобными чертами характеризуются номенклатуры родовых обществ, практикующих дуальную экзогамию. Следовательно, и у эскимосов обозначение одним термином сестры жены и жены брата, брата мужа и мужа сестры является пережитком дуально-родовой экзогамии.

* * *

Приведенные материалы дают основание для вывода о наличии у эскимосов в прошлом родового строя. Экзогамия исчезла в связи с освоением огромных незаселенных пространств Арктики, когда отдельные роды далеко уходили друг от друга, часто распадались и перемешивались в процессе передвижения и т. д. В последующем разложении экзогамии большую роль сыграл также и кочевой образ жизни центральных и восточных эскимосов. По словам Штернберга, «начало такого процесса эндогамизации (в смысле утери экзогамии. — Л. Ф.) наблюдается теперь среди северных изолированных тунгусских племен Туруханского края и приаянской области, между тем как у южных, менее изолированных или более оседлых тунгусских племен этот процесс совершенно не известен»⁸³. В этой связи интересно отметить, что у эскимосов западного побережья Америки пережитки родового строя сохранились значительно лучше, чем у всех остальных эскимосов. Это объясняется тем, что им не пришлось осваивать таких больших пространств, как центральным и гренландским эскимосам, а также и тем, что жизнь их носит более оседлый характер благодаря возможности морской охоты не только зимой, но и летом.

Процесс разложения рода завершился сравнительно недавно. До сих пор эскимосская система родства многими своими чертами отражает родовое состояние общества. К моменту своего распада род у большинства эскимосских групп оставался еще материнским. Об этом свидетельствуют: пережитки матрилинейности и матрилокальности, мужские дома, неза-

⁸⁰ K. Birket-Smith, Five hundred Eskimo words, Report of the Fifth Thule Expedition, vol. III, Copenhagen, 1921, стр. 41—42; K. Rasmussen, Alaskan Eskimo words, стр. 21—22, 35, 43—44; его же, Intellectual culture of the Copper Eskimos, стр. 340—341; его же. The Netsilik Eskimos, стр. 536—537.

⁸¹ M. Lantis, Указ. соч., стр. 236.

⁸² K. Birket-Smith, Five hundred Eskimo words, стр. 41—42; K. Rasmussen, Intellectual culture of the Copper Eskimos, стр. 340—341; его же, The Netsilik Eskimos, стр. 536—537.

⁸³ Л. Я. Штернберг, Семья и род у народов Северо-Восточной Азии, Л., 1933, стр. 153.

висимое положение женщины, преобладание женских божеств в эскимосской мифологии, отраженная в терминологии родства дуальная экзогамия. Но уже начался переход к отцовскому роду. С переходом к патрилокальности при сохранении матрилинейности возник обычай «возвращения детей», пережиточно сохранившийся у всех эскимосов в форме «усыновления детей». По мере движения на восток ослабляются черты матриархата, исчезают мужские дома (за исключением района Гудзонова залива) и ослабляются пережитки кросс-кузенного брака и тотемизма, матрилокальность в браке перестает преобладать. Но возникающий отцовский род, поглощенный процессом распада всего родового строя, не успевает развиться.

ИЗ ИСТОРИИ ЭТНОГРАФИИ И АНТРОПОЛОГИИ

К. И. КОЗЛОВА и Н. Н. ЧЕБОКСАРОВ

ЭТНОГРАФИЯ В МОСКОВСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

В 1955 году исполняется двести лет со дня основания старейшего высшего учебного заведения нашей страны — Московского университета. Уже в первые десятилетия своего существования он стал крупным общественным и научно-педагогическим центром, способствовавшим развитию русской науки и притягивавшим к себе передовые общественные силы России. В университете был создан ряд научных обществ: Общество истории и древностей российских (1804), Общество испытателей природы (1804), Общество сореовнателей врачебных и физических наук (впоследствии Общество медицинских и физических наук), Общество любителей российской словесности (1811) и др. В работе обществ принимали участие не только университетские профессора и преподаватели, но и другие ученые, не связанные непосредственно с университетом. Общества наряду с большой исследовательской работой вели широкую пропаганду научных знаний, главным образом через свои печатные органы.

Этнографическая наука не сразу заняла самостоятельное место в стенах Московского университета. Это случилось только в 1884 г., а до этого времени этнографией занимались отдельные ученые университета, а затем Этнографический отдел Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, созданного в 1863 г. Однако вопросы этнографии затрагивались в курсах некоторых профессоров философского, юридического, а затем и историко-филологического факультетов. Они использовали этнографические материалы при решении различных вопросов, главным образом исторического характера. Поэтому неудивительно, что впервые кафедра этнографии была открыта на историко-филологическом факультете.

В 70—80-х гг. XVIII в. в Московском университете читал лекции выдающийся русский ученый-юрист профессор С. Е. Десницкий. В своих трудах, посвященных вопросам происхождения различных общественных институтов, Десницкий далеко опередил многих зарубежных ученых, связывая возникновение права собственности, имущественного неравенства и т. п. с определенной ступенью в развитии хозяйственной жизни людей. Общество, по его мнению, проходит четыре стадии в своем развитии — собирательно-охотничью, пастушескую, хлебопашественную и коммерческую. Касаясь вопроса развития брака и семьи, он писал, что полигамия и моногамия предшествуют беспорядочные половые отношения, свойственные собирательно-охотничьему периоду в развитии человечества, что развитие семьи тесно связано с развитием собственности; так, например, моногамия появляется вместе с возникновением частной собственности и земледельческий период развития общества. В трудах Десницкого были

предвосхищены многие мысли о развитии брака и семьи, высказанные почти сто лет спустя Л. Морганом. Существенное значение в истории русской этнографии имело опубликование в издательстве Московского университета в 1804 г. А. Ф. Якубовичем первого сборника былин Кириши Данилова под названием «Древние русские стихотворения».

В начале XIX в. в Московском университете преподавал один из наиболее талантливых русских ученых того времени — профессор археологии, истории, статистики и литературы славянских наречий академик М. Т. Каченовский, известный как основатель так называемой «скептической школы» в истории. Одним из предметов, читавшихся М. Т. Каченовским на юридическом и философском факультетах, была статистика России, где он уделял значительное внимание географии и этнографии. Не сохранилось сведений, какими пособиями он при этом пользовался; известно только, что этот курс читался им по собственному конспекту. С 1805 г. в журнале «Вестник Европы» печатались статьи Каченовского, некоторые из них имели непосредственное отношение к этнографии. Таковы, например, статьи «Краткая выписка о первобытных народах, в России обитавших» («Вестник Европы», октябрь 1809 г.) и «Исследование о банном строении» («Вестник Европы», № 17, 1812 г.). В читавшихся М. Т. Каченовским исторических курсах также использовался этнографический материал.

Одновременно с М. Т. Каченовским в Московском университете работал ординарный профессор римских древностей и латинского языка, известный фольклорист и этнограф И. М. Снегирев, многие годы посвятивший изучению духовной культуры русского народа. Им были написаны работы: «Русские в своих пословицах» (1831—1834), «Русские простонародные праздники и суеверные обряды» (1834—1839), «Русские народные пословицы и притчи» (1848) и другие. Однако по своим взглядам он принадлежал к реакционному крылу русских ученых, проповедовавших квасной патриотизм и защищавших политику русского самодержавия.

В начале 40-х гг. в должности ординарного профессора истории и литературы славянских наречий начал свою деятельность воспитанник Московского университета О. М. Бодянский. Он был передовым ученым своего времени. Ему принадлежит большая заслуга в преподавании славяноведения в университете. Наряду с другими славянскими курсами О. М. Бодянский читал курс славянской этнографии и археологии. При чтении этих курсов О. М. Бодянский в значительной степени пользовался собранным им самим материалом во время пребывания за границей, где он изучал историю, литературу и языки чехов, словаков, поляков и сербов. В качестве пособия он рекомендовал студентам книги Шафарика — «Славянское народописание» (1843) и «Славянские древности» (1848) в собственном переводе. Из работ Бодянского заслуживает особого внимания его магистерская диссертация «О народной поэзии славянских племен» (М., 1837).

В стенах Московского университета начали свой творческий путь известные затем деятели этнографического отдела Русского географического общества — Н. И. Надеждин и К. Д. Кавелин. Н. И. Надеждин с 1831 по 1835 г. преподавал в звании ординарного профессора теорию изящных искусств, археологию и логику. Он оставил по себе память блестящего лектора-импровизатора. Этнографической деятельностью Н. И. Надеждин занялся позже, вне Московского университета. С 1848 г. он возглавлял отделение этнографии Русского географического общества. Находясь во главе передового крыла деятелей РГО, он призывал к этнографическому изучению русского народа.

К. Д. Кавелин с 1844 по 1848 г. занимал кафедру истории государственного права на юридическом факультете. В то время он вместе с Грановским стоял во главе умеренно-либерального течения кружка западников. Кавелин положил начало «юридической школе» в русской истории.

графии, которая основное внимание в истории уделяла развитию государства и права. В его курсе по истории русского законодательства большое место занимал разбор родовых начал русского быта в их историческом развитии. При этом использовались не только письменные памятники по древней истории славян, но и различные работы, посвященные описанию быта славянских народов.

Позднее К. Д. Кавелин порвал с радикализмом и стал на позиции ярого консерватизма.

В 1839—1855 гг. в Московском университете на кафедре всеобщей истории читал лекции выдающийся русский ученый и общественный деятель Т. Н. Грановский. Он проявлял большой интерес к антропологии и этнографии, в частности к этнографии народов Океании. Давая характеристику различным народам земного шара, Грановский всегда твердо проводил мысль, что все народы, в том числе и остальные, обладают одинаковыми способностями «к образованности и совершенствованию».

После ухода К. Д. Кавелина из Московского университета кафедру истории русского законодательства занял Н. В. Калачов, который преподавал до 1852 г. Во время пребывания в Московском университете Калачов начал свои поездки по различным губерниям России с целью сбора материалов, преимущественно юридического содержания. Работы Калачова положили начало изучению русского обычного права.

Большую роль в развитии русской фольклористики сыграл профессор русской словесности Ф. И. Буслаев, последователь так называемой «мифологической школы» братьев Гримм. Он впервые в русской науке сделал предметом изучения устное народное творчество. Труды Буслаева, несмотря на ряд ошибок в объяснении происхождения фольклорных мотивов, занимают выдающееся место в истории русского языка и литературы.

Вопросы этнографического характера ставились и разрабатывались также членами Общества истории и древностей российских. В периодических изданиях этого общества печатались различные статьи и целые труды, посвященные этнографии народов России. Например, работа Н. Арцыбашева «Взор на обычаи древних русских» (Чтения, год 7, кн. III), Ю. Венелина «О древних жилищах русского народа» (Чтения, год 1, кн. V), «Записка о чукотском народе, обитающем около берегов Ледовитого моря, из имеющихся в сенатском секретном архиве сведений» (Чтения, год 5, кн. IV), Н. А. Маркевич «О казаках» (Чтения, год 5, кн. IV) и многие другие.

Таким образом, до 60-х гг. XIX в. этнография в Московском университете носила в значительной степени случайный характер. Не было специальных этнографических курсов, не существовало обществ или кружков, которые специально занимались бы разработкой этнографических вопросов.

В 1863 г. при Московском университете по инициативе талантливого педагога и организатора, профессора зоологии, ученого-дарвиниста А. П. Богданова было создано Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии, которое объединяло не только профессоров и преподавателей Московского университета, но и исследователей других учреждений (в том числе и провинциальных). В задачи Общества входило не только ведение научно-исследовательской работы, но и широкая ее популяризация. Общество организовало ряд выставок при Московском университете: этнографическую, антропологическую, политехническую и географическую. На материалах этих выставок возникли Антропологический, Географический и Политехнический музеи при университете и Дашковский этнографический музей.

Этнографическая выставка была организована в основном силами ученых Московского университета. Она открылась в манеже в апреле 1867 г. и сразу же привлекла широкое внимание публики. На выставке были

представлены различные этнографические материалы: 288 манекенов почти всех народностей России, а также западных и южных славян, с обстановкой их быта. Кроме того, было выставлено около 900 экспонатов, более 600 фотографий, около 300 археологических находок, 600 черепов представителей разных народов и т. д.

Выставка имела не только научное, но и большое общественное значение, далеко выходящее за пределы России. Она послужила поводом для организации славянского съезда в Москве, в котором приняли участие более 80 представителей зарубежных славян.

Выставка сыграла также значительную роль в открытии в 1867 г. в Обществе любителей естествознания Этнографического отдела во главе с профессором Московского университета Н. А. Поповым, наиболее деятельным организатором этнографической выставки. Создание Этнографического отдела имело большое значение для развития русской этнографии. Этот отдел стал этнографическим центром в Москве, подобно Отделению этнографии РГО в Петербурге.

В работе Этнографического отдела принимали участие ученые Москвы и многие корреспонденты из различных областей государства. Отдел получал этнографические сообщения из Сибири, Поволжья, Украины, Средней Азии, Приуралья и других частей России. Некоторые корреспонденты с мест являлись действительными членами Отдела (П. С. Ефименко, К. А. Попов и др.).

Этнографический отдел развернул широкую работу по изучению различных народов России. Собирались сведения по материальной культуре, языку, обычаям, обрядам, поверьям, фольклору, литературе, музыке и т. д. Заседания Отдела посещались не только этнографами, но и представителями других специальностей. Там заслушивались доклады на самые разнообразные этнографические темы. Интересные сообщения в Отделе сделали знаменитые русские путешественники Миклухо-Маклай, Пржевальский и широко известный фольклорист Шеин. Научные работы и сообщения деятелей Этнографического отдела печатались в «Трудах» Отдела, а с 1889 г. и в «Этнографическом обозрении». Так, в 1874 г. вышел из печати труд исследователя коми-зырян К. А. Попова «Зыряне и зырянский край»; в 1877—1878 гг. — работа П. С. Ефименко «Материалы по этнографии русского населения Архангельской губернии»; в 1890 г. — исследование Н. Н. Харузина «Русские лопари», не утратившее своего значения и в настоящее время, и многие другие.

Говоря об Этнографическом отделе Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, необходимо отметить деятельность профессоров Московского университета В. Ф. Миллера и М. М. Ковалевского.

Питомац Московского университета В. Ф. Миллер известен как крупный ученый — лингвист, этнограф и фольклорист. По окончании университета В. Ф. Миллер был оставлен при кафедре сравнительной грамматики. После первой поездки на Кавказ в 1879 г. В. Ф. Миллер занялся изучением языка и этнографии ираноязычных народов Кавказа. С этой целью им было предпринято еще три путешествия на Кавказ, во время которых он изучал осетин, горских евреев и другие народы. Собранные им материалы легли в основу ряда его работ, самой значительной из которых являются «Осетинские этюды». В 1892 г. В. Ф. Миллер перешел на кафедру русского языка и литературы и все свое внимание обратил на изучение русского фольклора, в частности — былинного эпоса. Занятия этнографией В. Ф. Миллер тесно связывал с активной работой в Этнографическом отделе. В 1881 г. он был избран председателем этого Отдела, а в 1889 г. — президентом Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. Одновременно Миллер занимался систематизацией этнографических коллекций Дашковского музея, хранителем которого он состоял с 1884 г.

М. М. Ковалевский с 1877 по 1887 г. преподавал в Московском университете историю государственного права. По своим научно-философским взглядам он, как и многие ученые того времени, был позитивистом. Во время пребывания за границей М. М. Ковалевский познакомился с К. Марксом и Ф. Энгельсом, читал их работы и испытывал влияние марксизма, особенно в первые годы своего творчества. М. М. Ковалевский внес большой вклад в историю первобытного общества, особенно в изучение большой патриархальной семьи и соседской общины.

В связи с разработкой проблем истории первобытного общества М. М. Ковалевский обратился к изучению этнографии народов Кавказа. Им были предприняты три поездки на Кавказ (1883, 1885, 1887). Первую поездку он совершил в обществе В. Ф. Миллера, с которым сблизился в стенах Московского университета. Они побывали у осетин, кабардинцев и балкарцев. Одновременно М. М. Ковалевский работал в местных архивах. Во время следующих поездок он изучал сванов, хевсуров, пшавов, тушин, татов и народы Дагестана. Материалы полевых исследований использовались М. М. Ковалевским на лекциях и легли в основу его многочисленных работ. Под влиянием В. Ф. Миллера, который был председателем Отдела этнографии Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, М. М. Ковалевский принял участие в работе этого Отдела. Им делались сообщения о поездках на Кавказ и печатались статьи в «Трудах» Отдела. В 1883 г. М. М. Ковалевский был избран секретарем Отдела этнографии, а в 1885 г. — товарищем председателя Отдела.

Выдающееся место в развитии русской этнографической науки в стенах Московского университета принадлежит профессору Д. Н. Анучину — крупному ученому в области географии, зоологии, этнографии, антропологии, археологии и музееведения. С именем Анучина связано начало преподавания в университете этнографии как самостоятельной дисциплины и организации подготовки этнографических кадров. С его именем также тесно связана деятельность Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, членом которого он являлся с 1874 г., и особенно Антропологического, Географического и Этнографического отделов Общества. Он был долгие годы бессменным председателем первых двух отделов, а затем и Этнографического отдела. В декабре 1890 г. Д. Н. Анучин был избран президентом Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии и оставался на этом посту до конца своей жизни.

Свою преподавательскую деятельность в Московском университете Д. Н. Анучин начал с 1880 г., по возвращении из-за границы, куда он был командирован Обществом любителей естествознания для подготовки к занятию кафедры антропологии, открытой в университете в 1876 г. по инициативе А. П. Богданова. Д. Н. Анучин первый в истории русской антропологии начал читать лекции по физической антропологии. Но педагогическая работа на кафедре антропологии продолжалась недолго. Университетский устав 1884 г. не признал кафедры антропологии, и она была закрыта; однако Д. Н. Анучину было разрешено преподавать антропологию на физико-математическом факультете, на кафедре зоологии, для желающих студентов.

Уставом 1884 г. на историко-филологическом факультете была учреждена новая кафедра — географии и этнографии, во главе которой стал Д. Н. Анучин. С этого времени начинается новый этап в развитии этнографии в Московском университете. Этнография впервые стала читаться как самостоятельная научная дисциплина наравне с другими историческими науками, преподававшимися на историко-филологическом факультете. В 1889 г. вновь созданная кафедра была переведена с историко-филологического факультета на естественное отделение физико-математиче-

ского факультета, где она фигурировала под названием кафедры географии.

Перенесение преподавания этнографии с историко-филологического на физико-математический факультет сыграло отрицательную роль в развитии этой науки, так как она оказалась оторванной от исторических дисциплин и студенты, специализировавшиеся в области этнографии, не получали исторической подготовки. Здесь, несомненно, сказался неправильный, но свойственный многим ученым того времени взгляд на этнографию как на дисциплину, изучающую естественнонаучными методами культуру первобытных народов.

Несмотря на перевод кафедры географии и этнографии на естественное отделение физико-математического факультета, преподавание этнографии на историко-филологическом факультете продолжалось, хотя и не носило систематического характера. Этнографические курсы были факультативными и читались периодически разными лицами — В. М. Михайловским (1892—1896), Н. Н. Харузиным (1896—1900), Р. Ю. Виппером (1910—1911, 1914—1915). Этнографическая специализация на историко-филологическом факультете отсутствовала; не было и штатных преподавателей-этнографов, которые могли бы создать вокруг себя этнографические кадры.

Этнографическим центром в Московском университете вплоть до Октябрьской революции была кафедра географии физико-математического факультета, возглавляемая Д. Н. Анучиным, вся жизнь и научная деятельность которого тесно связаны с Московским университетом. Анучин был прекрасным педагогом и популяризатором научных знаний. Он воспитал целый ряд учеников, из числа которых вышли крупные ученые в области географии, этнографии, антропологии.

На кафедре географии студенты слушали лекции по физической географии, географии России, географии Азии, этнографии России, общей этнологии, антропологии и антропологии России. Курс общей этнологии почти все время читал Анучин.

При кафедре существовал созданный Анучиным Антропологический музей с богатыми антропологическими, этнографическими и археологическими коллекциями, о пополнении и систематизации которых он неустанно заботился всю свою жизнь. Большую учебную роль играл также Географический музей. Наряду с практической работой студентов над музейными коллекциями Анучин уделял большое внимание прохождению студентами полевой практики.

Д. Н. Анучин разделял взгляды этнографов эволюционной школы о прогрессивном характере развития человеческой культуры, но относился с большой осторожностью к крайностям этого направления. Скептически он высказывался также о модной в начале XX в. в зарубежной этнографии школе «культурных кругов» Гребнера и его последователей. Осторожное отношение к распространенным в то время теориям зарубежной этнографии Анучин воспитывал и в своих учениках.

В основу подготовки этнографических кадров Анучиным была положена тесная связь этнографии с антропологией и доисторической археологией (так называемая анучинская «триада»). Этот метод имеет большое положительное значение при научных исследованиях, особенно в области истории первобытной культуры, происхождения народов, их культурных взаимосвязей и т. д. Необходимость тесной увязки данных различных наук Д. Н. Анучин блестяще доказал в ряде своих работ, которые по широте использования материала и мастерскому его анализу до сих пор являются образцами научного исследования. Это — «Лук и стрелы» (1887), «Сани, лабя и кони как принадлежности похоронного обряда» (1890), «К истории ознакомления с Сибирью до Ермака. Древнерусское сказание. 'О чело́вечах незнаемых в восточной стране'» (1890) и др.

Анучин со своими учениками создал прекрасную школу изучения материальной культуры. Точная методика фиксации элементов материальной культуры и систематизации полученных данных, выработанная этой школой, широко используется в исследованиях советских этнографов.

Несмотря на большие заслуги Анучина и его учеников в развитии этнографии, созданное им направление в этнографии имело и свои отрицательные стороны. Этнография была оторвана от истории. Этот отрыв не был замечен в трудах самого Анучина, исключительно одаренного и эрудированного ученого, живо интересовавшегося вопросами истории, но он ярко проявлялся в работах его учеников, которые хорошо владея методикой исследования, не могли, однако, подвести историческую базу под свои работы (примером могут служить этнографические работы Н. Я. Янчука, А. И. Колмогорова и других).

Отрывом от истории в известной степени объясняется и некоторая ограниченность научно-исследовательских интересов школы Анучина, которые сосредоточивались главным образом вокруг вопросов истории первобытного общества, исследования различных пережитков и материальной культуры. В стороне стояло изучение общественного строя, семьи и духовной культуры.

Подводя итог развитию этнографии в Московском университете перед Октябрьской революцией, можно сказать, что на физико-математическом факультете существовала небольшая, но крепко сколоченная Д. Н. Анучиным группа этнографов, систематически занимавшихся подготовкой этнографических кадров и разносторонней научно-исследовательской работой.

Как уже говорилось выше, этнография преподавалась и на историко-филологическом факультете. Однако читавшиеся там этнографические курсы не носили систематического характера. Вместе с тем многие из них увязывались с историей; так, например, в лекциях Н. Н. Харузина большое место уделялось вопросам истории развития семьи, собственности и государства, а также родового строя и первобытных верований.

В конце XIX — начале XX в. Московский университет стал одним из крупнейших мировых центров этнографической науки. Широко известны связи ученых Московского университета с учеными других стран. М. М. Ковалевский читал лекции во многих зарубежных высших учебных заведениях. Д. Н. Анучин пользовался большим авторитетом в ученом мире за рубежом. Созданный им Антропологический музей с богатыми антропологическими и этнографическими коллекциями получил высокую оценку со стороны многих видных зарубежных ученых.

Великая Октябрьская социалистическая революция, открывшая народам нашей страны широкий путь хозяйственного, политического и культурного развития, поставила перед нарождающейся советской этнографической наукой новые задачи, обусловленные самой жизнью и практикой социалистического строительства. Создание национальной по форме и социалистической по содержанию культуры народов СССР потребовало всестороннего исследования культурного наследия каждого народа. Этнографы должны были принять активное участие в культурном строительстве, осуществлявшемся на основе национальной политики Коммунистической партии.

Эти задачи с самого начала определили широкое развитие этнографической работы в центре и на местах, в академических учреждениях, музеях и в стенах вузов. Для такой работы требовались многочисленные, хорошо подготовленные кадры. Поэтому еще в годы гражданской войны советское правительство проявило большую заботу о развитии этнографического образования, о росте числа этнографов-специалистов. С началом мирного социалистического строительства в нашей стране были соз-

даны крупные центры этнографического образования. Одним из таких важнейших центров явился Московский университет.

В первые годы после Октябрьской революции произошли коренные изменения и в самой структуре университета, и в его студенческом и преподавательском составе. Пришел новый контингент студенчества, по своему классовому составу резко отличавшийся от дореволюционного. Новые задачи стояли перед университетом и в связи с разворачиванием научной и просветительной работы в стране.

В первые годы советской власти преподавание этнографии в Московском университете велось как на физико-математическом факультете, так и на факультете общественных наук.

В тяжелую пору разрухи и гражданской войны на физико-математическом факультете продолжала работу группа Анучина, который, несмотря на свой преклонный возраст, читал лекции и вел работу в музее над систематизацией и описанием коллекций. Д. Н. Анучин с первых же дней Октябрьской революции стал на сторону советской власти и живо откликался на все мероприятия Советского государства. Он принял активное участие в изучении производительных сил страны. Тогда же им были написаны популярные работы, посвященные различным вопросам антропологии и первобытной истории (например, «Происхождение человека», 1922).

В 1919 г. из кафедры географии выделилась кафедра антропологии с этнографическим циклом, которая продолжала оставаться на физико-математическом факультете. Образование самостоятельной кафедры дало возможность развернуть более углубленную специализацию по этнографии и антропологии. Было уделено большое внимание практическим занятиям студентов. Сразу же после своей организации кафедра начала большую экскурсионную и экспедиционную работу по сбору этнографических и археологических материалов.

При жизни Д. Н. Анучина и после его смерти (1923 г.), когда во главе кафедры стал его ученик, видный современный советский антрополог профессор В. В. Бунак, на кафедре продолжали жить традиции анучинской школы.

Большую работу по подготовке этнографических кадров на кафедре антропологии проводил один из учеников Анучина — Б. А. Куфтин. Он читал курсы по сравнительному или общему народоведению (истории первобытной культуры) и описательному народоведению (систематической характеристике народов мира), а также специальные курсы, как, например, этнография тюркских народов, эволюция первобытного жилища и другие. Куфтин вел практические занятия по народоведению и музейной технике и руководил полевой этнографической и археологической практикой студентов. Под руководством Куфтина проходили этнографическую подготовку многие современные советские этнографы (С. П. Толстов, М. Г. Левин, Н. Н. Чебоксаров и другие).

В 1921 г. Б. А. Куфтин начал продолжавшееся несколько лет этнографическое изучение Рязанской и Тамбовской губерний. На материалах этих исследований была написана одна из лучших его этнографических работ «Материальная культура русской мещеры» (1926). Научные интересы Куфтина сосредоточивались главным образом на вопросах этногенеза. В своих исследованиях он применял метод Анучина — широкий охват проблемы с привлечением разнообразного сравнительного материала. Но в его построениях чувствуется отрыв от конкретных экономических и исторических условий жизни общества в изучаемый период¹.

¹ В 1933 г. Б. А. Куфтин был приглашен на работу в Государственный музей Грузии. С этого времени он обратил все свое внимание на изучение археологии Грузии. Его работа «Археологические раскопки в Триалети. Опыт периодизации памятников» (Тбилиси, 1941 г.) была удостоена Сталинской премии.

Большое место в подготовке студентов на кафедре антропологии занимали курсы по палеантропологии и палеэтнологии (древнейшей археологии), читавшиеся другим учеником Анучина — Б. С. Жуковым.

Этнографическая специализация на кафедре антропологии, которая в связи с разделением физико-математического факультета вошла в состав биологического факультета, продолжалась до 1929 г., а затем была свернута. Кафедра стала выпускать только антропологов, в подготовку которых входило изучение курса общей этнографии².

Факультет общественных наук был создан в 1919 г. В 1921 г. в его составе было образовано этнолого-лингвистическое отделение. Этнография преподавалась на кафедре социологии и этнологии этого отделения, а также в 1922—1925 гг. на общественно-педагогическом отделении. Занятия вели А. Н. Максимов, В. Н. Харузина и другие. В 1924 г. ФОН был закрыт, и вместо него было образовано два факультета: советского права и этнологический, который начал действовать с 1925 г. В его состав входило четыре отделения, в том числе этнографическое, включавшее две кафедры — этнологии и этнографии. В задачи кафедр входила подготовка научных работников в области этнографии, практических работников для обслуживания культурных нужд национальностей СССР на местах (этнографов, краеведов, музееведов и т. д.).

При этнологическом факультете развернул свою деятельность в качестве учебно-вспомогательного учреждения Этнографо-археологический музей, преобразованный из существовавшего при ФОН археологического кабинета. Музеем были собраны обширные коллекции по археологии, этнографии, искусству, нумизматике. Музей организовал ряд экспедиций и командировок сотрудников Этнографического отделения и студентов в Среднюю Азию, Сибирь, Крым, Кавказ, губернии средней полосы и т. д. В результате был собран большой этнографический материал. При Отделении работал историко-этнографический кабинет, который обслуживал студентов и преподавателей книгами и различными пособиями к лекционным курсам и практическим занятиям.

Преподавание этнографии на факультете общественных наук, а затем и на этнологическом факультете было тесно связано с историей. Этнография рассматривалась как историческая дисциплина. Однако в преподавательской и научно-исследовательской этнографической работе, особенно на этнологическом факультете, с самого начала его организации очень сильно ощущалось влияние буржуазных концепций зарубежной этнографии, в частности «школы культурных кругов» Гребнера и «культурно-исторической школы» В. Шмидта. Влияние это, в частности, выразилось в неправильном взгляде на этнологию как на всеобъемлющую науку о развитии человеческого общества, включая и историю. В результате такого подхода этнография теряла свою специфику. Порочное понимание этнографии нашло свое отражение в названии факультета и в неправильном делении Отделения на кафедры этнологии и этнографии. Этнология рассматривалась как общая наука о народах, а этнография — как описание народов. Антимарксистское понимание этнографии ярко сказалось в «Курсе этнологии» (1929) П. Ф. Преображенского, представлявшем эклектическое соединение различных буржуазных теорий, особенно школ Гребнера и Шмидта, с неправильно понятыми марксистскими положениями. На этнологическом факультете заметно чувствовалось также влияние вульгарно-социологической «школы» Покровского и «учения» Марра, отрицавших этнографию как самостоятельную науку и рассматривавших ее только как метод сбора материала.

После ликвидации Этнологического факультета (1930 г.) работа по

² Кафедра антропологии биологического факультета продолжает свою деятельность и в настоящее время. Этнографические курсы там читает в течение ряда лет М. Г. Лозин.

подготовке этнографических кадров в Московском университете на некоторое время замерла.

В 1931 г. на базе антропологических и этнографических коллекций, собранных в свое время Анучиным и его учениками, был создан в системе Московского университета Государственный музей антропологии. Директором музея с момента его организации до наших дней состоит М. С. Плисецкий. Музей в связи с проблемой происхождения человека и его рас интересовался вопросами истории первобытного общества и происхождения культуры. В 1937 г. была развернута экспозиция, показывавшая на базе этнографического материала единство основных путей развития человеческой культуры и ее независимость от расового состава тех или иных народов. Эта экспозиция просуществовала до Великой Отечественной войны.

Этнографические исследования проводились также на Географическом факультете. Так, например, в 1936—1937 гг. под руководством Научно-исследовательского института географии МГУ была проведена работа комплексной Калининской экспедиции.

Новый этап в развитии этнографии в Московском университете начинается в связи с решениями партии и правительства о преподавании истории в высшей школе и с открытием в 1934 г. Исторического факультета. В 1939 г. на факультете была организована кафедра этнографии под руководством С. П. Толстова. Огромное значение в возобновлении преподавания этнографии на Историческом факультете имело указание партии о развертывании работ по истории всех народов нашей Родины.

С первых лет своей деятельности кафедра развернула работу по систематической подготовке этнографических кадров, которая не прерывалась и в годы Великой Отечественной войны. Учебный план кафедры не претерпел коренных изменений до настоящего времени.

С момента возобновления преподавания этнографии на Историческом факультете студенты I курса всего факультета слушают курс по основам этнографии. Этот курс в 1939—1951 гг. читал С. П. Толстов, в настоящее время читают С. А. Токарев и Н. Н. Чебоксаров. Специализация по кафедре этнографии начинается со II курса. Одним из основных предметов, читаемых на кафедре, является этнография народов СССР (С. А. Токарев). С этим курсом тесно связан семинарий по этнографии народов Советского Союза. Кроме того, студенты слушают курсы по этнографии одной из частей света, страны или группы родственных народов, например, по этнографии зарубежной Европы (Н. Н. Чебоксаров), по этнографии Азии (Г. Е. Марков), восточных славян (М. В. Витов), Поволжья (К. И. Козлова) и др. С 1939 по 1951 г. на кафедре читались курсы по этнографии Кавказа Е. М. Шиллингом, возглавлявшим всю работу по кавказоведению. Этнографию народов Америки и Африки читала Б. И. Шаревская. Специальные курсы для студентов IV и V курсов охватывают самые различные темы: вопросы этногенеза, материальной и духовной культуры, культурных взаимоотношений отдельных народов и т. д.

Основными курсами являются также курс истории этнографии (М. О. Косвен, С. А. Токарев), методики полевых исследований (К. И. Козлова, Г. Г. Громов), источниковедения (Б. И. Шаревская, Г. Г. Громов).

Помимо этнографических дисциплин, студенты знакомятся с основами антропологии и изучают языки различных народов в зависимости от своей более узкой специализации. В целях ознакомления с этнографическими коллекциями студенты III курса проходят двухнедельную производственную практику в этнографических музеях.

Большим пробелом в педагогической работе кафедры является отсутствие какой бы то ни было материальной учебной базы. Существующий при кафедре Этнографический кабинет обслуживает студентов только этнографической литературой. Отсутствие наглядных пособий — этно-

графических коллекций, макетов, хорошо выполненных этнографических карт, альбомов и т. д. сильно затрудняет учебный процесс и отрицательно влияет на качество подготовки научных специалистов.

Очень серьезным недостатком в работе кафедры является отсутствие учебников и учебных пособий по этнографии. К сожалению, кроме переизданных незадолго до Отечественной войны лекций В. Н. Харузиной, не издано ни одного учебника по этнографии. За последние годы произошли некоторые сдвиги в этом направлении. В настоящее время сдан в печать в издательстве МГУ курс лекций проф. С. А. Токарева «Этнография народов СССР».

Помимо педагогической деятельности, кафедра проводит значительную научно-исследовательскую работу. Большим вкладом в этнографическую науку является труд проф. М. О. Косвена «Матриархат» (М., 1948), защищенный им в качестве докторской диссертации в Ученом совете Исторического факультета МГУ и получивший премию им. Н. Н. Миклухо-Маклая. Премии им. Н. Н. Миклухо-Маклая удостоена также докторская диссертация проф. Н. Н. Чебоксарова «Северные китайцы и их соседи (Исследование по этнической антропологии Восточной Азии)». С. А. Токарев опубликовал защищенную в МГУ еще в 1940 г. докторскую диссертацию «Общественный строй якутов» (Якутск, 1945). Этот труд получил в советской научной критике положительную оценку. На кафедре этнографии был подготовлен и защищен ряд кандидатских диссертаций (К. И. Козловой, Г. Е. Марковым, Г. Г. Грозовым и другими).

Членам кафедры принадлежит большое количество работ, напечатанных в «Советской этнографии», в «Кратких сообщениях Института этнографии АН СССР» и других изданиях.

В тесной связи с учебной и научно-исследовательской работой стоит экспедиционная работа кафедры. Многие экспедиции кафедры проводились и проводятся совместно с другими научно-исследовательскими учреждениями, главным образом с Институтом этнографии АН СССР и академиями наук Союзных республик. Особенно широкий размах экспедиционная работа кафедры получила в послевоенные годы. Экспедициями были охвачены Сибирь, Средняя Азия, Кавказ, Европейский север, Поволжье, Украина, Молдавия, Прибалтика и другие районы.

В течение ряда лет кафедра принимала участие в работах одной из наиболее крупных экспедиций — Хорезмской археолого-этнографической экспедиции под руководством проф. С. П. Толстова, выпустившего в издательстве МГУ свой труд «Древний Хорезм», удостоенный Сталинской премии. Изучение народов Средней Азии непрерывно продолжается до настоящего времени. В 1955 году будет работать Туркменская экспедиция.

С первых же лет организации кафедры начала работу Дагестанская этнографическая экспедиция под руководством Е. М. Шиллинга, собравшая в течение нескольких лет большой этнографический материал. В результате многолетних исследований народов Кавказа Е. М. Шиллингом был опубликован ряд печатных работ и успешно защищена на Историческом факультете МГУ кандидатская диссертация «Кубачинцы и их культура».

В 1952—1954 гг. работали Северновеликорусская (руководитель М. В. Витов) и Владимирская (руководитель Г. Г. Громов) экспедиции. В 1955 г. начнет работу белорусско-украинская экспедиция. Третий год работает экспедиция по изучению народов Поволжья под руководством К. И. Козловой. Уже несколько лет (с 1949 г.) кафедра принимает участие в работе Балтийской экспедиции АН СССР, руководимой Н. Н. Чебоксаровым. В 1951—1953 гг. работала Коми-пермяцкая экспедиция (руководитель Д. И. Гусев) и другие. Результаты работ этих экспедиций в значительной степени уже опубликованы в журнале «Советская этнография», в «Кратких сообщениях» и «Трудах» Института этнографии АН СССР.

Экспедиционная работа кафедры строится с учетом задач кафедры в целом и научных интересов ее сотрудников. Многие экспедиции работают на протяжении нескольких лет, что дает возможность повысить уровень и результаты научно-исследовательской работы. Экспедиции преследуют не только исследовательские, но и педагогические цели. В них студенты приобретают навыки полевой этнографической работы.

Кафедра этнографии Московского университета является в настоящее время почти единственным в Советском Союзе учреждением, где проводится систематическая и планомерная подготовка специалистов в области этнографии. На кафедре обучаются представители различных народов Советского Союза, а также стран народной демократии — Албании, Германской Демократической Республики, Кореи, Монгольской Народной Республики, Румынии, Чехословакии. За послевоенные годы кафедрой выпущено около 150 специалистов. При кафедре существует аспирантура. Свыше 25 воспитанников кафедры защитили кандидатские диссертации как в университете, так и в других научных учреждениях.

Многочисленные питомцы кафедры работают в центральных и местных этнографических учреждениях Москвы, Ленинграда, союзных и автономных республик и областей. Больше половины состава преподавателей кафедры укомплектовано бывшими ее студентами и аспирантами.

Выпускники кафедры развертывают этнографическую работу и в странах народной демократии. Так, например, С. Ислами ведет большую этнографическую работу в Албании, И. Влэдуциу — в Румынии.

В послевоенные годы значительно расширился круг вопросов, разрабатываемых кафедрой этнографии. В центре внимания стоит изучение культуры и быта народов Советского Союза. Большое место занимает также проблема этногенеза, при разрешении которой, помимо этнографических материалов, привлекаются данные археологии, антропологии, истории, языкознания и др. С проблемами этногенеза тесно связано изучение культурных взаимоотношений народов между собой, особенно влияния культуры русского народа на многочисленные народы Советского Союза.

Видное место в работах экспедиций, организуемых кафедрой, занимает всестороннее изучение современной культуры и быта народов нашей страны.

НАРОДЫ МИРА

(ИНФОРМАЦИОННЫЕ МАТЕРИАЛЫ)

М. К. КУДРЯВЦЕВ

КАШМИРЦЫ

Кашмирцами называют жителей центральной части Кашмира—горной страны на крайнем севере Индии, расположенной на стыке высочайших горных систем мира: Гималаев, Каракорума и Гиндукуша.

Кашмирцы населяют широкую плодородную долину р. Джелам, лежащую в центральной части страны. Со всех сторон Кашмирская долина окружена высокими горными хребтами. Река Джелам, или Ветх, как ее называют кашмирцы, судоходна на всем протяжении долины, т. е. на 180—200 км. Замечательной особенностью Кашмирской долины являются ее озера. Озера — Вулар, Манасбал, Анчар и Дал — имеют крупное народнохозяйственное значение. Низкие берега их считаются лучшей почвой для возделывания некоторых зерновых и огородных культур, а сами они, вместе с р. Джелам, входят в общую сеть водных путей, играющих важную роль в хозяйстве кашмирцев.

Все население Кашмира насчитывает более 4 млн. человек. В состав его входит несколько народностей (кашмирцы, догра, гуджара, шина, балти, ладаки) и много мелких этнических групп. Кашмирцы являются самой крупной и наиболее развитой в экономическом и культурном отношении народностью. Численность их превышает 1,5 млн., что составляет более трети всего населения Кашмира.

Сами кашмирцы называют себя, как и свой язык, кошур или кашмири. Под этим вторым названием они известны и соседним народам.

Язык кашмири большинство исследователей относит к дардской группе индоевропейских языков, в которую, кроме него, входят языки: шина, кхо, кохистани. Словарный состав языка кашмири включает много лексических заимствований из других языков. К дардской основе добавилось много санскритских элементов, а за время политического господства мусульманских династий (XIV—XVIII вв.), в результате влияния персидской, таджикской и арабской литературы и в связи с принятием ислама большинством кашмирцев, в язык вошло много персидских, арабских и даже тюркских слов. Эти элементы лексики до сих пор продолжают проникать в язык кашмири благодаря влиянию языка урду, на котором говорят в деловых и торговых кругах и который долго был языком преподавания в начальной школе. Современный кашмири пользуется арабской графикой, но наряду с ней существует и старокашмирский алфавит «шарада», более похожий на санскритский алфавит и употреблявшийся в средневековой кашмирской литературе.

Большинство кашмирцев исповедует ислам. Индуистов насчитывается менее 10%, и совершенно ничтожно число христиан, буддистов, сикхов¹ и представителей других религий.

¹ Сикхизм — религиозное течение, возникшее в Пенджабе в XVI в. Сикхи составляют основное население центральных районов Пенджаба.

98% всех кашмирцев живут в самом Кашмире. Большинство остальных — в соседнем Панджабе. По крайней мере 20% кашмирцев составляют городские жители, причем более половины всего городского населения приходится на столицу Кашмира г. Шринагар (более 200 тыс.).

Происхождение кашмирцев и время заселения ими долины Джелама до сих пор не выяснены. Однако известно, что уже за несколько веков до н. э. на территории Кашмира существовали государства. О высоком развитии культуры в раннем средневековье говорят и памятники архитектуры тех времен, и остатки старых ирригационных сооружений, и письменные источники, в том числе знаменитая историческая хроника «Раджатарангини» (XII в.), и многое другое. Феодализм просуществовал в Кашмире до XX в., а сильные пережитки его сохраняются до сих пор. В середине XIX в., после разгрома государства сикхов², англичане передали Кашмир на правах отдельного княжества в наследственное владение радже княжества Джамму — Гуляб Сингу. Его преемники были покорными вассалами британской короны. Княжество получило двойное название — Джамму и Кашмир — по двум крупнейшим его областям. В таком положении Кашмир оставался в течение ста лет, до конца британского владычества в Индии.

* * *

Около 80% кашмирцев живут в деревнях, и большая часть их занята земледелием.

Капиталистические отношения еще слабо затронули кашмирское сельское хозяйство. Численность безземельных сельскохозяйственных рабочих невелика. Большинство крестьян — это мелкие землевладельцы, платящие налоги государству. Но в Кашмире до середины XX в., т. е. до аграрной реформы, произведенной новым правительством, существовали крупные помещичьи землевладения — джагиры. Владельцы этих земель, джагирдары, сдавали землю в аренду малоземельным и безземельным крестьянам, часто на условиях отработок в хозяйстве самого помещика.

Земледелие в Кашмире, как и в других частях Индии, зависит от искусственного орошения, но, в отличие от многих районов Индии, в Кашмире для него больше естественных возможностей. Обилие поверхностных вод, рельеф долины и наличие строительных материалов (камень, лес) позволяют каждой деревне и даже отдельным хозяйствам своими средствами сооружать дамбы, каналы и различные оросительные приспособления. В древности государство принимало большее участие в этом строительстве, но в период феодальной раздробленности и войн ирригационная сеть пришла в упадок. Махараджи догрской династии также не прилагали необходимых усилий для ее развития.

Неурожаи, влекущие за собой катастрофические последствия для населения, вызываются обычно не засухой и недостатком влаги, а, наоборот, — летними грозовыми ливнями, в результате которых реки и озера выходят из берегов, затопляют поля и уничтожают посевы. Предотвратить эти стихийные бедствия невозможно средствами отдельных сельских общин, для этого требуются крупные капиталовложения со стороны государства.

Кашмирские почвы, особенно земли под посевами риса и огородными культурами, требуют большого количества удобрений. При полном отсутствии минеральных удобрений широкое применение имеет навоз. Наличие древесного топлива избавляет кашмирцев от необходимости сжигать навоз и позволяет использовать его в качестве удобрений. Городские нечистоты также тщательно собираются и идут на удобрение огородов. Весной, перед отгоном скота на летние пастбища, овцы целы-

² Государство, основанное в конце XVIII в. сикхским феодалом Ранджит Сингом. В него входили почти весь Панджаб и значительная часть Кашмира.

ми стадами оставляются на несколько дней на рисовых полях, чтобы пополнить их навозом, причем деревенское стадо перегоняется поочередно с одного участка на другой.

Рис, будучи основным продуктом питания кашмирцев, является главной и в то же время наиболее трудоемкой сельскохозяйственной культурой. Под ним занята большая часть посевной площади в долине Джеламы, на берегах озер и в устьях рек. Еще осенью рисовые поля пропахиваются несколько раз, и земля тщательно разрыхляется. Перед посевом, в марте — апреле, поля вновь пропахиваются. Урожай собирают в сентябре — октябре.

Второй по значению продовольственной культурой является кукуруза. Население употребляет в пищу кукурузу, приготавливая ее с молоком. Она выращивается не только на заболоченных и орошаемых участках долин, но также на высоко расположенных полях, особенно скотоводами-гуджарами. Стебли кукурузы считаются лучшим зимним кормом для крупного рогатого скота.

Пшеницу и ячмень сеют на высоких полях и даже в горных районах. Будучи озимыми культурами, они не требуют особого ухода и орошения. Как продукты питания пшеница и ячмень имеют второстепенное значение для кашмирцев и являются предметом вывоза. Поля под них обрабатываются и удобряются менее тщательно. В результате урожай пшеницы в Кашмире в два раза ниже, чем в соседнем Панджабе.

Кашмирцы почти не употребляют в пищу топленое коровье масло (гхи). Его заменяют различные растительные масла. Поэтому возделывание масличных культур занимает видное место в кашмирском земледелии. Из масличных культур кашмирцы сеют сурепицу, сезам (кунжут), лен и хлопок, а кроме того, получают масло из зерен некоторых фруктов (например, абрикосов) и грецкого ореха. Абрикосовое масло употребляется не только в пищу. Ювелиры пользуются им при обработке благородных металлов. Значительная часть растительного масла идет на освещение.

Изготовлением растительных масел занимаются кочующие из одной деревни в другую профессиональные маслоделы — тэли. Тэли за свою работу получают небольшую плату деньгами или натурой и оставляют себе жмыхи, которые тут же продают крестьянам на корм скоту.

Большое значение в хозяйстве кашмирцев имеет садоводство. Сады занимают громадные площади земли в самой долине и на склонах гор. Во многих местах склоны гор покрыты дикорастущими фруктовыми деревьями. Фрукты и ягоды составляют важную часть продовольствия кашмирцев, особенно в годы неурожая риса и других зерновых. По разнообразию и обилию фруктов с Кашмиром не может соперничать никакая другая область Индии. Яблоки, груши, виноград, тутовник, грецкие орехи, персики и абрикосы не только потребляются внутри страны, но составляют крупную статью кашмирского экспорта. Особое значение в крестьянском хозяйстве имеет тутовое дерево. Плоды его идут в пищу, особенно в сушеном виде, листом тутовых деревьев выкармливаются шелковичные черви, и он же считается лучшим зимним кормом для овец. Не меньшее значение имеет и грецкий орех, являющийся резервным продуктом питания и сырьем для получения высококачественного растительного масла.

Из огородных культур кашмирцы выращивают огурцы, помидоры, репу, тыкву, картофель, лук и другие. Население, живущее на берегах оз. Дал, устраивает на плотках пловучие огороды. Искусственный почвенный покров на этих огородах обильно удобряется птичьим пометом. С пловучих огородов снимаются особенно большие урожаи овощей, но они требуют затраты слишком большого труда, чтобы стать массовой формой огородничества.

Главной технической культурой является хлопок. Его выращивают не только по всей долине, но и на возвышенных горных плато (карева).

После риса — это вторая по значению в хозяйстве и трудоемкости сельскохозяйственная культура. По своему качеству кашмирский хлопок превосходит многие другие индийские сорта. Много хлопка вывозится. Из части хлопкового семени изготавливается масло, а другая идет на корм скоту.

Сахарный тростник и свекла еще не получили широкого распространения. Недостаток сахара кашмирцы отчасти возмещают фруктами, а главным образом медом.

Скотоводство, преимущественно отгонное, в экономике Кашмира играет крупную роль, хотя в хозяйстве собственно кашмирцев оно занимает подчиненное положение. Только скотоводством занимается сравнительно небольшая часть населения — это гуджары и пахтуны (патаны)³, живущие в горах к западу и северо-западу от Кашмирской долины. Гуджары занимаются изготовлением топленого масла, являясь основными поставщиками его для приезжих панджабских купцов.

Рабочий и молочный скот в Кашмире мелкий. Удойность коров значительно ниже, чем в Панджабе. Обычно скот, употребляемый для полевых работ, не используется для перевозок, особенно в тележной упряжи.

Летом в хозяйстве кашмирцев остается только необходимое количество рабочего и молочного скота. Вся остальная масса его, особенно овцы, отгоняется на горные пастбища. Стада, принадлежащие крестьянам той или другой деревни, пасут специальные наемные пастухи (чаупан). За выпас они получают определенную плату натурой. Кроме зерна, пастух получает в собственность некоторое количество овец из стада, определенное количество шерсти, и в его же пользу идут масло и сыр, изготовленные из овечьего молока в период выпаса. Чаупаны образуют особую эндогамную профессиональную группу, напоминающую касту. Обычно чаупаны сами договариваются между собой о разделе пастбищ. Хозяева скота в это распределение не вмешиваются. Жители деревни несколько раз в сезон доставляют соль для скота на место выпаса.

Кашмирские овцы отличаются высокими мясными качествами, а овцы из района западнее оз. Вулар обладают, кроме того, прекрасной шерстью. Качество шерсти, по мнению кашмирцев, зависит от качества летних кормов. Коз в Кашмире меньше, чем овец, и пух их невысокого качества. Шали и другие тонкие изделия делаются из привозного пуха коз, разводимых в Ладаке, Тибете и других северных районах.

При недостатке хороших колесных дорог основным транспортным животным служат пони, которых запрягают в легкие тележки, а чаще используют под выюк.

Земледельческая техника кашмирцев отличается крайней отсталостью. Характер почвы и преобладание мелкого рабочего скота обусловили употребление легкого деревянного плуга (из тутового дерева, ясеня или яблони), с деревянным же сошником, имеющим железный наконечник. Вместо бороны обычно употребляется бревно-волокуша. Для размельчения комьев земли применяют особые деревянные молоты. Лопаты преимущественно деревянные, с железным наконечником. Жнут серпом. Обмолот производится либо прогоном по току скота, либо вручную палками.

Однако эта примитивность сельскохозяйственных орудий не является следствием культурной отсталости кашмирцев. Причина ее в малоземелье и нищете кашмирского крестьянства, подвергавшегося как феодальной, так и колониальной эксплуатации.

Кашмирцы издавна считались искуснейшими ремесленниками. Центром ремесленного производства был Шринагар. Кашмирские плотники, кузнецы, медники, резчики по дереву, ткачи и ковровщики славились

³ Пахтуны, или патаны, — афганские племена, населяющие северо-западные области Пакистана.

своим мастерством не только в Кашмире, но и в соседних районах Индии. Большинство ремесленников — мастера-одиночки, работающие на дому. Но еще в XIX в. появились в Кашмире и более крупные кустарные мастерские (с числом рабочих до 20 человек), владельцы которых эксплуатировали труд наемных рабочих. Хозяева этих мастерских вместе с разного рода подрядчиками и местными торговцами составляли основную массу кашмирской мелкой буржуазии.

Художественные изделия кашмирских резчиков по дереву получили широкую известность даже за пределами Индии. Материалом для резьбы служат некоторые хвойные породы леса, орех и береза, но кашмирские резчики работают и на привозном материале: тековым, черном и сандаловом дереве. Большая часть изделий с художественной резьбой предназначается к вывозу. Стиль и рисунок ее отличаются необычайным разнообразием. В зависимости от заказа или назначения изделий в них могут господствовать местные кашмирские, южноиндийские, персидские, китайские и другие орнаментальные мотивы. Колонии кашмирских резчиков уже давно обосновались в крупных городах Панджаба — Лахоре и Амритсаре.

Мировую славу кашмирским ремесленникам создало производство тонких шерстяных шалей. Для изготовления их раньше употреблялся козий пух, ввозившийся из Тибета и Средней Азии. Производством шалей занимались мелкие кустарные мастерские. Основными экспортерами шалей в прошлом веке были французские торговые фирмы. Посредником в торговле шальями выступало правительство махараджи, контролировавшее их производство и державшее в своих руках торговую монополию. В лучшие годы экспорт шалей составлял 2,5—2,8 млн. рупий в год. Однако в последней четверти XIX в. эта торговля пришла в упадок. Таможенная политика английских властей, непомерные налоги, взимавшиеся с ткачей кашмирским правительством, упадок французской торговли в связи с поражением Франции во франко-прусской войне и, наконец, страшный голод 1877—1880 гг. окончательно разорили и почти уничтожили крупнейшую отрасль кашмирского ремесла. Большая часть уцелевших ткачей занялась изготовлением ковров. Центром коврового производства стал тот же Шринагар, но значительная часть кашмирских ковровщиков переселилась в Амритсар. Само же производство шалей в Кашмире почти прекратилось.

Разорив кустарное производство в Кашмире, правительство махараджи и английские власти не создали здесь и фабричной промышленности. Недра Кашмира, хранящие уголь, цинк, медь, свинец, золото, сланцы, бокситы и другие полезные ископаемые, до сих пор почти не разрабатываются. До последнего времени к разряду крупных в Кашмире могли быть отнесены только два предприятия: гидроэлектростанция на Джеламе, построенная еще в 1907 г., и шелкомотальная фабрика в Шринагаре. Несколько шелкомотальных, ткацких и кожевенных предприятий полукустарного типа и немногочисленные мельницы представляют всю остальную «промышленность» Кашмира. Поэтому промышленный пролетариат, рабочий класс в настоящем значении этого слова, в Кашмире еще малочислен. То же можно сказать и о промышленной буржуазии. Что же касается крупной торговой буржуазии, она представлена главным образом инонациональными элементами: либо панджабскими купцами, либо агентами махараджи — дограми из Джамму.

Экономическая отсталость Кашмира проявляется и в характере его внешней торговли.

Основными статьями кашмирского экспорта являются топленое масло, древесина, шелковые ткани, хлопок-сырец, фрукты, краски и кожа. Почти до второй мировой войны крупная торговля фактически была монополией махараджи и некоторых иноземных, в том числе и английских,

торговых фирм. Доля кашмирских капиталов во внешней торговле всегда была ничтожной. Крупная торговля внутри страны велась торговцами других национальностей, а на долю кашмирцев оставалась главным образом мелкая розничная торговля — корабейничество.

Кашмир обеспечивает себя почти всеми видами продовольствия. Ввозились главным образом соль, сахар и нюхательный табак, а также железо, медь, керосин и хлопчатобумажные ткани.

Отсутствие удовлетворительных путей сообщения не только препятствовало внешней и внутренней торговле, но и задерживало все экономическое развитие Кашмира. Почти до конца XIX в. там не было дорог для колесного транспорта. Старые дороги представляли собой горные тропы, только на некоторых участках пригодные для движения легких двуколок. Основная масса грузов перевозилась вьюком на пони или быках и переносилась носильщиками. До недавнего времени кашмирские кули составляли крупную профессиональную группу населения. Для переноски не только государственных, но и частных коммерческих грузов нередко привлекались крестьяне, в порядке трудовой повинности.

Река Джелам всегда была важнейшей транспортной магистралью страны. Кроме того, только Джелам дает возможность транспортировать тяжелые и крупногабаритные грузы. Для этого употребляются плоскодонные лодки разных размеров и грузоподъемности. Строительство речных судов является старейшим производством в Кашмире, а кашмирцы — искуснейшими судостроителями.

Кашмирские лодочники называются ханджи. Перевозка грузов по воде — их наследственная профессия. Среди них выделилась имущая прослойка — подрядчики, занимающиеся перевозкой больших партий груза. Они владеют большим числом судов и эксплуатируют рядовых малоимущих ханджи. Обычно ханджи с семьями живут на своих судах и передвигаются вместе с ними вдоль по Джеламу, не имея постоянного пристанища. Крытое помещение в кормовой части лодки служит им и летним и зимним жилищем.

До недавнего времени лодки были главным средством связи в Кашмире, а лодочники — основным источником информации для населения. Благодаря им сколько-нибудь значительные события в той или другой части страны быстро становились известны всему населению. Добрая половина сказок, песен и кашмирского фольклора вообще обязана своим происхождением фантазии этих своеобразных гондольеров.

Только незадолго до второй мировой войны в связи с превращением Северо-Западной Индии в военный плацдарм и строительством там военных баз англичане обратили внимание на состояние кашмирских дорог. Были построены новые и улучшены некоторые старые дороги, проложенные еще в конце прошлого столетия. Первоклассная автомагистраль соединила Кашмир с одной стороны с Панджабом, а с другой — с Северо-Западной Пограничной провинцией. Однако после расчленения Индии оба выхода этой магистрали из Кашмира оказались на территории Пакистана. Другая, менее совершенная, дорога связала Кашмир с английской военной базой в Гилгите⁴.

В Кашмире нет ни одной железной дороги. Несколько десятков километров железнодорожного пути связывают центральную панджабскую дорогу с гор. Джамму, лежащим за пределами собственно Кашмира.

Воздушные линии связи, появившиеся в Кашмире во время второй мировой войны, созданы англичанами для военных целей и пока не имеют никакого хозяйственного значения. В Шринагаре был построен стратегического значения аэродром, как база авиационных частей, расположенных в Гилгите и пограничной провинции.

⁴ Область на северо-западе Кашмира, населенная народом шина.

Домашняя жизнь кашмирцев отличается многими своеобразными чертами.

Вдоль течения Джелама по обоим берегам тянется почти непрерывный ряд деревень. Другие расположены на его притоках или на склонах окрестных гор. Большая часть деревень — это небольшие, но широко разбросанные поселения с числом жителей менее 500 человек.

Усадьба кашмирского крестьянина представляет собой обнесенный плетнем или глинобитной стеной участок с огородами и фруктовым садом. Дома строятся из необожженного кирпича или рубятся из хвойных пород леса. Крыши делаются покатые ввиду обильных зимних снегопадов. В деревнях крыши кроют рисовой соломой, камышом или дранкой. Как правило, деревенские дома сооружаются на высоких фундаментах или столбах, врытых в землю. Образующийся таким образом нижний этаж служит хлевом для скота, а верхняя часть дома представляет жилое помещение семьи. В нем делается несколько маленьких окон, остекленных или заклеиваемых на зиму промасленной бумагой. Жилые постройки в городах, особенно в Шринагаре, делаются двух- и трехэтажными. Нижние этажи отводятся под кладовые, торговые помещения или мастерские. В деревнях кладовая, или амбар, строится обычно рядом с домом и тоже на сваях. Вход делается снизу, через люк в полу.

Несмотря на обилие леса в Кашмире, в крестьянских домах часто отсутствует печное отопление. Зимой они обогреваются тем теплом, которое дает очаг во время приготовления пищи, и теплом, проникающим через пол из хлева, расположенного под жилым помещением. Этого тепла недостаточно, и поэтому зимой, даже в жилом помещении, кашмирцы носят теплую шерстяную домотканную одежду.

Оригинальным способом обогрева является кашмирский кангар. Это глиняный горшок размером с человеческую голову, оплетенный прутьями лозы. В кангар кладутся тлеющие угли, и в таком виде его носят под одеждой в качестве грелки, согревающей тело. В холодную погоду кашмирцы даже дома обогреваются кангаром и, ложась спать, держат его под одеялом. Существует даже пословица: «Кангар для кашмирца то же, что красавица Лейли на груди Меджнуна». Широкое употребление кангара приводит часто к ожогам тела, что считается одной из причин распространения злокачественных опухолей (рака) у кашмирцев.

Зимними ночами жилые помещения кашмирских крестьян освещают ся либо масляными светильниками, либо лучиной. В городах для этой цели чаще пользуются привозным керосином.

Мебель в сельских домах кашмирцев встречается редко. В большинстве случаев это низенькие скамейки для сидения и столь же низкие круглые столы. Еще реже можно видеть в домах кашмирцев деревянные кровати. Едят обычно сидя на полу. Спят также на полу, подстлав под себя ковер и укрывшись шерстяным одеялом, которое зимой или в холодную погоду носят в виде накидки, заменяя им верхнюю одежду. Посуда для приготовления пищи и для воды преимущественно глиняная, но едят кашмирцы из деревянной посуды.

Основной и повседневной пищей большинства кашмирцев является вареный рис. Обычно рис варится на воде и часто употребляется в пищу холодным и без всяких приправ. Молоко составляет второй важный продукт питания. Большую часть его кашмирцы потребляют в натуральном виде. Из молочных продуктов в небольшом количестве употребляется коровье топленое масло. Свежее сливочное масло кашмирцы не едят, а сыр, если и изготавливается, то идет на экспорт. Мясо коровы не едят ни индусы, ни даже мусульмане, употребляющие в пищу другие виды мяса.

В меню кашмирцев, особенно в зимние месяцы, важное место занимают сушеные фрукты — тутовник, абрикосы, яблоки и груши. Дыни, тыквы, различные овощи также сушатся и идут в пищу наравне с фруктами. Чай является излюбленным напитком кашмирцев, хотя весь он привозной. Приготавливается чай двух видов: кахва — соленый и шири — сладкий, но и в том и в другом случае он непременно смешивается с молоком. Чай кашмирцы кипятят в чайниках или кувшинах, устроенных по принципу русского самовара.

Одежда кашмирцев, как и вся их домашняя обстановка, отличается простотой и в то же время своеобразием. Различия в мужской и женской одежде незначительны. Летняя одежда обычно хлопчатобумажная, а зимняя шерстяная, преимущественно из белой или серой ткани. Цветная, а тем более пестрая одежда почти не встречается. Это создает впечатление резкого контраста на фоне многоцветной и живописной природы.

Основу как мужской, так и женской одежды составляет длинная рубаха. Кроме рубахи, и мужчины и большинство женщин носят штаны. Поверх рубахи, особенно в холодную погоду, надевают бумажный или шерстяной халат. Халат глубоко запахивается и подпоясывается кушаком или веревкой. Зажиточные горожане иногда заменяют халат подобием европейского сюртука. Кашмирцы не носят дхоти (широкие набедренные повязки), столь распространенные в Индии. Редко в Кашмире можно увидеть и сари, составляющее постоянный элемент женской одежды в других областях Индии. Если некоторые женщины-индуски и носят его, то чаще в качестве шарфа или покрывала на голову, в дополнение к одежде местного образца. Женщины верхушечных социальных слоев иногда употребляют его как парда, т. е. покрывало, закрывающее лицо от взглядов посторонних. В качестве головного убора мужчины носят тибетейки или круглые шапочки. Тюрбаны постоянно носят только богатые, а большинство надевает их лишь в торжественных случаях.

В отличие от жителей равнинной Индии, многие кашмирцы носят обувь. Обычно это соломенные, деревянные и даже кожаные сандалии. Настоящие кожаные башмаки носят преимущественно горожане и деревенские богатеи, а рядовое сельское население либо вовсе не имеет их, либо надевает только в праздники.

Существуют некоторые отличия в одежде кашмирских мусульман и индусов. Так, одежда мусульман широкая, индусы носят узкую; мусульмане носят остроконечные тибетейки, индусы — круглые шапочки; мусульмане делают застёжки на одежде и запахивают свои халаты направо, индусы — налево; мусульманки носят штаны, а индусские женщины — повязку на бедрах, в виде широкого пояса; в отличие от мусульманок, индуски не носят кожаной обуви, не украшают одежду цветной вышивкой и т. д.

Кашмирцы-мусульмане, как правило, бреют голову наголо, а индусы оставляют невыбритыми клоки волос на макушке. Кашмирские женщины заплетают множество косичек, в которые обычно вплетают шерстяные или шелковые нити. До брака эти косички заплетают отдельно, а после свадьбы собирают вместе в тяжелый узел.

* * *

Общественная организация, обычаи, духовная культура, верования кашмирцев также обнаруживают, наряду с общими для некоторых народов северной Индии чертами, много национальных особенностей.

Основы родового строя и первобытно-общинной организации у кашмирцев были подорваны еще в древности. От этих доклассовых форм общественных отношений сохранились только некоторые пережитки. На смену большой давно уже пришла малая индивидуальная семья.

Сельская община сохранилась только в той мере, в какой это необходимо было администрации махараджи, т. е. для удобства сбора налогов и мобилизации населения на выполнение натуральных повинностей. На место выборной сельской администрации давно пришли чиновники, назначаемые правительством.

Кастовая организация в Кашмире распространена не столь широко, и кастовый режим соблюдается не так строго, как в других областях Индии. Кастовые группировки существуют главным образом среди индусской части населения. Большинство кашмирских индусов принадлежит к брахманской касте пандитов. Пандитами в Индии называют ученых, а так как кашмирские брахманы почти поголовно грамотны, то за ними и утвердилось это название. Из пандитов составлялся аппарат местной администрации и частных коммерческих предприятий, из них состоит индусское духовенство Кашмира, значительная часть школьных учителей и т. д.

Кашмирские лодочники (ханджи), маслоделы (тэли), пастухи (чаупан) и некоторые другие профессиональные и социальные группы по внутренней структуре напоминают касты, хотя у них не соблюдаются многие кастовые обычаи, не выдерживается кастовый режим и кастовая иерархия. По вероисповеданию все они мусульмане. Большинство же кашмирских мусульман не признает кастовой организации.

Неприкасаемые касты в Кашмире немногочисленны. Их часто объединяют общим названием «дум» или «дом», хотя каждая из них имеет свое название. Общественная изоляция неприкасаемых в Кашмире была не столь строга, как в большинстве индийских областей. Некоторые профессиональные функции неприкасаемых по обслуживанию высших каст часто выполняются мусульманами. Так, в качестве повитухи в пандитские семьи обычно приглашается мусульманка; кремация умерших индусов поручается также мусульманам касты кавджи, для которых эта профессия стала наследственной, и т. д.

Кашмирские мусульмане в подавляющем большинстве — сунниты ханифитского толка. Шииты едва насчитывают 5% всех мусульман и представлены главным образом зажиточной верхушкой городского населения. Ислам, исповедуемый кашмирцами, представляет собой эклектическую смесь основ учения Мухаммеда с местными обычаями, народными верованиями и культовыми особенностями индуизма. Бедные и в большинстве случаев невзрачные мечети слабо посещаются. Культ святых, поклонение их могилам и местам их чудесных деяний, паломничество к священным деревьям и родникам — вот с чем связаны религиозные обряды кашмирцев, как мусульман, так и индусов. Иногда мусульманские святыни нарочито сооружаются на месте прежних индуистских святилищ. В одном месте мусульмане поклоняются отпечатку на камне в форме человеческой ноги, считая его отпечатком ноги пророка, а индусы поклоняются тому же камню, почитая его за след Вишну. Многие из существующих ныне священных гробниц хранят останки прославленного святого шейха Нур-ад-дина и 99 его учеников. Служители при подобных святынях и хранители их пользуются гораздо большим авторитетом и доходами, нежели официальное мусульманское духовенство. Кашмирцы-мусульмане соблюдают и многие индусские обычаи. Так, запрет убивать корову и есть мясо коровы является законом для большинства кашмирцев, независимо от вероисповедания.

Большинство кашмирских индусов исповедует шиваизм. Основной эмблемой его и предметом поклонения в храмах и на отдельных алтарях является лингам — фаллическое изображение, символизирующее производящую, созидательную сущность Шивы. Подобно исламу, индуизм в Кашмире лишен фанатизма и ограниченности ортодоксального брахманизма.

В силу некоторых особенностей исторического развития религиозный антагонизм и «мусульманский национализм» не нашли в Кашмире бла-

гоприятной почвы; английским империалистам не удалось посеять там семена индомусульманского конфликта и спровоцировать кровавые межрелигиозные столкновения. В Кашмире существует антагонизм, но не между индусами и мусульманами, а между эксплуататорами и трудящимися Кашмира, без различия вероисповеданий.

Достижения кашмирцев в области духовной культуры особенно ярко проявляются в художественной литературе. Корнями своими эта литература уходит в многообразное устное народное творчество. Кашмирские лодочники, носильщики, пастухи до сих пор хранят в памяти старые поэтические предания, сказки, поговорки, загадки и песни. Речь кашмирца насыщена пословицами и поговорками. В Кашмире много профессиональных сказителей, из поколения в поколение передающих дословно старые сказания, в которых даже не все слова понятны современному слушателю. Особенно богат кашмирский фольклор любовной лирикой.

Крупнейшим произведением старой кашмирской литературы является знаменитая историческая хроника «Раджатарангини» («Река царей»), написанная в XII в. кашмирским брахманом по имени Кальхана. «Раджатарангини» представляет собой попытку систематизировать и литературно обработать бытовавшие в народе предания о происхождении кашмирцев и деяниях предков. Это едва ли не единственное произведение исторического жанра во всей домусульманской индийской литературе. Написанное на санскрите, это сочинение по своим художественным достоинствам стоит в одном ряду с классическими произведениями древней индийской литературы.

Первые образцы художественной литературы на языке кашмири дошли до нас от XIV в. Большая часть кашмирской литературы представлена стихотворными поэтическими произведениями. Среди прославленных кашмирских поэтов много женщин. Даже родоначальницей кашмирской поэзии считается поэтесса Лалешвери, по прозвищу Ариффа, жившая в XIV в. Ее стихи были насыщены философско-религиозным содержанием, а язык изобилует санскритизмами. В начале XV в. создавал свои дидактические произведения знаменитый шейх Нур-ад-дин. В XVI в. жила самая популярная в Кашмире поэтесса Хабба Хатун. Романтична уже сама биография этой женщины. Хабба Хатун родилась в крестьянской семье. Однако ей удалось получить образование и не только изучить коран, но и познакомиться с индийской и персидской литературой. Покинув дом, она вела жизнь странствующей певицы, выступая перед народом со своими поэтическими импровизациями. Ее песни пленили правителя Кашмира Юсуф Шаха, и она стала его женой. После низложения Юсуф Шаха Хабба Хатун остаток своей жизни провела отшельницей, продолжая создавать новые стихи и песни. Ее произведения — это преимущественно любовная лирика. Хабба Хатун ввела особую форму стиха «лол», прочно укоренившуюся в кашмирской литературе. Лол — это короткий, в несколько строк, очень музыкальный стих, передающий страстные любовные признания и переживания женщины. Влияние поэтов-женщин, особенно Хабба Хатун и ее лирики, оказалось настолько сильным, что и до сих пор в кашмирской лирической поэзии, если даже автор — мужчина, повествование часто ведется от имени женщины.

В XIX в. наблюдается новый расцвет кашмирской литературы и на кашмири, и на санскрите, и на персидском. На кашмири писал Махмуд Гами, автор поэмы «Юсуф и Зулейка» и переводов на язык кашмири таких произведений, как «Лейли и Меджнун», «Ширин и Хосров» и других сочинений персидских и таджикских писателей. Кроме того, он написал книгу стихов под названием «Хамса», или «Пять сокровищ». Другой крупный писатель XIX в., Пармананд, писал на разных языках пре-

имущественно философско-религиозные произведения, проникнутые мистицизмом. Большое влияние на современную кашмирскую литературу оказал Абдул Ваххаб Паре, живший во второй половине XIX и начале XX в. Это был разносторонний писатель. Большой сборник его произведений («Диван-и-Ваххаб») содержит более 750 стихов и поэм на кашмири и большое число произведений на персидском языке. Абдул Ваххаб перевел на кашмири поэму Фирдоуси «Шах Намэ». Сам он писал в разных жанрах. Среди его сочинений есть даже трактат по геометрии. Писатели XIX в. Пармананд и Абдул Ваххаб были чиновниками. Писатели XX в. также принадлежат к служащей интеллигенции. Старейший из них Гулям Ахмад Махджур был сборщиком налогов, Абдул Ахад Азад — учителем, а Гулям Хасан Бег Ариф, зоолог по образованию, служил в департаменте шелководства. Эти три писателя выступили как патриоты, сторонники индо-мусульманского единства и независимости Кашмира. Но если Махджур не был свободен от буржуазного национализма, то Азад и Ариф выступали в своих произведениях сторонниками демократических преобразований. Ариф участвовал в освободительном движении кашмирцев после второй мировой войны и раздела Индии.

Богато и разнообразно народное творчество кашмирцев. Казалось, сама природа толкала их на это творчество. Белоснежные хребты, уходящие вершинами в лазурное небо, пышная зелень долин и зеркальная гладь озер, отражающая величественные картины природы, обилие красок, цветов и звуков воспитывали эстетическое чувство кашмирцев, героика поэтических сказаний будила фантазию, и все это вместе находило выражение в самых различных формах народного творчества.

Особенно разнообразно песенно-музыкальное творчество кашмирцев. У них есть и трудовые, и свадебные, и шуточные, и колыбельные песни. Славятся песнями кашмирские лодочники (ханджи). Передвигаясь со своими пловучими жилищами по стране, они как бы впитывают в себя произведения устного народного творчества, сами сочиняют новые песни и распространяют их в самых широких слоях населения. Караваны носильщиков, бредущие с грузом за плечами по кашмирскому бездорожью, и пастухи, стерегущие стада на обширных горных пастбищах, сочиняют и поют свои песни. Авторами многих произведений являются женщины.

На массовых народных торжествах, праздниках и даже на больших свадьбах можно услышать хоровое пение и оркестры, состоящие из нескольких смычковых, щипковых, ударных и духовых национальных инструментов. В городах и селах Кашмира, на базарах и у мест паломничества бродячие певцы исполняют сказы и песни исторического, религиозного, обрядового или шуточного содержания, аккомпанируя себе на каком-нибудь народном инструменте. В репертуар этих певцов входят произведения некоторых кашмирских поэтов, особенно лириков.

Кроме профессиональных певцов и музыкантов, есть профессиональные танцоры и актеры, составляющие обычно небольшие труппы. Кашмирские танцовщицы пользуются известностью и в других частях Индии.

При всех достижениях кашмирцев в области материальной культуры, искусства и литературы, накануне второй мировой войны грамотных среди них было менее 10%. Большинство грамотных приходилось на индусов высшей касты — пандитов, а основная масса населения была почти поголовно неграмотна. Преподавание, даже в начальной школе, велось не на родном языке, а на урду; в старших же классах — на английском. Из-за недостатка школ даже среднее образование трудно было получить у себя на родине. Имущим кашмирцам приходилось для этого ехать в Лахор, Амритсар, Алигарх, Дели или в другие города Индии. Что касается специальных и высших учебных заведений, то их совсем не было в Кашмире. Получить высшее образование за границей или в индийских университетах могли только дети крупных помещиков и торговцев.

* * *

Условия существования кашмирцев составляют резкий контраст с роскошной природой страны. Если иностранцы называли Кашмир «изумрудом в жемчужной оправе», то сами кашмирцы, имея в виду тяготевший над ними колониальный и феодальный гнет, называли свою страну «тюрьмой, обнесенной скалами».

Средний годовой доход кашмирского крестьянина был в несколько раз ниже нищенского дохода крестьянина в других частях Индии. Произвол махараджи не был ничем ограничен, а с возникавшими время от времени крестьянскими восстаниями ему удавалось расправляться при помощи наемных войск.

Знаменательным событием национально-освободительного движения в Кашмире было крупное восстание в 1931 г. Это было крестьянское восстание, в котором участвовало более 100 тысяч человек. Восставшие заняли несколько городов и подошли к столице — Шринагару. В городах происходили демонстрации сочувствия повстанцам. Основными требованиями восставших были: передача крестьянам прав собственности на землю; улучшение условий труда рабочих; создание законодательного собрания, избранного на основе всеобщего избирательного права; отделение казны махараджи от государственного бюджета и другие. Требования в области национального вопроса в силу буржуазной ограниченности руководства движением носили еще религиозно-общинную окраску, как то: снятие ограничений с кашмирских мусульман при поступлении в высшие учебные заведения и обеспечение за мусульманами 70% мест в законодательных учреждениях и государственном аппарате.

При помощи английских войск и полицейского террора махарадже в конце 1931 г. удалось подавить движение, и только в отдельных районах до весны 1932 г. продолжались вспышки его. Главные требования, выдвинутые движением, были положены в основу программы возникшей в 1932 г. политической организации, названной «Мусульманская конференция». Первоначально это была реформистская организация мусульманской либеральной буржуазии. Дальнейший рост организации шел за счет привлечения в ее ряды не только мусульман, но и кашмирских индусов и сикхов. В 1939 г. она была переименована в «Национальную конференцию всего Джамму и Кашмира», а программа ее очищена от влияния религиозно-общинной идеологии. Она выдвинула требование создания парламента, избираемого на основе всеобщего избирательного права, и правительства, ответственного перед парламентом.

Правительство махараджи пыталось внести дезорганизацию в ряды Национальной конференции путем религиозной дискриминации и разжигания индо-мусульманской вражды. Свой войска махараджа набирал только из индусов и преимущественно не из кашмирцев; оружие разрешалось носить только индусам; за убой коровы стали карать тюремным заключением. Вожди Всеиндийской Мусульманской лиги пытались использовать политику махараджи для пропаганды мусульманского национализма. Однако ни тем, ни другим не удалось расколоть единства рядов Национальной конференции. Кроме Национальной конференции, в Кашмире существовали и другие прогрессивные общественные и политические организации: местный комитет Всеиндийского Национального конгресса, крестьянские и рабочие союзы (Кисан Сабха и Маздур Сабха) и небольшие тогда группы коммунистов, оказавшие существенную поддержку Национальной конференции в самый критический момент национального движения.

Во время второй мировой войны движение в Кашмире приняло характер массовой антифеодальной и антиимпериалистической национально-освободительной борьбы. В 1944 г. Национальная конференция опубликовала свою программу, основной целью которой было создание

правительства, ответственного перед парламентом, и превращение Кашмира в демократическое государство. Население поддержало эту программу и лозунги Национальной конференции, призывавшие к изгнанию из страны правительства махараджи со всеми его английскими советниками. Национальная конференция превратилась в массовую организацию.

После второй мировой войны, в связи с обострением общего кризиса капитализма и началом распада колониальных империй, активизировалась и борьба народов Индии за независимость. Кашмирцы были одним из авангардных отрядов этого движения. Весной 1946 г., в связи с новым подъемом освободительного движения, в Кашмире было объявлено чрезвычайное положение и произведены аресты руководителей и участников движения. Однако кашмирский народ продолжал антиимпериалистическую борьбу.

План Маунтбеттена, по которому Индия в августе 1947 г. была разделена на два доминиона, предоставлял самим правителям отдельных княжеств решить вопрос о присоединении к тому или другому доминиону. Руководство Национальной конференции требовало присоединения к Индийскому Союзу. Однако правители пограничных феодальных владений (Читрала, Ясина, Хунзы, Нагара), по указанию англичан, высказались за присоединение к Пакистану, не спрашивая при этом согласия своих подданных и совершенно игнорируя правительство Кашмира.

Пользуясь тем, что между Кашмиром и Индийским Союзом нет удобных путей и все они выходят на территорию Пакистана, пакистанское правительство осенью 1947 г. начало экономическую блокаду Кашмира.

Английские империалисты вели двойную игру. С одной стороны, они поощряли махараджу в его антимусульманской политике, а с другой — помогали агрессивно настроенным пакистанским политикам вербовать и снаряжать отряды из пахтунских (патанских) племен в Северо-Западной Пограничной провинции для вторжения в Кашмир.

22 октября 1947 г. несколько тысяч пахтунов из племен африди, махсуд и других вторглись в Кашмир. Войска махараджи были разбиты, и интервенты подошли к Шринагару. Махараджа Хари Синг бежал вместе с правительством, оставив страну во власти интервентов. В короткий срок Национальной конференции удалось создать временное правительство и народную милицию, раздав оружие народу. Временное правительство стало называться Чрезвычайной администрацией. При помощи народной милиции временному правительству удалось не только отстоять столицу государства — Шринагар, но и потеснить интервентов. Политической опорой нового правительства была Национальная конференция.

Правительство Индийского Союза предложило махарадже свою помощь. В Шринагар на самолетах были переброшены индийские войска. Захватчиков удалось оттеснить к западным границам. Индийские войска продолжали прибывать и обосновались во многих пунктах страны. Махараджа вернулся в Кашмир со своим правительством, и в стране создавалось двоевластие. Между тем на территории Пакистана формировалась новая «мусульманская армия» для вторжения в Кашмир. Английские империалисты поддерживали и правительство махараджи, и захватчиков из Пакистана, лишь бы ликвидировать демократические элементы Национальной конференции. В этих условиях вопрос о Кашмире был передан индийским правительством на рассмотрение Организации Объединенных Наций. В решении ООН было признано необходимым провести в Кашмире плебисцит не ранее, чем через 18 месяцев, начиная с 1 января 1949 г. Военные действия с того же времени должны были прекратиться. В Кашмир для наблюдения за подготовкой плебисцита назначалась специальная комиссия, а проведение его поручалось особо выделенному уполномоченному. На эту должность последовательно назначались один за другим несколько ставленников США.

Представители СССР в Организации Объединенных Наций настаивали на решении кашмирского вопроса непосредственно заинтересованными сторонами, т. е. правительствами Кашмира, Индии и Пакистана, а не какой-либо специально созданной комиссией. Однако их предложение было отклонено. Проработав год, комиссия не смогла представить никаких рекомендаций по решению кашмирской проблемы. Истек и срок подготовки плебисцита, а вопрос о Кашмире остался открытым.

Саботаж, проведенный американско-английским блоком в ООН по вопросу мирного разрешения кашмирского конфликта, объясняется стремлением империалистов удержать за собой Кашмир в качестве военно-стратегической базы на границах СССР и Китайской Народной Республики. С этой целью в Гилгите были построены крупные аэродромы для авиации дальнего действия и к нему с территории Пакистана проведены новые автомагистрали.

Хозяйничанье администрации ООН в стране, наводнение ее английскими и американскими «экспертами» и военное строительство вызвали всеобщую тревогу и протест со стороны населения Кашмира. Многочисленные митинги и демонстрации проходили под лозунгами: «Долой арбитраж!», «Кашмир для кашмирцев!», «Не позволим превратить Кашмир во вторую Корею!». Общественность Индии поддержала кашмирцев, индийское правительство потребовало вывода американских «наблюдателей» из комиссии ООН по Кашмиру. Между правительствами Индийской республики и Пакистана начались прямые переговоры по кашмирскому вопросу. Весной 1954 г. президент Индии объявил, что на Кашмир распространяется конституция Индийской республики. Этот акт не вызвал противодействия со стороны Пакистана и тем самым показал, что наблюдателям из ООН нечего делать в Кашмире.

В дальнейшем, несмотря на попытки американского империализма установить иностранный контроль над страной, несмотря на то, что политическое положение Кашмира оставалось неопределенным, что не было созвано учредительное собрание и не была выработана конституция, что формально главой государства оставался махараджа Хари Синг, а затем его сын Каран Синг, несмотря на все это, демократические силы внутри страны добились от нового кашмирского правительства осуществления некоторых социально-экономических и культурных преобразований. Важнейшим из них является отмена джагиров и других форм помещичьего землевладения и безвозмездная передача экспроприированной земли крестьянам. Правительство обещало предоставить кредит и некоторые льготы вновь создаваемым кооперативам по совместной обработке земли. Для этих кооперативов были завезены в страну первые тракторы. В некоторых пунктах началось строительство местных гидротехнических и мелиоративных сооружений.

Следующим важным актом нового правительства были мероприятия в области народного образования и культуры. Во многих деревнях и в ряде городов были открыты детские сады. Сеть начальных школ расширена, преподавание в них переведено на родной язык. В некоторых городах созданы сельскохозяйственные, медицинские и другие специализированные средние учебные заведения. В 1948 г. в Шринагаре открыт государственный университет.

В Кашмире сложились такие культурные организации, как Ассоциация прогрессивных писателей, Ассоциация прогрессивных художников, Прогрессивная театральная ассоциация и другие. Возникли труппы профессиональных актеров. Кашмирские писатели стали создавать драматические произведения. Поэт и композитор Д. Н. Надим написал первую национальную оперу. Молодое поколение кашмирских поэтов прославляет в своих произведениях национально-освободительную борьбу кашмирского народа, движение за демократию и мир.

Х Р О Н И К А

РАБОТА ИНСТИТУТА ЭТНОГРАФИИ АН СССР В 1954 году

Одной из центральных тем работы Института этнографии АН СССР в 1954 г., как и в предыдущие годы, была подготовка к печати многотомной серии «Народы мира». В отчетном году вышел первый в этой серии том «Народы Африки». В соответствии с программой всего издания в нем освещаются основные этапы истории, вопросы культуры, быта и политической жизни всех народов африканского континента, роль которых в международной жизни из года в год возрастает. В издательстве ведется работа над томами «Народы Сибири» и «Народы Австралии и Океании». В 1954 г. завершено редактирование тома «Народы Передней Азии». Для тома изготовлена в секторе этнической картографии и статистики этническая карта Передней Азии. Сектором наряду с созданием серии региональных карт (Юго-Восточная Азия и др.) ведется работа над этнической картой мира.

Вышла в свет подготовленная Институтом этнографии совместно с Институтом истории, археологии и этнографии АН Таджикской ССР первая книга из серии монографий по культуре и быту колхозного крестьянства СССР — «Культура и быт таджикского колхозного крестьянства». В настоящее время подготовлены в авторской части две другие монографии: «Культура и быт киргизского колхозного крестьянства» и «Культура и быт русского колхозного крестьянства». Выход в свет первой монографии этой серии, несомненно, вызовет оживленные дискуссии, вскроет слабые стороны и поможет преодолеть трудности, все еще стоящие перед этнографами на пути изучения социалистической культуры и быта.

В 1954 г. была в основном закончена авторская работа над «Очерками социалистической культуры и быта народов Дагестана». В 1955 г. «Очерки» будут обсуждены советской и научной общественностью Дагестана.

Работа над «Очерками социалистической культуры и быта народов Дагестана» связана с многолетними экспедиционными исследованиями. В истекшем году Дагестанская экспедиция работала среди лезгин, даргинцев и аварцев.

В 1954 г. закончена монография В. Н. Белицер «Коми-пермяки и коми-зыряне».

Близится к концу работа авторского коллектива, готовящего русский историко-этнографический атлас. В 1954 г. проблематика атласа и методика составления карт были обсуждены в широкой аудитории этнографов, археологов, лингвистов Москвы и Ленинграда. Ученый совет заслушал и обсудил доклад руководителя авторского коллектива атласа П. И. Кушнера «О задачах русского историко-этнографического атласа» и доклад Г. С. Масловой «Этнографические подразделения русского народа (середины — вторая половина XIX в.)».

Русская экспедиция собрала большой материал по тематике русского историко-этнографического атласа. Три отряда экспедиции работали в Свердловской, Молотовской, Кировской, Курской, Орловской, Липецкой, Белгородской, Ростовской, Сталинградской областях, Ставропольском крае и в Татарской АССР.

С 1951 г. Институт приступил к новой для этнографов тематике — исследованию путей формирования национальных общностей в условиях колониального режима. Из четырех запланированных тем в 1954 г. закончены три: «Формирование национальной общности южноафриканских банту» (И. И. Потехин), «Образование суданской народности (Восточный Судан)» (С. Р. Смирнов), «Пути национального развития маори (Новая Зеландия)» (Н. А. Бутинов). Все перечисленные работы освещают особенности формирования народностей в различных условиях колониального режима.

Большое научное значение имеют исследования сотрудника Института Ю. В. Кнорзова по расшифровке письменности древних майя. Подготовлен к печати и в мае 1955 г. вышел в свет труд Дизго де Ланда «Сообщение о делах в Юкатане» с комментариями и вводной статьей Ю. В. Кнорзова, где нашли место результаты исследований Кнорзова в области иероглифики майя.

В 1954 г. Хорезмская экспедиция продолжала раскопки античного городища Кой-Крылган-кала, расположенного на восточной окраине земель древнего орошения Турт-

кульского района Кара-Калпакской АССР, на русле древнего канала, проходившего в направлении современного канала Кельтеминар. Раскопки дали богатый материал, позволивший с новых сторон осветить историю жизни памятника. Большой интерес представляет находка в поздних слоях памятника I в. н. э. нескольких фрагментов стеной многоцветной живописи. «Миниатюрные фрески» Кой-Крылган-калы являлись пока наиболее древним образцом среднеазиатской античной живописи. Экспедиция проводила совместно с геоморфологами исследование Акчадарьинской древней дельты Аму-Дарьи, совершенно до сих пор не изученной археологами и мало известной географам. Обнаружен большой могильник эпохи бронзы (Кокча 3). Раскопки могильника дают ценный краниологический материал. В районе поселений, относящихся к бронзовому веку, были открыты остатки ирригационных сооружений и планировок полей, датируемых временом от середины II тысячелетия до н. э. до первых веков I тысячелетия н. э. Работы Хорезмской экспедиции в области изучения древних ирригационных сооружений представляли большой интерес не только для науки, но и для народного хозяйства. Кроме того, продолжались раскопки раннеантичного городища Кюзели-гыр, а также начаты раскопки афригидского памятника Беркут-кала; археологические маршруты проведены на восточных склонах Сарыкамышской впадины и на среднем Узбое. Работали три этнографических отряда — Узбекский, Туркменский и Каракалпакский.

В 1954 г. закончен третий том Трудов экспедиции. В него вошли работы сотрудников Института этнографии Б. В. Андрианова «Этническая территория каракалпачков в Северном Хорезме (XVIII—XIX вв.)», Т. А. Жданко «Народное орнаментальное искусство каракалпачков» и выполненный Б. В. Андриановым по материалам Каракалпакского этнографического отряда Хорезмской экспедиции альбом каракалпакского орнамента, а также три диссертации бывших аспирантов Института, ныне сотрудников Каракалпакского научно-исследовательского института экономики и культуры: «Народно-освободительная борьба каракалпачков в Хивинском ханстве в XIX в.» С. Намазова, «Положение каракалпакского населения в Хивинском царстве в конце XIX — нач. XX в.» Р. Косбергенова и «Социалистические преобразования хозяйства и быта каракалпакского крестьянства по материалам Чимбайского р-на КК АССР» У. Шалеконова.

В тесной связи с научными учреждениями союзных республик идет работа по теме «Происхождение народов Прибалтики по данным антропологии и этнографии», в разработке которой, кроме Института этнографии, принимают участие этнографические учреждения Литвы, Латвии, Эстонии. В 1954 г. завершено антропологическое изучение Прибалтики. Три этнографических отряда — Эстонский, Латвийский и Литовский — собрали большой описательный и иллюстративный материал (фотографии, чертежи, зарисовки). Вышел из печати сборник «Материалы Балтийской экспедиции 1952 г.»

Закончена в авторской части монография В. В. Бунака «Формирование черепа человека в антропогенезе и в современных антропологических типах». В лаборатории антропологической реконструкции, возглавляемой М. М. Герасимовым, по плану текущего пятилетия велась работа над созданием серии скульптурных портретов древнего населения СССР. В 1955 г. будет подготовлена первая часть атласа древнего населения территории СССР — «Население эпохи палеолита».

Идет подготовка сборника, посвященного проблеме первобытного общества. В ноябре 1954 г. в Ленинграде состоялось совещание авторского коллектива, на котором был заслушан ряд докладов, вызвавших оживленную дискуссию.

Институт этнографии, наряду с другими гуманитарными институтами АН СССР, принимает участие в разработке вопросов историографии. Ведется работа над созданием «Очерков по истории русской этнографии, антропологии и фольклористики», в которой принимают участие крупнейшие специалисты в области этих наук. С. А. Токарев к концу 1955 г. должен подготовить монографию по истории русской этнографии.

Н. В. Кюнером закончен труд «Китайские известия о народах Сибири и Дальнего Востока», начатый им еще в 1950 г. Из публикаций прошедшего года следует отметить большую монографию С. В. Иванова «Материалы по изобразительному искусству народов Сибири XIX — начала XX в.» Это — подробное описание и исследование богатейших коллекций МАЭ и полевых материалов, собранных автором в экспедициях. Закончена публикация полного собрания сочинений Н. Н. Миклухо-Маклая. В 1954 г. вышел в свет последний том сочинений — Альбом рисунков Маклая и собранных им коллекций.

Кроме уже упоминавшихся экспедиций Института этнографии АН СССР, в 1954 г. работала комплексная Киргизская археолого-этнографическая экспедиция, в которой, помимо Института этнографии, принимают участие Институт истории материальной культуры АН СССР и Академия наук Киргизской ССР. Этнографический отряд экспедиции провел маршрутное обследование Тянь-Шанской, Фрунзенской и Таласской областей Киргизии. Антропологический отряд собрал большой краниологический и костный материал. Картографический отряд собрал интересный этностаτισмический и этнографический материал по расселению киргизов в прошлом и настоящем. В. Н. Белицер руководила Мордовской этнографической экспедицией, организованной Институтом этнографии совместно с Мордовским научно-исследовательским институтом языка, литературы и истории. Результаты экспедиционных работ 1954 г. доложены и обсуждены на отчетно-экспедиционной сессии Отделения исторических наук, состоявшейся в апреле 1955 г.

В результате раскопок, произведенных экспедицией Института истории материаль-

ной культуры АН СССР под руководством А. П. Рогачева в с. Костенки Воронежской области, был обнаружен скелет человека эпохи позднего палеолита. Скелет был реконструирован М. М. Герасимовым и описан Г. Ф. Дебецом (см. «Советская этнография», 1954, № 1).

Значительную научную и организационную работу провел в 1954 г. Музей антропологии и этнографии. Его экспозиции пополнились новыми материалами. В истекшем году музей усилил научно-атеистическую пропаганду. В частности, следует отметить проведенный музеем цикл экскурсий для слушателей научно-атеистического семинара. В 1954 г. сдан в производство XVI сборник МАЭ.

Таковы основные итоги работы Института за 1954 г.

Следует отметить, что в работе Института имеется ряд недостатков. До сих пор не ликвидировано отставание этнографической работы по странам народной демократии и зарубежной Азии. Нельзя пока признать удачными первые работы в области изучения быта рабочего класса. Недостаточно внимания уделялось последнее время изучению истории и происхождения религии. За последние годы ослаблена работа по изучению религиозных пережитков.

В 1954 г. Институт принял ряд мер по оживлению научно-атеистической работы. Летом 1954 г. велся сбор полевого материала о бытовании религиозных пережитков, намечен ряд конкретных мероприятий по усилению этнографической работы в этой области. Институт включил в план работы на 1955 г. подготовку сборника «Происхождение религии». Рядом сотрудников запланировано написание исследований по вопросам происхождения религии, а также брошюр по научно-атеистической тематике.

Решения партии и правительства по вопросам развития хозяйства и культуры, принятые в 1954 г., требуют от этнографов усиления работы на многих участках. В первую очередь выявилось отставание в изучении народов Крайнего Севера. Сектор Сибири последние годы занимался главным образом народами Южной Сибири. Вследствие этого происходящие в развитии культуры и быта народов Крайнего Севера процессы оставались недостаточно изученными этнографами. В связи с этим летом 1954 г. были предприняты рекогносцировочные выезды в различные районы Севера. Приняты меры по усилению научно-исследовательской этнографической работы на Крайнем Севере. Решением Президиума Академии наук в Институте этнографии организован сектор народов Крайнего Севера.

Как и в прошлые годы, Институт провел значительную работу по подготовке научных кадров через аспирантуру. В 1954 г. в аспирантуре Института этнографии было 42 аспиранта, из них 13 прикомандированных академиями наук союзных республик. В Институте защищены диссертации 10 аспирантами и 12 сотрудниками как самого Института, так и других научно-исследовательских учреждений страны. Многие из кандидатских диссертаций получили весьма высокую оценку: «Родоплеменной состав башкир XVIII в.» Р. Г. Кузеева, «Этническая история Печорского края» Л. П. Лашука и некоторые другие. Однако в целом в подготовке аспирантов имеются еще немалые проблемы: уровень аспирантской подготовки нередко отстает от требований советской науки.

Обзор деятельности Института за 1954 г. показывает, что научный коллектив Института добился некоторых успехов. Перед Институтом стоят новые, еще более сложные задачи, особенно в части изучения социалистической культуры народов СССР. Необходимы дальнейшее накопление фактического материала и более углубленная, серьезная его разработка. Только такое исследование теоретических проблем может предостеречь от схематизма и упрощенчества, еще иногда проявляющегося в работах этнографов, на что справедливо указывала «Правда» в корреспонденции от 9 декабря 1954 г.

Институт этнографии в своей работе тесно связан с этнографическими и другими научными учреждениями страны. Эта связь осуществляется как в форме совместной разработки отдельных тем государственного плана (подготовка томов «Народы мира» по народам Советского Союза, написание сборников «Современное колхозное жилище народов СССР» и «Социалистическое переустройство семьи и семейного быта колхозного крестьянства народов СССР», издание монографий по культуре и быту колхозного крестьянства народов СССР и др.), так и в совместных экспедиционных исследованиях (работы Хорезмской, Балтийской, Киргизской экспедиций) и совещаниях по проблемам, в разработке которых принимают участие различные научные учреждения Академии наук СССР и академий союзных республик.

В 1954 г. сотрудники Института этнографии приняли активное участие в объединенной научной сессии, посвященной истории народов Средней Азии и Казахстана в дооктябрьский период¹. Обсудив итоги этой сессии, Президиум Академии наук СССР в своем постановлении от 19 марта 1954 г. рекомендовал институтам этнографии и истории материальной культуры АН СССР провести совещание археологов и этнографов Средней Азии для обсуждения тем, требующих совместной разработки институтами АН СССР и академиями наук союзных республик Средней Азии.

Сотрудники сектора Европы — специалисты по этнографии и антропологии Прибалтики приняли участие в работе выездной сессии Отделения исторических наук АН СССР, посвященной обсуждению макета I тома «Истории Литовской ССР», состоявшейся в г. Вильнюсе в январе — феврале 1954 г. Как и в прошлые годы, в 1954 г. кол-

¹ Отчет о сессии см. «Сов. этнография», 1954, № 2, стр. 143—152.

лектив Балтийской экспедиции соби́рался для подведения итогов работ за 1953 г. и обсуждения плана работ на 1954 г.

В ноябре 1954 г. в Москве состоялось совещание двух авторских коллективов, готовящих сборники по современному колхозному жилищу и колхозной семье народов СССР. На совещаниях были обсуждены планы сборников и заслушаны доклады и сообщения авторов статей этих сборников.

Координация научной деятельности Института этнографии с научными учреждениями страны все более прочно входит в жизнь Института.

И. Золотаревская

УКРАИНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ МУЗЕЙ ЭТНОГРАФИИ И ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОМЫСЛА АКАДЕМИИ НАУК УКРАИНСКОЙ ССР в 1953 и 1954 годах

Украинский государственный музей этнографии и художественного промысла Академии наук Украинской ССР был создан во Львове во второй половине 1951 г. в соответствии с постановлением Совета Министров Украинской ССР и Центрального Комитета Коммунистической партии Украины от 11 июня 1951 г. В его состав вошли бывший Львовский музей художественного промысла и Музей этнографии Академии наук УССР. Перед Украинским государственным музеем этнографии и художественного промысла были поставлены важные задачи — развивать научную работу в области этнографии, художественного промысла, народного и прикладного искусства, освещать их в историческом развитии и взаимодействии, показывать общность культуры братских народов — русского, украинского и белорусского, широко знакомить трудящихся с музейными ценностями, помогать партии воспитывать трудящихся в коммунистическом духе.

В 1952 г. в соответствии с тематико-экспозиционным планом коллектив Музея организовал в трех больших залах временную экспозицию, popularизирующую достижения украинского народного и прикладного искусства в дооктябрьский и советский периоды. За это же время Музей продолжал пополняться новыми этнографическими экспонатами, а также высокохудожественными изделиями современной украинской художественной промышленности.

В 1953 г. коллектив Музея продолжал укреплять связи с производством и научными организациями. Ряд научных сотрудников продолжал исследовательскую работу над вопросами этнографии и прикладного искусства; была проведена также большая техническая работа по учету и хранению фондов, потребовавшая значительной затраты рабочего времени. После окончательного приема фондов в единый Украинский государственный музей этнографии и художественного промысла последний превратился в ценнейшее хранилище, коллекции которого насчитывают до 80 тысяч учетных единиц.

Решения XIX съезда КПСС о дальнейшем развитии народного хозяйства, науки и культуры в СССР помогли коллективу Музея еще глубже осознать свои задачи и свое место в деле культурного строительства.

Значительно поднялась в научной работе коллектива роль критики и самокритики, что способствовало улучшению всей научной работы Музея, более ответственному отношению к подготовке научных трудов, пересмотру существующих временных экспозиций, улучшению лекций экскурсоводов и т. п.

Научная деятельность коллектива Музея проводилась по двум линиям: 1) исследование материальной и духовной культуры украинского народа; 2) художественная промышленность Украины. По первой проблеме разрабатывалось восемь тем, в том числе такие, как «Быт украинского народа», «Этнографическое исследование Украинского Полесья», «Культура и быт населения Закарпатья», «Украинское народное и декоративно-прикладное искусство» и другие. При решении этих важных научных вопросов коллектив Музея достиг определенных успехов. Закончено составление тематического плана постоянной экспозиции Музея «Быт украинского народа». Он охватывает быт украинского народа в период капитализма и быт украинской социалистической нации. В плане предусмотрен показ таких трудных для решения в экспозиционном плане тем, как «Быт рабочих», «Семейный быт» и другие.

В результате работ экспедиции и научных командировок этнографов — научных сотрудников Музея И. Ф. Симоненко, М. Т. Ломовой, Д. И. Фиголя, М. З. Козакевича и других — удалось собрать и обобщить ценный материал, иллюстрирующий большие изменения, происшедшие в результате социалистических преобразований в быту и культуре населения самой отсталой в недалеком прошлом части территории Украинской ССР — Полесья. Собраны и обобщены также материалы, освещающие коренные изменения, происшедшие при Советской власти в быту и культуре трудящихся Закарпатья. Значительная работа проделана группой научных сотрудников Музея — искусствоведов, которые изучали народные художественные ткани, вышивки, народную архитектуру, резьбу по дереву, художественный металл, народный костюм западных областей

Украинской ССР, художественное стекло Украинской ССР, народные основы орнаментального оформления украинской книги XIV—XVIII вв. и другие. Все эти темы, как правило, разрабатываются научными сотрудниками Музея как кандидатские диссертации; в недалеком будущем они должны превратиться в составные части книги по истории украинского народного и прикладного искусства.

По второй проблеме — «Художественная промышленность Украины» — разрабатывалась тема «Художественная промышленность западных областей УССР и перспективы ее развития». С этой целью было проведено обследование ряда предприятий художественной промышленности (вышивальные артели им. Розы Люксембург в г. Станиславе, им. 17 сентября в г. Коломые Станиславской области, Черновицкая текстильная фабрика, ковродельческий цех артели им. К. Цеткин в Хотине Черновицкой области, ковродельческие артели им. Т. Г. Шевченко в г. Косове и «Килимарка» в Кутах Станиславской области и др.). Кроме государственных и кооперативных предприятий, обследован ряд пунктов домашнего ткачества в Косовском районе Станиславской области, где оно широко распространено. Собранные материалы передаются комиссии АН УССР по изучению производительных сил западных областей республики. На основании этого материала составлены также докладные записки, содержащие характеристику производственной деятельности обследованных предприятий, художественный анализ их продукции и предложения об улучшении художественного качества выпускаемых изделий.

Важным событием в жизни коллектива Музея явился выпуск в свет в конце прошлого года первого издания научных трудов Музея «Материалы по этнографии и художественному промыслу». Ряд исследовательских статей сотрудников опубликован в научных сборниках Института общественных наук АН УССР, в журналах «Советская этнография», «Вісник АН УРСР» и других научных изданиях.

В настоящее время подготовлены и сданы в издательство АН УССР второй выпуск «Материалов по этнографии и художественному промыслу» и «Краткий справочник по фондам Музея».

Коллектив авторов завершает подготовку к изданию первых выпусков альбомов украинской народной вышивки, резьбы по дереву и народной керамики; готовится альбом по украинскому художественному металлу. Подготавливаемые альбомы рассчитаны на оказание помощи промышленным предприятиям, производящим предметы народного потребления.

С 1955 г. многие научные сотрудники отдела этнографии Музея приступили к подготовке коллективного труда «Украинцы» для издания «Народы мира», осуществляемого Институтом этнографии АН СССР, а также к работе над составлением «Атласа украинской материальной культуры»; эти работы выполняются совместно с научными сотрудниками Института искусствоведения, фольклора и этнографии АН УССР.

Коллектив Музея, насчитывающий в своем составе 18 научных сотрудников, привел также большую работу по составлению научной картотеки музейных собраний, которая в настоящее время включает уже свыше 50 тысяч экспонатов. Проведена систематизация фондов по областям и районам, проводилась систематическая работа по реставрации и консервации фондов, по выявлению и приобретению экспонатов этнографического характера и памятников декоративного и прикладного искусства. Только в 1954 г. приобретено 365 новых экспонатов, в том числе 282 экспоната советского периода, отдел которого в музее требует особенно большой работы по своему расширению и улучшению.

В связи с подготовкой и проведением празднования 300-летия воссоединения Украины с Россией были пополнены экспозиции Музея, организованы временные выставки политического плаката, изделий вышивальщиц-любительниц г. Львова, выставки декоративно-прикладного искусства стран Центральной и Западной Европы и другие. Три года Музей посетило почти 200 тысяч человек, число посетителей временных выставок достигает 300 тысяч.

Следует отметить постоянную помощь Музея промышленным предприятиям — в научной консультативной коллектива Музея за последние годы пользовалось более 100 предприятий и других организаций. Только в 1954 г. консультации Музея получили Всесоюзный хлопчатобумажный комбинат им. Щербакова в Москве, Государственный ткацко-отделочная фабрика «Авангард» в Юрьеве-Польском Владимирской области, Всесоюзный хлопчатобумажный комбинат в Калинин, Шелкокомбинат им. Куйбышева в Маргелане Узбекской ССР, Львовская государственная трикотажная фабрика, Черновицкая текстильная фабрика № 2 и многие другие предприятия. Следует отметить, что если в прошлые годы Музей преимущественно осуществлял связь с предприятиями текстильной промышленности, то в 1954 г. этой помощью уже пользовались фарфоровые, фарфоровые и другие предприятия. Связь с предприятиями весьма полезна и для Музея. В 1954 г. Музей получил от некоторых из указанных предприятий образцы тканей, изготовленных в результате творческого использования материалов из фондов Музея; научные сотрудники Музея, знакомясь с предприятиями, имеют возможность исследовать развитие советского декоративно-прикладного искусства. Широкой помощью Музея пользовались в прошлом году также такие организации, как Львовский областной дом народного творчества, отделение Союза художников, Товарищество художников, Львовский полиграфический институт, а также Институт прикладного и декоративного искусства, Львовское, Киевское и Косовское училища прикладного искусства.

отдельные художники и учащиеся специальных учебных заведений, народные мастера резьбы по дереву, чеканки по металлу, стеклодувы и другие. В общем итоге научные сотрудники Музея только за прошлый год дали почти 900 консультаций и провели 38 специальных экскурсий по фондам Музея с работниками промышленности и другими специалистами.

На материалах Музея в 1954 г. заснят короткометражный кинофильм для киножурнала «Пионерия» № 8, который демонстрируется на экранах страны.

Перед коллективом Музея стоят большие задачи. Мы надеемся, что с этими задачами Музей справится. Этому способствует постоянная помощь Академии наук УССР, а также тесные связи коллектива научных сотрудников Музея с учеными Москвы, Ленинграда, Казани и ряда других городов нашей страны.

М. К. Ивасюта

МУЗЕЙ ИСТОРИИ АЗЕРБАЙДЖАНА

Первый музей в Азербайджане, начало которому было положено по установлении в Азербайджане Советской власти, назывался Азербайджанским государственным музеем. К началу 1930-х годов этот музей состоял из отделов: естественно-исторического, историко-этнографического, нумизматического, археологического, литературно-рукописного и отдела искусств с картинной галереей. В 1930-х годах в результате реорганизации из Азгосмузея были выделены Театральный музей и Музей искусства, после чего Азгосмузей перешел из системы Наркомпроса в ведение Азербайджанского филиала Академии наук СССР. Дальнейшая реорганизация повела к выделению естественно-исторического отдела в самостоятельный музей. Другая же часть музея получила наименование Музея истории Азербайджана (с 1936 г.). В настоящее время он находится в системе Академии наук Азербайджанской ССР.

Музей занимает большое двухэтажное здание, что дает возможность создания полноценной научной экспозиции по истории азербайджанского народа с древнейших времен до наших дней. Перед научным коллективом Музея встает большая и почетная задача проделать эту работу с таким расчетом, чтобы создать экспозицию, отвечающую всем идейным, теоретическим и художественным требованиям, предъявляемым к советским музеям.

В Музее имеется 4 фонда: исторический, этнографический, археологический и нумизматический. Научный штат Музея состоит из 12 человек.

В настоящее время в 10 залах Музея функционирует временная экспозиция фондов по истории материальной культуры азербайджанского народа. Особое внимание привлекают здесь археологические материалы из Мингечаура, представляющие собой результаты многолетних археологических изысканий (1946—1953) на территории древнего Мингечаура. Эти материалы группируются по комплексам и археологическим культурам, характеризующим различные исторические периоды. Здесь представлены каменные и медные орудия эпохи неолита: каменные вкладыши, каменные наконечники стрел, сосуды, каменные зернотерки, а также бронзовые изделия и более развитая керамика. В составе экспозиции имеется подлинный комплекс кувшинного pottery.

На выставке экспонированы также памятники древнеалбанской письменности, впервые обнаруженные при раскопках в Мингечауре.

Во втором зале представлены некоторые образцы глазурованной керамики средневековых городов Азербайджана. Эта керамика, добытая при раскопках и археологических разведках в городах Баку, Ганджа, Орен-Кала, Нахичевань, в крепости Гюлистан около Шемахи, в районе Ханега на реке Пирсагат, в Шабране и в Мингечауре, отражает сравнительно высокий уровень керамического производства азербайджанских мастеров. Можно отметить некоторые черты сходства керамики азербайджанских средневековых городов с керамикой Армении и Грузии, а также некоторых других стран. Это отражает широкие торговые связи городов Азербайджана и общение азербайджанских мастеров-художников с мастерами соседних стран.

На выставке этнографического отдела показан богатейший материал, иллюстрирующий самобытность культуры азербайджанского народа в области художественного ремесла и искусства. Собрания этого отдела представляют особенный интерес для этнографов, так как данные предметы постепенно выходят из употребления и становятся большой редкостью. В отделе богато представлены азербайджанская народная одежда (мужская и женская), обувь, головные уборы, ручные ткани, художественные вышивки, поделки из дерева, домашняя утварь, ковры и др.

По технике исполнения представленные здесь вышитые изделия делятся на следующие виды вышивки: тамбурную (илмэли), золотошвейную (гюлабетинную), выпивку бисером (хырда мынчыг тикишлэри), блестками (пилак тикмэ), штампованными бляшками (чахма пилэкдэн тикмэ) и другие. Все эти виды вышивок применяются для украшения одежды, предметов домашнего обихода, для украшения лошадей и оружия.

Хорошо представлены в экспозиции разнообразные азербайджанские художественные ремесла: ручное плетение (эл нурмэлэри), узорчатые тканые вещи (бэээкли дарча шейлэр), вязанье (тохумалар), женские украшения (гадын бэээклэри). Художественно выполненные узорчатые пояса, вязаные перчатки, носки и другие вещи поражают яркостью красок и разнообразием орнамента. Вышивки раскрывают целый мир растений, человеческих, животных и птичьих фигур. Помимо вышивки, орнамент исполняется и ажурным тканьем, давно применяемым населением Азербайджана. Сложные композиции графического и художественного орнамента, плоского и рельефного, достигаются путем умелого переплетения разноцветных шерстяных ниток, при котором каждая деталь получает самостоятельное очертание.

В Азербайджане, особенно в Нухе и Гандже (ныне Кировабад), была распространена вышивка тамбурным швом, производившая растительный орнамент. Тамбурным швом украшались одежда, подушки (балышлар), попоны (ортуклэр), занавеси (пэрдэлэр). Впоследствии эти вышивки стали предметом ремесла и расходились далеко за пределами Азербайджана. Их продавали в Москве, в Крыму и на Нижегородской ярмарке. Другой интересный вид — вышивка бисером. На выставке показаны бисерные вышивки на кисетах (тэнбэки кисэси), кошельках (пул кисэси), женские башмаки карабахской работы, вышитые бисером, и пр. Золотым шитьем украшались головные уборы (тэсэс), футляры для гребешка (дараг-габы), для часов (саат-габы), пеналы (гэлэмдан-габы) и другие вещи.

Отдельный большой зал занимают азербайджанские ковры и ковровые изделия. В коврах старой выделки (некоторые из них насчитывают почти двухсотлетнюю давность) преобладают мягкие цвета, очень точно очерченные человеческие фигуры, изображения птиц и растений. Выставлены ковры и современного производства — кубинские, казахские, карабахские, отображающие специфические местные особенности некоторых районов.

Специальный кабинет посвящен азербайджанским и найденным в Азербайджане древним монетам, характеризующим экономическую и государственную жизнь Азербайджана на протяжении многих веков. Фонд музея насчитывает около 40 тысяч единиц. На выставке экспонирована только тысяча образцов. В кабинете показана коллекция монет, чеканенных в Азербайджане в период с IX до начала XIX в. В их числе монеты династий кесранидов, ширваншахов — дербенди, азербайджанских сефевидов и ханств XVIII в. — кубинских, ганджинских, нухинских — и другие. Наряду с ними — русские монеты, монеты Грузии, Армении и других стран. Особенно интересны редкие монеты династий саджидов и аггоюнлы.

В следующем зале показано оружие эпохи совместной борьбы азербайджанского и русского народов против иранских и турецких захватчиков (XVIII и XIX вв.). Здесь демонстрируется с большим мастерством и искусством изготовленное холодное и огнестрельное оружие с красивыми инкрустациями, национальным орнаментом с позолотой, серебряными насечками, костяными и перламутровыми украшениями. Экспонированы кремневые и пистонные ружья, пистолеты, холодное оружие — сабли, шашки, секиры, кинжалы, воинское снаряжение — налокотники, шлемы, щиты и др. В этой же комнате выставлен подлинник картины известного художника-баталиста Рубо «Битва под Елисаветполем» (1826). В этой битве вместе с русскими мужественно сражались против иранских захватчиков и азербайджанцы.

Отдельный зал отведен найденным в Азербайджане наскальным изображениям. В 1939 г. неподалеку от берега Каспийского моря, в районе железнодорожной станции Дуванны, были впервые обнаружены наскальные изображения, которые стали изучать научные сотрудники Академии наук Азербайджанской ССР под руководством И. М. Джафарзаде. Впоследствии в указанном районе, в живописных скалах у гор Беюк-Даг, Кичик-Даг, Джингир-Даг и холма Язылы было обнаружено более двух тысяч наскальных изображений, дающих много интересного материала по истории древнего и средневекового Азербайджана. Изображения давно вымерших животных являются доказательством глубокой древности этих рисунков. Экспозиция знакомит посетителей с образцами наскальных изображений в фотоснимках и зарисовках.

В экспозиции по истории материальной культуры представлены также образцы орудий труда и хозяйственной деятельности азербайджанского народа в XVIII—XIX вв., т. е. в период наивысшего развития феодальных отношений. Здесь показаны плоскогубцы (кэлбэтин), молоток (чэкич), ножницы (гаичы), наковальня (зиндан), топор (балта), лопата (лапатка), кирка (кулунк), ковроткацкие инструменты (тохучулуг алэтлэри), макеты кузницы, мастерской по ручной выделке кож, мастерской медника, сапожника и т. д. Имеются экспонаты по сельскому хозяйству: деревянная соха (агач хыш), молотильная доска (вэл), деревянная маслобойка (агач нэхрэ), серп (ораг), грабли (дырмых), коса (дэрыз).

Материалы музея были использованы при оформлении кинофильмов «Сабухи» «Аршин-мал-алан», театральных постановок «Вагиф» и «Шах-Исмаил», при оформлении Азербайджанского ансамбля песни и пляски. Азербайджанский Дом моделей использовал имеющиеся в музее образцы одежды для внедрения элементов азербайджанского костюма в швейные изделия. Управление по делам архитектуры при Совете Министров Азербайджанской ССР использовало для выставки азербайджанского орнамента образцы вышивок, работ по дереву и медной посуде. Представители Министерства

легкой промышленности СССР сделали фотографии и зарисовки орнаментов, вышивок, набоек и ковров для внедрения их в текстильную промышленность.

В настоящее время коллектив сотрудников Музея развертывает работу по созданию постоянной экспозиции, всесторонне отражающей историю азербайджанского народа с древнейших времен до наших дней. Основным разделом этой экспозиции будет история Азербайджана в советское время.

Г. А. Гулиев

ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ В ЯКУТСКОМ КРАЕВЕДЧЕСКОМ МУЗЕЕ

Якутский краеведческий музей им. Ем. Ярославского был основан в 1891 г. по инициативе политических ссыльных. Первые двадцать лет он помещался в бывшей лавке. В 1911 г. Музей переехал в специальное здание, построенное на средства пожертвованных населением. С 1915 по 1917 г. Якутским музеем заведывал Ем. Ярославский, отбывавший в Якутске ссылку. Несмотря на то, что коллекции Музея до Октября пополнялись главным образом за счет добровольных пожертвований, к 1917 г. накопилось до сорока тысяч экспонатов. Значительная часть их состояла из этнографических предметов¹.

В настоящее время в фондах Музея насчитывается около 55 тыс. экспонатов, отражающих природу Якутии, ее хозяйство, экономику, историю, быт и культуру населения как в прошлом, так и в настоящем, социалистические преобразования. Этнографические коллекции насчитывают 8 тысяч предметов.

Экспозиция Музея много раз перестраивалась. В настоящее время в Музее три отдела: Природы, Истории дореволюционного прошлого, Октябрьской революции и социалистического строительства. Основные этнографические материалы экспонированы в отделе истории дореволюционного прошлого Якутии. Отдел открывается выставкой материалов Ленской археологической экспедиции 1941—1945 гг., работавшей под руководством А. П. Окладникова. Здесь экспонированы репродукции с верхненеленских палеолитических писаниц, неолитические орудия — скребки, резцы, наконечники стрел, проколки, веслообразные тесла, топоры с ушками, керамика. В особой витрине представлено погребение конца каменного века, обнаруженное около деревни Макарово на Верхней Лене. Расположение украшений показывает, что умерший был одет в тунгусский костюм, похожий на фрак с нагрудником.

Раскопками Ленской археологической экспедиции было установлено существование бронзового века в Якутском крае (II тысячелетие до н. э.). В Музее выставлены формы для литья бронзовых топоров, бронзовые мечи, котлы. Обращают на себя внимания материалы, относящиеся к раннему железному веку. В Музее представлены репродукции с нескольких ленских писаниц, относящихся к этой эпохе, — «Отгон скота», «Верблюды», «Всадники-воины» и др.

Культура якутов до прихода русских представлена в экспозиции материалами из погребений, относящихся к XVII—XVIII вв. Экспонировано богатое погребение в колоде из Мегино-Кангаласского района, вскрытое в 1937 г. Труп сохранился в мумифицированном состоянии, сохранились также расшитая бисером одежда из замши, украшения, посуда, богатое конское седло. В фондах Музея хранится материал из 52 погребений, вскрытых сотрудниками Музея с 1933 по 1944 г.

Реставрируя эти материалы, народный художник ЯАССР М. М. Носов показал, что одежда якутов XVII—XVIII вв. была совершенно отличной от одежды XIX в. как по фактуре, так и по покрою и отделке. Так, например, в XVII—XVIII вв. у якутов преобладали шапки чепчиковобразного покроа с рожками и султанами. В то время носили короткие шубы с разрезами по бокам и сзади, борты и полы оторачивали мехом. Шубы расшивали бисером, металлическими бляшками и побрякушками.

Специальный раздел экспозиции посвящен вхождению Якутии в состав Русского государства. Экономическое и культурное общение с великим русским народом оказало большое прогрессивное влияние на развитие якутского народа. В Якутии, не имевшей до вхождения в состав Русского государства даже каких-либо постоянных поселений, появились зимовья, острожки, а впоследствии на месте некоторых из них выросли города. Ленский, или Якутский, острог уже в середине XVII в. превратился в значительный административно-торговый центр. В Музее экспонирована крупная модель из мамонтовой кости — Якутский острог в XVII в. Одна из башен этого острога сохранилась в Якутске до настоящего времени и является древнейшим памятником русского деревянного зодчества на территории Восточной Сибири. Модель вырезана якутом-косторезом в прошлом веке.

¹ Г. Д. Федоров, Якутский краеведческий музей им. Ем. Ярославского, Якутск, 1941.

После открытия р. Лены началось быстрое ознакомление русских с северо-востоком Сибири. На ряде стендов приведены выписки из архивных документов, свидетельствующие о том, что в XVII в. в Якутии была начата добыча железа, производились розыски хрусталя, золота, серебра, медной, оловянной и свинцовой руды, серы и слитры.

В этом разделе выставлено оружие русских служилых и промышленных людей: пищаль, бердыш, сабли, кольчуга, чугунные пушки, а также казачья хоругвь, хранившаяся в Зашиверской церкви. Представлено и оружие якутов — копьё с железными наконечниками, батыя, палма с железной рукояткой, сложный лук, стрелы. К сожалению, Музей не сумел восстановить якутские шлемы и латы, найденные в погребениях.

Существенным упущением является то, что в этом отделе экспозиции почему-то не представлены предметы обмена и не подчеркнуто значение торговых связей между якутами и русскими в XVII в. Малочисленные русские служилые и промышленные люди выступали в Якутии не столько как завоеватели, сколько как добытчики пушнины и торговцы. Отправляясь в походы, служилые люди брали с собой железо в слитках, топоры, ножи, олово, котлы, медь, мануфактуру, бисер. Коренное население очень ценило эти редкие на севере товары.

Привлекает внимание раздел экспозиции, посвященный показу колониальной политики царизма в Якутии. Яркая диаграмма демонстрирует поступление в казну ясачной пушнины из Якутии в XVII в. Во второй половине XVII в. Якутия была одним из главных поставщиков ценной пушнины, служившей основным валютным фондом Московского государства в сношениях с западноевропейскими государствами. Уже в XVII в. к сбору ясака воеводы начали привлекать якутскую родоплеменную аристократию — тойонов. В XVIII в. якутским тойонам были предоставлены судебные права в волостях, им было дано право подвергать своих одноулусников телесным наказаниям. В Музее выставлены знаки отличия якутских должностных лиц — улусных голов и князев: медали, кортики с монограммами, печати. Ряд фотографий знакомит посетителей с одеждой тойонов, тойонскими усадьбами, внутренним убранством тойонских юрт.

На этнографическом материале построена экспозиция, посвященная хозяйству Якутии XVIII—XIX вв. Основой хозяйства якутов было скотоводство. Якуты разводили коней и рогатый скот. В Музее богато представлен якутский скотоводческий инвентарь: молочная посуда из бересты, дерева и кожи; кумысные сосуды, кумысная праздничная посуда, старинные якутские косы-горбуши и вытеснившие их в 90-х годах XIX в. косы-литовки, якутские деревянные вилы, грабли, телячьи намордники.

Хорошо представлены в экспозиции конская упряжь, конские седла, богатые, отделанные серебром, простые и выюнные.

В середине XIX в., переняв опыт русских крестьян и политических ссыльных, значительная часть якутов начала заниматься наряду со скотоводством также и земледелием. Якутский земледельческий инвентарь, выставленный в этом отделе, — соха с железным лемехом, деревянная борона с железными зубьями, якутский самодельный серп, зернотерка, жернова — свидетельствуют о том, что эти орудия заимствованы от русских крестьян. Большую роль в хозяйстве якутов играло рыболовство. В выставочном зале экспонированы якутские волосные сети, модели морд (вершей), некоторые орудия для подледного лова рыбы. Слабее представлен охотничий инвентарь (ружья, самострелы, черканы).

Хорошо представлен дореволюционный быт якутов. Внимание посетителей привлекает интерьер типичной бедняцкой юрты в натуральную величину. Здесь имеются камелек (чувал), нары, стол на трех ножках, якутский табурет из тальника. Фигура якутки, перемалывающей зерно на ручной мельнице, и две фигуры мужчин, занятых обработкой шкур, показывают занятия населения. В юрте выставлены охотничий инвентарь, посуда, одежда.

Модель якутской усадьбы XIX в. позволяет посетителям познакомиться с типичным расположением хозяйственных построек и сооружений. На усадьбе юрта с пристроенным к ней хлевом-хотеном, погреб-яма для хранения молочных продуктов, амбар, изгородь для содержания скота на усадьбе, загородки для хранения сена. Рядом макетов представлена старинная якутская берестяная ураса. В отдельной витрине показана пища якутов в прошлом. Здесь выставлена сосновая заболонь, подкорковый мясистый слой сосны, широко употреблявшийся якутской беднотой в пищу, съедобные корни водорослей (сусак, бельчек), вяленая рыба, вяленое мясо, гнилая сердцевина березы, употреблявшаяся вместо чая.

Ряд витрин и щитов посвящен ремеслу. Выставлен набор инструментов кузнеца, изделия якутских кузнецов, инструменты и изделия ювелиров. Якутские мастера-серебряники в совершенстве владели искусством чеканки и гравировки. Искусством резьбы по дереву, как и резьбой по мамонтовой кости, в той или иной степени владел в прошлом каждый якут. В Музее экспонирована якутская деревянная посуда — миски, тарелки, блюда, дорожные деревянные футляры для посуды, мутовки, ложки. Изделия из мамонтовой кости представлены резными шкатулками, ларчиками, миниатюрной скульптурой.

Развитие культурных связей с русским народом способствовало проникновению русских изобразительных приемов и орнаментальных мотивов в изобразительное искусство якутов.

ство якутов. Об этом свидетельствуют выставленные в Музее шкатулки, оформленные в русском стиле, берестяные табакерки с бытовыми изображениями, чепраки, вышитые тамбурным швом. Некоторые изображения на серебряных поясах — фигура льва, орла, коня — схожи с соответствующими русскими лубочными изображениями.

Ряд экспонатов (шаманские плащи, бубны, амулеты) знакомит посетителей с религиозными верованиями якутов в прошлом.

Особый раздел экспозиции посвящен политическим ссыльным: декабристам, Чернышевскому, писателю Короленко, большевикам — Ем. Ярославскому, С. Орджоникидзе, Г. Петровскому и другим. Политические ссыльные занимались культурно-просветительной деятельностью среди якутского народа, некоторые из них вели в Якутии научно-исследовательскую работу.

Современный быт и культура якутского народа отражены в отделе «Октябрьская революция и социалистическое строительство». Особое внимание привлекает зал, посвященный колхозному строительству. Глубокие изменения произошли за годы Советской власти в хозяйстве отсталой в прошлом Якутии. В настоящее время на полях республики используется мощная техника — тракторы, комбайны, самоходные сенокосилки. В Музее выставлены модели сельскохозяйственных машин, применяемых колхозами Якутской АССР. Здесь же показаны достижения знатных якутов — рационализаторов сельского хозяйства: комбайнеров, водителей самоходных сенокосилок и др.

Хозяйство большинства колхозов центральной Якутии стало многоотраслевым. В Музее показаны современная животноводческая техника, достижения доярок, охотников, оленеводов, рыбаков. Обращают на себя внимание материалы по созданию поселков. В прошлом якуты жили разбросанно, одна юрта обычно отстояла от другой на несколько верст. Поселки со срубными домами и улицами появились в большинстве населенных только после коллективизации. Во многих колхозных поселках Якутии, как, например, в колхозе им. Сталина Нюрбинского района, выстроены крупные электростанции, обслуживающие молочные фермы, молотилку, зернопульты, пилорамы. В Музее выставлены многочисленные фотографии новых колхозных поселков. В настоящее время готовится панорама современного якутского колхозного поселка. Ряд стендов посвящен изменениям, происшедшим в быту колхозников и рабочих-якутов. Модель дома знатного забойщика Алдана Гуляева знакомит посетителей с обликом и внутренней обстановкой современного жилища. В доме три комнаты: столовая, детская и спальня, кроме того, коридор и кухня. В комнатах — современная городская мебель, ковры, тюлевые занавески, этажерки с книгами, телефон.

Заслуживает внимания стенд, рисующий современный быт семьи колхозника. Цикунова — одного из потомков крестьянина Макара Цикунова, послужившего прототипом для рассказа Короленко «Сон Макара». В срубном доме электричество, радио, покупная мебель. О национальных традициях говорят детали: резной якутский шкаф для посуды, с национальным орнаментом, детали костюма, меховая обувь.

Изменился быт оленеводов и охотников севера. Внутренний вид чума пастуха-оленьевода из колхоза-миллионера им. Ворошилова Анабарского района отчасти показывает эти изменения. В чуме появились пол, кровать с богатым покрывалом и подзором, стол, часы, занавеси.

В настоящее время работники Музея готовят выставку современной меховой национальной одежды и типов промысловых костюмов.

В Музее отражены также рост городов и промышленных центров Якутии, участие якутского народа в Великой Отечественной войне и мирном послевоенном строительстве.

Имеется богатая фототека (около 15 тыс. фотографий), коллекция этюдов, рисунков и карт.

Заслуживает быть отмеченной живая связь, поддерживаемая Якутским краеведческим музеем с Венгерской Народной Республикой. Музей послал в Венгрию образцы якутских художественных изделий и получил красочные модели национальных костюмов стран народной демократии, образцы вышивок, художественной резьбы по дереву, керамику. Все эти экспонаты выставлены в Музее.

Экспозиция Якутского краеведческого музея не лишена недостатков. В ряде случаев без всякой нужды вместо подлинных предметов экспонируются аляповатые модели. Несмотря на наличие места, многие ценные экспонаты не выставлены. В экспозиции недостает этикетаж. Следует отметить, что в экспозиции находится лишь незначительная часть этнографических коллекций Музея. Большая часть этих коллекций хранится в фондах. Музей располагает рядом больших коллекций чоронов (кумысные сосуды), берестяных чабычахов (орнаментированная берестяная посуда), якутской керамики, разнообразного промыслового инвентаря, сельскохозяйственных орудий. В фондах хранится полная берестяная ураса, берестяные лодки, резные деревянные календари, богатая коллекция образов якутской праздничной одежды, головных уборов, обуви. Особый интерес представляют хранящиеся в фондах предметы шаманского культа: свыше 20 шаманских костюмов (плащи, передники, шапки), шаманские бубны, посохи, амулеты. Ряд предметов культа, связанных с родовыми представлениями (например, туктуг — берестяные вместилища для духов рода, кыс-тангара — изображение духа умерших любимых дочерей родоначальников), имеющиеся в Музее, перестали изготавливаться уже в XIX в. и представляют уникальную ценность.

Следует также указать, что этнографические материалы отражают главным обра-

зом материальную культуру якутов центральных районов ЯАССР. Материалов из вилейских, верхоянских и колымских районов очень немного. Слабо отражена материальная культура эвенков, эвенков, русских-старожилов (колымчан, русско-устинцев). Нужно надеяться, что в ближайшее время Музей сумеет восполнить эти пробелы.

И. Гурвич

ВЫСТАВКА ПРИКЛАДНОГО ИСКУССТВА КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ

В Советском Союзе находится выставка прикладного искусства народов Китайской Народной Республики. В течение четырех месяцев (с 1.X 1954 г. по 1.II 1955 г.) она была открыта для обозрения в шести залах Музея изобразительных искусств имени Пушкина в Москве. В феврале — марте она была показана в Ленинграде. Далее демонстрация выставки была перенесена в Киев. За время пребывания выставки в Москве тысячи москвичей, а также гостивших в столице нашей Родины трудящихся из других городов Советского Союза и зарубежных гостей с глубоким интересом и искренним восхищением осматривали экспонаты выставки, свидетельствующие о творческих успехах народов КНР в области прикладного искусства.

Интересно отметить, что рождение нынешней выставки в известной мере подсказано тем восторженным приемом, который был оказан трудящимися Советского Союза за выставку достижений сельского хозяйства и промышленности КНР, действовавшей в июле — августе 1953 г. в Центральном парке культуры и отдыха имени Горького в Москве.

В конце 1953 г. выставка народного прикладного искусства была организована в столице КНР г. Пекине. Эта выставка, помимо показа достижений народного искусства, имела целью поднять интерес к художественным ремеслам китайского народа и национальных меньшинств КНР, дать возможность народным мастерам обменяться опытом между собой и с профессиональными деятелями искусства, позаимствовать цветовые и орнаментальные композиции у сходных отраслей художественного ремесла и т. д. Стенды этой выставки показали, что народное прикладное искусство многообразнее, чем принято было думать. Образцы плетения, бытовой керамики, изделия из пальмового волокна, вырезки из тонкой кожи и бумаги и т. п., не находившие прежде выхода на центральные рынки и бывавшие порой на очень ограниченной территории, вызвали большой интерес. Многие из изделий этих отраслей художественного ремесла вполне законно получили самую высокую оценку посетителей выставки.

После закрытия выставки в Пекине и в период ее действия Союз китайских художников, Центральная академия художеств Китая и Центральное правление кооперативов провели ряд совещаний с участниками и посетителями выставки. В результате этих совещаний после Пекинской выставки наблюдается заметный рост кооперирования мастеров-единоличников, слияние мелких мастерских и укрупнение предприятий прикладного искусства; в ряде областей создаются художественные школы и Общества творческого содружества.

Уже на выставке 1953 г. в Москве демонстрировались произведения китайского прикладного искусства, но там они составляли лишь небольшую долю в общем показе промышленного производства КНР. В отличие от выставки 1953 г., где показ отдельных форм прикладного искусства был очень слабо документирован, на нынешней выставке стала возможной демонстрация произведений каждой из форм прикладного искусства с выделением локальных школ, имеющих свои традиции в стиле и технических приемах; большинство изделий стало подписанными. Благодаря этому можно более четко представить географически картину распространения форм прикладного искусства, проследить путь творческих исканий его мастеров, глубже понять культурные традиции народов Китайской Народной Республики.

Тематический показ прикладного искусства КНР не случайно начинается с фарфора и керамики. На выставке представлены изделия из отдельных районов провинций Цзянси, Цзянсу, Фуцзянь, Хэбэй, Хэнань, Шаньси, Гуанси, Гуандун, Сычуань и Юньнань. Один этот перечень говорит о широчайшем распространении керамического производства у народов Китая. Почетное место занимают фарфоровые изделия с портретной росписью (блюда, пластины, диски и т. д.) работы Чжу Шэнью и У Кана. Выполненные в коричневых тонах «тушевого размыва» портреты руководителей коммунистических партий и правительств КНР и СССР привлекают внимание теплотой и мягкостью тонов, живостью, тонкостью линий рисунка при фотографической точности его. Ряд изделий монохромного и многоцветного фарфора посвящен борьбе народов за мир, мирному созидательному труду, радостной жизни строителей социалистического общества. Заслуживают быть отмеченными выполненная в технике «распыленной окраски» (или «набрызга») тарелка с коричневой лазурью с изображением голубя мира работы Ван Бу, полихромная ваза «Мир в Корее», полихромное блюдо, центральный рисунок которого передает танец с веером девушки из народности тан

(обе работы выполнены Ван Силяном), полихромная ваза с изображением сцены народного праздника работы Цзэн Фуцина и др. Значительная часть экспонатов выставки наглядно свидетельствует о большой работе, проделанной художниками-мастерами прикладного искусства по собиранию и возрождению лучших образцов древнего национального искусства, как в отношении строгой пластичности форм самих изделий, так и в области использования цветowych эффектов, подражания стилю и цветовой гамме их росписи, сохранения традиционно осмысленных элементов орнамента и сюжетных композиций рисунка. В большом количестве представлены на выставке округлые вазы, чаши, узкогорлые с широким раструбом и покатыми плечиками сосуды, фигурно формованные шкатулки и т. п., крытые одноцветной красной глазурью (фарфор типа столь любимого и широко распространенного в XVII в. «ланьяо», известного в Европе под названием «бычья кровь»), как бы пронизанной белыми, сизоватыми и темносиними прожилками; этот цветовой эффект, получаемый в процессе восстановительного обжига покрытого глазурью изделия при высокой температуре, не может быть повторен с абсолютной одинаковостью, что придает уникальность каждому из изделий. В изготовлении изделий «ланьяо» специализируются Гао Чжуан, Гао Хэцзянь, Мэй Цзяньин и ряд других мастеров; Мэй Цзяньином, Гао Чжуаном, а также Цзинь Баошэном, Ши Юйжэнем и другими выполнен ряд экспонированных на выставке изделий типа «лунцюань» (в европейской литературе известен под названием селадона): высокие цилиндрические вазы с рельефным узором из крупных цветов, чаши и пиалы с прорезным звездчатым узором, небольшие фигурно формованные сосуды. По серовато-зеленой глазури некоторых из них в качестве дополнительного украшения пущена асимметричная сетка трещинок (чек или кракле), создающая в подражание образцам сунского времени (X—XIII вв.) «узор потрескавшегося льда». В рисунке и орнаментации полихромного фарфора, привлекающего взор сочностью и изумительной гармонией красок, широко используется традиционная символика: изображение сорок («сицяо» — омофон к слову «си» — радость и потому символ пожелания радости), летучей мыши (омофон — пожелание богатства), цветущей вишни и сливы (пожелание счастья в новом году), пионов (прежде символ пожелания богатства), ластоса и рыб (камп — пожелание успехов в учении) и т. д. Интересно изменение осмысления символики элементов рисунка и орнамента. Цветок пиона за его пышность прежде был принят как символ богатства; сейчас цветок пиона воспринимается как знак народного почта, знак отличия передовиков общественного производства, знак радости. Ласточка — прежде символ домашнего уюта — сейчас воспринимается как символ мирного труда. Многие из прежних символических изображений уже не осмысляются в их прежней условности, но сохраняются в рисунке и орнаменте как реалистическое изображение красивых цветов, плодов и т. п.

Богато представлен неглазурованный фарфор («бисквит»). Особый интерес и симпатию посетителей выставкинискали в этой группе изделий — статуэтка «Я тоже работаю», изображающая улыбающегося малыша с лопатой, натягивающего огромную рукавицу; скульптура лодки в виде дракона, несущего на спине трехъярусную пагоду (обе работы выполнены цзиндэчжэньскими мастерами Цзян Луншэном и др.); скульптурная группа «Пастух и ткачиха» на сюжет народной легенды о разлучении влюбленных (производство мастерских уезда Дэхуа провинции Фуцзянь).

Не все фарфоровые изделия одинаково удачны. Так, например, вызывает сомнение, стоит ли китайским мастерам идти по линии подражания датскому фарфору (работа Гун Яотина). Резко выделяется из общей картины чайный сервиз со странным орнаментальным поясом (работа Чжу Даняня).

Многообразна и интересна керамическая скульптура. Среди изделий мастерских поселка Шивань и гор. Чаочжоу (провинция Гуандун) выдающееся место занимают работы Лю Чуаня по историческому портрету. Его скульптурная группа «Древний каллиграф Ван Сичжи и мальчик с гусем», статуэтка «Поэт IX в. Ли Бо» и особенно статуэтка «Цюй Юань», выполненная в строгой манере и расписанная соответственно в бледных тонах, передающая скромность и величественность выдающегося поэта и государственного деятеля IV—III вв. до н. э., открывают широкие возможности закрепления в памяти многомиллионных масс трудящихся портретно точных образов лучших представителей прогрессивной китайской литературы, искусства, науки, культуры в целом. Бытовая гуандунская керамика относительно широко представлена в музеях мира. Однако нигде она, как правило, не документирована. Нередко встречаются поразительные по динамичности фигуры и по живости выражения лица культовые статуэтки, резко отличающиеся от канонизированных, лишенных динамичности и индивидуальности традиционных изображений божеств и святых. Народное, реалистическое в своей основе творчество не признавалось искусствоведами феодального Китая. Не сохранялось не только имя творцов этих изделий, но даже упоминание о локализации мастерских. Теперь благодаря экспонатам выставки такая документация становится возможной.

Из бытовой китайской керамики широко известны также изделия мастерских г. Исин (провинция Цзянсу). На выставке представлены прекрасные образцы чайных сервизов из краснолощеной керамики с гравированными и архитектурными украшениями. Нередко сам сосуд (чайник, чашечка с крышкой) оформлен в виде корневища бамбука или плода фруктовых деревьев (блока, груши и т. д.); чаще растительное оформление имеют детали сосуда (носик чайника, ручки чашек и чайников, кольцевые ножки сосу-

дов и т. д.). Истоки этого типа изделий восходят к тыквенным сосудам с тисненым узором.

Особый интерес для этнографа и историка культуры представляет ханьская керамика (к сожалению, более четкая локализация не дана) — подражание погребальной и бытовой скульптуре ханьского (III в. до н. э.— III в. н. э.) и танского (VII—X вв.) времени. В Китае ханьского времени изжиты были погребальные человеческие и даже животные жертвоприношения. Вместе с тем и до наших дней в народных верованиях сохранилось представление о том, что, отлетая в мир иной, душа умершего ведет там образ жизни, подобный земному, т. е. нуждается в пище, жилье, одежде, средствах передвижения и даже в деньгах на оплату расходов. Воин нуждается в боевом коне и оружии; вельможа — в слугах, танцовщицах и услаждающих его слух музыкантах; за мужем должна следовать жена и т. д. Уже с начала нашего тысячелетия фигурки — заменители действительных жертв — делались из бумаги. Считалось, что при сжигании бумажных изображений образы их возносятся к душе и служат ей. В ханьское и танское время такие фигурки-заменители делались из глины и погребались вместе с покойным. Первая находка таких фигурок в погребении ханьского времени была сделана в 1933 г. Конечно, любовно копируя не только типажи или динамичность позы погребальных статуэток, изображающих людей и животных, но и цветовые оттенки тронутой временем их росписи, художники — мастера прикладного искусства — не ставили перед собой задачи в 1954 г. возродить ханьские формы погребального обряда. Подражание погребальным фигуркам, как и бытовой скульптуре того времени, это дань культурному наследию древности (а может быть, частично и пережиток того чрезмерного увлечения древностью, которое воспитывалось конфуцианской моралью), стремление зафиксировать этот этап в истории китайской культуры. В самом деле, по весьма реалистично выполненной скульптуре можно в грубых чертах судить об одежде, формах орудий труда, отдельных типах жилища и о многом другом. Можно, в частности, с уверенностью говорить о значительно большем распространении животноводства (у самих китайцев, а не только у других народов Китая) и т. д.

Керамика Юньнани, Сычуани и Хунани, к сожалению, представлена на выставке малым количеством изделий.

К числу керамических изделий, представленных на выставке, относится театральная скульптура малых форм. Это лепные из глиняного и фарфорового теста маски, передающие образцы грима. Как известно, в старом китайском театре классической драмы грим был условным; им передавались не только амплуа (например, белое порошечье рыльце на лице актера обозначает, что это тецц пролога и обязательно комик) и их подразделения (например, в амплуа почтенного старца «лао шэн» различие между военным и гражданским), но и характер персонажа, чувства, определяющие его (злоба, честность, подлость и т. д.). Таким образом, таблица масок служила наглядным пособием по театральному гриму и для актерских школ и для широких масс любителей театра. Заметим, что в старом Китае, где процент грамотных был ничтожен, сокровища древней классической и народной литературы доносились до трудящихся масс через посредство уличных чтецов (шошуды) и при помощи уличных же театральных представлений. Поэтому значение театра было особенно велико.

Еще более выраженным театральным учебным пособием являются лепные головки, которые, кроме грима, показывают и соответственный роли головной убор (как известно, в старом китайском театре костюмы и реквизит зависели не от времени действия пьесы, а от роли). Наконец, в глиняной и фарфоровой театральной скульптуре передаются отдельные сцены из наиболее известных и часто исполняемых пьес. Основная учебная цель в данном случае — это фиксация жеста (который в старокитайском театре также условен и по характеру соответствует амплуа). Однако в народном искусстве, сохраняющем индивидуализацию в передаче и отдельного жеста и исполнения роли в целом, открывается возможность фиксации творческой манеры отдельных великих актеров китайской сцены в создании типа данного исторического персонажа (отличного от стандартной традиционной передачи его посредственными актерами). Изготовление театральной скульптуры из фарфорового и даже глиняного «теста» (с подсушиванием и росписью по сырому изделию), несомненно, восходит к изделиям из «настоящего теста», т. е. к мучным изделиям, широко распространенным в Китае, Корее, Японии и т. д. Прекрасные образцы таких изделий работы пекинского мастера Тан Цзыбо также представлены на выставке. К сожалению, мучные изделия очень недолговечны. Воздействие сырости, мучного жучка, крыс и т. п. наносит таким изделиям непоправимый вред и даже приводит к их уничтожению. Пожалуй, немногим более долговечна и скульптура из сухой глины. Поэтому можно только приветствовать попытку китайских мастеров перейти к устойчивому и значительно более долговечному материалу — бисквиту. Конечно, автору четырех чудесных театральных композиций хэбейскому мастеру глиняной скульптуры Чжан Цзину придется несколько поработать, чтобы учесть дополнительные цветовые возможности, которые свойственны бисквиту. Но по общему колориту бисквит даже более близок к мучным изделиям из рисового теста, чем глина.

Большое место на выставке занимают лаковые изделия. Китайские естественные лаки (основа их — сок лакового дерева) необычайно прочны. Археологические находки лаковых изделий в захоронениях ханьского времени позволяют видеть, как иногда выветривается от времени деревянная основа изделия, но сохраняется в виде «футляра»

лаковое покрытие. Иногда толщина лакового покрытия настолько солидна, что рельефные сюжетные рисунки выполнены по лаку (а не по деревянной или иной основе с последующим покрытием лаком). Красный резной лак и лаковое покрытие по резной основе представлены на выставке изделиями пекинских мастеров: коробками с растительным орнаментом и бытовыми сценами или пейзажами, шкатулками в форме персика и тыквы, вазой с двумя ручками в форме стилизованной летучей мыши, тарелкой с изображением растений и птиц. Кроме резного лака, пекинские мастера экспонируют на выставке черный лак, инкрустированный перламутром и слоновой костью.

Инкрустированные перламутром изделия, крытые черным лаком, близкие по манере к корейским, преобладают среди экспонатов, присланных на выставку мастерами провинции Цзянсу. Вряд ли можно думать, что характерные геометрические бордюры, несколько искаженные очертания человеческих фигур и другие особенности, свойственные древним корейским лаковым изделиям, инкрустированным перламутром, являются результатом прямого переноса корейской манеры на китайскую почву. Вероятнее видеть здесь отголоски древних культурных традиций и связей через посредство искусства государства У (утратило независимость в III в. н. э.).

Своеобразен сычуаньский инкрустированный лак. Глядя на большое черное блюдо, борт которого украшен серовато-белой с коричневыми цеком полосой, или на коробку с изображением летящего голубя той же расцветки, думаешь, что материалом для инкрустации здесь послужил тончайший фарфор типа «яичной скорлупы», перекрытый слоем бесцветного лака, смягчающего блеск глазури. Однако даже самый тонкий слой фарфора значительно утяжелил бы изделие, а оба изделия почти так же легки, как фуцзяньская «шелковая посуда». Оказывается, сычуаньские мастера (коллектив отделения лаковых изделий факультета прикладного искусства Юго-западного художественного института) использовали для инкрустации крытых лаком изделий оригинальный материал — натуральную яичную скорлупу, менее яркую и гораздо реалистичнее передающую оперение голубя. Хороши, интересны и очень реалистичны также изделия из расписного лака работы сычуаньских мастеров. С большим художественным вкусом выполнено, например, круглое блюдо с коричнево-черным бортом (работа Шэнь Фуэня). По темнокрасному полю блюда (общий диаметр 33,5 см) даны лишь маленькая веточка водяного растения (ряски) в нижней части круга и плывущая к ней маленькая рыбка. Скупость изобразительных средств здесь усиливает динамичность рисунка. С большой любовью и теплотой выполнено блюдо с рисунком на тему «Великое единство народов Китая». Вокруг пятиконечной звезды в центральной розетке блюда расположены танцующие пары представителей различных народов Китая. Борт блюда составляет переплетение праздничных гирлянд с восемью фонарями, кисти которых опускаются между танцорами. Поражает тонкость линий рисунка, точность расцветки костюмов, разнообразие поз. Художнику удалось не только верно передать национальные костюмы тибетцев, мяо, уйгуров, корейцев и других, но подметить характерные па в национальных танцах народов Китая. Вся группа объединена общим настроением радости, народного ликования.

Расписной лак: красный, розовый, черный, золотой, гладкий и с рельефным орнаментом, украшенный золотой пылью или ромбовидными лепестками и т. д., широко представлен изделиями работы фуцзяньских мастеров. Эти изделия получили в СССР признание и широкое распространение после выставки 1953 г. (сразу же после ее закрытия они поступили в продажу через Ювелирторг СССР). Подносики, «кофейные приборы, вкладки (четыре вкладывающиеся одна в другую) шкатулки и коробки можно встретить в быту самых различных слоев населения СССР.

Фуцзяньские лаковые изделия легки, почти невесома. Особое внимание среди экспонатов выставки привлекла упоминавшаяся уже «шелковая посуда», изготовленная способом «тотай» (глиняная форма — модель изделия, смазанная тунгвым маслом, покрывается слоем шелка или холста; затем эта основа кроется лаком слой за слоем до нужной толщины; по высыхании верхнего слоя лака изделие снимают с формы, покрывают еще раз внутреннюю поверхность и затем расписывают его или инкрустируют). Такие изделия, помимо воздушности легкости, обладают высокой прочностью и даже огнеупорностью.

Несколько односторонне представлены на выставке металлические изделия, крытые эмалью. Как и на выставке 1953 г., широко представлена лишь пекинская перегородчатая эмаль (клуазонне). Красота и изящество пекинских изделий из перегородчатой эмали по медной и бронзовой основе, разнообразие их форм, умелое использование художниками орнаментальных мотивов и композиций народного искусства не только китайского, но и других народов КНР, смелые поиски и введение новых для эмали расцветок (терракотового тона, цвета бронзовой патины и т. п.) не раз отмечались в нашей печати. Изделия из перегородчатой эмали, так же как и фуцзяньский лак, вошли в быт населения СССР. К сожалению, на выставке не нашла отражения люстровая кантонская бесперегородчатая эмаль. Изделия этого типа в музеях СССР все давнего привоза. Не хочется думать, что это производство в Китае в период господства чанкайшистской клики захирело.

Значительно богаче, чем на первой выставке, представлены ювелирные изделия работы пекинских, сычуаньских и шанхайских мастеров: подносики, браслеты, серьги, головные украшения из ажурного серебра со вставками из аметиста, бирюзы, халцедона, «кошачьего глаза» и других драгоценных и полудрагоценных камней, слоновой

кости и т. п. Особый интерес вызвали шанхайские туалетные приборы из литого серебра с гравированным орнаментом и рисунком. Интересно отметить, что в самом Китае эти изделия полностью вытеснили из торгового оборота и производства дешевые свинцовые подделки под серебро и червонное золото, крытые тонким слоем серебряной и «червонной» фольги. Таким образом, эти изделия являются свидетельством быстрого роста благосостояния населения молодой Китайской Народной Республики.

Богато представлено на выставке резное дерево. Большой интерес представляет деревянная скульптура «Старец Су У» (работа Ван Фэнцзо), скульптурные группы «Игра в жмурки» (работа Ван Дэчуня), уличные сценки (дерево, золотой лак; работа мастеров из уезда Чаочжоу провинции Гуандун), «Старик и молодая женщина», рыба-телескоп из корня дерева (работы фуцзяньских мастеров).

Интересы крупные резные картины (70 × 120—130 см) работы чжэцзянских мастеров Ду Юньсуня, Ма Фэнтана, Лу Ляньшуя и других. Многофигурные батальные сцены, изображенные на этих картинах, непосредственно посвящены историческим событиям (например, бой за Нанкин в период тайпинского восстания), или выполнены как иллюстрации к историческим романам «Троецарствие», «Путешествие на запад». «Повести речной заводи» и другим. Батальными сценами и отдельными фигурами воинов украшены крышки шкатулок (работы Ду Юньсуня), боковины и ножки мебели. Шанхайские и пекинские мастера экспонируют выполненные из красного, сандалового, грушевого и вишневого дерева резные столики (комплекс из столиков, входящих один под другой), плетеные кресла и чертежные столы, табуреты. Различны по формам изделия из полированного бамбука с гравированным орнаментом работы чжэцзянских мастеров: портсигар, коробка для кисточек, гнутая лопатка веера (в подражание веерам ханьского периода) и др.

На выставке экспонирован ряд бытовых предметов из дерева, украшенных художественной резьбой: формы для изготовления пирожных (из провинции Шаньси), гребни (провинция Цзянси), наверхи тростей, портсигары, большие блюда (провинция Шаньдун), складные веера и зонты, коробки и шкатулки с художественной металлической отделкой и вставками из нефрита (из Шанхая), настольный экран, складные сандаловые ажурные веера, стаканы для кистей (из Пекина), корзиночка с бамбуковым плетением и резной крышкой (пров. Сычуань). Тончайшей ажурной резьбой покрыты также деревянные подставки из черного и красного дерева под изделия из камня и слоновой кости.

Поразительны по точности и своеобразны работы фуцзяньских мастеров Чжэн Лици, Чэн Куня и других, выполненные из тончайших срезов пробки. Особый интерес вызвали панорама нового здания Московского государственного университета и изображение Красной площади в Москве с видом на Кремль.

Оригинальны по материалу и формам изделия из кокосового ореха (о-в Хайнань) с гравированным орнаментом и иероглифическим текстом.

Одной из давних отраслей прикладного искусства в Китае является производство изделий из молочного яркозеленого и другого цветного стекла (выросшее из производства дешевых изделий с расцветкой под нефрит). Шаньдунские мастера, работающие в совершенно новой манере, экспонируют ряд интересных сосудов из двухслойного цветного стекла: чаши с зелеными, красными или синими рельефными цветами на белом фоне, вазу с двухпоясным светлозеленым растительным орнаментом, прямоугольную шкатулку с зеленым рельефом горного пейзажа на белом фоне. Пекинские мастера экспонируют оригинальные стеклянные игрушки. У этих витрин с миниатюрными жирафами, оленями, павлинами, кроликами, голубями, гусями, петухами и насекомыми с дырочками подолгу задерживаются самые юные посетители выставки.

Пожалуй, еще больший интерес вызвали стенды с плетеной игрушкой из соломы и волокна «цзун» работы сычуаньских мастеров. Яркая, но мягких тонов расцветка игрушек усиливает ощущение их зримой легкости. Слон, лев, попугай и другие фигурки напоминают набивную игрушку. Сычуаньские плетеные изделия включают ряд изящных и красивых бытовых предметов: корзинок, сумочек, коробок, штор, расписанных пейзажами, домашних туфель, вееров и т. д. Изделия, плетеные из расщепленного бамбука: корзины для цветов, вазы, коробочки, чаши и т. п., экспонируют фуцзяньские и чжэцзянские мастера. Сумочки бамбукового плетения с аппликацией тканями присланы на выставку из Пекина. Среди работ гуандунских и цзянсуских (в том числе шанхайских) мастеров преобладают изделия из соломки. Совершенно не представлена на выставке шаньдунская цветная соломка, известная в СССР по ряду бытовых изделий, экспонировавшихся на выставке 1953 г. и поступивших у нас в продажу.

Вполне законно большое место занимают на выставке ткани, вышивка, кружево. Производство тканей, различных по материалу и различно украшенных, известно всем народам Китая. Шелкоткачество у самих китайцев известно по крайней мере с начала второго тысячелетия до нашей эры. Цзянсуские шелковые ткани, выполненные в жакардовой технике, чжэцзянская переливающаяся парча с меняющейся расцветкой, ткань типа «гусья», хунаньский атлас, сычуаньский холст представляют сами по себе предмет искусства и открывают широкие возможности для использования дополнительного эффекта фона при вышивании. На выставке представлены вышитые гладью ланно типа «кэсы» и рулонные картины, столовое белье, расшитые дамские сумочки, каминные экраны, ширмы и т. д. Вышивка гладью различных типов (плотная белая и цветная, редкая гладь типа «дацзы») распространена не только повсеместно у китайцев, но и

у большинства народов Китая. Можно сказать с уверенностью, что представленные на выставке гуйчжоуские скатерти, салфетки и одежда, расшитые характерным геометрическим узором многоцветной гладью, выполнены мастерицами народа мяо, а сычуаньские сумки из желтого холста, украшенные трехцветным геометрическим узором, распространенным у народов тибето-бирманской группы, это, вероятно, изделие народа йи. К сожалению, ни в каталоге, ни в этикетаже этих сведений нет.

Нередко гладь совмещается с аппликацией. Очень эффектно пекинские изделия из белой ткани с бархатной цветной аппликацией. В работах гуандунских мастериц гладь совмещается с мережными работами. Воспринятые по европейским образцам художественные мережки и ажурная вышивка творчески освоены и получили распространение в приморской полосе Китая. Введение мережки расширило использование кружев для украшения тканей. Кроме знаменитых сучжоуских и ханчжоуских кружевных работ на вышивке, представлены шаньдунское столовое белье с кружевной отделкой, гуандунские изделия с вставками из голубых и кремовых суровых кружев, шанхайские кружевные изделия (перчатки, сумочки и др.). Широкое распространение имеет также вышивка крестом. В последнее время в приморской полосе Китая (особенно в Шанхае) все более входят в моду рисунки, выполненные в технике «болгарского креста». Среди фузяньских изделий представлены работы, украшенные золотым шитьем и бисером. Особого упоминания заслуживают вышитые шерстью и шелком шанхайские портреты и пекинские шелкоткацкие портреты и гобеленные работы (пейзажи, расписываемые от руки, и др.).

Ковровый характер имеет дунбэйская, хунаньская и особенно анхуэйская хлопчатобумажная набойка (купоны на покрывала, платки, вышитые крестом, и др.).

Ограниченно представлены ковры. Среди них тяньцзинские коротковорсовые, пекинские плотные коротковорсовые настенные и очень плотные длинноворсовые для пола, шаньсийские ковровые подседельники и длинноворсовые небольшие коврики с двойным начесом, а также несколько маленьких плотных ковров для стульев. Следует отметить, что при ковровых изделиях даны фотографии отдельных моментов процесса их производства, что было бы очень ценно в музейном показе и других отраслей прикладного искусства.

Изделия из кожи представлены двумя группами. Одна из них по характеру рисунка и самих изделий близка к вышивке и дана вместе с ней. Это цзянсуйские дамские сумочки, портмоне, пудреницы из светлой коричневой кожи с тисненым ярким рисунком (пейзажи, изображение Храма неба в Пекине, арки Тяньаньмынь и др.).

Другая группа — это фигурки теневого театра, вырезанные из тонкого кожного пергамента. К сожалению, не указано место, где они выполнены. Как известно, фигурки театра теней были редкостью в музеях мира. Большие и относительно полные коллекции их имеются лишь в Музее антропологии и этнографии при Институте этнографии Академии наук СССР в Ленинграде и в Филдовском музее в Чикаго. В самом Китае этот вид искусства был на грани исчезновения. Возрожденный в 30-х годах с легкой руки покойного маршала Фын Юйсана, он был использован как весьма доходчивое средство агитации среди крестьянства в период всенародной борьбы против японской агрессии и с тех пор получил новую жизнь. Интересно, что старые формы типов действующих лиц теневого театра не мешают постановке пьес с совершенно современным содержанием.

Фигурки теневого театра (тоже вполне закономерно) расположены среди вырезок из бумаги. Этот вид народного искусства распространен сейчас повсеместно в виде оконных узорных украшений, настенных аппликативных композиций (явление самых последних лет) и образчиков вышиваемых узоров. Наибольшее распространение вырезки из бумаги имеют в Северо-Восточном Китае и Синьцзяне. Здесь это не просто образчик узора вышивки, но зашиваемый трафарет, придающий узору вышивки архитектурность, выпуклость. В обоих случаях распространение вырезок связано с искусством определенных народов (в Синьцзяне с дунганским, в Дунбэе — с маньчжурским) и тяготеет к берестовой вырезке-трафарету народов Амура, а генетически восходит к кожаной вырезке (из рыбьей и иной кожи), а может быть, и к инкрустации по меху.

Выставка прикладного искусства народов Китайской Народной Республики еще раз наглядно убеждает в его высокой художественности, поразительной красочности и многообразии форм и используемых материалов. Народное искусство бережно сохранило лучшие образцы древнего искусства народов Китая. Сейчас, когда искусство служит самому народу, возможности его дальнейшего развития и совершенствования поистине безграничны. Деятели искусства, а в их числе и народные мастера, призваны воспитывать в народе художественный вкус, поднимать культурный уровень народных масс. С другой стороны, они имеют в лице народных масс не только благодарного потребителя, но и сурового критика — подлинного ценителя искусства.

Г. Стратанович

ДЕСЯТЬ ЛЕТ РАБОТЫ ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО МУЗЕЯ В ОСВОБОЖДЕННОЙ ВЕНГРИИ

Венгерский этнографический музей в Будапеште — самое большое этнографическое учреждение в Венгрии, в нем работает 35 научных работников — половина венгерских этнографов-исследователей. Вместе с тем Этнографический музей руководит деятельностью еще 25 научных сотрудников, работающих в провинциальных музеях страны. Таким образом, этнографические исследования в Венгрии большей частью связаны с Этнографическим музеем. В наших университетах также проводятся этнографические исследования, но их основная задача — подготовка научных кадров. В Будапеште этнография проходит на двух кафедрах университета: на одной читаются лекции по фольклору, на другой изучается материальная культура. В Дебреценском университете студенты в первую очередь слушают лекции по материальной культуре.

Первая коллекция Венгерского этнографического музея была собрана на территории Советского Союза. Эту коллекцию собирал Антал Регуль, главным образом в долине Оби, у хантов и манси. Этот материал, чрезвычайно ценный с исторической точки зрения, занял подобающее ему место только тогда, когда Янош Ксантус, борец за венгерскую свободу, основал в 1872 г. Этнографический музей. В конце XIX века наблюдался большой подъем в жизни музея, когда Янош Янко произвел массовый сбор предметов: он посетил самые значительные музеи России и совершил важную экспедицию в долину Оби. Однако после его смерти музей, коллекции которого были уже известны по всей Европе, оказался в очень тяжелом положении. В период между двумя мировыми войнами передовые венгерские этнографы достигли серьезных научных результатов, но вследствие отсутствия поддержки со стороны государства, вследствие равнодушия официальных кругов деятельность музея регрессировала.

В 1945 г. Советский Союз освободил нашу родину, разгромив фашизм и оказав помощь венгерскому народу в его исторической борьбе за уничтожение гнета помещиков и капиталистов. Трудящиеся Венгрии с огромным энтузиазмом приступили к строительству новой жизни, принялись за восстановление народного хозяйства. Научные работники музея также взялись за работу. Первое время эта работа, происходившая в разрушенных зданиях, ограничивалась установлением ущерба, нанесенного нацистами, и старанием обеспечить сохранность имеющегося материала. Вскоре началась и научно-исследовательская работа, которая в течение десяти лет со дня освобождения непрерывно развивается.

В конце войны здание нашего музея было сильно повреждено, но сотрудники музея, работавшие с исключительной самоотверженностью, вынесли из полуразрушенных помещений большую часть предметов и укрыли их в безопасном месте. Вскоре удалось установить, что потери не превышают 10% музейных фондов. В обстановке серьезных трудностей первых послевоенных лет (1945—1946 гг.) вся деятельность музея была направлена на то, чтобы сохранить и привести в порядок упакованные предметы, но обогащать коллекцию и собирать новые материалы почти не удавалось. В 1947 г., с введением трехлетнего плана, народное правительство выделило специальные средства на восстановление здания Этнографического музея. Благодаря этому музей получил возможность начать постоянную, систематическую работу, которая проводилась по следующим разделам:

1. Организационная работа

До 1947 г. Этнографический музей считался отделом Исторического музея, но вскоре стало ясно, что он сам в состоянии разрешить поставленную перед ним задачу и что только таким путем, т. е. отделившись от Исторического музея, он сможет выйти на самостоятельную дорогу. В 1947 г. Этнографический музей как самостоятельное учреждение стал частью Национального музея. Тогда музей получил и ту структуру, которая с большими или меньшими изменениями сохраняется до настоящего времени. Вкратце нынешняя структура музея такова:

Главная дирекция. При ней находятся хозяйственная часть и мелкие отделы: реставрационная мастерская, фотография, столярная и слесарная мастерские.

Венгерский отдел: 1) Хозяйство; 2) Жилище и его оборудование; 3) Ткани, народные костюмы; 4) Керамика; 5) Кухонная утварь; 6) Ремесла и пр.

Зарубежный отдел: 1) Европа; 2) Азия; 3) Африка; 4) Австралия и Океания; 5) Америка.

Народно-музыкальный отдел: 1) Народная музыка в фонографической, граммофонной и нотной записи; 2) Инструменты.

Этнографический архив: 1) Рукописи; 2) Документы; 3) Фотоснимки; 4) Рисунки и живопись; 5) Карты; 6) Клише.

Библиотека (при ней имеется переплетная мастерская).

Руководство работой музея наряду с дирекцией осуществляют коллектив заведующих отделами, являющийся совещательным органом, и научный совет, который состоит из лучших специалистов, работающих вне музея. Кроме того, в музее создан специальный кружок, обсуждающий вопросы теоретического характера.

Большие перемены, происшедшие в жизни музея, стали особенно плодотворными в связи с организационной и теоретической перестройкой всей научной работы в нашей стране. В 1949 г. был создан Венгерский научный совет, который в 1950 г. слился с Венгерской академией наук. Научный совет, а позже Академия наук оказали Этнографическому музею значительную поддержку в организации и углублении научно-исследовательской работы. Оживлению этнографической работы в масштабе всей страны помогло также создание в 1950 г. постоянного этнографического комитета Венгерской академии наук, перед которым была поставлена задача обеспечить координацию всей научной деятельности в области этнографии. В 1949—1950 гг. был сформирован Государственный центр музеев и памятников зодчества. В результате работы этого учреждения была осуществлена национализация провинциальных музеев, вследствие чего руководство государственными и провинциальными музеями, находившимися ранее под разным управлением, сосредоточилось в одних руках. Это дало возможность ввести единую инвентаризацию, единый контроль и т. д. С 1953 г. все управление музеями перешло в Министерство народного просвещения, вследствие чего Государственный центр музеев и памятников зодчества перестал существовать, а вместо него был сформирован Главный отдел музеев при Министерстве народного просвещения как руководящий и контрольный орган.

Все эти преобразования имели непосредственное отношение к развитию Этнографического музея. Поддержку, оказываемую музею нашим правительством, можно, в числе прочего, измерить тем, что состав сотрудников музея значительно вырос. Теперь в нашем музее работает вдвое больше сотрудников, чем до освобождения; перед ними стоят большие и все растущие задачи. За последние годы изменилось и отношение нашего музея к провинциальным музеям. Теперь мы осуществляем научное руководство и контроль за деятельностью провинциальных музеев, а это обеспечивает возможность осуществления работы в принятом нами направлении по всей стране.

2. Прирост, хранение, реставрация и регистрация музейных материалов

Подъем, происшедший после освобождения, сказался также и на росте музейных фондов. В то время как за последние «мирные годы» (1935—1939) ежегодный средний прирост составлял 466 предметов, в первые четыре года после освобождения (1945—1948) он возрос в среднем до 600 предметов. Но по-настоящему рост музейных фондов начался с 1950 г., и за последние четыре года число новых поступлений составило в среднем 3855 предметов в год.

В связи с резким увеличением количества музейных материалов особенно остро встал вопрос об их хранении. В настоящее время музей располагает 30 оборудованными складами, в которых весь материал размещен в строго определенном порядке и, благодаря географическому и специальному указателям, легко доступен. Склады обособлены по отделам, и каждый склад имеет своего заведующего.

Одной из главных задач было приведение в порядок всех фондов, для чего была создана реставрационная мастерская.

Значительные изменения произошли и в регистрационной работе музея. Старые записи специального регистра не соответствовали требованиям настоящей научной обработки. Поэтому работники музея выработали новую систему записей. На карточки, сделанные по принятому в международной практике формату, наносятся данные, нужные для научной обработки и регистрации, по восьми заранее определенным пунктам. Нашу регистрационную систему приняли все провинциальные музеи Венгрии, и тот же способ применяется для регистрации частных коллекций. В нашем музее хранятся записи специального регистра коллекций провинциальных музеев и записи частных коллекций; таким образом, исследователь, работающий в нашем музее, может сразу определить, какой материал имеется в музеях страны. Эта работа уже значительно продвинута, и, по видимому, в течение второй пятилетки она будет полностью закончена.

Еще в 1949 г. мы выработали систему ссылок на географическое распространение вещевых материалов. Значение ее очень велико: будучи спроектирована на карте, эта система дает нам ясную картину того, из каких областей и районов у нас мало предметов; при ее помощи наша работа по пополнению музейных фондов стала более планомерной. Отдел народной музыки составил географический каталог своих коллекций и работает сейчас над составлением специального каталога. Важную регистрационную работу выполнил Этнографический архив. Рукописный материал полностью обеспечен географическим и специальным сылочным аппаратом (до 1953 г.), что очень облегчает хранение и обозрение материала, объем которого достигает 300 000 листов. Число собранных фотоснимков составляет 110 000, но они снабжены только географическими ссылками; одной из самых срочных наших задач является составление специальных ссылок. Наша коллекция рисунков и живописи равняется почти 10 000 экземпляров, и ее снабжение географическими и специальными ссылками в сущности закончено. В фондах нашей библиотеки — 20 000 произведений (35 000 томов). Библиотека располагает авторским, предметным и географическим каталогами.

3. Научно-исследовательская работа

До освобождения и в первые годы после освобождения в музее не было единого научного плана. Только с 1949—1950 гг. введено планирование его научной деятельности. Наш первый план подвергся справедливой критике, так как он был составлен без участия трудящихся и не принимал во внимание задач, стоящих перед нашей строящейся страной. В дальнейшем при составлении планов мы учли эти ошибки и стремились исправить их.

1949 год был годом перелома в венгерской этнографии. С этого времени становится особенно ощутимым стремление венгерских ученых разрабатывать этнографические вопросы на основе марксизма-ленинизма. Этому способствует все более тщательное ознакомление с советской этнографической наукой.

Коренные перемены, происшедшие в венгерской этнографии, отразились и в работе Этнографического музея¹. Это видно на примере Тиссаигарского коллектива. Он был создан в 1949 г. с целью осуществить полное этнографическое исследование одной деревни (Тиссаигар), большинство населения которой состояло из сельскохозяйственных рабочих. Свои задачи этот коллектив старается разрешать, используя методы и результаты работы советских исследователей. При сборе и обработке материала последовательно учитываются социально-экономические моменты. Исследование ведется в историческом аспекте. Особое внимание коллектив уделяет изучению прогрессивных движений крестьянства в прошлом, развития сельскохозяйственных артелей и изменений, происшедших в быту и в культуре крестьянства новой Венгрии. Результатом работы этого коллектива явилось открытие в 1950 г. выставки, посвященной этнографии и истории деревни Тиссаигар. В 1952 г. была подготовлена богато иллюстрированная монография (25 а. л.).

В 1950 г. Постоянный этнографический комитет Академии постановил создать новые, этнографические коллективы, начавшие свою деятельность в следующем, 1951 году.

Коллектив, занимающийся исследованием нового быта и культуры, начал свою работу в 1952 г., опираясь в первую очередь на опыты советских ученых в этом направлении. Исследование началось в большом масштабе в области изучения поселений и жилищ; результаты этого исследования уже появились на страницах журнала «Этнография». В настоящее время коллектив, по примеру советских этнографов, занимается в первую очередь изучением нового быта, особенно современного жилища и современных семейных отношений. Предполагается вскоре издать сборник работ по этой тематике².

Коллектив, занимающийся венгерским народным искусством, поставил своей целью изучение венгерского народного искусства прошлого века. Но вследствие неуклонно растущего интереса к современному народному творчеству в план исследований были включены теоретические и практические вопросы развития нового венгерского народного искусства. Очерки членов коллектива систематически появляются в печати: частично в журналах, частично в серии «Венгерское народное искусство». Коллектив занимается также изучением древних венгерских народных примет. Результатом этой работы является сборник «Венгерские суеверия и обычаи», который должен быть в скором времени издан.

Коллектив, изучающий земледелие и скотоводство в эпоху феодализма и капитализма, включает 12 работников музея, которые составляют самостоятельную группу. Она исследует данные, начиная со второй половины XVIII в. Исследование ведется не только на базе собранного полевого материала, но также и по архивным источникам. Коллективом подготовлен ряд научных статей по частным вопросам этой проблемы.

Коллектив «Матью» занимается исследованием одной из этнических групп Венгрии, а также изучает некоторые общие вопросы этнической истории венгерского народа.

Коллектив по вопросам общей этнографии занимается исследованиями в области национального вопроса, уделяя особое внимание изучению с этнографической точки зрения освободительного движения народов колоний в эпоху империализма.

Библиографический коллектив, по существу являющийся отделом библиотеки музея, работает в двух областях: по библиографии периода 1850—1870 гг. и по библиографии современной литературы (1945—1954).

Сотрудники каталога сказок занимаются обработкой изданных и неизданных венгерских народных сказок, находящихся в нашем рукописном архиве. Большая часть работы уже сделана.

Над этнографическим атласом работа началась только в 1953 г. Задачей первого года было составление анкет, определение пунктов исследования и пробный сбор материала.

Кроме коллективных, в план музея включено много индивидуальных работ, авторы которых исследуют важные вопросы венгерской этнографии. Большинство работников

¹ Подробный анализ изменений в венгерской этнографической науке см. I. Balassi, *Dejiny madarskej narodopisnej vedy 1945—1952*, «Narodopisny Sbornik Slovenskej Akademi Vied» a *Umeni* XI (1952), стр. 381—398.

² Более подробно об этом см. И. Балаша, *Исследование новой культуры и быта в Венгрии*, «Советская этнография», 1954, № 3, стр. 122.

нашего музея занимается также систематической обработкой отдельных музейных материалов; результаты этой работы печатаются на страницах специального сборника. Очерки научных работников музея выходят главным образом в «Ежегоднике» нашего музея и в «Этнографическом бюллетене», вышедшем в 1954 г. объемом в 20 п. л. Музей издает журнал «Этнография», в котором принимает участие ряд сотрудников музея; в 1954 г. он вышел объемом в 40 п. л. Редактор хроники «Акты этнографии», печатающейся на иностранных языках, также является работником нашего музея; объем этого ежегодника — 30 п. л. Вышла серия «Брошюры Этнографического музея»³ и начали выходить «Сборники Этнографического музея»⁴. В 1951 г. мы выпустили серию «Венгерское народное искусство». Кроме того, мы приступили к подготовке серии «Народные костюмы Венгрии», первые выпуски которой хотим издать в следующем году. Работники нашего музея составили также сборник «Венгерское народное декоративное искусство», который вышел сперва на венгерском, а затем на русском, немецком, французском и английском языках; эта работа издана также в Пекине на китайском языке. Кроме перечисленных выше, сотрудники музея подготовили много научно-популярных работ, в том числе указатель по сбору материалов, этнографические вопросы и другие. Они написаны для широкого круга лиц и оказали большую помощь в собирании этнографических материалов. Необходимо упомянуть и издание «Советская этнографическая наука», содержание которого составляют исследования советских этнографов в переводе на венгерский язык, благодаря чему они становятся известными широкому кругу наших научных работников.

4. Просветительная работа

Вскоре после освобождения наш музей включился в работу по организации выставок. Первой открылась в 1946 году Венгеро-Советская выставка, имевшая своей задачей сравнить жизнь двух народов. Наш музей принял участие в выставке, устроенной в 1948 г. в память войны за свободу венгерского народа 1848—1849 гг. В том же году мы устроили две выставки за границей, одну в Софии, а другую в Кракове. Обе выставки были посвящены венгерскому народному искусству и внесли свой вклад в дело укрепления дружбы и культурных связей венгерского народа с болгарским и польским народами.

С 1949 г. число наших выставок все время растет. Впервые после освобождения была создана постоянная выставка, где наряду с венгерскими экспонировались материалы по народному искусству Чехословакии, в первую очередь по истории народного искусства словаков. Выставка «Венгерское гонимое производство» показала его важнейшие центры. Выставка «Жизнь первобытных народов» отразила этапы развития первобытного общества на основе периодизации Энгельса и с учетом результатов работы советских ученых в этой области. Большой интерес вызвала занимавшая два зала выставка «История происхождения и развития плуга», которая впоследствии была превращена в передвижную. В конце 1950 г. мы организовали уже упоминавшуюся выше выставку под названием «Тиссагар», отражающую историю одной деревни за период 1744—1950 гг. Большое место на выставке занимали документы о революционном движении крестьянства и местные памятники Венгерской Советской республики; наконец, при помощи множества фотоснимков и других документов воспроизводились события, происшедшие в Тиссагаре со времени освобождения до 1950 г. Не упуская из виду недостатков выставки, мы все же должны сказать, что это была первая в нашей стране выставка такого характера.

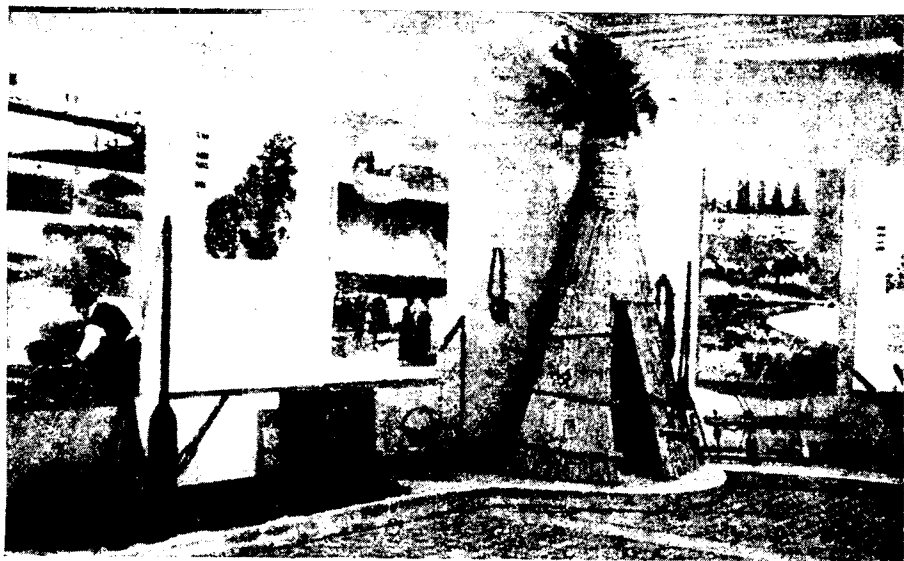
В 1950 г. мы вместе с Восточно-Азиатским музеем организовали выставку «Искусство Кореи». В 1951 г. была открыта выставка, посвященная памяти Лайоша Биро. Эта выставка знакомила не только с жизнью великого ученого, но и с наиболее характерными чертами жизни народов Новой Гвинеи. В 1952 г. была открыта выставка «Резьба пастухов». В этом же году была создана наша передвижная выставка, показанная во многих провинциальных городах и деревнях. Летом 1953 г. мы организовали выставку «Венгерское народное прикладное искусство». В октябре того же года мы открыли в пяти залах и в вестибюле музея выставку «Венгерские народные костюмы», на которой был экспонирован особенно богатый материал: ткани, вышивки, народные костюмы

³ Солнокки Лайош. Прялка шокацев из Этнографического музея; В. Диосзиги. Берестяная посуда у маньчжуро-тунгусов и способы ее изготовления, Будапешт 1950; Манга Янош, Ноградцы, играющие на дудке; И. Балашша, Собрание деревянных вилок Этнографического музея, 1950.

⁴ В этой серии напечатаны: Даясасине Диц Вильма, Старые вышивки. Стежки крестом, 1951; его же, Окаймление подушек стежкой крестом. Шитье буковинских секлеров, 1951; Домановски Дьердь, Керамика в Мезэчате, 1953; Даясасине Диц Вильма, Узоры вышивок из Мезэквешда, 1953; Манга Янош, Задунайский пастух-резчик, 1954. Печатаются: Даясасине Диц Вильма, Вышивки палочков; Роман Янош, Гонимое производство Шарошпатака; Домановски Дьердь, Два Капола — резчики; его же, Дебреценская керамика.

отдельных этнических групп. Экспозиция была построена в историческом разрезе, причем большое внимание было уделено выявлению классовых и профессиональных раз-

Фрагменты экспозиции музея

личий в costume. На выставке экспонировался не только старый венгерский costume, но также и те формы народной одежды, которые широко распространены в наши дни.

В конце 1953 г. была открыта в Москве выставка «Венгерское народное прикладное искусство». Часть материала для нее дал Этнографический музей. В 1954 г. было организовано несколько зарубежных выставок по венгерскому народному искусству; материал их большей частью был также дан Этнографическим музеем, и устраивали их сотрудники Музея. Эти выставки были показаны в Праге, Варшаве, Анкаре, Стамбуле, Берлине, Париже, Пекине, Кантоне, Калькутте и других городах. Сотрудники музея, в первую очередь Венгерского отдела, проделали огромную работу по подготовке всех этих выставок. Они участвовали также в организации почти всех провинциальных этнографических выставок или руководили ими.

Следует упомянуть и небольшие научно-популярные выставки, устраиваемые в офицерских школах и заводских залах культуры.

В течение прошлых лет сотрудники Этнографического музея прочитали много

лекций, частью в собственном здании, частью на заводах. За последние два года Этнографический музей вместе с Венгерским этнографическим обществом провел серию научно-популярных лекций, охватывающих разные области этнографии и народного искусства и пользующихся большим успехом.

5. Связь с практической жизнью

Музей поддерживает тесную связь с трудящимися не только посредством выставок и лекций, но старается включить их в работу по собиранию этнографических материалов. Музей вместе с Институтом народного искусства, опираясь на свою собирательскую сеть, провел силами общественности сбор материалов. Специальные анкеты, многочисленные конкурсы дали серьезные результаты. Чтобы улучшить организацию сбора, издается широко распространяемый бюллетень, закрепляющий связь с провинциальными собирателями. Музей оказывает большую помощь развитию народного творчества, а также создателям текстильных узоров и работникам в области прикладного искусства. При подготовке декораций и костюмов для театральных спектаклей и кинофильмов к нам часто обращаются за советами и помощью. Мы помогаем ансамблям не только материалом по народному танцу и проектированием народных костюмов, но также и музыкальным материалом, имеющимся в нашем отделе народной музыки. Этнографический музей тесно связан со многими областями практической жизни, и эта связь постоянно растет.

Мы знаем, что наряду с достигнутыми успехами у нас еще много недостатков; одним из важнейших является отставание в разработке теоретических вопросов. Сотрудники музея осознают этот недостаток и знают, что продвигаться вперед по пути развития этнографической науки можно только на основе повышения идейно-теоретического уровня нашей работы, в беспощадной борьбе с враждебными нам буржуазными взглядами и их пережитками, в какой бы форме они ни проявлялись. В разрешении этой важнейшей задачи нам обещана помощь со стороны советской научной мысли; эта помощь необходима и желательна как венгерской этнографической науке вообще, так и Этнографическому музею. К сожалению, в Советском Союзе нет ни одного нашего аспиранта, и советские этнографы не побывали у нас в Венгрии. До сих пор венгерские этнографы могли только по книгам изучать достижения советской этнографической науки. Если нам будет оказана обещанная помощь, то ее результатом, мы в этом убеждены, будет значительное улучшение нашей работы.

Иван Балашиа

МАТЕРИАЛЫ ЭКСПЕДИЦИИ ИНСТИТУТА И МУЗЕЯ ЭТНОГРАФИИ БОЛГАРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

Группой научных работников Института и Музея этнографии Болгарской Академии наук в декабре 1952 г. была проведена экспедиция в село Калково Самоковского района, расположенное на левом берегу реки Искра в горной котловине, о которой крестьяне этого края знают по преданию, что она когда-то была озером, и которая в скором времени примет воды водохранилища имени Сталина.

Село Калково развивается под непосредственным хозяйственным и культурным влиянием ближайших городов Софии и Самокова. Сильный толчок к этому развитию дали социально-экономические и политические преобразования, проведенные в стране после 9 сентября 1944 г. Строительство водохранилища имени Сталина, которое приняла новая народная власть в Болгарии, привлекло много калковцев в качестве рабочих. Работая здесь вместе с рабочими из других сел и городов, они становятся одними из главных строителей новой жизни в деревне. Несмотря на состояние ожидания, в котором находится сейчас население, имея в виду предстоящий уход с насиженных мест, новая жизнь в с. Калково стремительно идет вперед и предъявляет свои права.

Быт калковцев претерпевает коренные преобразования. Резко повысился материальный уровень населения, вошли в быт новые предметы деревенского обихода. Необходимые населению продовольственные товары продаются в сельском кооперативе. Всюду в селе горит электрический свет.

Старые привычки и понятия, старые обычаи и обряды постепенно отмирают и уступают место новым. Суеверия сохраняются главным образом среди стариков, которые считают старые обычаи чем-то святым и неизменным. На вопрос, исполняются ли еще старые свадебные обычаи, 60-летняя калковка отвечала: «Сичко се излъгнява! Държи се на това, защо е венчавка — за цел живот... и трябва да се извърши!»¹.

Суеверия стариков, конечно, отчасти передаются и молодым. Некоторые из них все еще придерживаются прежних обрядов и обычаев. Но если внимательно присмотреться к их исполнению, то станет очевидно, что это уже не те старые обычаи, даже не те, которые существовали еще пять лет назад: под напором новой жизни старое

¹ Все должно быть выполнено. Всего этого нужно придерживаться, так как свадьба — это на всю жизнь... и все это нужно непременно проделать!

и ненужное отживает. Чрезвычайно показательно, что калковец, описывая эти старые отмирающие обычаи, заканчивает обычно возгласом, сопровождаемым пренебрежительным жестом: «Деревенские глупости...». Большим и существенным переменам подвергается свадебный обряд. В Калкове уже заключаются гражданские браки. «Убавата»², свадьба, в которой «сичко си върви по редо»³, справляется, действительно, по старой свадебной схеме. Но эта схема изо дня в день сокращается и видоизменяется. Одни обычаи в ней опускаются, другие исполняются по традиции, так как смысл, который когда-то был в них вложен, теперь забыт. Но самое важное это то, что по существу теперешняя свадьба в корне отличается от старой, — теперь она представляет собой заключение свободного, а не принудительного брака. «Сега младите сами се искат. Напред младите сами не се искат. Свекърџо и свекървата коя речат, тая ке е»⁴. В современном браке уже видно отражение социалистической системы, по которой строится новая жизнь в Болгарии. Выходят замуж и женятся не по принуждению и не по материальным соображениям, а по взаимному влечению: калковцы знают, что в социалистической Болгарии личное благосостояние основано на новых принципах. Прежнюю невесту со спущенными на лицо волосами, с опущенной головой и со «срамной» — носовым платком, который невеста держала в руке, когда шла под венец не по собственной воле и желанию, сменила невеста с открытым лицом, без всяких признаков стеснения, чувствуя себя равной своему жениху, которого она сама себе выбрала.

Свадьбы обычно справляют зимой, когда крестьяне свободны от полевых работ. Свадебный цикл значительно сократился. В былые времена свадьба продолжалась целую неделю, а теперь один — два дня (воскресенье — понедельник). Значительно упростилась и обрядность, но многие старые обычаи держатся. Так, в самом начале обряда калковки почтительному не забывают нагибаться, чтобы развязать шнурки ботинок молодоженов. Почему? — Этого они и сами не знают: «Старина останало!»⁵.

Раньше свадебные подарки, которые делались сторонами невесты и жениха, сводились к изделиям из домопканного полотна и из меди, теперь к ним добавляются предметы, характерные для города. В приданое, опять-таки под влиянием города, а также вследствие перемен в домашнем быту, входят простыни, вышитые и вязаные подушки и покрывала.

Отношения молодоженов к куму, куме, свекру, свекрови, тестю и теще не носят уже тех форм утрированной почтительности, которые выражались в низких до земли поклонах молодоженов при прощании их с родителями и при исполнении других свадебных церемоний. Но новые, более свободные отношения, установившиеся в настоящее время, не исключают, конечно, должного уважения к старшим.

Характерно безусловное неодобрение всеми калковцами обычая демонстрации невинности невесты. Ныне этот варварский обычай уже исчез. Налицо, таким образом, проявление новой этики, новой психологии и у старого поколения калковцев.

Несколько слов о народной песне. Старые народные песни, которые поются в с. Калково во время жатвы, на посиделках, хороводные песни и другие, прекрасно отражают жизнь калковцев в прошлом. Многие песни представляют собой высокохудожественные произведения и исполняются с большим искусством. Репертуар песен молодежи значительно отличается от репертуара людей 30-летнего возраста и старше; он состоит большей частью из поэтических произведений, известных всей стране. В большинстве из них сюжет взят из непосредственной действительности или из близкого прошлого. Они отражают желания и стремления молодежи села Калково, так же как и молодежи всей Болгарии, к мирному строительству, к всестороннему подъему экономики и культуры. Часто можно услышать и советские песни. Молодежь поет на собраниях и на вечеринках, которые заменили посиделки. На этих же вечеринках молодежь танцует.

Новое направление в развитии быта и культуры мы констатировали не только у жителей села Калково, но и в других местах: в Варненском, Врачанском и Софийском районах. Социальная и экономическая революция, которая произошла в Болгарии после 9 сентября 1944 г., до основания расшатала все старые понятия, традиции и обычаи у широких трудовых масс болгарского народа. Ускоренным темпом начала формироваться новая прогрессивная культура, рождаются новые идеалы и стремления, новая психология, новое отношение к действительности. Уходят в прошлое темнота и невежество, в которых держала трудовые массы болгарского народа господствовавшая в старой Болгарии фашистская клика. В народно-демократической Болгарии рождается новый человек, свободный творец новой жизни и счастливого будущего.

Цветана Абаджиева

² Настоящая.

³ Все идет так, как полагается.

⁴ Сейчас молодые женятся по собственному выбору. Раньше молодые не женились по выбору: как свекор или свекровь скажут, так и будет.

⁵ Пережитки старины!

МАРК КОНСТАНТИНОВИЧ АЗАДОВСКИЙ

24 ноября 1954 г. в Ленинграде скончался выдающийся советский фольклорист, литературовед и этнограф, профессор Марк Константинович Азадовский.

М. К. Азадовский родился 18 декабря 1888 г. в г. Иркутске. Там же он окончил среднюю школу. Дальнейшее образование он получил на историко-филологическом факультете Петербургского университета под руководством крупнейших филологов того времени — А. А. Шахматова и И. А. Шляпкина. В 1913 г. он был оставлен при университете для подготовки к профессорской деятельности. Тогда же пробуждается у него интерес к этнографии, которой он занимается под руководством Л. Я. Штернберга.

Самостоятельная научно-педагогическая работа М. К. Азадовского широко развернулась в Иркутском государственном университете, где он с 1923 по 1930 г. занимает кафедру русской литературы. Одновременно он ведет большую организационную работу, занимая различные выборные должности в Географическом обществе в качестве члена Центрального бюро краеведения и одного из редакторов «Сибирской живой старины».

В 1930 г. М. К. Азадовский переезжает в Ленинград, где он вплоть до 1949 г. руководит фольклорной работой в Академии наук и читает курс фольклора в университете. В 1938 г. при Ленинградском университете была организована кафедра фольклора, которую М. К. Азадовский возглавлял до 1949 г. Вокруг кафедры создается студенческий актив, работой которого в области собирания и изучения фольклора любовно и внимательно руководит М. К. Азадовский. Человек большого педагогического таланта, требовательный к себе и к другим, М. К. Азадовский сумел воспитать не одно поколение талантливых исследователей. Его многочисленные ученики успешно ведут в настоящее время педагогическую и исследовательскую работу.

В Ленинграде Марк Константинович вел и большую организационную работу. В частности, много сил и внимания он отдавал изданию периодического сборника «Советский фольклор».

За большие научные и педагогические заслуги Советское правительство наградило М. К. Азадовского орденом Трудового Красного знамени, медалями «За оборону Ленинграда» и «За доблестный труд в Великой Отечественной войне».

Научные интересы М. К. Азадовского определялись четырьмя основными линиями: русский фольклор, русская литература XIX в., развитие русской литературы в Сибири, история русской фольклористики. Эти четыре линии представлены в его творческой работе не изолированно, а постоянно переплетаются, образуя некое единство, — в этом своеобразие научной индивидуальности исследователя.

Как выдающийся организатор фольклористической и краеведческой работы, М. К. Азадовский проявил себя уже в Сибири. Им было положено начало систематическому и углубленному исследованию народно-поэтического творчества русского старожильского населения Сибири. К собирательской работе он приступил в 1913 г., избрав объектом фольклористического обследования районы работ прежних этнографов-путешественников — Ровинского, Шапова, Максимова, наблюдения и выводы которых, сводившиеся к отрицанию сколько-нибудь значительной фольклорной традиции в Сибири, оказали отрицательное воздействие на изучение русского фольклора Сибири. Вот почему М. К. Азадовскому представлялись чрезвычайно существенными проверка на месте их выводов и выяснение методов их работы. В 1913 и 1914 гг. им был осуществлен ряд поездок по Амуру, где, вопреки утверждениям своих предшественников, он обнаружил богатейшую песенную традицию. Еще более плодотворной оказалась поездка 1915 г. в верховья Лены. Здесь М. К. Азадовскому удалось выявить великолепно сохранившуюся обрядовую поэзию, установить следы еще сравнительно недавней эпической традиции и обнаружить значительные сказочные богатства. Здесь произошла его встреча с Н. О. Винокуровой, сказки которой по праву отнесены советской наукой к лучшим образцам искусства русских сказителей.

В советское время М. К. Азадовским был предпринят ряд новых изысканий в области сказочного эпоса. В 1925 и 1927 гг. он посетил Туинский край, где ему удалось обнаружить превосходного сказочника Е. И. Сорокичкова (Магая), творчество которого надолго сделалось предметом специального изучения. Одновременно под руководством М. К. Азадовского к систематическому изучению русской сибирской сказки приступили Восточно-Сибирское отделение Русского географического общества и Иркутский государственный университет. Силами учеников М. К. Азадовского был собран богатейший материал, легший в основу известного сборника «Сказки из разных мест Сибири» (Иркутск, 1928), введший в галерею русских сказителей новых замечательных мастеров (Симона Скобелина, Антона Кошкаркова). Накопленный М. К. Азадовским богатый собирательский опыт изложен им в живо написанной книге «Беседы собирателя», долго остававшейся одним из основных методических руководств в советской собирательской практике.

Большое внимание уделял М. К. Азадовский библиографическим изысканиям в области этнографии Сибири. В редактировавшемся им журнале «Сибирская живая старина» и в других изданиях он опубликовал ряд библиографических обзоров, ценных, в частности, тем, что в них сконцентрированы сведения о многочисленных материалах, разбросанных по страницам отдельных периодических изданий.

К сибирским темам М. К. Азадовский неоднократно возвращался и позже. Особенно примечательны его «Очерки литературы и культуры Сибири» (Иркутск, 1947), которые сам автор скромно рассматривал как слабую попытку «уплаты своего долга воспитавшему его родному краю».

Опубликованные М. К. Азадовским исследования по русско-сибирскому фольклору, помимо их краеведческого значения, имеют большой теоретический интерес. Первый большой его сборник «Ленские причитания» (Чита, 1922) явился одним из первых крупных изданий этого вида народного творчества. Наиболее же важное фактическое и методологическое значение имел его сборник «Сказки Верхнеленского края», выдержавший несколько изданий на русском и иностранных языках. Обе эти публикации являются образцовыми не только по тщательности методов собирания и записи, но и по характеру комментария и всего исследовательского аппарата. Они сопровождаются обширными исследованиями, в которых неизменно проводится единая линия, направленная к вскрытию процессов, совершающихся в современном фольклоре, к показу творческой жизни фольклора в его связях с современностью. Вместо прежнего узкобиографического или этнографического плана изучения в них поставлен вопрос о художественной индивидуальности сказителя, о соотношении его с социальной средой, о законах народной эстетики и т. п.

В работах М. К. Азадовского не только исследуется современный русский фольклор, но и пропагандируется его художественная ценность, раскрывается изумительное мастерство русских народных художников слова. Его антология «Русская сказка. Избранные мастера» является примером подлинно научного и вместе с тем популярного издания, рассчитанного на широкий круг читателей. Такова же его книга «Сказки Магая» (Л., 1940). Издание это имеет и особый научный интерес, ибо в нем применен новый метод записи и публикации — параллельное воспроизведение одного и того же сюжета, записанного от сказочника несколько раз на протяжении ряда лет, что дало ценнейший материал для уяснения творческого метода сказителя.

Особо следует отметить деятельность М. К. Азадовского по переизданию памятников классического наследия прошлого. Изданные им совместно с Н. П. Андреевым и Ю. М. Соколовым «Русские народные сказки» Афанасьева предстали перед советским читателем в совершенно новом освещении и вместе с тем являют собой образец критического издания фольклорных текстов. Присущее М. К. Азадовскому понимание фольклора как живого неиссякаемого творческого источника обусловило его неизменный интерес к проблемам и тематике советского фольклора. Его выступления в печати по вопросам советского фольклора сыграли в свое время важную роль. Он явился, в частности, одним из первых организаторов изучения фольклора Великой Отечественной войны.

Не менее характерны для научного пути М. К. Азадовского и его литературоведческие интересы. Ряд работ М. К. Азадовского посвящен творчеству поэтов начала прошлого века (Пушкин, Языков, Ершов, Лермонтов и др.), писателей-декабристов, Тургеневу, Короленко, Омулевскому, писателям-сибирякам. В своей совокупности исследования М. К. Азадовского по русской литературе охватывают почти весь XIX век и подводят автора к широко задуманной концепции развития русской литературы, русской общественной и научной мысли. Вскрывая литературное значение писателя, М. К. Азадовский включал его в линию общелитературного развития, устанавливал ту литературную традицию, которая его создала и воспитала. Результаты этих работ прочно вошли в наше литературоведение.

Синтезом фольклорных и историко-литературных интересов М. К. Азадовского является основной труд его жизни «История русской фольклористики».

Эта работа по содержанию гораздо шире своего названия, так как история русской науки о народном творчестве рассматривается в ней в связи с историей русской общественной мысли и русской литературы. Основная проблема труда — история понимания народности и народного творчества на разных этапах развития русского общества. Большое внимание уделено в нем пониманию народного творчества, его роли и значе-

ния ведущими русскими писателями, критиками и общественными деятелями — Радищевым, декабристами, Пушкиным, Белинским, Добролюбовым, Герценом, Огаревым, Чернышевским и другими. В работе дается развернутая критика реакционных антидемократических течений в западноевропейской и русской фольклористике, отрицавших самостоятельность народного творчества. История русской фольклористики показана в труде М. К. Азадовского в широкой рамке общеевропейской литературной и научной жизни XVIII—XIX вв. Часть этого большого историографического труда была опубликована в свое время М. К. Азадовским в отдельных очерках и статьях, которые положили начало изучению революционной демократической фольклористики и твердо вошли в наш научный и учебный обиход.

Наряду с этим некоторые работы М. К. Азадовского не были свободны от серьезных ошибок. Так, например, переоценивая научные заслуги А. Н. Веселовского, он ошибочно связывал его положения со взглядами революционных демократов на литературный процесс. Со свойственной ему принципиальностью и прямоотой М. К. Азадовский принял критику своих ошибок со стороны советской общественности и пересмотрел некоторые устаревшие и ошибочные свои утверждения.

В последние годы своей жизни М. К. Азадовский много и упорно работал над вопросами историографии. Многие положения своего труда он продумал и пересмотрел заново в свете поднятых партийной и советской печатью коренных проблем советского литературоведения. В результате им были подготовлены к печати «Очерки по истории фольклористики XVIII — первой половины XIX века», намеченные в ближайшее время к изданию.

Перу М. К. Азадовского принадлежат также главы по историографии русского фольклора в недавно вышедшем коллективном учебном пособии «Русское народное поэтическое творчество» (М., 1954).

М. К. Азадовский является одним из крупнейших исследователей декабристского движения и творчества декабристов. Итогом его многолетней работы в этой области является обширный обзор «Затерянные и утраченные произведения декабристов», напечатанный в «Литературном наследстве» (т. 59, 1954) и получивший высокую оценку в печати.

Деятельность М. К. Азадовского в целом составляет большую главу в истории советской науки о фольклоре. Научное значение его работ высоко оценено как советской, так и зарубежной наукой; в частности большое внимание уделяли его трудам славянские фольклористы. Богатейший фактический материал, острота постановки ряда важнейших проблем, тонкость анализа, присущая работам М. К. Азадовского, заставляют и в дальнейшем обращаться к ним советских фольклористов и литературоведов.

В. Ю. Крупянская, Э. В. Померанцева

Список основных печатных работ М. К. Азадовского *

Ленские причитания, Чита, 1922.

Беседы собирателя. О собирании и записывании памятников устного творчества применительно к Сибири, Иркутск, 1924; 2-е изд., 1925.

Сказки Верхнеленского края, вып. 1, Иркутск, ВСОРГО, XIV, 1925. (Первоначально в «Сибирской живой старине», вып. II—IV).

Верхнеленские сказки, Иркутск, 1938.

Поэтика гиблого места (В. Короленко), «Сибирские огни», 1, 1927, стр. 138—158.

Сказки из разных мест Сибири. Пред. и ред. М. К. Азадовского, Иркутск, 1928.

Воспоминания Бестужевых. Вступ. статья, коммент. и ред. М. К. Азадовского, М., 1931.

Воспоминания Бестужевых, Ред., статья и коммент. М. К. Азадовского, М.—Л., 1951.

Русская сказка. Избранные мастера, I—II, М.—Л., 1932.

Н. М. Языков. Полное собрание стихотворений. Вступит. статья, коммент. и ред. М. К. Азадовского, Л., 1934.

Н. М. Языков, Собрание стихотворений, «Библиотека поэта», М., 1948.

П. Ершов. Конек-Горбунок. Подготовка текста, предисл. и прим. М. К. Азадовского, Л. «Academia», 1935.

Добролюбов и русская фольклористика, «Изв. Академии наук СССР, Отд. обществ. наук», I—II, Л., 1936.

Народные русские сказки А. Н. Афанасьева. Под ред. М. К. Азадовского, Н. П. Андреева, Ю. М. Соколова, т. I, 1936; т. II, 1938; т. III, 1940.

Литература и фольклор. Очерки и этюды, Л., 1938.

* Полный список печатных работ М. К. Азадовского, составленный в связи с 30-летием его научной деятельности, опубликован в специальном издании «Библиография М. К. Азадовского, 1913—1943». Составила Н. С. Бер под общ. ред. проф. В. Д. Кудрявцева, Иркутск, 1944. Новое издание, проверенное и дополненное последними трудами покойного исследователя, публикуется во II декабристском томе «Литературного наследства».

Русская революционная поэзия XIX века. Отд. II, Народная поэзия. Комм. и ред. М. К. Азадовского, Л., 1938.

Новый фольклор, «Советский фольклор», Сб. статей фольклорной секции Ленингр. отдел. Союза Советских писателей, Л., 1939.

Сказки Магая (Е. И. Сорокиной). Записи Л. Элиасова и М. Азадовского. Под общ. ред. и со вступит. статьей М. Азадовского, Л., 1940.

Фольклоризм Лермонтова, «Литературное наследство», т. 39—41, Л., 1941.

Н. Г. Чернышевский в истории русской фольклористики, «Ученые записки Ленингр. гос. ун-та, сер. филол. наук», XII, 1941.

Декабристская фольклористика, «Вестник Ленингр. ун-та», Л., 1948, № 1.

Народная песня в концепциях русских революционных просветителей 40-х годов, «Изв. АН СССР, Отд. литер. и яз.», 1950, вып. 6.

«Певцы» И. С. Тургенева, «Изв. АН СССР, Отд. литер. и яз.», 1954, вып. 2.

Затерянные и утраченные произведения декабристов, «Литературное наследство», т. 59, 1954.

Из истории развития русской фольклористики, «Русское народное поэтическое творчество». Пособие для вузов. Под общ. ред. П. Г. Богатырева, М., 1954.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

ОБЩАЯ ЭТНОГРАФИЯ И АНТРОПОЛОГИЯ

G. H. R. van Koenigswald. *Gigantopithecus blacki van Koenigswald, A giant fossil hominid from the Pleistocene of Southern China*. *Anthrop. Papers Amer. Mus. Natur. Hist.*, vol. 43, part. 4, 295—325, No. 1, 1952.

Рецензируемая работа посвящена одной из интереснейших форм ископаемых приматов — блэковскому гигантопитеку, известному ученым по четырем коренным зубам, приобретенным голландским геологом Р. Кенигсвальдом в китайских лавках медицинских снадобий в Гонконге и Кантоне. Интерес, который вызывает эта небольшая по объему книжка (в ней около 30 стр.), особенно понятен в свете имевшихся ранее сведений о гигантопитеке.

Около двадцати лет назад в систематике приматов появился новый ископаемый вид — *Gigantopithecus blacki*. Огромные размеры зубов этого существа, при весьма большом сходстве их с человеческими и в то же время существенных отличиях от зубов современных и известных ископаемых антропоидов, привлекли внимание палеантропологов. Гигантопитеку было посвящено много работ, в которых делались попытки раскрыть его природу и определить его место в филогенетическом древе приматов. Наибольший интерес вызвала монография крупнейшего американского палеантрополога Ф. Вейденрейха, изданная в 1945 г.¹ В этой работе, содержащей материалы по гигантским высшим приматам, Вейденрейх не только дал обстоятельное сравнительно-морфологическое описание зубов гигантопитека, но и предложил свою теорию, раскрывающую, по его мнению, значение открытия гигантопитека для понимания эволюционного развития гоминид. Вейденрейх полагал, что ранний период эволюции человечества характеризовался наличием исходных гигантских предковых форм, примером которых и является гигантопитек, представляющий собой древнейшего гоминида Юго-Восточной Азии. В дальнейшем путем уменьшения размеров тела с одновременным абсолютным и относительным увеличением головного мозга гигантские гоминиды дали начало древнейшим людям типа питекантропа или синантропа, которые в свою очередь явились предковыми формами для палеантропов и современного человека. Указанные выше процессы эволюционного преобразования тела и мозга гоминид происходили, по убеждению Вейденрейха, независимо от внешней среды, в силу внутренних причин развития, присущих организмам.

Идеалистические взгляды Вейденрейха, проповедывавшего принципы ортогенетической (изначально направленной) эволюции, так же как и основанные на этих принципах его представления о полицентрическом возникновении основных человеческих рас, получившие одобрение многих зарубежных антропологов, подверглись серьезной и обстоятельной критике в работах советских исследователей². В этих работах опровергалось, в частности, одно из основных утверждений Вейденрейха, что блэковский гигантопитек является гоминидом, а не антропоидом.

Понятно, что каждая новая научная публикация о гигантопитеке, подобная работе Р. Кенигсвальда, должна привлечь внимание всех исследователей, интересующихся

¹ F. Weidenreich. Giant early man from Java and South China, *Anthrop. Papers Amer. Mus. Nat. Hist.*, vol. 40, part. I, No. 1, 1945.

² М. Ф. Нестурх. Обезьянолюди и их отношение к прочим ископаемым гоминидам. Учен. записки МГУ, вып. 115, Труды Музея антропологии, 1948; Я. Я. Рогинский. Новые теории происхождения человека. Стеногр. публ. лекций Всес. об-ва по распростр. полит. и научн. знаний, 1948; Его же. Теория моноцентризма и полицентризма в проблеме происхождения современного человека и его рас. Изд. МГУ, 1949; В. П. Якимов. Гигантские ископаемые антропоиды, «Природа», 1947, № 12; Его же. Ранние стадии антропогенеза, сб. «Происхождение человека и древнее расселение человечества», Тр. Ин-та этнографии, т. XVI, 1951.

проблемами антропогенеза. Кенигсвальд не только открыватель своеобразной ископаемой формы приматов, но и геолог, много лет занимающийся палеонтологией Южной Азии. Следует отметить, что Р. Кенигсвальд много лет работал в тесном контакте с Вейденрейхом.

Работа Кенигсвальда, вышедшая в той же серии «Антропологических статей Американского музея естественной истории», где была опубликована и монография Вейденрейха, содержит краткий исторический очерк открытия находок, обоснование их геологической датировки путем анализа сопровождающей фауны в соответствии с геологической периодизацией и сравнительно-морфологическое описание материала. Привлекает внимание сообщение автора работы о том, что ему удалось обнаружить новые зубы, которые могут принадлежать гигантопитеку.

Просмотрев внимательно всю составленную им большую коллекцию зубов ископаемых антропоидов, добытых из отложений южных провинций Китая, Кенигсвальд пришел к заключению, что к гигантопитеку, помимо ранее обнаруженных четырех коренных зубов (один верхний и три нижних), вероятно, могут быть отнесены также средний верхний резец (фрагмент), два нижних предкоренных зуба (вторые, правый и левый) и верхний клык (приобретен в Бандунге в 1938 г.). Это доказывается их величиной, характером фоссилизации, что выражается также в окраске эмали, сходным заполнением внутренней полости зубов и некоторыми другими признаками. Все эти зубы крупнее зубов современных антропоидов. Клык характеризуется относительно небольшой величиной, а главное почти прямой линией, которую образуют оси его корня и коронки. Так как у современных взрослых антропоидов коронка клыков по отношению к корню наклонена вперед, указанная выше особенность строения клыка, приписываемого гигантопитеку, может свидетельствовать об отсутствии или о слабом развитии у этого примата прогнатизма (стр. 316).

Морфологический анализ строения зубов гигантопитека приводит автора к подтверждению делавшихся и ранее заключений о большой близости этого гигантского примата к человеку и о его отличии от современных и ископаемых антропоидов. Гигантопитек сближается с человеком по строению жевательной поверхности зубов, что проявляется не только в общем расположении бугорков и основных борозд между ними, но и в ряде относительно небольших деталей их строения. Коренные зубы гигантопитека и человека сходны также по плоскому типу жевательной поверхности и по тенденции к увеличению высоты коронки. Кенигсвальд утверждает, что сходство настолько велико, что увеличенные коренные зубы человека нетрудно принять за зубы гигантопитека (стр. 318). Однако наряду с подобными чертами сходства автор подчеркивает и признаки морфологического своеобразия в строении зубов гигантопитека, определяющих, с одной стороны, примитивность, а с другой — значительную специализацию этого примата. К числу примитивных признаков Кенигсвальд относит большую длину нижних коренных зубов, почти неизменный «дриопитековый узор» рельефа жевательной поверхности коронок, присутствие шестого бугорка, наличие двух широко разделенных корней на нижних коренных зубах. К признакам специализации относится большая, чем у антропоидов и человека, относительная высота коронок коренных зубов (высокая степень гипсидонтии), своеобразная форма жевательных бугорков, внутренние плоские поверхности которых отделены глубокими узкими щелеобразными бороздами. Полностью отсутствует поясок (цингулум); язычная поверхность верхних коренных зубов плоская, а не выпуклая, как у человека. Коренные зубы гигантопитека, сходные с коренными зубами человека по рисунку жевательной поверхности и по некоторым другим признакам, отличаются от последних целым рядом существенных признаков специализации.

Кенигсвальд отмечает, что эти особенности строения зубов гигантопитека были недооценены Вейденрейхом при морфологической характеристике этого примата (стр. 321).

Главнейшим выводом Кенигсвальда из проведенного им сравнительного изучения строения зубов гигантопитека является отрицание основного положения Вейденрейха, что гигантопитек был одним из предков современного человека (стр. 319, 323).

Этот вывод подкрепляется геологическими данными и связанным с ними анализом ископаемой фауны (стр. 301—308, 319). Кенигсвальд совершенно правильно указывает на важность геологических данных при решении филогенетических взаимоотношений между ископаемыми формами и при этом отмечает, что эти данные часто легко опускаются морфологами (стр. 295). Справедливый, хотя и косвенный упрек в адрес Вейденрейха. На отсутствие у последнего обоснованной геологической датировки гигантопитека уже указывалось советскими авторами³.

Исходя из априорно выставленных «теоретических» положений о гигантских предках человека и основываясь только на морфологии, Вейденрейх поместил гигантопитека в более ранний геологический период. Приводимые Кенигсвальдом материалы геологии и палеозоологии совершенно очевидно датируют близкого гигантопитека ранним периодом среднего плейстоцена, а не плиоценом, как полагал Вейденрейх. Это весьма важный факт для понимания филогенетических отношений этого гигантского примата с древнейшими гоминидами. Гигантопитек оказывается современником, а никак не предшественником древнейших гоминид типа явского питекантропа или китайского синантро-

³ Я. Я. Рогинский. Новые теории происхождения человека; В. П. Якимов. Ранние стадии антропогенеза.

на. Этот вывод находит свое подтверждение в палеантропологических данных, приводимых Кенигсвальдом.

Среди приобретенных им ископаемых зубов Кенигсвальд обнаружил нижний первый предкоренной и верхний первый коренной зубы, несомненно человеческого строения, сходные с соответствующими зубами синантропа. Однако есть и отличия. Вновь обнаруженные зубы несколько крупнее, чем зубы синантропа, и отличаются более простым рисунком жевательной поверхности. На переднем углу коронки предкоренного зуба имеется пояс, коренной зуб имеет дополнительный бугорок. По мнению Кенигсвальда, эти зубы принадлежали другому виду синантропов — *Sinanthropus officinalis*, жившему в Южном Китае одновременно с гигантопитеком. Предположение Кенигсвальда о существовании на юге Китая древнейших людей, сходных с синантропом, не может вызвать возражений, так как в печати уже были сообщения о находках древних человеческих зубов, близких к зубам синантропа в Северном Индо-Китае⁴, т. е. на территории, весьма близкой к южным областям Китая, откуда происходят зубы *Sinanthropus officinalis*. Эти данные только свидетельствуют о широком ареале обитания древнейших людей Юго-Восточной Азии. Весьма возможно, что именно южнокитайские древнейшие гоминиды явились причиной исчезновения гигантских ископаемых антропоидов, как это допускали некоторые светские исследователи⁵.

Значительный интерес представляет сообщение автора рецензируемой работы об обнаружении им зубов ископаемых антропоидов, наиболее, по его мнению, сходных с зубами австралопитеков Южной Африки (стр. 309).

Эти зубы, отличающиеся весьма простым рисунком рельефа жевательной поверхности, много больше зубов синантропа, но меньше зубов гигантопитека. Если последующее подробное исследование зубов подтвердит это весьма предварительное заключение, чрезвычайно расширится представление об этой своеобразной группе ископаемых антропоидов, живших на рубеже третичного и четвертичного периодов. В связи с этим не лишена интереса постановка Кенигсвальдом вопроса об азиатском происхождении группы австралопитековых обезьян (стр. 322).

Не вызывают возражений общие выводы Кенигсвальда о том, что гигантопитек, как и австралопитеки Южной Африки, является представителем боковой специализированной ветви гоминидной линии эволюции (стр. 322).

В качестве предковой формы для среднеплейстоценового гигантопитека Кенигсвальд считает гигантского индопитека — крупного антропоида, ранее известного под названием гигантского дриопитека, несколько зубов которого были обнаружены в среднеплиоценовых отложениях Сиваликских холмов в Индии. По мнению исследователя, в течение длительного времени, разделявшего обе ископаемые формы приматов, менее специализированные зубы индопитека могли преобразовываться в высокоспециализированные зубы блэковского гигантопитека (стр. 321). Можно допустить, что параллельно происходил и процесс эволюционного увеличения размеров тела — один из естественных путей морфобиологического приспособления животных организмов к окружающей среде.

В заключение обзора необходимо отметить, что работа Кенигсвальда о гигантопитеке, несмотря на то, что в ней нет больших теоретических выводов, нет анализа факторов эволюции позднетретичных и раннечетвертичных антропоидов, представляет интерес как конкретное исследование, до некоторой степени раскрывающее загадочную природу этого антропоида, обитавшего в Южной Азии в начале четвертичного периода. Основная же ценность этой работы заключается в том, что содержащийся в ней фактический материал подрывает основы так называемой гигантоидной «теории» антропогенеза — одной из новейших попыток идеалистического решения проблемы происхождения человека.

В. П. Якимов

НАРОДЫ СССР

Русское народное поэтическое творчество. Пособие для вузов. Под общей редакцией профессора П. Г. Богатырева. Учпедгиз, М., 1954.

Выход в свет нового учебного пособия по русскому народно-поэтическому творчеству для вузов — заметное событие в советской фольклористике и в жизни высшей школы.

Создание полноценного учебника, в котором были бы обобщены и изложены в необходимой системе новейшие достижения науки, выходит далеко за пределы задач чисто педагогического порядка. Добросовестно, со знанием дела составленный учебник всегда отражает — в большей или меньшей степени — положение дел в данной отрасли науки; он позволяет в значительной мере верно судить о достижениях и недостатках в разработке основных теоретических проблем, дает возможность представить движение научной мысли, увидеть перспективы этого движения.

⁴ A. Brodrick. Early man, 1948.

⁵ М. Ф. Нестурх. Обезьянолюди и их отношение к прочим ископаемым гоминидам; В. П. Якимов. Ранние стадии антропогенеза.

Рецензируемая книга принадлежит как раз к учебным пособиям такого рода. Она создана коллективом фольклористов, в большинстве своем много и плодотворно работающих в советской науке. Она суммирует некоторые основные итоги большого и сложного пути, пройденного советской фольклористикой. Она выгодно отличается рядом несомненных достоинств от существовавших до сих пор у нас учебных пособий.

Долгое время основным вузовским учебником по русскому фольклору была книга Ю. М. Соколова. Вышедшая первым изданием в 1938 г., она сыграла большую роль в развитии науки о народном творчестве и в вузовском преподавании. Ныне же эта книга устарела и представляет известный интерес главным образом как работа, в которой запечатлен важный этап в развитии советской фольклористики; не утратив ценности и собранный в ней большой фактический материал.

Вышедшая новая книга заполняет существенный пробел в учебной и научной литературе по русскому фольклору. В какой степени отвечает она возросшим научно-педагогическим требованиям?

Первые ее разделы, посвященные общим теоретическим проблемам народного творчества, охватывают обширный круг вопросов. Введение (автор П. Г. Богатырев) сосредоточивает основное внимание на разъяснении сложных проблем, связанных с природой, сущностью и спецификой фольклора. Специальные главы посвящены раскрытию общего значения народной поэзии, выяснению основных идейно-художественных качеств русского фольклора. Здесь делается попытка раскрыть категорию коллективности как определяющую особенность фольклора. Специальные разделы посвящены темам: «Маркс, Энгельс, Ленин и Сталин о народном поэтическом творчестве» и «Роль решительной партии и правительства в развитии советского фольклора» (автор Е. И. Василенко).

Вводные главы свободны от тех многих принципиальных ошибок и заблуждений, которые еще недавно были распространены в советской фольклористике и проявлялись в практике преподавания. Они верно ориентируют студента в понимании некоторых коренных проблем науки. Однако мы вправе требовать от автора введения в ряде случаев большей ясности и четкости в освещении методологических вопросов, большей остроты и глубины в разработке важных тем. Так, в введении правильно подчеркивается, что при изучении фольклорного наследия необходимо подходить к нему с позиций ленинского учения о двух культурах в каждой национальной культуре досоциалистического общества. Однако верный тезис о том, что в прошлом наряду с фольклором, как творчеством подлинно народных, существовали различные виды словесности, выражавшие идеологию господствующих классов, конкретизируется в введении очень неточно (стр. 4). Отдельные важные темы введения даны описательно, а иногда — декларативно. На стр. 7—8, говоря об отражении труда в русском народном творчестве, автор смешивает разные по существу проблемы: трудовые основы происхождения фольклора, вопрос о непосредственных связях отдельных явлений народной поэзии с потребностями трудового коллектива и тему труда в народном творчестве. Утверждение о реалистическом характере русского фольклора не нашло должной конкретизации. К сожалению, ни введение, ни главы, посвященные отдельным жанрам, не показывают, как же реализм — художественный метод — получает свое специфическое воплощение в фольклоре на разных этапах его истории. В главе о взаимном влиянии литературы и фольклора (стр. 15—18) приводится много конкретных фактов, но чрезвычайно важные вопросы о характере исторически сложившихся взаимоотношений литературы и фольклора, о роли народной поэзии в развитии русской классической и советской литературы, об острой борьбе, происходившей вокруг фольклора, — не поставлены. В введении недостаточно использованы классические ленинские положения о противоречиях в идеологии русского крестьянства.

Одна из лучших глав книги — «Из истории развития русской фольклористики» написана крупнейшим знатоком вопросов историографии народного творчества покойным М. К. Азадовским (автором разделов «Буржуазные школы в русской фольклористике и борьба с ними» и «Горький о фольклоре» является Ю. Н. Сидорова). Впервые в научной и учебной литературе здесь дано научно правильное представление о формировании и развитии русской фольклористики, свободное от пережитков буржуазного объективизма, влияний теории «единого потока» и некритического отношения к идеалистической западноевропейской науке. История русской фольклористики раскрывается как история непрерывной борьбы прогрессивного направления, представленного именами Ломоносова, Радищева, декабристов, Пушкина, революционных демократов Горького, против реакционных дворянско-буржуазных течений. Ю. Н. Сидоровой следовало бы суммировать выводы об основных идейно-методологических пороках, присущих всем школам и направлениям дворянско-буржуазной науки: антиисторизме, отрыве фольклора от реальной жизни и классовой борьбы народа, архаизации народной словесности, непониманию ее художественной природы. Явно ослаблена критика исторической школы. Не может не вызвать удивления отсутствие очерка истории советской фольклористики.

Раздел «Русское народно-поэтическое творчество до Великой Октябрьской социалистической революции» строится в книге не по историческим периодам, как это предлагают делать вузовские программы последних лет, а по жанрам. Расхождения с требованиями программ имеют в данном случае серьезные основания. Дело не только в том, что пока работа по созданию научной истории русского фольклора не завершена, не

может появиться и соответствующий учебник. Изложение учебного курса по жанрам обеспечивает студентам глубокое и творческое усвоение огромного и сложного материала. Наиболее целесообразным в вузовской практике большинство ученых и педагогов ныне признает вздумчивое сочетание жанрового принципа с элементами истории фольклора. К сожалению, в рецензируемой книге мы видим лишь попытки реализации этих требований. Авторы ее стремятся преодолеть традиционный подход к фольклорным жанрам как застывшим и неподвижным формам, они пытаются рассматривать жанры в их становлении и развитии, связывая эти процессы с изменениями в самой жизни народа, в его мировоззрении и художественном сознании. Содержательны и насыщены материалом, ценны в теоретическом отношении главы о календарной поэзии и обряде (автор В. И. Чичеров), загадках (автор И. М. Колесническая), сказках (автор Э. В. Померанцева), народном театре (автор В. Ю. Крупянская), об устно-поэтическом творчестве фабрично-заводских рабочих (автор А. Л. Дымшиц).

Однако очевидны и серьезные недочеты этого важного раздела книги. Одним из них является отсутствие итоговой (или вводной) главы, которая давала хотя бы сжатый очерк истории русского классического фольклора, обозревала бы его в целом, в ведущих линиях его развития. Главы, посвященные отдельным жанрам, оказались мало связанными между собой, они не вытекают одна из другой и не продолжают одна другую. В результате в столь важном разделе отсутствует какая-либо цельная концепция.

В ряде случаев принцип исторического рассмотрения жанра осуществляется непоследовательно. Так, в главе о былинах (автор П. Д. Ухов) на стр. 260—270 говорится об основных этапах развития былинного творчества. В дальнейшем же разборе идейно-художественных особенностей отдельных былинных циклов и сюжетов нет конкретно-исторического подхода. В самой общей форме характеризуются исторические сдвиги в жанрах свадобных плачей (стр. 182). Очень слабо раскрыты пути исторического развития народной лирической песни (стр. 326—327, автор А. М. Новикова). Без должных оснований расширено понятие о жанре русских исторических песен (автор В. К. Соколова), в который включены песни рабочих конца XIX—начала XX в.— явление совершенно новое в русском фольклоре, не связанное с традициями исторической песни. Этот недостаток книги еще раз напоминает советским фольклористам о насущной необходимости широкой работы над созданием подлинно научной истории как русского фольклора в целом, так и его отдельных жанров.

Вторым существенным недочетом, присущим разделу классического фольклора, является слабая разработка вопросов художественной природы и специфики жанров. В ряде случаев характеристика поэтических особенностей жанра выделяется в специальные параграфы и дается чисто описательно, вне исторического движения. Много внимания уделяется самостоятельному рассмотрению отдельных приемов и средств, характерных для того или иного жанра, но художественная форма их как целое анализируется совершенно недостаточно. Книга заставляет сделать тревожный вывод, что в понимании и в исследовании основ и конкретных явлений художественности фольклора, его образной системы за последние годы нового сделано очень мало.

Характеристика жанров со стороны их содержания, идейной направленности, основного состава, центральных образов, роли в народной жизни в большинстве случаев дана четко и полно. Но и здесь есть отдельные упущения, встречаются формулировки, вызывающие возражения. Не все авторы одинаково успешно справились с трудной задачей определения сущности того или иного жанра. Требуется, например, большей конкретизации определение сказки как поэтического вымысла (стр. 229). На стр. 291 исторические песни определяются как «песни, говорящие об определенных исторических событиях и конкретных исторических лицах». Конечно, это существенный признак жанра, но не единственный: ведь дело не только в том, о чем говорят песни, но и в том, как раскрывают они явления жизни. В книге не даны по существу определения былин и лирических песен. Конечно, дать четко сформулированные определения жанров — задача подчас очень трудная. Но в учебном пособии совершенно необходимы характеристики основных признаков того или иного жанра, которые могли бы заменить определения.

Важнейший вопрос — о коллективной природе фольклора — слабо разработан в нашей науке. Естественно, что это сказалось и в разбираемой книге. Однако нельзя признать правильным, что авторы глав об отдельных жанрах даже не пытаются ставить этот вопрос. Читатель не найдет в книге попыток ответить на вопрос о том, как создавались в прошлом произведения народного творчества, какими основными закономерностями отличались процессы складывания русских сказок, былин, песен. Пытается дать такой ответ М. О. Шахнович в главе о пословицах, но делает это он совсем неудачно. М. О. Шахнович утверждает, что «каждая пословица когда-то была сочинена определенным лицом, но имя его осталось неизвестным» (стр. 196). Здесь от понятия коллективности не остается и следа.

Последний раздел книги посвящен русскому советскому народно-поэтическому творчеству (авторы В. Ю. Крупянская и С. И. Минц). Раздел этот построен по историческим периодам, в нем сосредоточен большой и разнообразный материал. Авторы прослеживают развитие советского народно-поэтического творчества в целом и в отдельных его явлениях, широко показывают богатство новых идей, образов, со вкусом подбирая художественные тексты.

В понимании основных вопросов сущности, специфики и качественных особенностей народного творчества советской эпохи авторы раздела стоят, на наш взгляд, в общем на верных позициях, разделяемых большинством советских фольклористов. Подчеркивая коренные перемены, происшедшие в судьбах фольклора после победы Великой Октябрьской социалистической революции, справедливо указывая на идейно-политическое единство советской устной поэзии и литературы, В. Ю. Крупянская и С. И. Милиц в то же время определяют советский фольклор как художественное явление, которое имеет свою специфику, которое не уничтожается и не исчезает с ликвидацией антагонистических классов в нашей стране, но продолжает жить и развиваться.

Однако эти общие положения, изложенные в начале раздела, не получают в дальнейшем столь же последовательно четкого развития и подтверждения. Больше того, анализ конкретного материала нередко вступает в противоречие с методологическими установками авторов. Конечно, ни с точки зрения принципиальной, ни с точки зрения методической нельзя отрывать рассмотрение истории советского фольклора от истории близких явлений советской литературы и профессионального музыкального искусства (массовая песня и др.). Но в книге эти два ряда явлений подчас смешиваются, произведение литературы и профессиональной музыки привлекаются для характеристики собственно фольклорных процессов. Даже при внимательном чтении отдельных глав нелегко подчас различить, где же кончается литература и начинается народное творчество.

Рассматриваемая книга в этом отношении разделяет в известной мере недостаток присущий большинству современных работ по вопросам советского фольклора.

Последнее замечание, относящееся ко всей книге в целом, касается библиографии. Здесь нет столь необходимого указателя рекомендованной литературы (по темам или в целом «по курсу»). Многочисленные библиографические ссылки в тексте часто случайны, в результате чего в книге не упоминается ряд ценных и нужных для студента исследований, зато названы многие работы, не имеющие большого значения.

Таким образом, рецензируемое учебное пособие не свободно от ряда недостатков как общего, так и более частного порядка. Оно подлежит дальнейшему совершенствованию и доработке. Мы подчеркнули эти недостатки прежде всего потому, что убеждены в ценности рецензируемой книги, которая имеет все основания стать одним из основных учебных пособий по русскому фольклору. Уже сейчас следует подумать над подготовкой второго издания книги, избавленного от недочетов, обнаруженных в первом издании. Помимо исправления ряда частных погрешностей, авторскому коллективу необходимо провести работу по трем основным направлениям. Во-первых, должна быть усилена теоретическая сторона пособия; важнейшие теоретические положения необходимо не только развить в введениях, но и всемерно конкретизировать в отдельных главах. Во-вторых, необходимо усилить историзм в рассмотрении явлений фольклора, дав специальную главу о возникновении и историческом развитии народного творчества и основательнее поработав над конкретизацией вопросов истории отдельных жанров. В-третьих, нужен более широкий и конкретно-исторический анализ вопросов художественной специфики фольклора.

Рекомендуя вышедшее пособие преподавателям и студентам вузов, надо вместе с тем ставить вопрос о создании специального учебника по истории русского народно-поэтического творчества. Наша высшая школа не может удовлетвориться каким-то одним учебным пособием. Нужны курсы лекций выдающихся педагогов, нужна полноценная хрестоматия по русскому фольклору, необходимые антология по истории русской фольклористики, сборники текстов отдельных жанров и т. д. Надо надеяться, что вышедшее учебное пособие — лишь начало, что соответствующие издательства будут планомерно выпускать литературу по фольклору, в которой так нуждается наша высшая школа.

Б. Н. Путилов

А. П. Разумова. *Из истории русской фольклористики*. П. Н. Рыбников, П. С. Ефименко. Изд. АН СССР, М.—Л., 1954.

Разработка истории русской фольклористики в тесной связи с историей общественной мысли и освободительного движения является одной из важнейших задач советской науки о народном творчестве.

Советские ученые, пересматривая исторические схемы и концепции либерально-буржуазной фольклористики, впервые раскрыли значение трудов и высказываний по народному творчеству А. Н. Радищева, декабристов, революционных демократов — В. Г. Белинского, А. И. Герцена, Н. Г. Чернышевского и Н. А. Добролюбова. Вклад представителей революционной мысли в изучение народной поэзии оказался настолько велик, что в советской науке возникли и прочно утвердились особые понятия для определения созданных ими направлений, такие, как «декабристская фольклористика», «школа революционно-демократической фольклористики». Именно этим направлениям, традициям и деятельности их представителей обязана своими лучшими достижениями передовая русская фольклористика.

Всесторонняя оценка передовых направлений в науке о фольклоре XIX в. требует еще целого ряда частных исследований. Так, совершенно необходимо изучение деятельности тех собирателей и исследователей народного творчества, которые находились под непосредственным влиянием революционных демократов.

Известный интерес в этом отношении представляет рецензируемая книга. Она посвящена деятельности двух крупнейших представителей демократического направления русской фольклористики — П. Н. Рыбникова и П. С. Ефименко, занимавшихся собиранием и изучением народного творчества в Олонецкой и Архангельской губерниях. Собранные ими материалы впервые показали, что северные окраины России являются богатейшей сокровищницей народной поэзии. Особенно ценным явилось открытие ими живого бытования русского эпоса, составившего целый этап в науке о фольклоре.

В своем исследовании А. П. Разумова обобщает результаты работ, уже сделанных советскими учеными (М. М. Клевенским, М. К. Азодовским) по изучению деятельности Рыбникова и частично Ефименко. Вместе с тем, она вводит целый ряд новых материалов и фактов, добытых ею путем изучения архивов и периодической печати. Ценным и плодотворным явилось дальнейшее изучение А. П. Разумовой характера деятельности студенческих политических кружков 50-х годов XIX в. и, прежде всего, московского «Кружка вертепников» и харьковского тайного кружка, виднейшими участниками которых были Рыбников и Ефименко.

Политические и литературные кружки 1850 гг., возникшие как в столичных, так и в провинциальных городах, еще недостаточно изучены. Через сеть этих кружков в годы «мрачного семилетия» (1848—1855) и даже позднее шла линия от Белинского к Чернышевскому. В кружках в основном росли и складывались деятели второго периода освободительного движения — разночинцы. В донесениях правительства участники кружков не раз характеризовались как «приверженцы идей и мыслей Герцена, которого почитают с подобострастием и называют мучеником за Отчизну»¹. Ставя перед собой задачу борьбы с самодержавием, русская демократическая молодежь, объединенная в различные кружки, старалась сблизиться с народом, прислушаться к его голосу. Из рядов этой молодежи формировались и кадры деятелей краеведческого движения, выступавших в эти годы в местных изданиях с работами, посвященными изучению народного быта, собиранию и публикации народной поэзии.

Собранные А. П. Разумовой факты убедительно показывают, что мировоззрение Рыбникова и Ефименко, их фольклористические интересы, первые опыты собирания народной поэзии «берут свое начало в революционно-демократическом движении шестидесятых годов, участниками которого они являлись» (стр. 22).

Кружки «вертепников» и харьковский придавали огромное значение «хождению в народ», изучению народной жизни и просветительной пропаганде. Осуществляя эти требования, Рыбников в начале 1859 г. предпринял путешествие по Черниговской губернии. Здесь он встречался с крестьянами, раскольниками, вел с ними политические разговоры. Наряду с изучением состояния промышленности, общинного землевладения он занимался собиранием фольклора. Из собранных и большей частью уничтоженных при аресте материалов особенно ценна песня о Пугачеве. А. П. Разумовой удалось обнаружить полный текст этой песни, печатавшейся до сих пор в искаженном виде (стр. 34—35). Такую же собирательскую работу проводил и член харьковского кружка — Ефименко. В его ранних записях также видно «стремление обратить внимание на социальную сторону народной жизни» (стр. 39).

Новые материалы свидетельствуют о том, что арест и ссылка Рыбникова в Петрозаводск, Ефименко в Пермь, а затем Архангельскую губернию были вызваны не только их участием в революционных кружках и «противоправительственной деятельностью», но и собирательской работой, сочетавшейся с политической пропагандой. В ссылке они продолжали в больших размерах уже начатую работу, до конца раскрыли новые принципы собирания народного творчества, изучения быта народа.

А. П. Разумова окончательно опровергает взгляды дореволюционных исследователей на Рыбникова как сторонника и продолжателя славянофильской фольклористики. В главе «П. Н. Рыбников в Карелии» исследовательница на целом ряде конкретных примеров показывает полную противоположность научных и политических взглядов, принципов изучения народной жизни и собирания народного творчества Рыбникова установкам славянофилов, отмечает близость взглядов Рыбникова взглядам и программным требованиям Белинского, Герцена, Добролюбова и Чернышевского.

Рыбников, как и революционные демократы, рассматривал народное творчество в связи с жизнью, мировоззрением и историей народа. Его характеристики олонецкого крестьянства часто напоминают соответствующие оценки народа в статьях Добролюбова. Рыбников отмечает не утверждавшееся славянофилами смирение и безропотность русского человека, а высокую нравственную силу, чувство собственного достоинства, социальной ненависти, преданность своим убеждениям². Далеко не случайно, как правильно устанавливает А. П. Разумова, что Рыбников из всех жанров олонецкого фольклора остановился на былинах. Он считал, что «былевая поэзия соответствует исторически устойчивым, типичным настроениям русского крестьянства, выражает его

¹ М. Клевенский, Вертепники, «Каторга и ссылка», кн. 47, 1928, стр. 31.

² См. «Песни, собранные П. Н. Рыбниковым», изд. 2-е, под ред. А. Е. Грузинского, т. 1, 1909, стр. XXXI—XXXII.

духовную сущность, его социальные и эстетические воззрения» (стр. 60). Богатырь для Рыбникова — представители русского народа, воплощение его общей силы, проявление его воли и могущества. «Богатырь», — писал Рыбников, — это вообще яркая, крупная личность, возведенная в идеал»³.

К сожалению, А. П. Разумова недостаточно полно показала, что Рыбников в своих высказываниях о былинах по существу развивал взгляды Белинского на русский эпос, его происхождение и развитие. Именно это обстоятельство позволило Рыбникову стать выше господствующих теорий мифологов и компаративистов, внести свой вклад в изучение русского былинного творчества как самим материалом, так и новым к нему подходом. Идя по пути революционно-демократической фольклористики, Рыбников выступал против обезличенного подхода к исполнителям, их творческой индивидуальности. Он первый поставил одну из важных проблем в изучении народного творчества — проблему мастерства сказителей. После Рыбникова стало традицией указывать имена сказителей и певцов, отмечать их индивидуальные особенности.

В своих незаконченных работах, письмах и заметках Рыбников оставил ряд высказываний о народных сказках, песнях и обрядах. Собранные и суммированные А. П. Разумовой, эти высказывания представляют большой интерес для советских фольклористов.

В отличие от Рыбникова, занимавшегося в основном одним жанром — былинной, П. С. Ефименко в годы ссылки ставил перед собой задачу всестороннего изучения народной жизни во всей совокупности ее материального и духовного выражения. Он собирал материалы по народному творчеству Архангельской губернии, истории, археологии, статистике, народным юридическим обычаям, этнографии. Вместе с известным этнографом П. П. Чубинским, тоже сосланным в эти годы на север, Ефименко сумел организовать для такого комплексного изучения целый коллектив собирателей, состоявший из местной интеллигенции и политических ссыльных. Неоднократно он составлял программы по этнографии, инструкции по собиранию сведений о народных суевериях и поверьях. Основными работами Ефименко явились «Сборник народных юридических обычаев Архангельской губернии» (1869) и «Материалы по этнографии русского населения Архангельской губернии» (1877—1878).

Стремление Ефименко к комплексному изучению народного быта и мировоззрения с учетом местных условий целиком отвечало требованиям журнала революционной демократии — «Современника», призыву Добролюбова изучать народ и его поэзию в тесной связи с жизнью, с окружающей обстановкой. В результате такого изучения, как отмечает А. П. Разумова, «этнография становилась социальной этнографией, комментарием к действительности. Из ...мелких подробностей, частных замечаний складывалось одно целое, где на первом плане — современная крестьянская Русь, курная изба, лишения народа, суровая правда о крестьянской жизни» (стр. 111).

Новы и ценны приводимые А. П. Разумовой сведения о политических ссыльных, работавших вместе с Ефименко в Архангельской губернии, — П. П. Чубинском, А. Никольском, А. И. Стронине и других. Архивные материалы позволили исследователям более подробно рассказать о деятельности Ефименко в Перми, его участии в пермском кружке, роли в распространении запрещенных сочинений, причине новой ссылки в Архангельскую губернию и строгого надзора здесь над ним. Эти сведения интересны не только для фольклористики, но и для истории общественной мысли, революционного движения 60-х годов XIX в.

При всей правильности общих установок работа А. П. Разумовой имеет и недостатки. Исследовательница не всегда справляется с обилием нового материала, нередко подменяет его анализ описанием. Суммарно и упрощенно дана во «Введении» характеристика особенностей революционно-демократической фольклористики.

Автором приложена к книге большая и почти исчерпывающая тему библиография. Она касается не только работ П. Н. Рыбникова и П. С. Ефименко в периодической печати и научной литературы о них, но, что особенно ценно, и документальных материалов в архивах СССР. Не учтены в библиографии статьи П. Н. Рыбникова под общим названием «Из Олонекской губернии. Заметки с дороги И. С. Аксакову», напечатанные в газете «День» (1862 г., №№ 47, 50, 52).

Исследование А. П. Разумовой, опыт изучения ею роли политических ссыльных кружков 50—60-х годов XIX в. в истории русской фольклористики заслуживает всяческой поддержки как полезное и нужное начинание.

Л. В. Домановский

Семен Бытовой. *На счастливой реке*. Советский писатель. Л., 1954.

Художественная литература о народах Дальнего Востока пополнилась интересными очерками С. Бытового. В книгу его вошли два произведения: «Быль о жень-шене» и «Учитель остается с народом». «Быль о жень-шене» — едва ли не первая после В. К. Арсеньева попытка познакомить широкого читателя с чудодейственным «корнем жизни» — мало интересна в этнографическом отношении. Приводимые автором обстоя-

³ «Песни, собранные П. Н. Рыбниковым», изд. 2-е, под ред. А. Е. Грузинского, т. 3, 1910, стр. 322.

тельные сведения о древнем китайском промысле жень-шеня, о быте его искателей — «корневщиков» и связанных с промыслом приметах, обычаях, обрядах и поверьях хорошо освещены в специальной литературе. Интерес новизны представляет только относящееся к нашим дням подробное описание промысла русских «корневщиков», промысляющих большими бригадами в Уссурийской тайге и превосходно усвоивших сложное и тонкое мастерство добычи жень-шеня. Внимание этнографов должно привлечь второе произведение «Учитель остается с народом», впервые и притом в широком плане повествующее о социалистическом переустройстве жизни маленького ороцкого народа.

Орочи в прошлом были самым изолированным из всех народов Амура¹. Обитая в недоступных тогда дебрях северного побережья Татарского пролива и восточных склонов Сихотэ-Алиня, в стороне от обжитой магистрали Амура, они не испытали благотворного культурного влияния со стороны русских старожилов и остались на низком уровне развития. Тем разительнее те перемены в их культуре, которые наблюдали и запечатлел автор во время своих двух поездок к орочам. Сообщаемые в очерках Бытового основные факты советского времени совершенно достоверны, а фигурирующие в них орочи — реально существующие люди.

В прошлом рассеянные по многим мелким стойбищам, орочи в результате коллективизации стянулись в один колхозный центр на р. Тумнин (объединение целого народа в одном колхозе известно, кроме орочей, только у сахалинских ороков). Спустя несколько лет колхоз «Ороч» оказался у самой станции Уська-Орочская новой железной дороги. Автор рассказывает, как постепенно изменялась жизнь орочей, как они приобрелись к благам социалистической культуры. Не видавшие никогда пашни и домашних животных охотники завели посевы и коров, перешли от мелкого речного к крупному морскому рыболовству с механизированными средствами производства. Исчезли постоянные лишения и нужда, возникла уверенность в завтрашнем дне. Прочно вошли в быт школа и клуб, больница и ясли; появился (едва ли не впервые в колхозе малых народов Севера) «Дом старейших», где нашли приют и посильный труд в прошлом бездомные и одинокие старики. С ростом культуры и материального благосостояния изменился и весь домашний уклад, семейный быт населения.

Новая культура пришла к орочам, конечно, не сразу. Путь к ней лежал через трудности и противоречия, коренившиеся в старом укладе, вредных традициях и предрассудках представлений. Писатель показывает, как нелегко было людям отрешиться от старых привычек и взглядов, приспособиться к жизни в настоящем доме, к обработке земли под посевы, разведению коров и т. д. Сироте Тане так и не достались меховые вещи ее умершей родственницы Марьи Намунка. Распоряжавшиеся похоронами старики изорвали богатый халат и одеяло в куски и положили в гроб, а для покойницы шили новую одежду. На все уговоры русской учительницы орочки отвечали: «Нельзя! Зима скоро — что покойница делать будет? Ей самой теплые вещи нужны!.. Не говори больше! Марья услышит, обижаться будет...» (стр. 157—158). Еще более характерен эпизод с захоронением тигра. Тигр в прошлом считался у орочей, как и у других амурских племен, священным зверем. Убить его можно было только в случае самообороны, а хоронили его обязательно с особыми, описанными автором (стр. 229), обрядами, в свайном амбарчике («ху-ми»), сооружаемом шаманом. Убившие тигра охотники долго спорили, как с ним поступить. Один настаивал на соблюдении древних обрядов, но недоумевал, как обойтись без шамана, — единственный в Уська-Орочской шаман уже оттуда уехал. Другой хотел сдать ценную шкуру тигра заготовительной организации, третий колебался. В конце концов, решили сдать шкуру на заготовительный пункт, а освежеванную тушу самим похоронить в амбарчике.

Многое новое, для нас самое обыденное, проникало к орочам своеобразными путями. Не лишены интереса в этом аспекте такие, например, эпизоды, как устройство сберегательной кассы «на дому» (стр. 188 и сл.), возникновение зачатков театрального искусства в форме коллективной импровизации (стр. 163 и сл.)² или доклад председателя совета, сделанный при помощи пиктографического «конспекта» (стр. 179 и сл.)³.

¹ Речь идет о северных, или собственно орочах, проживавших в прошлом в северо-восточной части Уссурийского края (по рекам Коли, Хади, Тумнин и др.), в верховьях Хунгари, на побережье Татарского пролива и в низовьях Амура. Южные, сильно окитаившиеся орочи (как и южные удэ) носят название «тазы», «кэха», «кэхары». Численность собственно орочей составляла, по данным амурской переписи 1927—1928 гг., 228 человек. По сведениям, приводимым С. Бытовым (стр. 169), в начале 1930-х годов насчитывалось 276 орочей.

² Такие инсценировки-импровизации известны и у других северных народностей: нанайцев, эвенков, эвенов, нивхов, чукчей.

³ Пиктографические «конспекты» докладов и выступлений и такие же отчеты представителей малых народов Севера, а также другие записи были сравнительно широко распространены в конце 20-х — начале 30-х годов, до создания национальной письменности. Образцы такого письма у ненцев, эвенков и коряков опубликованы в ряде изданий: А. В. Базанов и Н. Г. Казанский, Школа на Крайнем Севере, Л., 1939; Языки и письменность народов Севера, ч. III, Языки и письменность палеоазиатских народов, Л., 1937; С. В. Иванов, Материалы по изобразительному искусству народов Сибири XIX — начала XX в., Тр. Ин-та этнографии, т. XXI, Л., 1954.

Приведенные автором факты жизненно правдивы и далеки от чуждой советской литературе «северной экзотики». Именно в таких своеобразных формах сочетания и столкновения отживающего старого с рождающимся новым формируется новая, социалистическая культура не только у орочей, но и у других народов Севера.

Очень удачны «портреты с натуры» орочей: советских активистов, рядовых колхозников, представителей формирующейся интеллигенции, стариков, устремившихся к новой жизни по «закону Ленина». Благодарность за этот «закон», любовь к впервые обретенной социалистической Родине ярко проявились в грозное военное время. В главе «В годы войны» тепло и любовно рассказывается об участии ороческой молодежи в Отечественной войне. Интересны приведенные автором подлинные письма фронтовиков и опубликованное в свое время в армейской печати письмо писателя Эренбурга вонну-герою Кириллу Батуму.

Нужно отметить погрешности, допущенные автором, главным образом в описании старой культуры орочей. Ошибочно утверждение, что они «жили в прошлом недружно — враждовали между собою семьи, рода» (стр. 113). Только путем величайшей сплоченности и взаимопомощи поддерживали свое существование, в условиях постоянной нужды, отдельные ороческие семьи, как это не раз свидетельствует близко соприкасавшийся с ними В. К. Арсеньев. Межродовая вражда не была распространенным явлением: сообщаемые самим автором эпизоды опровергают это его утверждение. Неверно и указание на отсутствие у орочей песенного творчества (стр. 113). Песни у них, как и у других народов Амура, конечно, были, причем широко бытовали песни-импровизации, образец которых приведен самим автором (стр. 101—102). Процесс изготовления ульмагды (лодки-долбленки) далеко не так прост, как это представляется автору. Хорошее в общем впечатление от этнографических описаний портят явно баснословные рассказы о различных происшествиях на охоте. Особенно досталось сохатому: в него стреляют дробью или, схватив за рога, валят на землю, а не то подходят к нему и закалывают ножом (стр. 204, 221—225). Таковы же типичные охотничьи побасенки о медведе, соболе, олене, тигре (стр. 248—249, 246—247, 259).

Одними думами и устремлениями со всем советским народом живут сейчас орочи. Вспоминая прошлое как тяжелый сон, они уверенно смотрят в будущее. Маленькому, собравшемуся в одном колхозе народу стало уже тесно на этом месте, он задумал строить новый поселок — социалистический городок.

Большую помощь оказали и оказывают ороческому народу русские люди. Одним из героев повествования является учитель Н. П. Сидоров, реально существующий, неоднократно отмечавшийся в печати и удостоенный высоких наград за его многолетнюю деятельность среди орочей. Можно сказать, что Н. П. Сидоров просветил целый народ, воспитал новых, советских людей: тружеников-колхозников, мужественных защитников Родины, преданную своему народу интеллигенцию. Писатель уделил Н. П. Сидорову много теплых страниц. Образ его наглядно олицетворяет громадную помощь русских людей орочам, неразрывную дружбу, связавшую русский народ с другими, большими и малыми, народами нашей страны. Образ Н. П. Сидорова напоминает о тех безвестных учителях, врачах, советских и партийных рабочих, которые явились в свое время пионерами строительства социализма на Крайнем Севере, заложили основы новой культуры его многонационального населения.

Нужно приветствовать и самый интерес писателя к жизни далеким национальным окраинам, и его правдивый художественный отчет о своих путешествиях.

М. А. Сергеев

Ш. Инал-ипа. *Очерки по истории брака и семьи у абхазов*. Абхазский институт языка, литературы и истории им. Д. И. Гулиа АН Грузинской ССР. Абгиз, 1954.

Ш. Д. Инал-ипа. *К вопросу о матриархально-родовом строе в Абхазии*. Труды Абхазского института языка, литературы и истории им. Д. И. Гулиа, XXV. Сухуми, 1954.

Существенной чертой, характеризующей подъем советской этнографической науки в послевоенный период, является развертывание исследовательской работы на местах, в союзных и автономных республиках. Заметное оживление этнографической работы наблюдается, в частности, и в Абхазии. В послевоенные годы опубликовано несколько интересных работ, подготовленных абхазскими этнографами И. А. Аджинджалом, И. Е. Адзинба, Ш. Д. Инал-ипа, Л. Х. Акаба. Исследования абхазских этнографов касаются самых различных вопросов: здесь и материальная культура абхазов, и эпос, и религиозные верования, и вопросы, связанные с этнографическим изучением семьи и общества. Авторами их собран значительный полевой материал, поднята большая абхазоведческая литература. Однако наряду с заметными успехами в работе абхазских этнографов имеются слабые, на наш взгляд, места. Представляется бесполезным обращать на них внимание, особенно сейчас, когда кадры квалифицированных абхазоведов еще более увеличились, этнографическая работа в республике усиливается.

В 1954 г. опубликованы две работы Ш. Д. Инал-ипа: книга «Очерки по истории брака и семьи у абхазов» и большая статья «К вопросу о матриархально-родовом строе в Абхазии».

«Очерки по истории брака и семьи у абхазов» состоят из введения и восьми глав: 1 — «Брачные ограничения», 2 — «Вступление в брак», 3 — «Материальные взаимоотношения свойственников», 4 — «Брачное помещение», 5 — «Свадьба», 6 — «Приобретение невесты к роду», 7 — «О правовом положении женщины» и 8 — «О большой семье и терминологии родства и свойства». Бесспорной заслугой автора является использование обширной дореволюционной литературы, в которой сведения о браке и семье у абхазов беспорядочно разбросаны по отдельным работам. Не менее ценно привлечение довольно значительного полевого материала, собранного автором во время его неоднократных поездок по Абхазии. Но, к сожалению, достоинства книги этим по существу дела исчерпываются, так как содержание ее не соответствует заголовку, а общий исследовательский уровень оставляет желать лучшего.

Книга Ш. Д. Инал-ипа совершенно не дает представления об истории брака и семьи у абхазов, о развитии и смене брачно-семейных порядков. Описываемые в книге обычаи в огромном большинстве случаев выступают как неизменные, раз и навсегда данные. Отсутствует элементарная хронологическая датировка описываемых явлений и фактов. Даже в тех случаях, когда полевой материал и литературные данные позволяют легко проследить те или иные исторические изменения в свадебном комплексе и характере семьи, автор не делает попыток показать движение, смену старого новым. Вот несколько примеров.

Подробно описывая сословные ограничения при вступлении в брак, автор не говорит о том, что в последней четверти XIX в. в связи с начинавшимся капиталистическим развитием эти ограничения видоизменились. Развитие капитализма поколебало установления адата и средневековую гордость сословий, к расчетам сословного характера прибавились материальные соображения, все чаще заставлявшие смотреть сквозь пальцы на выгодные «нервные браки». Такие случаи были известны и раньше, но с конца XIX в. выражение «плата уравниения» слышалось все чаще и чаще. Оставив этот факт без внимания, автор, естественно, не заметил и того, что вместе с ним к разнообразным препятствиям при вступлении в брак прибавилось еще одно: возможное предпочтение родственниками более богатых жениха или невесты.

Говоря о заключении брака посредством похищения, автор противоречит себе, в одном и том же абзаце утверждая, что браки похищением «представляли в общем довольно редкое явление», и в то же время, что они «несомненно нередко встречались» (стр. 47). Это противоречие не случайно. Если бы автор подошел к вопросу исторически, он сумел бы показать, что похищения, которые в далеком прошлом абхазов действительно не были частым явлением, в последней четверти XIX в. участились в связи с усилением экономической дифференциации в среде крестьянства. Похищая девушку из высшестоящего сословия или богатой крестьянской семьи, абхаз надеялся упрочить свое имущественное и общественное положение, выбыть «в люди». Похищения участились также и в результате обнищания основной массы крестьянства: ведь брак в этом случае не требовал столь пышных и дорогостоящих церемоний, подарков и т. п. Вообще автору следовало в данном случае четко выделить три по существу различные формы похищения: настоящее насильственное похищение, похищение по предварительному уговору с девушкой и «фиктивное» похищение, совершавшееся по уговору с девушкой и ее родителями.

Автор не пишет о том, что обряд «бросания пули», сопровождавший сватовство, в конце XIX в. был уже весьма редок; что срок традиционной «изоляции» невесты и жениха на протяжении XIX в. все больше сокращался; что в это же время постепенно становились менее длительными и пышными свадебные торжества; что менялись многие другие обычаи, связанные со сватовством, сговором, свадьбой, вводом молодой в дом родителей жениха. Ничего не сказано о том, что часть свадебных обычаев исчезла уже к началу XX в., другие сохранились до настоящего времени, видоизменившись в новых условиях.

История абхазской семьи автором почти не прослеживается, хотя абхазский материал дает возможность показать эволюцию большой семьи от первоначальной демократической общины к поздней отцовской семье деспотического типа и далее — распад большесемейной организации в конце XIX — начале XX в. Вообще в главе о семье трактуются преимущественно вопросы терминологии: не только эволюция, но и характер абхазской семьи остаются нераскрытыми.

Отсутствие исторического подхода к материалу придает книге Ш. Д. Инал-ипа преимущественно описательный характер. Но и описания, сделанные автором, существенно проигрывают как в результате отсутствия простейшей хронологической датировки описанного, так и в результате того, что собранный материал совершенно недостаточно дифференцирован в классовом отношении. Так, например, из рецензируемой работы не видно, что процесс упрощения свадебной обрядности в крестьянской среде шел несравненно быстрее, чем у князей и дворян. Не видно, что «фиктивное» похищение являлось специфической особенностью быта небогатого крестьянства. Остается неизвестным, в каких слоях общества — среди крестьянства или среди феодальной верхушки — дольше бытовала большая семья, а ведь вопрос этот неоднократно стоял в этнографической литературе. Указанный недостаток особенно сильно ощущается в главе «О правовом положении женщины», где автор указывает, что «по сравнению с некоторыми другими горскими народами Кавказа, женщина у абхазов занимала более свободное положение» (стр. 165). Тезис этот заимствован из старой

абхазоведческой литературы, в которой неоднократно дискутировался вопрос о положении женщины: одни авторы объявляли абхазку «свободной», другие сравнивали ее с «рабочим животным». Сословно-классовая принадлежность абхазки при этом игнорировалась, однако именно этот момент играл решающую роль. Не дифференцировал должным образом материал и Ш. Д. Инал-ипа, хотя в нескольких местах своей книги он говорит о необходимости классового подхода. Автор не раз противоречит себе: на стр. 165 он объявляет «крайностью» слова Н. С. Державина о том, что дворянка «стоит совершенно наравне с мужчиной», а на стр. 166 сам утверждает, что «женщина привилегированных сословий пользовалась почти теми же правами, как и мужчина». Крестьянка, по словам автора, также «пользовалась сравнительно немалыми свободами в быту и в обществе» (стр. 166). Словом, вопрос запутан, а между тем еще в 80-х годах промелькнула правильная его постановка. Анонимный автор статьи «Абхазская женщина», отмечая, подобно многим другим, что абхазка эмансипирована, пользуется уважением, самостоятельностью и т. п., в заключение добавил: «Все сказанное относится к женщине привилегированных сословий... Женщина же низшего сословия более ограничена в своих правах: семейная жизнь — вот круг ее деятельности»¹. Отметим попутно, что и к этому вопросу Ш. Д. Инал-ипа подошел внеисторически. Положение абхазки даже на протяжении XIX в. не было неизменным: начавшееся развитие капиталистических элементов, разрушая натуральную замкнутость хозяйства и обесценивая домашний труд женщины, существенно ухудшило положение простой абхазки.

В некоторых случаях Ш. Д. Инал-ипа стремится теоретически осмыслить, проанализировать приводимый им материал, но как раз в этих случаях особенно ясно ощущается теоретическая слабость книги. Автор не различает институт аталычества и значительно более широкий институт молочного родства, объединяющий в себе и аталычество, и усыновление-авнадара, и обычное усыновление (стр. 19). Калым у абхазов, по мнению автора, «постепенно превращается в приданое» (стр. 72), хотя отчасти уже в русской дореволюционной (Л. В. Малинин), а особенно в советской этнографической литературе (М. О. Косвен, Н. А. Кисляков) ясно показано, что калым и приданое — два самостоятельных, не связанных между собой института, развивающихся самостоятельно, хотя и сосуществующих на определенном этапе своего развития. Автор не различает, смешивает раздел и выдел в большой семье (стр. 185). Поведение супругов автор трактует с точки зрения некоей отвлеченной нравственности абхазов, «инстинктивного отращения абхазов к нравственной испорченности» (стр. 163), забывая, видимо, что безнравственных народов вообще не существует и не существовало и что понятие о нравственности является сугубо историческим. С этих же ненаучных позиций автор говорит о «смягчении нравов» применительно к положению абхазской женщины (стр. 168). Автор смешивает причины и следствия в деле раскрепощения абхазки в Советскую эпоху: участие женщины в общественном труде, по его мнению, является «основным положительным показателем изменений в новом абхазском семейном быту» (стр. 14). В отдельных случаях автор пытается предложить решение весьма сложных научных вопросов (объяснение обычаев избегания, происхождение и развитие специальных брачных жилищ), однако серьезно обоснованная аргументация в этих случаях отсутствует.

Как уже отмечалось, характеристика брачно-семейных обычаев абхазов дается в отрыве от истории Абхазии. Однако местами, как бы ненароком, задеваются некоторые исторические факты, и здесь автор порой допускает серьезные ошибки. Присоединение Абхазии к России, в частности русскую ориентацию владельца Абхазии Келеш-бея, он связывает с... распрей, возникшей между ним и фамилией Дзяпш-ипа. «Эта распря, — пишет Ш. Д. Инал-ипа, — заставила Келеш-бея озаботиться приисканием себе опоры... Келеш-бей задумал отдать себя покровительству России. Это было тем более важно, что он хотел надежным образом обеспечить за Сафар-беем наследственные права, так как по обычаям страны дети князя от женщин простого сословия, хотя и считались законными с точки зрения мусульманского права, но не пользовались политическими правами отцовского звания и сана» (стр. 42). Обращает на себя внимание и другое место книги. На стр. 171—173 без видимой связи с темой работы автор чрезвычайно подробно в самых восторженных тонах говорит о любви абхазов к ораторскому искусству. В качестве примера автор приводит один из инцидентов восстания 1866 г.: «знаменитую» речь «народного трибуна» Османа Шамба в сел. Лыхна, в результате которой, как это известно из других источников², собравшейся толпой были убиты все члены специальной комиссии по разбору местных сословно-поземельных дел, в том числе молодой чиновник А. П. Черепов, чью талантливую работу о сословных отношениях в Абхазии Ш. Д. Инал-ипа не раз цитирует. Возникает вопрос: уместно ли при таких обстоятельствах восхвалять речь Шамба, да и вообще не заслуживает ли весь этот лыхненский инцидент критической переоценки?

Перехожу ко второй работе Ш. Д. Инал-ипа — «К вопросу о матриархально-родовом строе в Абхазии». Эта работа состоит из девяти разделов, в которых рассматриваются разделение труда у абхазов, положение женщины, следы материнского рода и отдельные пережитки матриархата: аталычество, некоторые черты свадебного цикла

¹ «Кавказ», 1885, 62.

² См. А. Н. Дьячков-Тарасов, Абхазия и Сухум в XIX столетии, «Изв. Кавказского отдела РГО», 20, 1909—1910.

и семейного быта, авункулат, отдельные религиозные верования и эпические сказания. Таким образом, исследуемые здесь материалы в значительной степени переплетаются с материалами рассмотренной выше работы. Однако вторая работа, как отмечает сам автор, преследует специально исследовательские цели: «голые факты — не доводы, если они не могут быть освещены генетически» (стр. 216).

Автор правильно начал свое исследование с анализа половозрастного разделения труда и хозяйственной роли абхазской женщины. Правильен и вывод автора о том, что чем дальше вглубь веков, тем более значительной была роль абхазки в земледелии и домашнем хозяйстве. Но, во-первых, вывод этот удивительным образом лишь в самой незначительной степени связан с тем материалом, который автор приводит в качестве его обоснования. На протяжении печатного листа приведены литературные данные об организации скотоводства (и скотокрадства), работоргове, ремеслах, устройстве мельниц, обязанностях крепостных крестьян, способах приготовления пищи и т. п. В море ненужных побочных сведений буквально тонет небольшой материал, действительно относящийся к теме и подтверждающий вышеприведенный вывод. Во-вторых, автор делает немалую натяжку, переходя от этого вывода к констатации матриархата в древней Абхазии. Делается это следующим образом: «...можно предполагать, что в прошлом роль женщины в земледелии была здесь еще более значительной, что она у далеких предков абхазов выступала, вероятно, решающей фигурой (sic!) в возделывании земли, чем и можно объяснить ее выдающееся положение в нем и в последующие периоды — вплоть до нового времени. Демонстрируемая на конкретном абхазском историко-этнографическом материале эта выдающаяся роль женщины в общественном производстве, являющаяся одной из характерных черт первобытно-общинного строя, находится в полном соответствии с марксистской теорией матриархата» (стр. 235).

Не более убедительно реконструируется и былое общественное преобладание женщины. Автор рассуждает просто. Положение абхазки в дореволюционное время характеризовалось известной двойственностью. «Данные, которые говорят о ее почетном положении, могут быть объяснены, очевидно, как отражение той эпохи, когда она принимала активное и непосредственное участие в общественном труде. Те же стороны социальной жизни, которые свидетельствуют о ее неравенстве, ...относятся по своему происхождению к позднему периоду, когда она испытывала тяжелое бремя классового угнетения, была ограничена кругом работ по дому и тем самым в известной степени изолирована от общественного производства» (стр. 243). Рассуждение это, иллюстрируемое несколькими противоречивыми литературными сообщениями о положении женщины в Абхазии, правильно лишь отчасти. Конечно, далекие отзвуки матриархата (роль женщины в аталычестве, усыновлении и т. п.) оказывали известное влияние на положение абхазки, но важнее было другое: выдающаяся трудовая роль абхазки в натуральном хозяйстве Абхазии еще дореформенного времени. Труд женщины в домашнем хозяйстве в известной мере еще сохранял свой общественно-полезный характер и поэтому, вопреки господствовавшим патриархальным порядкам, создавал абхазке определенный вес в семье и в обществе.

Ряд собранных Ш. Д. Инал-ипа данных о пережитках матриархата заслуживает внимания. Это прежде всего отдельные эпизоды абхазского нарттовского эпоса, в которых рельефно выступают родоначальница нартвов Сатаней Гуаша, сестра нартвов Гунда, воительница Хания. Это затем многие черты абхазской языческой мифологии, в которой не менее ярко выступают образы древнейших богинь — «Царицы земли», «Владычицы вод», «Матери коз» и т. п. Большой интерес представляют свидетельства о пережитках авункулатных представлений у абхазов, основанные, повидимому, на собственном полевым материале автора. Ш. Д. Инал-ипа совершенно правильно видит доказательства абхазского матриархата в обычаях аталычества, экзогамии, следах группового брака, некоторых видах избегания; собранные им сведения он в ряде случаев удачно увязывает с анализом матриархальных институтов, данным в специальных работах М. О. Косвена (авункулат, временное помещение невесты в чужой дом и др.). Но, к сожалению, все это тесно переплетается с утверждениями бездоказательными или просто странными. Так автор склонен рассматривать в качестве пережитка «матриархальной хозяйственно-общественной группы» ацуту (старинное обозначение поселка или же околотка), хотя единственное солидное основание к этому он видит в том, что существовали моления, называвшиеся ацу (стр. 246 и сл.). Наличие показателя множественности в слове «семья», по мнению автора, свидетельствует о множественности (а не единичности!) членов древней семейной группы (стр. 255). Указывая, что, по словам Энгельса, передача титулов по женской линии является достаточным доказательством матриархата, автор продлевает лингвистические изыскания и заключает: «Значит, мы имеем основания древний смысл слова, ныне воспринимаемого как «княгиня», «княжна», выразить следующим образом: женщина — родительница князя. Вот и передача титула по материнской линии, что также служит выражением матриархата» (стр. 257). В работе много ошибок, повторяющихся ошибки, сделанные в «Очерках»; нет нужды вторично на них останавливаться.

Общим недостатком обеих работ является изобилие в них обширных литературных цитат. Часто для того, чтобы привести факт, который мог бы уместиться в одной строке, автор включает в текст огромную цитату или длинное, не относящееся к делу, повествование (например, «К вопросу...», стр. 253; «Очерки...», стр. 171 и сл.). Все это засоряет работу, в сильнейшей степени затрудняет ее восприятие. Автор злоупотребляет

и цитированием работ классиков марксизма-ленинизма: так, например, весь вводный раздел к статье о матриархате представляет собой перечень высказываний Энгельса, Ленина и Сталина. В то же время в обращении с этими цитатами допускается небрежность: на стр. 214 в высказывании В. И. Ленина пропущено слово «иногда», на стр. 218 Маркс цитируется по Большой Советской энциклопедии.

Автор без всякой нужды проводит различные параллели, выбор которых обычно весьма случаен. Изгнание кровосмесителя сравнивается с древнегреческим остракизмом («Очерки...», стр. 24), без нужды приведенная автором «Песнь жерновов» сопровождается справкой об аналогичной песне с о. Лесбоса («К вопросу...», стр. 232), к случайному упоминанию о водяной мельнице приложена довольно подробная справка о ее распространении на Востоке и Западе (там же) и т. д. Рецензируемые работы изобилуют выражениями наподобие следующих: «полеводство и огородничество... существовали в симбиозе» («К вопросу...», стр. 225), образование в роде «дифференцирующей структуры» («Очерки...», стр. 20), «социально-классовый гнет» (там же (стр. 131)). Вообще, язык обеих работ весьма несовершенен. Вот несколько примеров: женщина «оказывала сопротивление в процессе перехода к мужу» («Очерки...», стр. 88), «ходить с пощечиной на лице», «головокружительные движения ног» (там же, стр. 121), «Алчные феодалы, желая иметь рабов для продажи, принимались за это дело заранее» (там же, стр. 170), дядя Абраскила «заметил, что пещерный ручеек несет с собой лошадиный навоз, и решил поэтому, что его героический племянник еще, должно быть, жив» («К вопросу...», стр. 260).

Те или иные недостатки всегда имеются в каждой научной работе, и было бы неправильным не видеть за ними положительных сторон, нового и ценного, внесенного в науку автором. В рассмотренных работах этим положительным, несомненно, является собранный Ш. Д. Инал-ипа фактический материал — полевой, литературный, архивный. В «Очерках...», впервые в абхазоведческой литературе, приводятся таблицы системы родства у абхазов. В статье о матриархате, как отмечалось, удачны разделы об авункулате, нартовском эпосе, мифологии.

И все же общее впечатление, оставляемое рассмотренными работами, является неблагоприятным. Складывается впечатление, что автор, имея хороший материал, испортил его, поторопившись с публикацией, не дав себе времени как следует этот материал продумать, обработать, научно проанализировать.

Абхазский этнографический материал представляет огромную научную ценность. Абхазским исследователям необходимо продолжить начатую ими этнографическую разработку истории семьи и общества, подняв ее на более высокий теоретический уровень.

Я. Смирнова

Н. Я. Бичурин (Иакинф). *Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена*, т. III. М.—Л., 1953 *.

Выпуском III тома «Собрания сведений...» Институт этнографии АН СССР завершил новое издание самого крупного и значительного в научном отношении из опубликованных трудов великого русского синолога XIX в.—Никиты Яковлевича Бичурина (Иакинфа).

Общезвестны глубина и обширность познаний покойного русского ученого, его необыкновенное упорство в решении сложнейших научных проблем, его исключительное для европейской науки того времени дружелюбие к изучаемым народам и отсюда — стремление максимально полно показать их подлинное место в истории человечества, их роль в созидании мировой культуры. Такой подход к оригинальным материалам, к первоисточникам по политической истории и истории культуры изучаемых народов в значительной мере способствовал успеху Н. Я. Бичурина в решении поставленных им перед собой задач. Труды его до наших дней сохраняют значение отправных пунктов для исследователя истории, этнографии, истории культуры народов Восточной, Центральной и Средней Азии. Равным образом и переводы Н. Я. Бичурина, открывшие перед его современниками неисчерпаемые богатства дальневосточной историографии (в первую очередь китайской и монгольской), сохраняют и поныне значение первоисточников для всех, кто занимается проблемами этногенеза или исторического прошлого народов Азии, в том числе народов азиатской части нашей Родины.

Первое издание «Собрания сведений...» давно уже стало библиографической редкостью. Лишь в немногих библиотеках сохранились в удовлетворительном состоянии оба тома первого издания. Нередко отсутствует «Предупреждение», предпосланное Н. Я. Бичуриным I тому «Собрания сведений...». Еще чаще полностью или частично отсутствует составленный самим Н. Я. Бичуриным «Топографический указатель мест на карте к Истории древних среднеазиатских народов» (фактически это не столько «топографический указатель», сколько научный комментарий текста в связи с топо-

* Новое, дополненное и документированное издание труда, выпущенного впервые в 1851 г.

нимикой), в новом издании вошедший в III том. Как правило, отсутствует также составленная Н. Я. Бичуриным карта, включающая территории Кореи, Северного Китая, Монголии и Средней Азии (до Аральского моря), кстати сказать, нигде и никогда еще как первоисточник по топонимике этих территорий не использованная. В московских книгохранилищах нам не удалось обнаружить ни одного экземпляра «Собрания сведений...» с этой картой. Указанные материалы научного аппарата включены в III том нового издания, причем редакция стремилась учесть и исправить недостатки первого издания. В III томе полностью и документально точно воспроизведены «Топографический указатель» и «Карта»..., составленные Н. Я. Бичуриным: однако и к указателю, и к карте сделан ряд дополнений. Недостатки старого «Указателя» состоят главным образом в сложности терминологии, в отсутствии особых индексов топонимики, социальной и административной терминологии. Недостатки карты заключаются в статичности ее данных, что объясняется представлениями Н. Я. Бичурина об относительной стабильности расселения народов Азии (и Китая в особенности).

Стремясь к исправлению недостатков первого издания «Собрания сведений...» в отношении «Топографического указателя», редакция нового издания дополнительно включила в III том три указателя терминов. Таким образом, кроме «Топографического указателя...» Н. Я. Бичурина, в новом издании имеются: указатель племенных и географических названий (этнонимов и топонимики), именной указатель и указатель терминов (титолов, административной, родственной терминологии, а также терминов, не переведенных Н. Я. Бичуриным и примененных им для пояснения специфичных черт быта и социальных отношений народов Азии). Эти дополнительные указатели значительно облегчают читателю пользование основным и пояснительным текстом. Большое значение имело бы здесь максимальное введение в указатели иероглифических соответствий терминов. Известно, что при наличии иероглифики многие советские исследователи, даже не зная китайского языка, могут, пользуясь словарями (например, словарем Палладия и Попова, содержащим, помимо общего пояснения, ряд ценнейших сведений энциклопедического характера), самостоятельно знакомиться со всем комплексом значений иероглифов, которыми записаны термины, и благодаря этому точнее понимать самые термины (особенно географические и этнические). К сожалению, в данном издании иероглифика дана скупо и относительно узко. Однако и в такой мере, в какой редакция этого смогла добиться, обогащение терминологических указателей иероглификой дает возможность проведения дополнительных сравнительно-лингвистических изысканий и т. п.

Большое значение имеют для читателя комментарии к Указателю племенных и географических названий, наличие параллельно термину твердо установленных и принятых в русской и советской науке китайских географических (топонимических) и этнонимических соответствий. (Заметим попутно, что не все «племена», упоминаемые в тексте, были племенами, поэтому наименование «Указатель племенных названий», неточно.) Редакция нового издания тем самым предостерегает читателя от распространенных еще упреждений с чисто фонетическими соответствиями наименований, от голый лингвистической эквилибристики. Учитывая сугубую важность этого вопроса, ему посвящает солидное место в своей вступительной статье к I тому настоящего издания один из его редакторов, А. Н. Бернштам (см. стр. XL и подробный перечень отождествлений на стр. XLIII—LI). Отметим, однако, что в этом перечне проскользнули досадные промахи. Например, на стр. XLIX дается отождествление «Туфань — Тибет» в Восточном Туркестане вместо «Туфань — Турфан»; на стр. XL ошибочно указывается, что «пустыня Гоби» означает буквально «Песчаная пустыня». Встречаются иногда и другие недостатки, искажающие точность нового издания: например, замена в тексте этнонима «дулга» термином «тугю» (вар. «тукюе»); правильное было бы сохранить в тексте «дулга», дав термины «тугю» или «тукюе» и скобках. В целом же, повторяем, этот раздел работы редакции имеет большое значение, особенно для читателя-некитаеведа, сберегая ему много времени и предостерегая его от увлечения различными фонетическими миражами.

Из трех указателей, дополняющих основной авторский, наименее четко выражено назначение последнего. Если в отношении перечня титулов, административных и политических терминов Указатель возражений и сомнений не вызывает, то целесообразность включения в него, например, термина «волан» (игра) более чем сомнительна. Слово «волк» как синоним тюрка, возможно, и следовало сохранить наряду с другими подобными терминами, но тогда уже выделив их в особый указатель тотемических терминов. Особенно не повезло в последнем указателе терминам, начинающимся на букву «Е». Их всего два: «Европейские историки — ученые Западной Европы» и «Ергах — мех из конских кож» (?!). Подбор, по меньшей мере, странный.

Как весьма положительный факт, отметим решение редакции нового издания шире осветить политическую и этническую историю народов Восточного Туркестана путем включения в III том ряда фотокопий карт «Циньдин хуаньюй сиюй тунцжи» (8 листов) в качестве дополнения к основной «Карте к Истории народов...», составленной Н. Я. Бичуриным. Правда, эти карты по охвату территории значительно уже основной карты. Однако научная значимость их не меньшая. На примере одной, но исторически весьма интересной области Китая исследователь получает возможность наглядно проследить на протяжении двенадцати веков процесс изменения этнического состава области, изменения этнических территорий, возникновения и распада государственных образований

расширения границ Китайской империи и подчинения ей окраинных, прежде независимых территорий.

Кроме дополнительных карт — фотокопий китайского подлинника, в том III переиздания «Собрания сведений...» включены три исторические схемы, показывающие расселение и передвижения народов Азии в период III в. до н. э.— IX в. н. э. Преследуя здесь ту же цель, что и при включении дополнительных карт, составитель схем А. Н. Бернштам еще в своей вступительной статье к I тому нового издания специально остановился на неисторичности этногенетических представлений Н. Я. Бичурина, указав на недопустимость прямого сопоставления этнического состава древнего населения Северного Китая и современных народов, населяющих ту же территорию (см. т. I, стр. XXXIX). В своем «Предупреждении» Н. Я. Бичурин писал о значении китайских летописей: «Из сих известий, несмотря на краткость их, открывается, что на всей полосе Средней Азии от Восточного океана на запад до Каспийского моря искони обитали те же самые народы, которые и ныне населяют сию страну; вели тот же самый образ жизни, какой ведут потомки их по прошествии 2000 лет, находились в тех же пределах, в которых последние и ныне живут, с небольшим изменением в пространстве» (т. I, стр. 12 нового издания). Исходя из этого высказывания, А. Н. Бернштам справедливо отметил статичность, по мнению Н. Я. Бичурина, этнического состава народов Азии. Однако он не заметил в этой же фразе очень важного научного положения, прочно вошедшего в арсенал знаний прогрессивной русской и советской науки. Это — утверждение об автохтонности большинства (по крайней мере всех основных) народов Китая, обоснованное русскими и советскими учеными на широких исторических материалах, вопреки расистским в своей основе утверждениям западноевропейских и американских синологов от Вигера, Форке, Ришара до Карла Бишопа, рассматривавших китайцев как пришлое население, а их культуру как заимствованную, привнесенную. Таким образом, Н. Я. Бичурин, первым выдвинувший тезис об автохтонности основных народов Китая, выступает и здесь как передовой ученый.

С вопросом о статичности этногенетических воззрений Н. Я. Бичурина связана и другая проблема. Это проблема «монгольского происхождения» большинства народов нынешнего Северного Китая. А. Н. Бернштам справедливо указывает, что Н. Я. Бичурин прав, говоря о необходимости отличать «возвышение Дома Монгол» (и принятие этнонима «монгол») от истоков формирования монгольского народа, несравненно более ранних, хотя предки монголов и носили другое имя; но неправ, считая преобладающее большинство народов Северной Азии (в том числе тюркоязычных уйгуров и самих тюрков — тукую — тугю) монголами (см. стр. XXXVIII—XXXIX тома I нового издания). Один из крупнейших советских синологов — Н. В. Кюнер, наоборот, в своих высказываниях идет далее Н. Я. Бичурина, значительно расширяя список народов монгольского происхождения.

Знарок китайских источников Н. В. Кюнер указывает на то, что если точно передавать сведения китайских династических историй и летописей, т. е. безоговорочно за ними следовать, то приходится признать единство происхождения большинства основных народов Китая. В самом деле, по данным китайских хроник, предки всех народов, когда-либо населявших территорию Китая, ведут происхождение от одной из ранних китайских династий (например, предок хунну от дома Ся; предок народа мяо — потомок Шэнь Нуна и т. д.), т. е. представляют собой боковые ветви китайцев. На деле единство, общность происхождения большинства основных народов Китая надо понимать лишь антропологически; преобладающее большинство народов Китая представляет варианты большой монголоидной расы. Современная наука свободного Китая стоит на точке зрения автохтонности основных народов Китая, но не утверждает этнического их единства.

Важное научное и практическое значение имеет занимающая большое место в III томе нового издания «Таблица транскрипций», составленная Н. В. Кюнером. Цели публикации такой таблицы применительно к «Собранию сведений...» Н. В. Кюнер подробно раскрывает в своей вступительной статье к I тому нового издания (равно как достоинства, недостатки и особенности транскрипции, выработанной Н. Я. Бичуриным и применявшейся им в его научных трудах и учебных пособиях). Нас интересует в ней другое. Три основные колонки таблицы (таблица русского начертания китайских знаков по «Грамматике китайского языка», составленной Н. Я. Бичуриным; транскрипция корейского издания «Тысячесловия», передаваемая «корейским алфавитом» в подлиннике, а здесь русской графикой; современная транскрипция, применяемая в китайско-русском словаре Палладия и Попова) еще раз с наглядной убедительностью подтверждают исключительную гибкость русской графической системы, средствами которой хорошо передаются сравнительно-историческая фонетическая запись китайской терминологии, фонемы современного китайского разговорного языка и корейская алфавитная запись китайской иероглифики. Русская буквенная запись фонетики иероглифов, использовавшаяся Н. Я. Бичуриным, превосходит все наличные системы транскрипций на латинской основе (как, впрочем, и любой иной). Сейчас, когда в самом Китае буквенная запись фонетики иероглифов уже нашла свое выражение в «чжу-инь цзыму» (в чем и заключается основной смысл ускоренного метода изучения иероглифов, столь широко применяемого в Китайской Народной Республике), публикация «Таблицы транскрипций», составленной Н. В. Кюнером, имеет большое значение.

Наконец, в III том включены два указателя библиографических материалов, составленные Б. А. Малькевич. Особенно важным нам представляется второй из них —

указатель архивных материалов, связанных в основном с биографическими данными о Бичурине. Хорошая биография помогла бы читателю составить правильное представление об ученом как человеке и гражданине. К сожалению, такая биография Н. Я. Бичурина еще не создана. Автор биографического очерка, предпосланного I тому переиздания, недостаточно отделил важное, существенное от стороннего, мешающего четкому представлению о Н. Я. Бичурине (не говоря уже о некоторых мелких неточностях в биографии).

Завершенным выходом рецензируемого тома переиздание «Собрания сведений...» является важным вкладом в дело изучения истории народов нашей Родины и сопредельных с ней дружественных стран Азии.

Г. Г. Стратанович

С. А. Сардарян. *Палеолит в Армении*. Академия наук Армянской ССР, Институт истории, Ереван, 1954.

Огромных успехов достигла советская археология в изучении древнейшего периода истории нашей страны — палеолита. За годы Советской власти открыты сотни новых палеолитических стоянок и местонахождений. Многие новооткрытые интересные материалы были опубликованы в нашей печати. В последние годы как некоторый итог проделанной работы вышли из печати монографические работы по палеолиту П. П. Ефименко, С. Н. Замятниной, Г. А. Бонч-Осмоловского, М. З. Паничкиной, П. И. Борисковского. К числу таких работ относится и труд С. А. Сардаряна «Палеолит в Армении».

С. А. Сардаряну принадлежит большая заслуга в изучении древнейшей культуры первобытного человека на территории Армении. Начиная с 1943 г., С. А. Сардарян исследовал в Армении, в районах горы Артин и реки Раздан, ряд стоянок, которые дали богатейшие коллекции орудий. Изучение их позволило «окончательно установить наличие культуры первобытного человека на территории Армении в течение всего четвертичного периода, т. е. с шельской эпохи нижнего палеолита вплоть до неолита» (стр. 17).

Труд С. А. Сардаряна включает в себе результаты изучения палеолитических орудий, собранных в течение 1944—1949 гг. Книга состоит из пяти глав: первая — «Краткая история изучения палеолитической культуры Армении»; вторая — «Географическая среда и геологические условия Армении в древнейшую эпоху»; третья — «Нижний палеолит»; четвертая — «Средний палеолит» и пятая — «Верхний палеолит». Особенный интерес представляет третья глава, где автор выделяет комплекс дошелевских и раннешелевских орудий из стоянок на склоне горы Артин (Сатани-дар, Арегуни-блур, Еркарук-блур). Это наиболее древние следы пребывания человека на территории СССР, в частности в Армении. Вместе с палеантропологической находкой в Грузии (так называемый «удабнопитек») это позволяет включить Закавказье в территорию прародины человека. В связи с этим очевидно огромное значение древнейших находок на горе Артин, принадлежащих, возможно, к числу первых человеческих орудий.

«Палеолит в Армении» С. А. Сардаряна дает картину последовательного развития культуры палеолитического человека на протяжении сотен тысяч лет.

Книга хорошо издана, ею удобно пользоваться: она снабжена большим числом прекрасных иллюстраций и таблиц, именным, предметным и другими указателями.

Работа С. А. Сардаряна «Палеолит в Армении» является серьезным вкладом в дело изучения древнейших этапов истории первобытного общества.

З. Соколова

М. Г. Абдушелишвили. *К палеантропологии Самтаврского могильника*. Тбилиси, 1954.

Рецензируемая работа является кандидатской диссертацией автора, защищенной им в Институте антропологии МГУ зимой 1952 г. В ней даются подробное описание и анализ антропологического материала, добытого в наиболее древних погребениях многослойного Самтаврского могильника, являющегося одним из интереснейших и богатых находками памятников эпохи бронзы и железа на территории Грузии. Работа состоит из введения, четырех глав и заключения. К ней приложены таблицы индивидуальных измерений, список использованной литературы, включающий 101 название, и 18 фототаблиц, на которых представлены все изученные автором черепа.

Во введении излагаются основные теоретические положения советской антропологической школы, выдвинутые в ряде работ советских антропологов и положенные автором в основу своей работы. Автор говорит о значении, которое придавали антропологическим исследованиям классики марксизма-ленинизма и, в частности, Ф. Энгельс, использовавший антропологические материалы в известной работе «К истории древних германцев». Автор приводит высказывания академика И. А. Джавахишвили о важности для разрешения проблем этногенеза антропологических исследований, которым выдающийся грузинский историк придает решающее значение. Это, пожалуй, слишком сильно сказано; физические признаки при определении родственных связей между народами

имеют, конечно, очень важное, но не всегда решающее значение, и автор далее (стр. 5) правильно определяет роль антропологических данных.

В первой главе обстоятельно излагаются археологические данные о Самтаврском могильнике, подробно описывается материал, положенный в основу исследования, и методика, примененная при его изучении. Имеются расхождения в указании числа изученных черепов: на стр. 14 сумма их составляет 75, на стр. 16 — 73. Рассмотрение индивидуальных таблиц показывает, что два черепа (№ 3516 — эпохи бронзы и № 6921 — эпохи железа) настолько фрагментарны, что на них не взято ни одного размера; но тогда их либо вообще не следовало считать, либо оговорить, что цифры стр. 16 относятся к числу измеренных черепов.

Определение пола и возраста черепов производилось автором по шкалам, разработанным А. Н. Натишвили и опубликованным в его книге «Нормальная анатомия человека» (Тбилиси, 1942). Книга эта издана на грузинском языке, и в работе, опубликованной по-русски, было бы желательно видеть указания не только на методы определения половой принадлежности, которые впрочем не отличаются от общепринятых, но и на метод определения возраста, в особенности, если этот метод отличается от более распространенных шкал. В индивидуальных таблицах данные о возрасте отсутствуют.

Вряд ли стоило приводить пространное описание общеупотребительных инструментов, которыми пользовался автор. Что же касается набора признаков, то следует пожалеть об отсутствии измерений нижней челюсти, кроме бигонимального диаметра, а также о применении автором описательного способа глубины клыковой ямки. Последнее автор мотивирует тем, что «рубрикация для подобного рода измерений пока не разработана» (стр. 18). Однако, если все палеантропологи станут на подобную точку зрения, рубрикация эта никогда не будет разработана, так как только в процессе накопления цифрового материала по самым разнообразным сериям и явится возможность выделить границы классовых интервалов этого важного признака.

Следует отметить неточность, допущенную в параграфе, посвященном методике. Автор пишет, что определение общего типа черепа в вертикальной норме производилось им по шкале Мартина (стр. 18). Однако везде в таблицах средних, помещенных в тексте, фигурирует рубрикация Фраскетто.

Вторая глава посвящена очень тщательному и подробному описанию материала по периодам: бронзовому (XIII—XII вв. до н. э.), переходному (X—IX вв. до н. э.) и железному (VIII—IV вв. до н. э.). Описание дается отдельно для мозгового и лицевого черепа и сопровождается таблицами, включающими средние и параметры, необходимые для характеристики вариационных рядов. В заключении к этой главе дается суммарная характеристика черепов каждого периода. Тщательность как самого описания, так и иллюстрирующих его таблиц превосходит самые высокие требования, которые могут быть предъявлены к подобного рода работе: средняя арифметическая и другие параметры вычислены с точностью до двух десятичных знаков даже тогда, когда число наблюдений равно двум. Однако в изложение все же вкрались незначительные неточности. Так, на стр. 36 в табл. 5 указано, что нижний край грушевидного отверстия определен на 10 женских черепях эпохи бронзы, тогда как из индивидуальных таблиц видно (если это не опечатка), что он определен на 12 черепях. На стр. 50, говоря о горизонтальной профилировке лица черепов переходного периода, автор считает ее очень резкой. Но величины назомального угла в $137^{\circ}0$ для мужчин и в $140^{\circ}2$ для женщин скорее приближаются к границе максимальных величин в пределах европеоидной большой расы. Даже у ряда монголоидных групп — чувашей, хантов, североамериканских индейцев — он равен 141° — 144° , т. е. немногим больше, чем в самтаврской серии.

Третья глава является центральной в исследовании. В ней автор на основании материалов, изложенных во второй главе, приходит к выводу о существовании среди изученных черепов двух морфологических, хронологически одновременных вариантов, один из которых, названный автором «самтаврский вариант I», представлен черепами бронзового и переходного периодов, и второй — «самтаврский вариант II» — черепами эпохи железа. Разница между ними наблюдается, по мнению автора, в 13 измерительных и описательных признаках: головном указателе, высоте и емкости черепа, ширине лба, степени развития надбровья, высоте, ширине и горизонтальной профилировке лица, высоте и ширине носа, носовым указателем, форме нижнего края грушевидного отверстия и высоте орбит. Первый самтаврский вариант имеет долихокранный, высокий череп с малоразвитым надбровьем, высокое и узкое лицо с высоким узким носом и орбитами средней высоты. Второй вариант отличается от первого меньшим головным указателем, более высоким черепом с более развитым рельефом, более низким и широким и менее профилированным лицом с более низким и широким носом, большим процентом fossae praenasales и более низкими орбитами. Первый вариант автор диагностирует как принадлежащий к средиземноморской ветви европеоидной большой расы, второй — как «еврафриканский» вариант, сохранивший некоторые черты протоевропейского типа. Уверенность автора в реальности разницы между ними возрастает по мере приближения к концу книги. Так, на стр. 50 он имеет «...основание утверждать, что типологическая разница между этими вариантами довольно убедительна». Далее он пишет, что «...разница между ними убедительная» (стр. 85). Наконец, седьмой вывод книги гласит (стр. 112): «Разница между первым и вторым самтаврскими вариантами настолько убедительна, что они не могут быть генетически связаны в изученном отрезке времени» (разрядка везде моя.— В. А.).

Однако убедительность выводов автора снижается вследствие недостаточного числа наблюдений и наличия функциональной корреляции между признаками. В некоторых случаях различия женских групп идут в обратном направлении в сравнении с мужскими, что заставляет относиться к ним с большой осторожностью. Наиболее заметны различия по черепному и носовому указателям, зигомаксиллярному углу горизонтальной профилировки и высоте орбит, но и здесь разница между женщинами значительно меньше, чем между мужчинами. Таким образом, не отрицая возможности морфологических различий между антропологическими типами эпохи бронзы и железа, следует подождать с их констатацией до появления большего количества материала. В связи с этим становится спорным место, которое дал им автор в расовой систематике европеоидной большой расы. Если отнесение первого самтавского варианта к средиземноморской ветви не вызывает сомнений, то второй вариант диагностирован вряд ли правильно. Во-первых, лучше, пожалуй, говорить не о «еврафриканском» типе, а скорее о следах «еврафриканского» типа, если бы второй вариант обнаруживал определенное тяготение в этом направлении. Но полное отсутствие альвеолярного прогнатизма, что признает и автор, форм *sulcus praealalis* в строении нижнего края грушевидного отверстия, сопровождающееся не уменьшением, а увеличением угла выступания носа, говорит об отсутствии такого тяготения. Поэтому, если даже и существуют отличия между вариантами, имеется больше оснований считать второй самтавский вариант подобно первому, принадлежащим к средиземноморской или южной группе антропологических типов европеоидной расы.

В четвертой главе дается обзор уже известного палеантропологического материала с территории Кавказа и Передней Азии и сопоставление его с самтавским. Первый самтавский вариант на территории Кавказа автор сближает с черепами кобанской культуры, а за его пределами — с черепами шумеров III тысячелетия до н. э., со средиземноморской группой дагманской серии и группами саков Средней Азии; второй — с севанскими и южноазербайджанскими черепами на территории Кавказа и черепами шумеров IV тысячелетия (эль-убайдский вариант) за его пределами. Столь широкое распространение сходных форм также свидетельствует против, концепции автора, так как говорит о неспецифичности отмеченного сходства, которое является, скорее всего, результатом малого числа наблюдений. Таким образом, основным выводом этой главы следует считать не указания на связь самтавского материала с теми или иными типами, выделенными на палеантропологическом материале в древнем населении Передней Азии, а четко сформулированное автором и бесспорно доказанное им в общей форме всей совокупностью цифровых данных положение о формировании самтавского краниологического типа на территории Передней Азии. В настоящее время, когда лингвистические данные, повидимому, не могут быть использованы для обоснования генетической связи народов Кавказа с народами Ближнего Востока, важность этого вывода особенно велика¹.

Весьма важным является и опровержение взглядов Р. Вирхова на процесс происхождения картвельских племен Закавказья. М. Г. Абдушелишвили справедливо указывает, что отрицание связи между современными грузинами и древним населением эпохи бронзы только на основании различия величины головного указателя у тех и других является приложением к данному конкретному случаю концепции неизменности расовых типов во времени — концепции, давно отброшенной советской антропологией.

В заключительной части автор рисует перспективу дальнейших исследований проблемы происхождения грузинского народа по данным антропологии и в тезисной форме суммирует содержание книги. Нельзя не пожалеть о том, что в работу не вошел сравнительный материал по краниологии народов Кавказа, представленный в его диссертации. Нельзя не пожалеть и об отсутствии списка опечаток, а они в книге имеются.

Резюмируя, приходим к выводу, что хотя один из главных тезисов автора нуждается в дополнительной аргументации на основе новых материалов, рецензируемый труд является ценным исследованием, дающим тщательное описание и в главных чертах правильную интерпретацию очень важного, хотя и немногочисленного материала, и полезным справочником по палеантропологии Кавказа и Передней Азии. Так же, как и статья автора, написанная им совместно с А. Н. Натишвили и М. И. Абдушелишвили и посвященная публикации богатых материалов соматологического обследования современного населения, собранных Институтом экспериментальной морфологии Академии наук Грузинской ССР², он свидетельствует о непрерывном творческом росте коллектива антропологов столицы советской Грузии. Будем с нетерпением ожидать выхода в свет очередной работы М. Г. Абдушелишвили, посвященной публикации краниологического материала из поздних погребений Самтавского могильника.

В. Алексеев

¹ И. М. Дьяконов, О языках древней Передней Азии, «Вопросы языкознания», 1954, № 5.

² А. Н. Натишвили, М. И. Абдушелишвили, М. Г. Абдушелишвили, Материалы экспедиции 1950 года по антропологии современного населения Грузинской ССР, Труды Института экспериментальной морфологии АН Груз. ССР, т. IV, Тбилиси, 1953.

СТРАНЫ НАРОДНОЙ ДЕМОКРАТИИ

НОВЫЙ ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ В НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКЕ
БОЛГАРИИ *

В 1947 г. в реорганизованной Болгарской академии наук был создан Институт народоведения (Институт за народоука). В 1949 г. он был переименован в Институт этнографии и в его ведение был передан Этнографический музей. Объединение в составе Академии наук двух этнографических организаций дало возможность сконцентрировать в одном месте квалифицированные кадры этнографов, координировать их работу. Большое значение для развития в стране этнографической науки имело постановление Президиума Болгарской академии наук от 28 V.1953 г., в котором была дана критическая оценка деятельности Института, намечены основные направления дальнейшей этнографической работы. Перед работниками Института и Музея на ближайшие годы поставлены задачи планового этнографического изучения страны, вопросов происхождения болгарского народа, форм семейного и общественного быта, изменений, происходящих в настоящее время в жизни населения, изучения народного творчества¹.

За последние годы Институт этнографии предпринял издание нескольких интересных монографий. В серии «Трудов Института» вышло исследование Ивана Коева, посвященное истории болгарского народного орнамента². Г. Георгиев и В. Николаев в своей совместной работе освещают быт рабочих и состояние горнодобывающей техники на железных рудниках XVI в.³ Под редакцией Марии Велевой был издан альбом болгарской народной одежды и вышивок⁴. В ближайшее время предполагается продолжение издания периодических «Сборников народного творчества» («Сборник за народни умотворения»).

В конце 1953 г. было предпринято издание нового этнографического журнала «Известия Института этнографии и Музея», центрального теоретического органа болгарских этнографов.

Первая книга «Известий», помимо указанной статьи директора Института академика Романского, включает ряд этнографических работ по материальной культуре и болгарскому народному творчеству.

Статья Марии Велевой представляет исследование национального костюма Котленского края до начала XIX в. и является частью большой монографии автора, посвященной котленской национальной одежде⁵. Статья написана в основном на полевых материалах, собранных автором в 1942, 1946 и 1950 гг. и коллекциях Этнографического музея Болгарской академии наук, а также краеведческих музеев города Котел и сел. Жеравна, Медвен.

Болгарская национальная одежда, очень красочная и разнообразная, издавна обращавшая на себя внимание ученых и художников, получила широкое освещение в болгарской и зарубежной литературе. Первые болгарские этнографы и краеведы уделяли внимание многообразию региональных типов болгарского костюма, дав его описание по отдельным районам и областям. Большую помощь в изучении национальной одежды оказал открытый в 1906 г. Народный этнографический музей, давший возможность специалистам ознакомиться со всем многообразием болгарского народного костюма, сохранивший для последующих поколений сокровищницу народного творчества.

Несмотря на многочисленную литературу по данному вопросу, вся она, как правило, носила описательный характер, частично только затрагивая вопросы общности с одеждой других славянских народов, влияния костюма соседних народов. В основной массе, как отмечает автор, буржуазная литература рассматривала одежду «в отрыве от человека, который ее создает и использует, в отрыве от исторического, экономического и культурного развития населения»⁶.

Котленский край с богатым прошлым, давший стране немало революционных и культурных деятелей эпохи болгарского возрождения, был предметом изучения историков, археологов, географов, экономистов, неоднократно касавшихся в своих работах и этнографии. Автор статьи, тщательно ознакомившись со всей литературой о Котленском крае и используя ее в своей работе, приходит к выводу, что котленская одежда

* «Известия на Етнографски институт с Музей» — орган Института этнографии и Этнографического музея Болгарской Академии наук, кн. I, София, 1953.

¹ Ст. Романски, Етнографски институт с Музей при Българската академия на науките, «Известия на Етнографски институт с Музей», кн. I, София, 1953, стр. 3—8.

² И. Коев, Българската възбена орнаментика. Принос към историята на народния орнамент, София, 1951, (Трудове на Етнографски институт, кн. I).

³ Г. К. Георгиев, Железодобивната индустрия в Мървашко (Планината Алиботуш и съседните ѝ планини); В. Николаев, Големи минни предприятия с български работници в европейска Турция през. 16 в., София, БАН, 1953.

⁴ «Български народни носии и шевици», Альбом, София, 1950.

⁵ М. Велева, Котленската носия от началото на XIX в., «Известия», кн. I, стр. 9—62. В заглавие статьи, видимо, вкралась опечатка, так как в самой статье речь идет о костюме до начала XIX в.

⁶ М. Велева, Указ. соч., стр. 11.

еще далеко не достаточно изучена, в частности, значительный пробел составляет отсутствие ее систематизированного описания. Поэтому уже одно детальное, с новых методических позиций описание костюма в обширном крае за длительный исторический промежуток времени с характеристикой способа его изготовления является ценным вкладом в изучение материальной культуры болгарского народа. Однако автор статьи не ограничивается лишь описательной стороной вопроса, он ставит перед собой задачу не только «собрать данные об одежде в Котленском крае с целью полного и систематического исследования болгарской народной одежды, но и рассмотреть национальную одежду в этом крае в связи с соответствующими изменениями трудовыми деятельностью и быта населения, с его общественно-экономическим и культурным развитием»⁷.

Изучение народной одежды в непосредственной связи с общими изменениями условий труда, быта, социально-экономической жизни народа дает автору основание наметить несколько этапов в развитии болгарского национального костюма.

Переходя к описанию болгарского костюма XVIII в. на материалах котленской одежды, автор предпосылает ему общую характеристику края, содержащую много интересных сведений для исследователя народного быта. Села Котленского края, расположенные на холмистой местности, вдали от больших дорог, возникают в XVI в., служа, по предположению автора, болгарскому населению убежищем от произвола турок. Население котленских сел различного происхождения, попав в общие географические и экономические условия, переживая общую историческую судьбу, с течением времени складывается в единое этнографическое целое с общим бытом, культурой.

В начале XIX в. овцеводческие села края переживают быстрый экономический подъем, превращаясь в ремесленные и торговые центры.

Исследуя котленский костюм, автор выделяет комплексы женской («женска носия») и мужской одежды («мъжка носия»). В пределах первого комплекса последовательно выделены детская одежда («детско облекло»), костюм девушки («момински костюм»), костюм невесты («невестински костюм»); в пределах второго комплекса — костюм пастуха и костюм пахаря («костюм на овчари и орачи») с последовательной характеристикой детского и мужского костюма. Кроме того, дана характеристика одежды первых котленских поселенцев. Описанным комплексам одежды сопутствует описание процессов ее изготовления, а также описание обуви, прически, украшений, головного убора.

До начала XIX в. одежда изготовлялась в условиях примитивного домашнего производства, отличалась технической простотой исполнения. Основным сырьем для тканей домашней выделки служила шерсть, наряду с этим использовались лен, конопля, хлопок.

В статье дается подробное описание приготовления пряжи и тканей в условиях домашнего производства, где изготовлялась красивая, художественно оформленная материя с рельефным орнаментом. Особого мастерства достигали котленские мастерицы при прядении на вертикальном станке, изготовляя при помощи естественных красителей наряду с одноцветными и цветные ткани. Автор статьи приводит названия растений, из которых добывались естественные красители, и небезинтересные и в наши дни рецепты их приготовления. Главу, посвященную изготовлению одежды, автор заканчивает характеристикой некоторых сопровождающих его обрядов.

Вторая часть статьи содержит описание национального костюма по указанным выше половозрастным группам.

Анализ покроя котленского народного костюма, как устанавливает автор, с одной стороны, вскрывает в нем старинные славянские черты, с другой — указывает на «тесную связь с условиями труда, быта и культуры трудового населения Котленского края того времени»⁸. Женский костюм, изящный, красочный и не стесняющий движений, состоял из белой полотняной, длиной до щиколоток, с широкими рукавами, вышитой туникообразной рубахи («риза») и черного шерстяного или темносинего полотняного без рукавов с треугольным вырезом туникообразного сарафана («сукман»). Костюм дополнялся шерстяным с разноцветными полосами из двух полотнищ фартуком («престилка») и поясом из темносиней или цветной шерсти шириной 5—8 см и длиной в несколько метров; поверх рубашки надевалась клинообразная, длиной выше колен шерстяная, имеющая спереди разрез безрукавка.

Старинный мужской костюм из белой шерсти в XVIII в. уступает место новому, состоящему из коричневых шерстяных суживающихся к щиколотке шаровар («потури»), туникообразной из белого льняного полотна с широкими рукавами рубахи («риза»), короткой без рукавов жилетки, шерстяного широкого пояса; зимой обязательной частью одежды являлась бурка («ямурлук»).

Охарактеризованный выше котленский тип национального костюма, делает заключение автор, был близок к юго-восточному типу болгарского костюма и продолжал с небольшими изменениями существовать до конца XIX в.

Заканчивая обзор содержательной статьи Марии Велевой, считаем необходимым сделать ряд замечаний, которые могут быть учтены автором при издании предполагаемой монографии.

Автор в данной статье ставит перед собой трудную, но интересную задачу рекон-

⁷ М. Велева. Указ. соч., стр. 55.

⁸ Там же, стр. 53.

струировать старый котленский костюм, доведя его характеристику до начала XIX в., и одновременно на его примере наметить общие черты болгарского национального костюма за большой исторический период. Помимо описательной задачи, автор ставит перед собой цель выявить связь национального костюма с трудовой деятельностью, показать целесообразность и приспособленность отдельных его частей к трудовому быту котленских овцеводов. Это правильное положение четко сформулировано только в выводах автора, но, к сожалению, теряется в обширной повествовательной характеристике костюма. В общей части статьи автор выдвигает правильное положение, что развитие ремесел и торговли несет с собой проникновение в деревню готовых товаров, которые начинают использоваться крестьянством при изготовлении одежды. Однако при такой характеристике все болгарское крестьянство выступает одноликой массой. Конкретный анализ социального состава населения котленских сел того времени дал бы возможность автору статьи прийти к выводу о том, что в первую очередь начинают тянуться к покупным товарам, прибегать к помощи профессиональных мастеров зажиточные слои крестьянства, которые позднее начнут ролебно заимствовать костюм мещанства и городской буржуазии; в малоимущих семьях продолжает сохраняться домашнее производство.

Приводимый в статье материал относится в основном к XVIII — началу XIX в., когда в Болгарии еще сохраняются отдельные институты патриархального быта, в частности большая семья. Однако в описании изготовления костюма отсутствует упоминание о большой семье, реальном производственном коллективе того времени, и о сельской общине. Описание распределения работы по приготовлению пряжи, тканей и шитью одежды между женщинами семьи, роли старшей женщины в распределении и контроле за работой, описание прядения на посиделках, коллективной помощи соседей малоимущим семьям и т. д. только помогли бы автору, как нам кажется, раскрыть роль трудового коллектива в создании национальной материальной культуры. В статье содержатся иллюстрации отдельных частей костюма, хотелось бы видеть иллюстративную реконструкцию основных половозрастных комплексов котленского костюма.

Вопросам материальной культуры болгарского народа посвящена также статья Веры Венедиковой «Мутафчийское ремесло (обработка козьей шерсти) в Болгарии»⁹.

Целью данной статьи является описание одного из распространенных, но мало исследованных промыслов Болгарии. Статья основана на полевых материалах, собранных автором в центрах распространения мутафчийского промысла — городах Панагюриште, Трявна, Троян, Коларовград (быв. Шумен), Тырново и других. Помимо этого, автором использованы данные анкетного опроса, проведенного Этнографическим музеем, и материалы архива Академии наук по этнографии Добруджи.

Обработка козьей шерсти, ранние сведения о которой относятся к XVIII в., была широко распространена во многих городах Болгарии. Крупнейшим центром, откуда изделия из козьей шерсти распространялись по всей Болгарии и за границу, был город Панагюриште, располагавший до 1878 г. 200 мастерскими, за ним шли города Казанлык, Пазарджик, Пловдив, Шумен. Горные районы Болгарии, где было сильно развито козоводство, служили постоянными поставщиками сырья в указанные города, небогатое население которых в мутафчийстве искало дополнительных заработков. В 80-х годах XIX в. в связи с ввозом из-за границы промышленных товаров и развитием национальной промышленности мутафчийский промысел начинает клониться к упадку.

Автор статьи на большом и разнообразном материале дает описание мутафчийских мастерских, организации работы в них, процесса обработки шерсти, продукции мутафчийского производства. Прядение и ткачество этнографически мало изучены. Поэтому подробное описание последовательных процессов обработки козьей шерсти (сортировка и теребение — «отбирание», или «трёбенето», прядение — «предене», ткачество — «тъкане», окраска — «боядисването») и устройства прядильного и ткацкого станков представляет большой интерес для исследователя данной проблемы.

Текст сопровождается многочисленными иллюстрациями, дающими наглядное представление о мутафчийском ремесленном производстве. Особое внимание автор уделяет описанию получившей распространение в мутафчийском промысле в конце XIX в. технике цветного ткачества, приводя названия отдельных сочетаний цветов. Мутафчийское производство, во всех процессах которого были заняты только мужчины, поставляло на рынок ковры, дорожки, подстилки, попоны, пуги, вожжи, покрывала для шалашей, торбы, переметные сумы, мешки и было связано с особой профессиональной организацией ремесленников. Автор приводит подробную, крайне интересную характеристику цехового устройства ремесленников, занятых в мутафчийских промыслах, организации обучения ремеслу учеников, сопровождая это описанием празднования дня цехового патрона на примере цеха мутафчиев г. Панагюриште и цеховым уставом мутафчиев г. Тырново. В статье содержатся также интересные материалы по организации продажи продукции мутафчийских промыслов.

Наряду с продажей (или обменом на продукты и сырье), производимой самими ремесленниками, существовала широко развитая торговля с помощью торговцев-посредников («гизиджите»). К сожалению, автор совершенно не останавливается на

⁹ В. Венедикова, Мутафчийският занаят в България, «Известия», кн. I, стр. 63—139.

эксплуататорской роли этих посредников, продававших ремесленникам сырье, скупавшиеся за бесценок у крестьян, и поставлявших последним готовую продукцию.

В связи с развитием в стране промышленности и торговли, железных дорог, а также уменьшением емкости внутреннего рынка понижается спрос на товары мутафчийского производства. Мутафчии, стремясь сохранить свои промыслы, вынуждены были идти на ряд нововведений в производстве. Автор специально останавливается на состоянии мутафчийского производства в начале XX в. К сожалению, в статье остается слабо освещенным вопрос о состоянии мутафчийского производства в Народной Республике Болгарии, где народные промыслы, получив поддержку от государства, переживают эпоху своего возрождения.

Болгарская буржуазная фольклористика уделяла большое внимание собиранию и изучению народных песен. Начиная с 1889 г., народные песни регулярно публиковались в «Сборнике народного творчества», издаваемом Болгарской академией наук.

Однако буржуазная болгарская фольклористика рассматривала народное творчество как музейную древность, которую нужно сохранить для потомства. Видные литературоведы и поэты того времени, Пенчо Славейков и другие, занимавшиеся проблемами народного творчества, придерживались взгляда, что устное народное творчество не имеет перспектив для своего развития и обречено на вымирание как один из атрибутов уходящего в прошлое старого быта. Буржуазная наука не сохранила нам, за небольшим исключением, биографий народных певцов, исследований процессов их творчества, а в ряде случаев и их имен. В 1892 г. в Пловдиве был созван съезд народных певцов, в котором приняло участие около 120 человек. Это большое событие в культурной жизни страны, которое могло бы дать интересный материал для этнографов и фольклористов, не получило должного освещения. В 20-х годах текущего столетия под руководством одного из крупнейших фольклористов В. Стоина была проведена большая работа по записи народных песен, в которой, однако, создателям и исполнителям их уделялось незначительное место.

За десять лет существования в Болгарии народно-демократического строя, когда освобожденные трудящиеся массы стали активными участниками и строителями новой жизни и возрос естественный интерес к самим создателям богатого народного творчества, проведена большая работа по его изучению и разработке. Много сделано для выявления народных талантов, изучения жизни и творчества народных певцов, сказителей, популяризации их произведений.

Народная песня в Болгарии являлась неотъемлемым спутником трудового болгарского народа на протяжении его многовековой истории, она поддерживала его силы и звала на борьбу в эпоху турецкого гнета, в годы фашистской реакции.

Систематически проводимые в Болгарской Народной Республике смотры художественной самодельности демонстрируют наряду с другими видами искусства большую живучесть народной песни и танца. Народная песня в наши дни прекрасно сохраняется в юго-восточной Болгарии, Родопских горах; село Бистрица Софийской области славится своим музыкальным фольклором. С целью систематического изучения музыкального искусства в 1950 г. в составе Болгарской Академии наук был создан Институт музыки, одной из основных задач которого является собирание, хранение и исследование болгарского народного песенного творчества, народных музыкальных инструментов, игр, танцев.

Институт этнографии, имея в своем составе специальную секцию фольклора, в сотрудничестве с Институтом музыки и Союзом болгарских писателей, также проводит большую, плодотворную работу по изучению болгарского фольклора.

В 1946 г. по поручению Союза болгарских писателей поэт Дмитрий Осинин проводил запись репертуара народного певца Вичо Илиева Бончова. В 1950 г. вышел сборник народных песен Вичо Бончова, включающий 32 песни из репертуара певца и вступительную статью Д. Осинина, характеризующую подробно его жизнь и творчество¹⁰. В 1951 г. народный певец был избран в члены Союза болгарских писателей. За годы народно-демократического строя был издан ряд сборников болгарского народно-поэтического творчества, отражающих большую работу, проделанную в этой области¹¹.

Рецензируемый журнал на своих страницах помещает две статьи, посвященные вопросам болгарского народного творчества, которые иллюстрируют плодотворную работу Института этнографии в этой области.

В задачу статьи Цветаны Вранской входит исследование жизни и творчества народного певца из села Маслово Софийской области Атанаса Кирова Коцева (дядо

¹⁰ В. Бончов, Израсло дърво високо, Народни песни. Записал и редактировал Д. Н. Осинин, София, 1950, стр. 215.

¹¹ Г. Керемидчев, Български народни песни, Лирика и епос, София, 1948, стр. 210; Българско народно творчество, Сборник статии под ред. на Г. Керемидчева, София, 1950, стр. 287; Ела ее вие превива, Родопски народни песни. Записал В. Примовски, София, 1952, стр. 231; В. Вълчев, Пустата хурка дрянова, Народни хумористични песни, София, 1952, стр. 198; И. Качулев, Български народни песни за Русия и Свѣтския Съюз, София, 1953, стр. 153; Гороле, Майко хайдушка, Сборник хайдушки народни песни, Съст. И. Бурин и Д. Осинин, София, 1953, стр. 302.

Мано)¹². Песенный репертуар дядо Мано был почти полностью записан авторами статьи осенью 1949/50 г., мелодии его песен были записаны сотрудником института музыки Болгарской Академии наук. Еленой Стоин.

Софийская область — один из центров бытования народных песен, многие из которых вошли в опубликованные в 1942 и 1949 гг. «Сборники народных песен»¹³ и ряд других изданий. В отличие от других сел, песни из Софийской области в основной своей массе носят эпический характер, большое место занимают юнацкие песни. Однако, как удалось установить автору рецензируемой статьи, в указанные сборники не вошли песни из села Маслово.

Атанас Коцев, певец-непрофессионал, родился в бедной сельской семье. Получив четырехклассное сельское образование, он вынужден был многие годы батрачить в чужих селах. С 1912 г. работал на железной дороге, был активным членом Болгарского земледельческого союза, участником первой мировой войны, Сентябрьского восстания 1923 г.; после 9 сентября 1944 г. принимал деятельное участие в организации ТКЗХ в своем родном селе и был его первым председателем.

Атанас Коцев — не только певец-исполнитель, но и сочинитель. На формирование его творчества большое влияние оказала живая фольклорная традиция, ее эпический характер. В его репертуаре преобладают песни политического и исторического содержания. Цветана Вранска в первой части статьи дает подробную биографию народного певца и общую характеристику его творчества, в последующих главах рассматривает песенный репертуар певца, особое внимание уделяя творчеству дядо Мано после 9 сентября 1944 г. Не ограничиваясь сюжетной характеристикой творчества народного певца, автор статьи рассматривает его в тесной связи с биографией последнего, с его политическими взглядами. Такой метод дает автору возможность наметить периоды расцвета и спада в творчестве народного поэта. Так, после подавления Сентябрьского восстания 1923 г. Атанас Коцев отходит от политической жизни страны, оставаясь в стороне от нее и в годы борьбы против фашизма. Это отражается и на творчестве поэта, переживавшем временный застой. Освободительная война болгарского народа, установление народно-демократического строя вызывают мощный расцвет творчества, включившегося, несмотря на свой преклонный возраст, в общественную жизнь. В его произведениях находят отражение участие Болгарии в войне против фашистской Германии, организация ТКЗХ, первый коллективный сев, помощь советского народа в восстановлении народного хозяйства Болгарии.

Автором статьи проведена кропотливая работа по изучению лексики певца, выделению в его песнях многочисленных новообразований и типичных для традиционного народного творчества поэтических приемов. Проведя детальный анализ репертуара певца, в котором он выступает только как исполнитель, автор приходит к выводу, что исполняемые Коцевым песни о королевиче Марко в основном заимствованы им из сборника Стояна Попова «Королевич Марко, народная эпическая поэма», опубликованного в 1901 г. Однако и при исполнении произведений других авторов певец не повторяет их текстуально, а творчески перерабатывает, вводя много народных выражений. В приложении к статье даны две песни, сочиненные Атанасом Коцевым.

Е. К. Теодоров в статье «Исторические наслоения в одной болгарской эпической песне»¹⁴ на примере песни о королевиче Марко и жестокой Базиргяне, записанной в 1887 г. в селе Врыбница Софийской области, прослеживает процесс «исторической конкретизации» в народной эпической песне, по определению автора, «являющейся основной движущей силой в развитии любой песни».

Василий Маринов, автор статьи «Переселенческие движения в Лудогорие (Делиормане)»¹⁵, известен своими исследованиями этой обширной области северо-восточной Болгарии. Данная статья является дополнением к ранее опубликованной работе автора¹⁶. Статья, очень насыщенная конкретным материалом, снабженная тремя картами, представляет интерес для исследователя этнического состава населения Болгарии. Лудогорие (Делиорман), некогда турецкий район, в настоящее время является областью со смешанным болгаро-турецким населением, при значительном преобладании первого. Автор рассматривает процессы переселения в Лудогорие с периода, предшествовавшего освобождению от турецкого ига, до 1934 г. Характеризуя переселенческие движения болгарского населения в Лудогорие из Добруджи, Румынии и других соседних стран («вышнии преселнически движения»), автор рассматривает их по трем последовательным периодам: до 1877 г., с 1877 по 1900, 1900—1934 гг.

¹² Ц. Вранска, Дядо Мано — автор и исполнитель на народни песни от с. Маслово Софийско, «Известия», кн. I, стр. 143—192.

¹³ Ст. Ватев. Народни песни от Софийско, «Сборник за народни умотворения», т. 43, 1942; Г. Иванов, Народни песни и приказки от Софийско и Ботевградско, «Сборник за народни умотворения», т. 44, 1949.

¹⁴ Е. К. Теодоров, Наслоявания в една българска народна епическа песен, «Известия», кн. I, стр. 203—240.

¹⁵ В. Маринов, Преселнически движения в Лудогорието, «Известия», кн. I, стр. 241—271.

¹⁶ В. Маринов, Делиорман (южна част). Областно географско изучаване, София, 1941.

Лудогорие издавна привлекало также переселенцев из городов и сел Болгарии. Как удалось установить автору и наглядно продемонстрировать на картографическом материале (см. приложенные к статье карты № 1—2), еще задолго до освобождения наблюдается движение населения из сельских районов и таких городов, как Коларовград (быв. Шумен), Разград, Сталин (быв. Варна), Нови Пазар, Тырново и другие, к границам Лудогория. После освобождения это движение заметно усиливается; в 1913—1914 гг. бывшие турецкие села Лудогория заселяются болгарскими переселенцами из Фракии, Македонии, Добруджи, малоплодородных старопланинских земель Болгарии. Лудогорие стало одним из крупных центров болгарского переселенческого движения. Хотелось бы в данной статье найти хотя бы краткую экономико-географическую и историческую характеристику края, что объяснило бы значение Лудогория как центра переселения.

Статья снабжена обширной таблицей, включающей статистические данные по 126 селам Лудогория.

Автор детально прослеживает в пределах каждого отдельного села число переселенцев и их первоначальное место поселения, оставляя, однако, без внимания социальный состав переселенцев. Комментируя карту миграционных движений, приложенную к статье, автор ограничивается замечанием о том, что «жители сел с более компактным и сознательным (!) болгарским населением переселяются до и после освобождения в села с турецким населением и покупают имущество выселяющихся турок»¹⁷; в другом месте автор вскользь замечает о проникновении мелкого капитала в села Лудогория.

В села Лудогория, очевидно, помимо эмигрантов и реэмигрантов, выселялись, с одной стороны, крестьянские семьи, не имевшие средств к существованию в родных местах, с другой — торговцы, ремесленники, зажиточные слои крестьянства в погоне за дешевыми свободными землями. Включение в статью данных об отдельных социальных группах повысило бы ценность статьи.

Послевоенная работа болгарских этнографов из-за отсутствия периодического органа не получала до сих пор полного освещения. Рецензируемый журнал отражает два основных направления в современной работе болгарских этнографов — изучение материальной культуры и народного творчества своего народа. Однако в Институте этнографии Болгарской Академии наук, повидимому, ведется более широкая работа. Хотелось бы, чтобы новый журнал имел хроникальный отдел, который мог бы своевременно и полно информировать читателей о всем многообразии повседневной полевой и кабинетной этнографической работы в стране.

Болгарская этнография имеет свою почетную историю; она внесла немало ценного в разработку отечественной и славянской этнографии. Однако довоенной буржуазной этнографии были свойственны ошибки и заблуждения. Одной из первоочередных задач болгарских этнографов является критическая переоценка на страницах печати прошлого болгарской этнографической науки.

И. Калоева

НАРОДЫ ЗАРУБЕЖНОЙ ЕВРОПЫ

Джейн Уолш. *Так не должно быть*. М., 1954.

Вышедшая в 1954 г. в переводе на русский язык небольшая книжка английского автора Джейн Уолш «Так не должно быть» относится к произведениям художественной литературы, однако по своему содержанию она заслуживает внимания и этнографов, особенно тех из них, которые занимаются этнографией народов Западной Европы. Книга эта — повесть о жизни рабочей семьи в современной Англии, рассказанная простой английской работницей. Ярко и правдиво изображены в ней положение английского рабочего класса, его повседневный быт, условия труда в настоящее время.

Английские этнографы мало интересуются изучением современной жизни своего народа. В опубликованных за последние годы исследованиях, посвященных этнографии народов Британских островов, в статьях, помещенных в английском журнале «Фольклор», основное внимание сосредоточивается на выявлении и анализе тех пережитков отдаленного прошлого, которые сохраняются еще у части английского населения, на описании народных праздников, старых обычаев и пр. В них совершенно игнорируется современный быт английского народа и тем более жизнь английских рабочих, их положение в империалистической Англии, хотя хорошо известно, что нельзя полностью воссоздать картину жизни, показать специфические черты культуры крупных современных наций, не учитывая национальных особенностей рабочего класса, самого передового класса нации, сохраняющего лучшие традиции национальной культуры. В капиталистических странах лишь этот класс является ныне руководителем борьбы за подлинную демократию, за национальную независимость своего народа. Вот почему особенно большое значение имеет изучение условий жизни, быта и культуры рабочих

¹⁷ В. Маринов. Преселническо движение в Лудогорието, стр. 268.

в странах Западной Европы, в частности английского рабочего класса, быт которого отличается особенно яркими специфическими чертами, создававшимися на протяжении ряда веков.

Так как этнографических материалов по быту английских рабочих почти совсем нет, для нас крайне ценны и те сведения, которые можно почерпнуть из политической, исторической и художественной литературы. Но зачастую и такие источники, принадлежащие в большинстве своем перу буржуазных авторов, бывают неудовлетворительными, так как они искажают действительность, стараются приукрасить положение рабочих, изобразить их жизнь лучше, чем она есть на самом деле. Поэтому для нас особенно ценно появление книги, автор которой прямо и открыто рассказывает читателям о беспроектной нужде и лишениях, жестокой нищете трудящихся масс капиталистической Англии.

Джейн Уолш пишет о своей семье, о своих близких и знакомых — таких же рабочих, как и она сама, живущих в небольшом текстильном городке Англии — Олдэме. Но описанная ею жизнь рабочих типична и для всей Англии наших дней.

В повести хорошо отображено материальное положение английских рабочих в настоящее время. Читатель может проследить жизненный путь женщины-работницы, начавшей свою трудовую деятельность с детских лет. Лишенное радости, тяжелое детство, постоянное недоедание, борьба с нуждой — удел не только Джейн Уолш, но и многих других английских работниц. Автор рисует яркие картины непосильного детского и женского труда на текстильных фабриках Олдэма. Она рассказывает о том, как двенадцатилетних детей, приходящих в школу после шестичасового рабочего дня, учитель заставляет стоять весь урок, так как иначе они засыпают; как возвращающиеся с работы девочки радуются проливному дождю, который освежает их и помогает смыть вьезшуюся в тело фабричную пыль, и т. д.

Работа на текстильных фабриках протекает в тяжелых антисанитарных условиях. Даже на новых фабриках, оснащенных современной техникой, не соблюдаются элементарные правила техники безопасности, не создана удовлетворительная рабочая обстановка — сплошь и рядом отсутствует вентиляция, нет хорошего освещения, отопления. Администрация проявляет больше заботы о машинах, чем о людях, работающих на них. Немудрено, что работающие в таких условиях женщины быстро теряют работоспособность, рано стареют, подобно изображенной автором ткачихе Нелли Пуатт, выглядевшей дряхлой старухой в 50 лет, из которых больше 35 она проработала в одном и том же цехе. В этом цехе круглый год работали при электрическом свете, в окна квартиры Нелли солнце тоже никогда не заглядывало. «Пусть бы эксперты-статистики, — с горечью замечает автор, — подсчитали, сколько часов провела на солнце за свой век эта женщина. Я думаю, не набралось бы и месяца...» (стр. 58).

Нищета, полная лишений жизнь продолжалась для Джейн Уолш и ее подруг и после выхода замуж. Пока их мужья еще имели работу, они могли кое-как сводить концы с концами и не испытывали хотя бы чувства голода. Но и имеющие постоянный заработок рабочие в Англии беспокойны за будущее своих семей, не уверены в завтрашнем дне, так как периоды сравнительного благополучия семьи быстро сменяются длительными и мучительными периодами безработицы, которая сопровождается еще более тяжелой нуждой, жалким существованием на нищенское пособие.

Хорошо показывает автор, как ханжеская частная и общественная благотворительность унижает чувства человеческого достоинства рабочих, еще более подчеркивает бедственное положение безработных. Нередко мужу приходится расставаться с женой, чтобы получить право на пособие, и видиться с ней тайно, когда удастся обмануть бдительное око специальных агентов по проверке нуждаемости. «Нет ничего более холодного и бездушного, чем благотворительность, — замечает автор. — На каждом шагу подчеркивается благотворителями разных видов бедность и унизительное положение тех, которые вынуждены просить о помощи» (стр. 135). Джейн Уолш рассказывает с негодованием о том, с каким презрением обращались в доме отдыха с теми, кто отдыхал там по страховым пособиям: «...нас едва терпели, загоняли на задворки, на черные лестницы, в заброшенный сад...» (стр. 65).

В Англии, как и в других капиталистических странах, неуклонно действует закон абсолютного и относительного обнищания рабочего класса. В повести Уолш хорошо видно, как проявляется этот жестокий закон капитализма в повседневном быту рабочих. Автор повести знакомит нас с жилищными условиями, в которых живут рабочие в промышленных городах Англии, с их одеждой, пищей, подробно показывает также их семейную жизнь.

Холодные и сырые маленькие домики в узких переулках и тупиках, где совсем нет зелени, где все черно от копоти и сажи, — таково обычное жилище низкооплачиваемых слоев английских рабочих. Те из них, материальное благосостояние которых хотя бы временно улучшается, прежде всего стараются вырваться из этих трущоб, пытаются приобрести «на выгодных условиях» в рассрочку одну из стандартных дешевых построек, которые строят для рабочих предприимчивые дельцы. Но стоит только главе семьи лишиться постоянного заработка — иллюзия «собственного» дома пропадает. Семья, которая не в состоянии внести очередную плату за жилище, лишается дома, обстановки и вновь переселяется в трущобы.

Из книги Джейн Уолш можно также почерпнуть много ценных сведений о специфических особенностях некоторых элементов материальной и духовной культуры

английских рабочих — о национальных традициях в их жилье, пище, семейной жизни, организации досуга, народных праздниках и пр. Так, например, автор подробно описывает внутреннюю планировку домов английских рабочих со свойственным им вертикальным расположением квартир, традиционным способом отопления — камином и пр. Эти сведения представляют особый интерес для этнографов, изучающих специфику культуры английской нации.

Автор повести рассказывает своим читателям также о том, как складывается семейная жизнь английских работниц, с каким трудом создается в Англии семья; полная лишений жизнь притупляет в человеке все чувства, отравляет самые лучшие дни его молодости, заставляет даже порой отказываться от законного желания иметь свою семью.

Джейн Уолш и люди, ее окружающие, не принадлежат к какой-либо политической партии, не имеют твердых политических убеждений, но они по мере сил отстаивают право на человеческую жизнь. Всей своей книгой автор протестует против порядков, при которых процветают нищета, безработица. «Пусть политики разглагольствуют о нашей благодатной свободе. Нет свободы в стране, где цепи нужды душат любовь к жизни», — говорит простая английская работница в своей книге (стр. 74). Безыскусная, полная реализма повесть Д. Уолш показывает, что рабочим не вырваться из лап нищеты при существующем в Англии общественно-политическом строе.

Правдивое и убедительное изображение жизни английских рабочих в наши дни — несомненно, большая заслуга автора. Советские этнографы прочтут эту книжку с большим интересом.

И. Гроздова

НАРОДЫ ЗАРУБЕЖНОЙ АЗИИ

Ж. Велерс. *Крестьяне Сирии и Ливана*. Сокращенный перевод с французского Я. И. Серебрянского. Вступительная статья А. П. Орешникова. Издательство иностранной литературы, М., 1952.

Арабские страны Азии до настоящего времени остаются очень слабо изученными в этнографическом отношении. Правда, Сирия и Ливан, равно как и Палестина, исследованы сравнительно лучше: имеется ряд этнографических работ, принадлежащих перу арабских и французских этнографов и посвященных тем или иным сторонам народной жизни. Назовем исследования З. Васфи о племенах Сирии, Х. Шатила и Х. Дагестани о браке и семье у сирийских мусульман, работы сотрудников Французского института востоковедения в Дамаске Р. Монтаня, А. де Бушмана и ряд других. Однако среди этих работ пока еще отсутствуют монографии, которые содержали бы всестороннее описание быта арабов Сирии и Ливана или хотя бы какой-нибудь одной группы арабского населения этих стран.

Вот почему переведенная на русский язык книга покойного французского ученого, профессора колониальной географии Марсельского университета Жака Велерса представляет значительный интерес. Озаглавленная во французском оригинале «*Pausans de Syrie et du Proche Orient*», она фактически посвящена крестьянам Сирии и Ливана, условия жизни которых характеризуются автором довольно подробно и разносторонне. Особенно ценно то, что работа написана на основе сравнительно свежего материала, относящегося преимущественно к 1930—1940-м годам.

Книга Ж. Велерса состоит из двух частей. В первой части («Условия крестьянской жизни») последовательно рассматриваются природные и исторические условия, землепользование и землепользование, крестьянское хозяйство и его техника, наконец, те изменения в условиях крестьянской жизни, которые имели место в период французского мандата (1918—1939). Во второй части («Сельские местности») вначале характеризуются общие черты в условиях материальной и общественной жизни сирийско-ливанских феллахов, а затем дается региональный обзор четырех основных географических зон: открытых равнин, горных районов, оазисов и пустынных окраин. Таким образом, в книге, с одной стороны, содержится некоторый материал по хозяйству, материальной культуре, общественной и семейной жизни крестьян, с другой стороны, поднят ряд общих историко-этнографических и политических вопросов.

Начнем с первой группы вопросов.

Одной из наиболее интересных является третья глава первой части книги, посвященная аграрным отношениям в сирийско-ливанской деревне. Автор характеризует здесь важнейшие виды земельной собственности, показывает особенности общинного и индивидуального землеустройства, дает короткое, но выразительное описание крестьянского землепользования. Велерс указывает, что «крупнопоместная собственность представлена по всем странам, от Средиземного моря до Персидского залива, составляя основу аграрных отношений на Ближнем Востоке. Средняя и мелкая собственность является только исключением... С социальной точки зрения там существуют две противоположные друг другу группы: знать — аги, беки и шейхи, обладающие привиле-

гиями по праву или фактически,— и простой народ» (стр. 144—145). Отсюда «решительный, почти абсолютный разрыв между землепользованием и землевладением» (стр. 146). И крупные землевладельцы, обычно проживающие в городах, и деревенские богатеи сдают землю в аренду на условиях полуфеодалной издольщины. Последняя носит самые разнообразные формы, простые и сложные, но во всех случаях то, что предоставляется издольщику, «составляет лишь прожиточный минимум, необходимый, чтобы он не умер с голоду до нового урожая или чтобы отчаяние не толкнуло его на побег» (стр. 49). Время от времени, когда несчастья превосходят обычную меру, вспыхивают неожиданные и бурные восстания: феллахи забирают урожай, выгоняют управляющих, сжигают дом землевладельца.

В следующей главе автор описывает крестьянское хозяйство и его убогую технику. Характеризуются транспорт, обмен, типы земледелия, традиционные сельскохозяйственные орудия и оросительные средства, кочевое и деревенское скотоводство. Глава заканчивается кратким описанием годового календаря земледельческих работ и подсобных занятий крестьян — домашних производств, отхожих промыслов и т. п.

Этнографический интерес представляет первая глава второй части книги, содержащая сжатую характеристику материальной культуры, семейного быта, а частично также общественной и религиозной жизни крестьян. Здесь говорится об основных блюдах крестьянского рациона и способах их приготовления, о жилище и поселениях феллахов в различных районах Сирии и Ливана, о домашней утвари, о мужской и женской одежде крестьян, кочевников, горцев. В специальном разделе приводятся некоторые данные о рождаемости, смертности, распространенных заболеваниях. Более подробно характеризуются семья и семейная жизнь, патриархальное бесправие женщин и детей, разделение труда в семье, основные обычаи, связанные со свадьбой и воспитанием ребенка. Имеются короткие справки о крестьянском деревенском обществе и религиозной жизни феллахов. Автор отмечает слабое распространение официальной религиозной идеологии, сохранность древних верований, преобладание не религиозных, а народных праздников, связанных с теми или иными датами сельскохозяйственного календаря. Интересен общий вывод Велерса: «Мы имеем дело с родиной соперничающих религий, и все-таки их влияние остается настолько поверхностным, что последователей различных вероисповеданий трудно различать по их поведению. Больше того, если попытаться проникнуть в их души, можно обнаружить то же однообразие» (стр. 268). Этот вывод не может не учитываться при решении вопроса об этнической характеристике столь многочисленных в Сирии и Ливане вероисповедных групп: обладая некоторыми исторически сложившимися специфическими чертами культуры и быта, они все же, по видимому, не должны рассматриваться как особые этнические группировки внутри арабского населения Сирии и Ливана.

Отдельные этнографические сведения содержатся и в заключающем книгу региональном обзоре, где физико- и экономико-географические данные сопровождаются замечаниями о занятиях населения, земледельческой и ирригационной технике, характере поселений и жилищ. Следует особо отметить приложенные к тексту оригинальные карты (распространение общинного землевладения, секты «джубат-бургаль» и др.), рисунки оросительных сооружений и сельскохозяйственного инвентаря, многочисленные планы жилищ и поселений.

Этнографическая ценность всей этой описательной части работы Ж. Велерса неоспорима. Правда, можно говорить о недостаточной подробности и точности изложения, о стремлении «олитературить» материал, местами вытесняющем систематическое научное описание. Но Велерс — не этнограф, и нельзя упрекать его за то, что его книга не стала этнографической монографией о феллахх Сирии и Ливана. Зато самые серьезные возражения вызывают те разделы работы Велерса, в которых он пытается сделать широкие общественно-исторические обобщения.

Основное здесь — это вопрос о причинах бедственного положения феллахов. Отсталая архаическая техника производства, архаический и пагубный общественный строй, нищета и порабощение людей, осужденных работать на землях, которые им не принадлежат, и несущих на своих плечах всю тяжесть общественного здания, вечная забота о хлебе насущном, убожество жилищ и домашней утвари, невежество, патриархальщина и забитость, — такова нарисованная Велерсом картина жизни миллионов и миллионов феллахов Сирии и Ливана и, надо сказать, картина в основном правильная. Но в чем причины создавшегося положения? Автор видит их в различных обстоятельствах. Это, во-первых, «влияние прошлого», под которым Велерс понимает «вековую неподвижность» Востока, истощенного веками бурной жизни и поэтому надолго заснувшего (стр. 91—92). Это, во-вторых, «влияние кочевников», непосредственно прикасающихся с узкой и неустойчивой полосой оседлости и держащих ее в постоянной экономической и моральной зависимости (стр. 97). Это, далее, «роль ислама и арабизма», «которым автор приписывает враждебное отношение к оседлому земледелию, к земледельческому крестьянскому миру» (стр. 100), и вероисповедная рознь, лишаящая деревню покоя и устойчивости, ведущая к расстройству и даже «искоренению» сельской жизни (стр. 107). Наконец, это несостоятельность ближневосточных государственных организаций, пренебрегавших организацией общественных работ и в то же время почти целиком отбравших плоды крестьянского труда (стр. 110—111). Все это объединяется автором под общим названием «Исторические условия» и представляет собой эклектический набор существенных и несущественных, действительных и мнимых факторов

исторического развития стран Ближнего Востока. «Влияние прошлого», конечно, по-ныне продолжает сказываться на жизни феллахов, но оно заключается не в «вековой неподвижности», а в отсталости ближневосточных стран, обусловленной определенными особенностями восточного феодализма, нашествиями крестоносцев, монголов, турок и особенно вторжением европейских и американских колонизаторов. Взаимоотношения между оседлым и кочевым миром, в частности значение кочевой периферии, составляют большой и сложный вопрос, не раз поднимавшийся в литературе и все еще не получивший убедительного разрешения. Не исследовал эту проблему и Велерс; однако, правильно отмечая, что мирное и взаимовыгодное содружество кочевников и оседлых является наиболее обычным для них состоянием, он сам опровергает свою концепцию о социальной враждебности феллахов и бедуинов¹. Еще менее состоятельны ссылки автора на такие надстроечные явления, как ислам, «арабизм», религиозная рознь. Известно, что тот или иной характер надстройки действительно оказывает существенное влияние на экономический базис, но, во-первых, это влияние не является определяющим, а во-вторых, автор не сумел подойти к рассматриваемым явлениям исторически. Говоря об отрицательном отношении «арабизма» к оседлому земледелию, Велерс архайзирует современное арабское общество, приписывает ему древнебедуинские идеалы, отказывается замечать тот горячий интерес, который проявляли и проявляют к нуждам оседлого крестьянства идеологи передовой арабской культуры. Говоря о религиозной розни в сирийско-ливанской деревне, Велерс умалчивает о том, что в настоящее время эта рознь успешно изживается в ходе национально-освободительной борьбы, сплачивающей народные массы этих стран. Говоря о роли государства, Велерс рассматривает последнее как некую внеисторическую и внеклассовую категорию; в то же время он, как мы увидим ниже, отнюдь не без задней мысли противопоставляет «восточное» государство «западному».

Наряду с «историческими условиями» Велерс, отдавая дань характерному для французской буржуазной науки географическому детерминизму, выдвигает в качестве одного из определяющих факторов также и «географические условия». Влиянием географической среды он объясняет такие общественно-экономические явления, как распространение общинного землевладения (стр. 121, 132), техническая отсталость земледелия (стр. 176) и т. п. Переплетаясь с «исторической», географическая аргументация еще более затемняет существо вопроса.

Но автор вовсе не настаивает и на географическом детерминизме. «Если извечная нищета феллаха неизбежно связывается в нашем представлении с оценкой его земли,— пишет Велерс,— то этим еще далеко не доказано, что современная техника не могла бы преобразовать местное сельское хозяйство и сделать его более доходным. Дело заключается, однако, не только в применении новейшей техники, но также и в настоящем социальном перевороте, или, лучше сказать, в полной замене одного общественного строя другим, совершенно ему чуждым» (стр. 84). В другом месте Велерс не менее ясно говорит о необходимости «подлинной социальной революции, а также революции в быту и сознании» (стр. 254). Однако социальная революция, о которой говорит Велерс, это не ликвидация классового гнета феодалов и буржуазии, не освобождение от гнета иностранного монополистического капитала,— это всего лишь капиталистическое преобразование страны, в котором автор видит панацею от всех и всяческих бед. Не случайно феодальному землевладению Сирии и Ливана, отсталости сельского хозяйства и нищете феллахов Велерс противопоставляет капиталистическую Францию, не случайно особую главу своей книги он посвящает «недавним изменениям», под которыми подразумевает двадцатилетнюю деятельность французской мандатной администрации в Сирии и Ливане. Эту деятельность автор считает в целом благотворной: делая местами некоторые оговорки, он все же считает возможным говорить о систематических попытках французских властей «разрешить земельные проблемы» (стр. 214), «организовать сельское просвещение» (стр. 226) и т. п. Таким образом, не в коренных преобразованиях, не в развертывании массового крестьянского движения под руководством рабочего класса Сирии и Ливана, а в продолжении и усилении империалистической колонизации видит Велерс решение самой острой социальной проблемы Ближнего Востока — проблемы феллаха.

В рамках настоящей рецензии нет возможности останавливаться на частных недочетах и неточностях в работе Велерса. Ограничимся поэтому еще одним замечанием, касающимся того содержания, которое вкладывает автор в понятие «семья»; это тем

¹ Попутно отметим, что автор вступительной статьи А. П. Орешников несколько упрощает проблему оседания, утверждая, что «оседание кочевников на землю объясняется не якобы большим естественным приростом населения, а глубоким кризисом кочевого хозяйства, порожденным проникновением капитализма на Ближний Восток» (стр. 13). Кризис кочевого скотоводства в условиях мирового капиталистического рынка начался лишь в последней четверти XIX в., между тем массовые процессы оседания кочевников, связанные с вторжением аравийских бедуинов в Сирию и Месопотамию, имели место и раньше, начиная, по крайней мере, со II тысячелетия до н. э. Они вызывались другими экономическими кризисами и прежде всего именно кризисом перенаселения в районах кочевого скотоводства, приводившим к выселениям и оседанию на землю бедуинских племен Аравии.

более целесообразно, что подобную же ошибку мы находим и в специальных работах по этнографии арабов Сирии². Необходимо различать, указывает Велерс, супружескую семью, патриархальную семью и, наконец, «племенную семью, где очень широкие кровнородственные связи сохраняются живыми и действенными, основываясь на происхождении от общего предка» (стр. 256). Автор, таким образом, рассматривает племя как разросшуюся, насчитывающую «много сотен членов» семью; он не видит качественной разницы между семьей и таким социальным коллективом, каким является род или племя. Одновременно делается и другая ошибка: «племенная семья» рассматривается как форма организации, присущая лишь кочевому обществу; если она и встречается у оседлого населения, то лишь в силу бедуинского влияния (стр. 257). Редакция, исправив в примечании ошибку автора в отношении «племенной семьи», сама допустила неточность, приписав большую патриархальную семью преимущественно кочевникам-скотоводам (примеч. к стр. 256). В действительности нераздельная большая семья у кочевников, по крайней мере арабских, — очень редкое явление, так как отсутствие земельной собственности обычно приводит к выделам сыновей уже в самый момент женитьбы.

Основная ценность книги Ж. Велерса — в содержащемся в ней фактическом материале, в многочисленных живых зарисовках быта арабских крестьян Сирии и Ливана. Предпосланная книге содержательная и острая статья А. П. Орешникова и подробный редакционный комментарий обогащают работу Велерса, делают ее особенно интересной и полезной советскому читателю.

А. Першиц

НАРОДЫ АМЕРИКИ

E. Colson. *The Makah Indians. A study of an Indian tribe in modern American society*. Manchester, 1953.

Английский этнограф Е. Кольсон прожила год (1941/42) в деревне индейцев племени макахов — Них-Бей (штат Вашингтон, США). Она собрала интересный фактический материал, довольно полно характеризующий современное положение, культуру и быт этого некогда большого индейского племени. Резервация макахов занимает незначительную часть бывшей их территории на п-ове Олимп. В деревне Них-Бей, единственном селении макахов, проживает 357 индейцев этого племени (в два раза меньше, чем в 1861 г.). Макахи рассказывают, что до появления европейцев они могли выставить по 500 воинов от каждого из своих пяти селений.

Работа Кольсон выгодно отличается от большинства американских книг об индейцах, где современные быт и культура, экономическое и политическое положение освещаются тенденциозно или вообще не затрагиваются. В результате такого рода исследований, как справедливо замечает Кольсон, мы знаем больше о том, как жили американские индейцы 100 лет тому назад, чем о современной их жизни» (стр. 1).

В центре внимания автора — вопрос об ассимиляции макахов. Кольсон прослеживает всю политику Управления по делам индейцев, направленную на «уничтожение индейцев как народа, на поглощение их американским обществом», показывая на ярких фактах ее последствия. Рассматривая культуру макахов в целом, Кольсон приходит к выводу, что политика насильственной ассимиляции индейцев, в частности макахов, потерпела крах. Более того, она косвенно способствовала росту национального самосознания индейцев. Кольсон показывает, как растет сплоченность макахов, еще в XIX в. живших в нескольких изолированных друг от друга селениях. Впервые название «макахи» для индейцев мыса Фляттерри появилось в договоре с правительством США в 1855 г.

Много внимания автор уделяет характеристике взаимоотношений между индейцами и «белым» населением в резервации и за ее пределами. «Белых» в Них-Бей Кольсон делит на постоянно живущих — мелких предпринимателей, учителей, чиновников — и на сезонников или транзитных, в массе своей рыбаков, лесных и строительных рабочих. Она отмечает дружеское общение между трудящимися американцами и индейцами, указывая, в частности, на случаи браков не только между индианками и американцами, но и между американками и индейцами. Вместе с тем автор подчеркивает наличие национальной дискриминации в отношении индейцев со стороны предпринимательно-чиновничьей прослойки «белого» населения. Это вызвало у индейцев справедливое чувство антагонизма к таким «белым»; индейцы характеризуют их как «жадных монстров, готовых забрать индейские земли, против них необходима постоянная бдительность» (стр. 122).

Говоря о материальном положении макахов, уровень которого очень низок, Кольсон отмечает, что они представляют собой все же сравнительно более обеспеченную группу из всех индейцев США, и объясняет это тем, что резервация макахов находится в пределах их первоначальной территории и их хозяйство не было разорено насиль-

² См., например, Kh. Daghestani, *Etudes sociologiques sur la famille musulmane en Syrie*, Paris, 1932.

ственным переселением, как это было у многих племен восточной части США и прерий. Промысловое морское рыболовство, как и прежде, является главным занятием макахов. Но оно не обеспечивает им даже прожиточного минимума, так как большинство из них не имеет своих орудий лова. Только у 14 человек есть свои рыболовные лодки, а остальные работают по найму у владельцев лодок.

В резервации макахов имеются богатые лесные массивы. Но Управление по делам индейцев запродавало лес различным компаниям, превратив индейцев из собственников леса в рабочих — лесорубов. Однако очевидно, что и этот источник дохода недостаточен, так как индейцы периодически уходят из резервации на заработки, главным образом, на сезонные сельскохозяйственные работы по сбору хмеля, копке картофеля и пр. Индианки очень часто нанимаются в услужение в семьи зажиточных американцев. Очень мало дает индейцам изготовление моделей тотемных столбов и плетение корзин для туристов.

Кольсон отмечает наличие среди индейцев небольшой прослойки мелкой буржуазии. Это — владельцы маленьких ресторанов, гостиниц, торговцы и прочие, слабые экономически и не выдерживающие конкуренции более сильных «белых» предпринимателей.

В современной культуре макахов, тесно связанных с местным американским населением, сохраняется своеобразие, отличающее их как особую этническую группу. Автор прослеживает, в какой степени традиционная культура макахов сохраняется в их современном быту. Во взаимоотношениях макахов все еще играют большую роль родственные связи и родственная солидарность.

Остановившись подробно на религии макахов, Кольсон показывает, что индейцы только внешне христиане, что у них до сих пор сохранились анимистические воззрения. В деревне представлены две церкви (пресвитерианская и апостольская) и секта трясун, состав приверженцев которых постоянно меняется; многие индейцы вообще не присоединяются ни к одной церкви. Автор отмечает рост атеизма среди молодежи. На целом ряде ярких фактов она показывает, как индейцы, заимствовав внешние формы американской культуры, наполняют их своим содержанием; таковы современная индейская свадьба, празднование дней рождения и т. д. Интересно сообщение о том, что индейцы на первых порах использовали христианское празднование рождества для устройства запрещенных правительством потлачей.

Кольсон — вдумчивая и внимательная исследовательница, с симпатией и без предвзятости относящаяся к изучаемому ею народу. Ее книга, написанная живо и интересно, заслуживает внимания не только по богатству фактического материала, всесторонне рисующего современное состояние одного из индейских племен США, но и по сделанным из этого материала выводам.

Ю. Аверкиева

НАРОДЫ ОКЕАНИИ

A. Riesenfeld. *The Megalithic culture of Melanesia*. Leiden, 1950.

Книга Ризенфельда «Мегалитическая культура Меланезии» представляет большой интерес не только, и, пожалуй, не столько, для археологов, сколько для этнографов, в связи с такими далеко еще не разрешенными проблемами, как заселение Полинезии, меланезийские параллели в Полинезии, и некоторыми частными вопросами, в том числе вопросом о происхождении культуры о-ва Пасхи.

Основное место в книге (свыше 600 стр.) занимает раздел, в котором автор излагает все имеющиеся в литературе сведения о мегалитических постройках в Меланезии.

На мегалиты в Меланезии исследователи, как правило, обращали мало внимания. Автор приводит в пример Паркинсона, справедливо характеризую его как «одного из лучших ранних исследователей Меланезии», который, однако, в своем труде «30 лет в Океании» ни разу не упомянул о мегалитических постройках. Он даже сфотографировал случайно мегалитическое сооружение (кромлех) с сидящим на нем юношей, но в подписи к снимку указал только, что это — «Юноша из Уэа»¹. Автор упоминает в этой связи также Малиновского, с полным основанием обвиняя его и функционалистов вообще в пренебрежительном отношении к изучению материальной культуры, и отмечает, что Малиновский даже и не подозревал о важном значении мегалитических построек на Тробриандских островах и лишь более поздний исследователь, Лео Аустин, обратил на них внимание. Поэтому Ризенфельду пришлось просмотреть весьма значительное число работ (библиография, помещенная в конце книги, содержит 1001 название), и тщательно подобранные им факты придают этому разделу книги серьезную научную ценность.

К сожалению, теоретические предпосылки автора и метод использования собранных им с таким трудом фактов для построения общих выводов оставляют желать лучшего. А это обстоятельство не могло не оказать отрицательного влияния и на подбор фактов, и на метод их изложения.

¹ R. Parkinson, *Dreissig Jahre in der Südsee*, 1907, стр. 208.

Автор исходит из неверного, хотя и прочно укоренившегося в буржуазной науке положения о том, что все мегалиты, где бы они ни были найдены, — это остатки единой культуры, а строители мегалитов — это единый народ, широко расселившийся. Еще в конце XIX в. было установлено, что мегалитические постройки возведены различными племенами, подчас очень удаленными друг от друга. Новейшие открытия окончательно опровергли измышления о едином народе — строителе мегалитов. Как в Европе, так и в других местах, в том числе и в Меланезии, мегалитические постройки могли самостоятельно возникать у разных народов в сходных исторических и географических условиях. Но автор а priori убежден в том, что в Меланезии была единая «мегалитическая культура», которая в прошлом наличествовала на всех архипелагах в одном и том же объеме и виде, а в настоящее время на одних архипелагах сохранилась лучше, на других — хуже. Исходя из этой априорной, абсолютно ничем не обоснованной предпосылки, Ризенфельд избирает следующий принцип изложения собранных им фактов: излагать факты в первую очередь по тому району, о мегалитах которого имеется наиболее полная информация; от этого района переходить к другому, о котором сведения менее полны. В своей рецензии на книгу Ризенфельда Броклаге назвал этот чисто количественный принцип «очень удачным»². Нам же он представляется крайне неудачным. В результате применения его получается такой порядок (или, вернее, беспорядок) изложения фактов по архипелагам: Новые Гебриды, Тикопия и Санта-Круц, Соломоновы острова, архипелаг Бисмарка, мелкие острова близ южной оконечности Новой Гвинеи, прибрежные районы Новой Гвинеи, острова Адмиралтейства, Сант-Матис и мелкие соседние острова, внутренние районы Новой Гвинеи, острова Торресова пролива, Новая Каледония, Фиджи. Это беспорядочное метание из одного угла обширного района Меланезии в другой, противоположный, и наоборот, распределение материала по одному острову (Новой Гвинее) на две разные главы приводит к тому, что факты преподносятся читателю в весьма трудном для правильного восприятия виде. Переменить порядок глав тоже трудно, так как они связаны единой нитью изложения.

Шесть последующих небольших разделов книги отведены частным вопросам, так или иначе связанным с понятием «мегалитической культуры». В разделе «Проблема культа солнца» ставится вопрос о том, была ли генетическая связь между «мегалитической культурой» и культом солнца, как это предполагали Эллиот Смит на материале Европы, Перри — на материале Индонезии и Риверс и Дикон — на материале Полинезии. Вслед за Шпейзером автор считает, что такой связи не было. В разделе «Проблема гончарства» утверждается, что носители «мегалитической культуры» принесли с собой в Меланезию также и гончарство. В разделе «Проблема четырехугольного топора» говорится, что этот топор также был занесен в Меланезию носителями «мегалитической культуры». Любопытен раздел «Отношение между «людьми кавы» и мегалитической культурой». Как известно, Риверс в свое время на основе изучения нескольких явлений культуры искусственно выделил в Меланезии «людей кавы» и «людей бетеля». Теперь Ризенфельд на основе изучения мегалитов искусственно выделил «людей мегалитической культуры». Попытка найти какое-либо соотношение между этими искусственно сконструированными в результате изучения нескольких или даже одного явления культуры «этническими комплексами», как и следовало ожидать, ни к чему автору не привела. Поэтому он приходит к выводу, что каву в Меланезию принесли меланезийцы, которые будто бы пришли сюда позже носителей «мегалитической культуры» и вытеснили их из Меланезии. Предположение о поздней миграции меланезийцев, примерно в X в. н. э., а на Фиджи — лишь в середине XVIII в., совершенно неправдоподобно и может быть объяснено только тем, что автор, ограничив себя изучением мегалитов, закрывает глаза на все остальные данные. В разделе «Были ли носители мегалитической культуры людоедами?» автор дает отрицательный ответ на этот вопрос. Наконец, в разделе «Священные растения» утверждается, что использование этих растений тесно связано с мегалитами, и приводится список важнейших священных растений в Меланезии. На эти шесть разделов, в которых одно искусственно обособленное явление связывается с другими, столь же искусственно обособленными, отведены лишь 44 страницы, но и это, по нашему мнению, слишком много.

Выводы автора, излагаемые им в заключении, сводятся к следующему. Через Меланезию прошли носители «мегалитической культуры». Это были люди монголоидного типа, с прямыми волосами, светлой кожей, мореплаватели по своей натуре. Они принесли в Меланезию высоко развитый тип земледелия с искусственным орошением и осушением почвы, кокосовую пальму, свиней, каменные ступы и песты, гончарство, использование обсидиана, четырехугольные топоры, изображения из камня, наскальные изображения и т. д. Они проникли в Меланезию из Юго-Восточной Азии двумя путями. Начало миграций из Юго-Восточной Азии — VIII в. н. э. Одна волна прошла через южные острова Индонезии на Молуккские острова и оттуда — на Западный берег Новой Гвинеи (эта волна в рецензируемой книге не рассматривается). Другая волна из района Тайвань (Формоза) — Филиппины — Северный Целебес проникла в Микронезию, затем с о-ва Яп — в Меланезию, одна ветвь — на Новую Гвинею, другая — на архипелаг Бисмарка и далее — на Соломоновы острова. Здесь опять разветвление — одна ветвь с Соломоновых островов на Санта-Круц, Тикопию, Новые Гебриды, другая —

² «Anthropos», 1952, стр. 337.

Фиджи и оттуда в Полинезию. Автор, однако, отмечает, что это был не единственный путь, каким носители «мегалитической культуры» проникли в Полинезию. Он весьма подробно указывает на картах маршруты миграций в рамках Меланезии, но эти маршруты в лучшем случае следует считать недоказанными. Это вынужден был отметить даже Вроклаг³, сам весьма склонный делать широкие выводы на основе изучения одних только мегалитов.

Нетрудно догадаться, что под носителями «мегалитической культуры» автор имеет в виду протополинезийцев. Речь идет фактически о заселении Полинезии по южному пути, через Меланезию. Автор здесь вступает в спор, хотя он и не упоминает об этом, с Питером Баком, который считал, что заселение Полинезии шло только по северному пути, через Микронезию.

Положение о южном пути заселения Полинезии является, повидимому, правильным⁴ однако у Ризенфельда оно не получило серьезного обоснования, так как подкреплено ссылками на одно только явление культуры — мегалиты. Надо, во-первых, изучить другие явления материальной культуры, а также общественный строй, идеологию, язык. Этнограф находится в гораздо более выгодном положении, чем археолог, и использовать имеющиеся возможности лишь в той незначительной мере, как это сделал Ризенфельд, привлекая только священные растения и мифы о миграциях, значит допустить серьезную ошибку. Во-вторых, чтобы доказать тезис о южном пути заселения Полинезии, надо выйти за границы Меланезии, широко привлечь полинезийский материал, найти меланезийские параллели в Полинезии и объяснить их. Автор этого не сделал. Между собранными им данными по мегалитам в Меланезии и его выводом о движении протополинезийцев по южному пути, через Меланезию, существует разрыв.

Материал, собранный Ризенфельдом, давал ему возможность выявить некоторые новые меланезийские параллели в Полинезии. Остановимся для примера на одной из этих возможностей, касающейся о-ва Пасхи. Впервые на меланезийские параллели на о-ве Пасхи обратил внимание Бальфур⁵. Позднее Метро подверг критике взгляды Бальфура и пришел к выводу, что «культурные параллели между островом Пасхи и Меланезией являются крайне неясными и неопределенными»⁶. Но в дополнение к тем параллелям, которые были приведены Бальфуром, Ризенфельд мог бы, используя известные ему данные (см. стр. 161 рецензируемой книги), привести следующее. На о-ве Улава (в группе Соломоновых островов) на скале, где построен своеобразный душ для мытья, вырезаны изображения птицы-фрегата и человеческой головы с чем-то вроде изображения шляпы на ней. Местные жители рассказывают: после смерти вождя на его родственников был наложен запрет мытья. Когда срок запрета прошел и они пошли мыться, они вырезали на скале изображения птицы-фрегата и человеческой головы. Обратимся теперь к о-ву. Пасхи. Скалы близ Оронго покрыты изображениями птицы-фрегата и человека-птицы (фигура с человеческим телом, но птичьей головой, изображающая Маке-маке, божество птичьих яиц). Изображения эти наносились во время ежегодных соревнований по отысканию первого птичьего яйца в сезоне. Для этого надо было с о-ва Пасхи переплыть на небольшой соседний островок Моту-нуи, где гнездятся черные морские ласточки. Плыли не те, кто принимал участие в соревновании, а их слуги, хопу. Характерно, что слово «хопу» означает также и «мыться». Птица-фрегат, столь обычная в Меланезии, не гнездится на Моту-нуи и вообще о-ва Пасхи почти не появляется. Тем не менее на скалах Оронго изображена именно птица-фрегат, а не черная морская ласточка. К этому следует добавить, что культ птиц нигде больше в Полинезии не встречается.

Интересно также отметить, что название божества «Маке-маке» имеет любопытную параллель в названии новогвинецких тайных обществ «Менгги», «Мангке», «Маки», «Меги» и т. д. Сопоставление этих двух явлений нельзя считать случайным, так как и то и другое имеет связь с обрядами посвящения.

Бальфур, указав меланезийские параллели в культуре о-ва Пасхи, пришел к выводу, что имела место миграция меланезийцев на этот остров. Такая точка зрения не может быть принята. Эти параллели говорят о том, что первая группа полинезийцев пришла на о-в Пасхи южным путем, через Меланезию, и принесла с собой сильные меланезийские влияния, в том числе и культ птицы-фрегата. Позднее через Микронезию пришла вторая группа полинезийских переселенцев; их смешение с первой группой и дало в результате население и культуру о-ва Пасхи.

Можно было бы указать и другие возможности выявления меланезийских параллелей в Полинезии на основе материала, собранного и систематизированного в книге Ризенфельда. Этот материал, несомненно, заслуживает самого внимательного изучения. При этом надо иметь в виду и такой ценный источник, почему-то не учтенный Ризенфельдом, как J. L. A. y a r d. «Stone men of Malenkula» (1942), где имеется большой раздел о мегалитах на Н. Гебридах.

Н. Бутинов

³ «Anthropos», 1952, стр. 338.

⁴ См. предисловие С. А. Токарева к книге Те Ранги Хироа (Питер Бак) «Мореплаватели солнечного восхода», 1950, стр. 10—15.

⁵ «Folk-Lore», 1917, стр. 356—381.

⁶ A. Mé t r a u x. Ethnology of Easter Island, 1940 стр. 413.

СОДЕРЖАНИЕ

В. К. Соколова (Москва). Первая русская революция в народном песенном творчестве	3
Вопросы этногенеза и исторической этнографии	
А. Бернштам (Ленинград). К вопросу о происхождении киргизского народа	16
Материалы и исследования по этнографии и антропологии СССР	
М. В. Витов (Москва). Гнездовой тип расселения на русском севере и его происхождение	27
А. А. Росляков (Ашхабад). Аламаны	41
Материалы и исследования по этнографии и антропологии зарубежных стран	
В. Штейниц (Берлин). Некоторые вопросы немецкой этнографии	54
С. И. Брук (Москва). Этнический состав стран Передней Азии	66
Л. Файнберг (Москва). К вопросу о родовом строе у эскимосов	82
Из истории этнографии и антропологии	
К. И. Козлова и Н. Н. Чебоксаров (Москва). Этнография в Московском университете	100
Народы мира (Информационные материалы)	
М. К. Кудрявцев (Ленинград). Кашмирцы	112
Хроника	
И. Золотаревская (Москва). Работа Института этнографии АН СССР в 1954 году	126
М. К. Ивасюта (Львов). Украинский государственный музей этнографии и художественного промысла АН УССР в 1953 и 1954 годах	129
Г. А. Тулиев (Баку). Музей истории Азербайджана	131
И. Гурвич (Якутск). Этнографические материалы в Якутском краеведческом музее	133
Г. Стратанович (Москва). Выставка прикладного искусства Китайской Народной Республики	136
Иван Балаша (Будапешт). Десять лет работы Этнографического музея в освобожденной Венгрии	142
Цветана Абаджиева (София). Материалы экспедиции Института и Музея этнографии Болгарской академии наук	147
<u>Марк Константинович Азадовский</u>	149
Критика и библиография	
Общая этнография и антропология	
В. П. Якимов (Ленинград). <i>G. H. R. van Koenigswald. Gigantopithecus blacki van Koenigswald, A giant fossil hominid from the Pleistocene of Southern China</i>	133
Народы СССР	
Б. Н. Путилов (Ленинград). Русское народное поэтическое творчество	155
Л. В. Домановский (Ленинград). <i>А. П. Разумова. Из истории русской фольклористики. П. Н. Рыбников, П. С. Ефименко</i>	158
М. А. Сергеев. (Ленинград). <i>Семен Бытовой. На счастливой реке</i>	160

Я. Смирнова (Москва). <i>Ш. Инал-ипа</i> . Очерки по истории брака и семьи у абхазов; <i>Его же</i> . К вопросу о матриархально-родовом строе в Абхазии . . .	162
Г. Г. Стратанович (Москва). <i>Н. Я. Бичурин</i> . Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, т. III.	166
З. Соколова (Москва). <i>С. А. Сардарян</i> . Палеолит в Армении	169
В. Алексеев (Москва). <i>М. Г. Абдушелишвили</i> . К палеантропологии Самтавр-ского могильника	169

Страны народной демократии

И. Калоева (Москва). Новый этнографический журнал в Народной Респуб- лике Болгарии	172
---	-----

Народы зарубежной Европы

И. Гроздова (Москва). <i>Джейн Уолш</i> . Так не должно быть	177
--	-----

Народы зарубежной Азии

А. Першиц (Москва). <i>Ж. Велерс</i> . Крестьяне Сирии и Ливана	179
---	-----

Народы Америки

Ю. Аверкиева (Москва). <i>E. Colson</i> . The Makah Indians	182
---	-----

Народы Океании

Н. Бутинов (Ленинград). <i>A. Riesenfeld</i> . The Megalithic culture of Melanesia	183
--	-----

**ВОЛОГОДСКАЯ
ОБЛАСТНАЯ
БИБЛИОТЕКА**

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

1. Рукописи должны представляться в редакцию обязательно в двух экземплярах, перепечатанных на машинке через два интервала.

2. Общий объем рукописи не должен превышать 30 стр. машинописного текста.

3. В ссылках должны быть указаны фамилия и инициалы автора, полное название работы, место и год издания; если работа опубликована в сборнике или периодическом издании, должны быть указаны его полное наименование и выходные данные.

4. Иллюстрации представляются в пригодном для воспроизведения виде; на обороте рисунка должно быть указано название статьи, номер рисунка, текст подписи к рисунку.

5. Рукописи, не удовлетворяющие указанным требованиям, к публикации приниматься не будут.

6. Рукописи, не принятые к опубликованию, авторам не возвращаются.

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ

<i>Страница</i>	<i>Строка</i>	<i>Напечатано</i>	<i>Следует читать</i>
3	17-я сверху	работы	работы
108	1-я снизу	М. Г. Лозин.	М. Г. Левин.
141	13-я сверху	вышивке,	выставке
176	29—30-я сверху	творчества, включившегося	творчества поэта, включившегося
186	19-я снизу	Г. А. Тулиев	Г. А. Гулиев